

Ю.В. Холопов

*ЗЕМНЫЕ И ДУХОВНЫЕ
ПУТИ КАПИТАНА
ЯНОВСКОГО*

Историческое документальное
повествование

КАЛУГА
2016

ББК 26.8(2Рос—4Калуж)
Х 73

Книга издана при финансовой поддержке Международного грантового конкурса «Православная инициатива 2015—2016», проект «Калужане — достойные сыны Отечества: Земные и духовные пути капитана Яновского» (договор о предоставлении гранта № 40-1500892)

Р е ц е н з е н т ы :

Н. А. Щербакова, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Калужского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»;

М. А. Улыбышева, член Союза писателей России.

*По благословению
митрополита Калужского и Боровского Климента*

Допущено Отделом религиозного образования и катехизации
Русской Православной Церкви с номером ОРОиК РПЦ 14-011-025

Допущено к распространению
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р14-416-1489

Холопов Ю.В.

Х 73 **Земные и духовные пути капитана Яновского:** историческое документальное повествование. — Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2016. — 360 с., ил.

В книге рассказывается об удивительной судьбе и духовной жизни известного российского мореплавателя XIX века, бывшего директора Калужских училищ С.И. Яновского (1789—1876), ставшего на склоне лет схимонахом калужского монастыря Тихонова пустынь.

Война России с Наполеоном, первые российские кругосветные плавания в начале XIX века, освоение русскими берегов Аляски, великие реформы Александра II — в этих исторических событиях герой книги являлся активным участником, оставившим потомкам личные воспоминания.

Особая канва сюжета книги — духовная жизнь С.И. Яновского, его искреннее почитание Русской Православной Церкви и конкретно — старцев калужского монастыря Оптина пустынь, с которыми он был связан близкими отношениями.

Книга предназначена для учителей истории, преподавателей основ православной культуры, классных руководителей и всех, кто увлекается отечественной историей, краеведением и историей Русской Православной Церкви.

ББК 26.8(2Рос—4Калуж)

ISBN 978-5905374-30-2

© Ю.В. Холопов, 2016

© Министерство образования и науки Калужской области, 2016

© ГАОУ ДПО «Калужский государственный институт развития образования», 2016

Предисловие

Вдали от трудных морских путей и широких океанских просторов расположилась Калужская земля. Но неисповедимым Промыслом Божиим дала она России многих известных мореплавателей и первооткрывателей, людей непреклонного духа — Семёна Челюскина, Василия и Татьяну Прончищевых, Ивана Кошелева, целую плеяду военных моряков из калужских дворян Унковских и Сенявиных. К этой славной когорте можно также отнести героя настоящего исторического повествования Семёна Ивановича Яновского, уроженца Черниговщины, но большую часть своей жизни отдавшего Калужской земле.

Главное путешествие, в которое отправляется человек, — это его жизнь. Это то странствие, за время которого он в первую очередь должен найти самого себя, своё место в этом мире и, пересекая на этом пути духовные «меридианы» и «параллели», встретиться с Богом. Для героя повествования его наполненная событиями судьба и складывалась из таких встреч.

Господь открывается нам постепенно из того, что может особенно коснуться нашего сердца. У Семёна Ивановича Яновского были и тихие созерцательные вечера в открытом море, и чрезвычайные ситуации, помогающие осознать свою немощь для призвания помощи свыше, и встречи со святыми людьми, питающими плодами духовной мудрости, и интриги бездушных чиновников, в очередной раз напоминающих о суетности славы человеческой и почестях её.

Будучи внимательным и открытым ко всем событиям Промысла Божия, он складывал эти драгоценные

открытия в своём сердце. И на закате своей жизни обменял все эти драгоценности на единственную жемчужину — Христа. Приняв монашеский постриг, как бы подведя итог всей своей жизни, весь свой огромный опыт, мудрость, мужество, любовь к близким и Родине посвятив Богу.

Отправляясь вслед за молодым морским офицером Семёном Яновским в его путешествие по морям и по жизни, за всеми увлекательными и драматическими событиями его судьбы, мы видим то главное, что происходило с главным героем книги на его жизненном пути, — познание Бога.

Призываю благословение Божие на всех читателей, особенно на те юные души, которые только отправляются в своё житейское плавание, пусть такие наши земляки, как Семён Иванович Яновский, станут верными штурманами на их добром пути.

*Протоиерей, настоятель храма Покрова
Пресвятой Богородицы г. Калуги о. Андрей Богомолов*

От автора

Грандиозные планы Петра I по преобразованию России касались не только Балтийского, Чёрного и Каспийского морей. Посланная императором экспедиция командора Витуса Беринга должна была искать новые пути в Японию и Америку, исследовать акваторию Восточного (Тихого) океана.

Знаменитая Вторая Камчатская экспедиция Чирикова и Беринга в 1732 году положила начало открытию, а затем колонизации русскими Северо-Западной Америки. По сути, это было дальнейшее продвижения на восток русских землепроходцев и мореходов после освоения ими огромных пространств Сибири. Быстро распространившиеся слухи о сказочных богатствах только что открытых восточных островов, находящихся за Курилами, вдохновляли и богатых купцов, и простых искателей приключений.

Разразилась настоящая «пушная лихорадка». Ценные шкуры морского котика и особенно калана (морской выдры), в изобилии водившегося на Алеутских и других островах, сулили огромные барыши. По следам российских экспедиций двинулись «встречь солнца» за ценной «мягкой рухлядью» лихие ватаги русских людей. Предприимчивые купцы и промышленники создавали в Охотске, Большерецке и Нижнекамчатске «разовые» компании на один вояж к новым землям. Но лихорадочная погоня за большим богатством была очень рискованным делом: наскоро сделанные боты и барки часто гибли вместе с командами в бурных водах. Но тот, кто возвращался домой с добычей, мог начать жизнь на широкую ногу.

За несколько десятилетий второй половины XVIII века россиянами были открыты Алеутские острова, полуостров Аляска, остров Кадьяк, острова Прибылова и другие близлежащие к побережью Северной Америки земли. Однако принципиально новый подход к освоению открываемых земель положил энергичный и удачливый купец из города Рыльска (позже вошедшего в Курскую губернию) Григорий Шелихов. Именно он первым обратился к влиятельным сановникам Екатерины II с предложением прочно водвориться на аме-

риканских землях, создать там постоянные поселения. Он же явился автором идеи христианизации аборигенов новых земель, дабы сделать их полнокровными подданными российской короны. Благо, миролюбивые жители Алеутских островов охотно принимали крещение от русских православных промышленников.

Поездки Шелихова в Петербург увенчались успехом. В 1784 году он возглавил крупную промысловую купеческую компанию и основал на большом американском острове Кадьяк первое русское поселение, дав начало планомерному освоению новых территорий.

В 1799 году путём слияния нескольких промысловых компаний была учреждена и окончательно оформлена единая Российско-Американская компания, которая получила от Павла I монополию на торгово-промысловую деятельность в Северо-Западной Америке и на управление американскими землями — колониями Российской империи. С этого же года в руководстве Российско-Американской компании стали появляться, помимо купцов, и другие выдающиеся люди — известные мореплаватели, учёные, общественные деятели. Акционерами компании с 1801 года стали Александр I, великие князья и крупные государственные деятели.

С начала XIX века Российско-Американская компания стала организовывать кругосветные экспедиции на военных судах под командованием морских офицеров. Это должно было обеспечить политическую и экономическую поддержку владений России на территории Нового Света. Первое российское кругосветное плавание было совершено в 1803—1806 годах на шлюпах «Надежда» и «Нева» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского. Организаторы его ставили перед собой сразу несколько целей: расширить на Востоке дипломатические связи (в частности, с Японией), укрепить экономическое и политическое влияние России на новых землях, решить ряд сугубо научных (географических и гидрографических) задач, собрать как можно больше информации о новых колониях и жителях тех мест.

Григорию Шелихову, неоднократно бывавшему на американских островах, удалось заразить идеей колонизации американских земель своего зятя, дипломата, камергера двора Александра I Николая Резанова, который позже царём был назначен начальником всей экспедиции Первого кругосветного плавания. Как известно, Резанов имел поручение от царя завязать дипломатические отношения с Японией. И не его вина, что этого сделать тогда не удалось.

Результаты Первого кругосветного плавания нашли широкое отражение в научной и популярной литературе. Главным героем её считается капитан Крузенштерн, сделавший немало для развития науки и российского мореплавания. Имя камергера и дипломата Резанова известно меньше, хотя он тоже являлся одним из главных организаторов и вдохновителей Первого российского кругосветного плавания. Возможно, восточная политика Александра I, несмотря на гибель при возвращении из Америки в Петербург Резанова, нашла бы своё продолжение в новой дипломатической инициативе России, но Западная Европа в начале XIX века надолго приковала к себе внимание царя и российских политиков. Кругосветные морские путешествия России, всегда сопровождавшиеся приходом экспедиций в Русскую Америку, возобновились только после победы над Наполеоном.

Эпоха освоения российской короной американских земель в XVIII—XIX веках хорошо изучена авторитетными историками, как российскими, так и зарубежными. О том славном времени написано немало научных трудов, романов и повестей. Многие считают, что архивы Русской Америки, много раз «перерытые» исследователями, вряд ли могут дать что-либо новое о том драматическом и суровом времени, о её главных героях. Но это не так. Есть ещё провинциальные архивы, которые таят в себе немало секретов. Для местных краеведов они, как правило, неиссякаемый источник всевозможных открытий регионального значения и диспутов на конференциях. Однако в той же провинции под спудом долгие годы ждут своего часа материалы, способные внести существенные дополнения в исторические события общероссийского масштаба. И здесь не будет никакого преувеличения, если мы, опираясь на материалы Калужского областного государственного архива, поведём речь о жизни человека, имя которого по праву должно встать в один ряд с именами выдающихся мореплавателей и землепроходцев XIX века, а также с именами тех, чьими заботами процветала и укреплялась Русская Америка, — именами славных правителей русских колоний на американской земле.

Звали этого человека Семён Иванович Яновский. В 1808 году он успешно закончил Морской кадетский корпус, стал морским офицером и был направлен служить на Балтийский флот. О том, как затем попал блестящий морской офицер в тихую купеческую Калугу и стал провинциалом, выпавшим из череды громких исторических событий, речь пойдёт позже, а пока немного информации

о сухопутной Калужской губернии, которая дала российскому флоту немало выдающихся мореплавателей и славных адмиралов. Традиции здесь весьма основательные. Историкам хорошо известны российские мореплаватели XVIII века, родившиеся на Калужской земле, Семён Челюскин, Василий Прончищев, Иван Кошелев. Имена их давно на географических картах.

В один ряд с ними можно поставить представителей более поздней, но не менее славной плеяды российских мореплавателей-калужан: знаменитого флотоводца Дмитрия Николаевича Сенявина, участника Второго кругосветного путешествия Семёна Яковлевича Унковского, его сына Ивана Семёновича Унковского, капитана знаменитого фрегата «Паллада», Семёна Ивановича Яновского...

Имя Яновского, участника одного из первых морских кругосветных путешествий, а затем главного правителя Русской Америки, не могло исчезнуть полностью из анналов родной истории, но, увы, оно долго оставалось в тени. Ему, настоящему патриоту, бесстрашному мореплавателю и выдающемуся администратору, историки да и земляки пока не воздали должного. Между тем масштаб его личности, драматизм и необычность судьбы могли бы составить сюжет исторического романа. Архивные документы, касающиеся жизни нашего героя (как опубликованные ранее, так и впервые представленные настоящим изданием), создают яркую картину исторических событий России XIX века, её государственного развития, состояния интеллектуальной и духовной жизни народа, которые во многом предопределили историю нашего Отечества в следующем столетии. Скажем больше: последствия важнейших исторических событий, прошедших через судьбу нашего героя — Семёна Ивановича Яновского, — видны и ощутимы нами до сего дня.

Часть первая

**Вокруг света
ног нарисом**

Глава 1 НА СЛУЖБЕ У РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ

Начало XIX века — время горьких поражений и славных побед Российской империи. События нового века, начавшиеся с кровопролитных сражений на полях Европы, вознёсших на небывалую высоту звезду военных удач Наполеона, принесли России сначала горечь военных поражений, унижительный Тильзитский мир, но потом обернулись триумфом русской армии в Париже 1814 года.

Наполеон, потерявший на полях России Великую армию, потерпел в Европе окончательное поражение как на суше, так и на море. Английский вице-адмирал Горацио Нельсон ещё в 1805 году в Трафальгарском сражении разгромил огромную франко-испанскую эскадру, но это не значило, что весь флот Наполеона был уничтожен. Властитель Франции и почти всей Западной Европы хорошо понимал значение флота в жизни государства и решил разорить своих врагов с помощью экономической блокады, стремясь перекрыть Англии торговые пути.

А вот император Александр I не баловал свой флот вниманием, хотя победы адмиралов Ушакова и Сенявина (они же руководили десантом) над турками и французами в акватории Средиземного моря имели большое стратегическое и политическое значение. Придя к власти, Александр I поручил ведение морских дел французскому эмигранту на русской службе — маркизу де Траверсе, человеку послушному, но весьма посредственному. Морские экипажи роптали, просолённые морскими ветрами российские капитаны и адмиралы, свидетели славных побед Ушакова и Сенявина, не уставали докладывать молодому царю о недопустимости пренебрежительного отношения к флоту. Но только война с Наполеоном в 1812 году заставила Александра I несколько изменить свой взгляд на флот.

В славных победах русского оружия на суше есть заслуга не только сухопутных войск, но и военных моряков России. Известно, что морские экипажи принимали участие в Бородинском

сражении. Значительную стратегическую задачу русским морякам пришлось выполнять во время освобождения Западной Европы от войск Наполеона. Военный флот России совместно с английским не только перевозил по морю десант (пехоту, кавалерию, артиллерию) в тыл противника, но также блокировал гарнизоны портовых городов и морских крепостей врага, и даже принимал участие в штурмах. Наконец союзные войска вступили в Париж, и война закончилась.

Семён Иванович
Яновский,
в монашестве
схимонах Сергей

Наступили мирные дни. Учёные, политики и влиятельные сановники императорского двора снова заговорили о новых восточных землях России, где давно обосновалась Российско-Американская компания, ворочавшая миллионами. Зашла речь о возобновлении кругосветных плаваний, которые были призваны экономически и политически поддерживать Русскую Америку.

Потребовались опытные морские офицеры, способные возглавить команды для новых кругосветных путешествий. И они, конечно, нашлись. Среди тех, кто был рекомендован для столь ответственного дела Александру I, оказался вчерашний участник войны с Наполеоном, лейтенант императорского флота Семён Яновский.

Яновский родился 15 апреля (по старому стилю) 1789 года в малороссийском городе Глухове Черниговской губернии, в семье отставного армейского капитана Ивана Николаевича Яновского, который, выйдя в отставку, стал служить чиновником по выборам дворянства (подсудком) в земском уездном суде. Род обедневших малороссийских дворян Яновских столь древен, сколь и многочислен. Фамилию Яновских можно встретить на страницах истории борьбы малороссийской православной шляхты с католической Польшей, на страницах славных дел времён Петра Великого, среди славных имён тех, кто создавал с царём Российский флот, служил в армии, осваивал бескрайние просторы Сибири. Позже российские дворяне Яновские дали немало известных деятелей науки, культуры, искусства, Православной Церкви...

Медаль
«За взятие Парижа»

Среди членов этой фамилии весьма достойное место занимает и морской офицер Семён Иванович Яновский.

Как свидетельствует «Формулярный список о службе и достоинстве Семёна Яновского»¹ от 1835 года, хранящийся в Калужском архиве, в 1804 году он поступил в Морской кадетский корпус. Учился успешно: в мае 1805 года произведён в гардемарины, в марте 1807 года — в унтер-офицеры, в январе 1808 года получил звание мичмана (первое офицерское звание на флоте в то время) и в том же году закончил Морской кадетский корпус. Первые его морские походы принадлежат Балтике.

Грозный для России 1812 год Семён Яновский встретил уже в звании лейтенанта российского флота. Как свидетельствуют архивные документы, молодой офицер-балтиец состоял в экипажах, принимавших участие в освобождении от французских войск Голландии²:

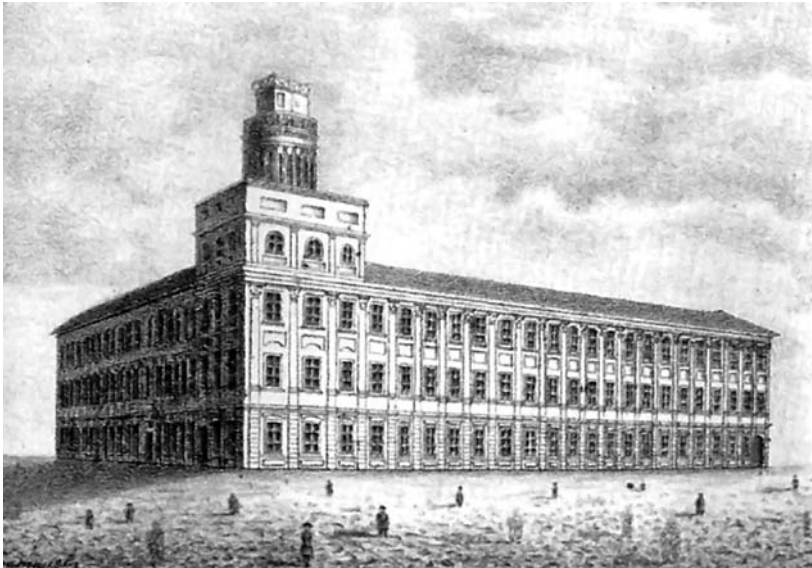
«...Был в Балтийском, Немецком морях и Атлантическом... В сражениях находился: 1814 году с января по 10 апреля в Голландии, в десанте при осаде крепости Бау».

За проявленное в боях мужество, наряду с другими российскими моряками, Яновский был награждён медалью «За взятие Парижа».

Одержав победу, русская армия со славой вернулась из Европы домой. Но российская казна была пуста, курс рубля падал. Укреплению торгового флота России передовые и наиболее дальновидные государственные деятели, пользовавшиеся доверием Александра I, стали уделять особое внимание. Планировалось активизировать деятельность той же Российско-Американской компании, занимавшейся выгодной торговлей мехами морского зверя с Китаем, Англией, Соединёнными Американскими Штатами, испанскими колониями и другими странами. Тем более, что основными пайщиками Российско-Американской компании были сам царь и члены его семьи. Кругосветные путешествия под российским флагом оплачивались компанией, интересы этой торговой организации защищал военно-морской флот России, а сама она имела право нанимать себе на службу лучших военных морских офицеров. Чем она и воспользовалась практически сразу после изгнания армии Наполеона из России. Благо, опытные капитаны у России имелись, и маршруты кругосветных экспедиций были им известны.

¹ГАКО, ф. 165, оп. 1, д. 1, л. 1.

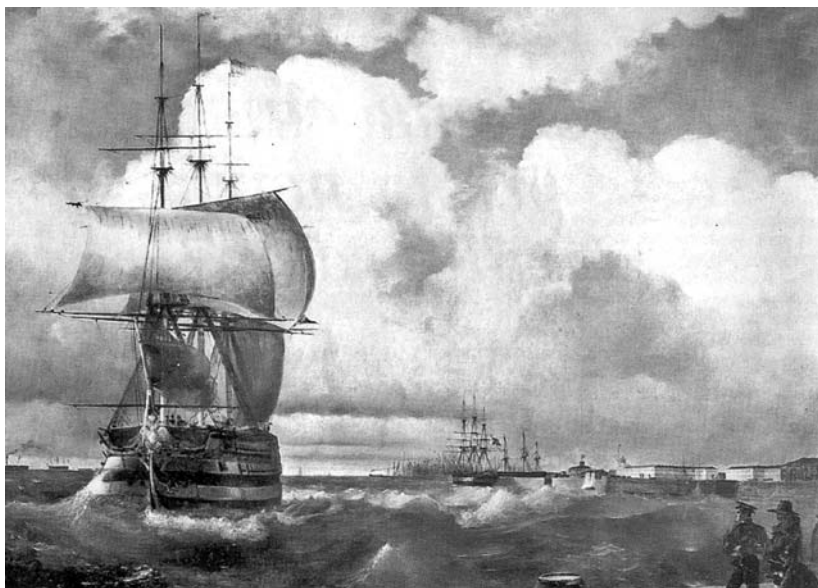
²Там же, л. 1—2.

*Морской
кадетский корпус
в Кронштадте.
Конец XVIII в.*

Стоит напомнить, что сразу после возвращения Ивана Крузенштерна из Первого кругосветного плавания тот же шлюп «Нева», в 1806 году пройдя ремонт, отправился под командой капитан-лейтенанта Леонтия Гагемейстера в ту же Русскую Америку. Но на этот раз путь был другим — российские моряки обогнули Африку (мыс Доброй Надежды) и через воды Индийского океана, впервые посетив Австралию, прибыли на о. Ситха, где уже строилась столица русских колоний — Новоархангельск.

Русская армия ещё участвовала в заграничных походах, а уже 9 октября 1813 года из Кронштадта на Дальний Восток, к поселениям Русской Америки, вышел с грузами корабль «Суворов» под командованием лейтенанта Михаила Лазарева. Он повторил путь капитана Гагемейстера: следовал курсом вокруг мыса Доброй Надежды, южнее Тасмании с заходом в Сидней (Австралия). Открыв попутно группу коралловых островов, Лазарев, завершая Третью российскую «кругосветку», 18 ноября 1814 года привёл «Суворов» в Новоархангельск — столицу русских колоний в Америке. В обратный путь корабль отправился 23 июля 1815 года. Возвращался он на родину иной дорогой: вдоль западного побережья Америки, заходя в Лиму (Перу), обогнув мыс Горн, пересекая затем Атлантический океан. В Кронштадт «Суворов» вернулся 15 июля 1816 года.

*И. К. Айвазовский.
Большой рейд
в Кронштадте*

Необходимо добавить, что надёжных парусников, способных выдержать столь длительное плавание по морям и океанам, в России тогда строить ещё не умели, надёжные суда для кругосветных путешествий покупались, как правило, в Англии, где искусство кораблестроения было вне конкуренции.

Команда Лазарева сошла на родной берег и отправилась на отдых, но кораблю предстояли ремонтные работы и новый долгий путь: 7 сентября 1816 года парусники Четвёртой российской кругосветной экспедиции отправились из Кронштадта в новое кругосветное плавание. Всеё флотской командой и флагманом «Кутузов» командовал капитан первого ранга Леонтий Гагемейстер. Вторым кораблём экспедиции (им стал всё тот же «Суворов») командовал капитан второго ранга Захар Панафидин.

Старшим офицером на «Суворов» был назначен лейтенант Семён Яновский, которому в то время шёл двадцать восьмой год. Кругосветное плавание было для молодого мореплавателя нелёгким, но желанным испытанием.

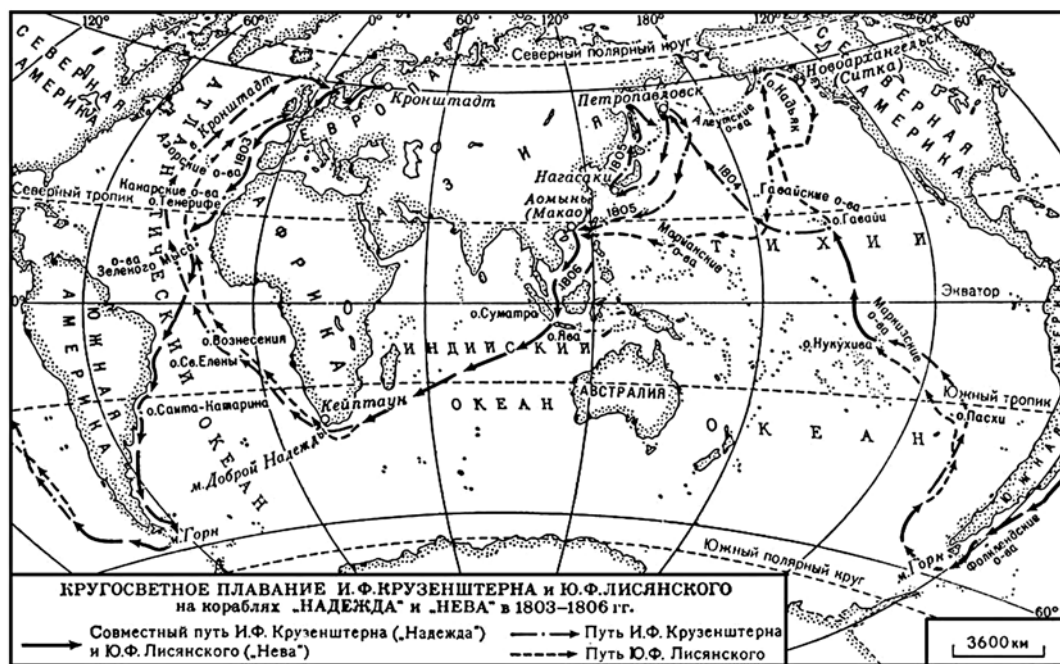
Много лет спустя выяснилось, что Яновский не только добросовестно исполнял свои обязанности на палубе, командуя матросами парусника. Сменившись на вахте, старший офицер спешил в каюту, где в течение всего плавания вёл дневник. Эти записки впервые были

опубликованы в Калуге в 1898 году¹, когда уже самого автора давно не было в живых. Вероятно, дневники Семёна Ивановича передал архивной комиссии его сын Николай, ставший к тому времени предводителем дворянства Калужской губернии. Живо написанные строки не только рассказывают о трудных буднях мореплавателей, представляют картины жизненного уклада и природы далёких от России стран, но и позволяют представить образ самого автора — человека честного, наблюдательного, инициативного, настоящего моряка, патриота своей Родины. Именно на таких людей и рассчитывала Россия в освоении новых территорий, в борьбе с конкурентами на международных рынках и при защите своих границ.

Часть первая
ВОКРУГ СВЕТА
ПОД ПАРУСОМ

Существенный недостаток записей лейтенанта Яновского состоит в том, что они не имеют ни начала, ни конца. Первые и последние страницы дневника бесследно исчезли. Сохранившиеся записи Яновского начинаются только с начала ноября 1816 года, когда европейские страны остались уже за кормой российских кораблей.

¹ Известия Калужской учёной архивной комиссии. — 1898. — Выпуск 11—12.

Глава 2 ОТ КРОНШТАДТА ДО РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО

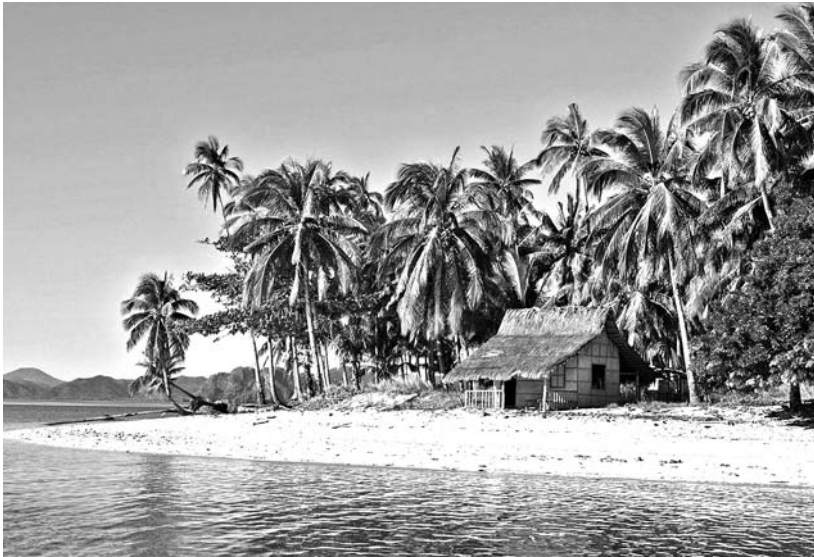
Опубликованные в Калуге записки Яновского о кругосветном плавании насчитывают около 80 страниц, но это уникальный документ¹. Спустя ровно два месяца со дня отплытия из Кронштадта парусники «Кутузов» и «Суворов» подошли к острову Май, что расположен у самого западного края тропической Африки (Зелёный Мыс). Морской офицер, ещё недавно участвовавший в военных операциях, не смог сдержать иронии в отношении колониальных войск Португалии, державшей в страхе и повиновении местных туземцев.

«...Здесьний гарнизон есть посмешище. Вы увидите солдата в кивере с ружьём, босиком, коротком исподнем платье, сверху которого надето что-то вроде мундира, часто с продранными коленками и штаниною на одной ноге... Увидите гусара, так же смешно одетого, иногда босиком, но с прицепленными шпорами...».

«8 ноября (1816 г.) ...Ночью было тихо, я стоял на вахте. Какая прелестная тропическая ночь! Чистая, прозрачная, голубая лазурь свода усеяна ярко блистающими звёздами; тихий, чуть дышащий ветерок с берега доносил ароматы и освежал после жаркого дня... Океан дремал... Команда наша встала, и мы принялись усердно за работу, всё закипело: там тянули ванты, поправляли такелаж (оснастку корабля. — Ю.Х.), на баркас нагрузили бочки и послали за водой. Так как у нас было всего два морских офицера, то баркас посылался с унтер-офицером. Матросы с большой опасностью налили воду и поставили на баркас, а сами разошлись по кабакам пить рики (вроде молодого рома — превредный спирт, он здесь дешёв), перепились и приехали на корабль все пьяные, произвели ужасный шум и наговорили грубостей. Трех посадили на бак, прочие шумели, но кое-как подняли с баркаса воду... Я сказал обо всём капитану и просил его наказать примерно, но он только двух высек и то легко.

9 ноября ...Посылали опять баркас за водою, но опять приехало много пьяных. После обеда опять посылали за водою. На этот раз были наняты негры, которые налили воду, прикатили к берегу и по воде, через буруны, переправили к баркасу, там их подняли и привезли на корабль. И так мы налили совершенно водою.

¹Яновский, С.И. Записки Семёна Ивановича Яновского / С.И. Яновский // Известия Калужской учёной архивной комиссии. — Выпуск 11–12 / под редакцией И. Д. Четыркина, В. М. Кашкарова. — Калуга, 1898. — С. 34–112..

*«Примечательнее
всех были высокие
пальмы и кокосовые
деревья...»*

(Надо сказать, что жители острова завели своеобразный промысел: приезжающих с корабля на берег матросов по обыкновению накачивали тростниковым спиртом и ставили тем самым капитана перед необходимостью нанимать рабочую силу из местных. Такое, впрочем, случалось не только с командами российских кораблей. — Ю. Х.)

10 ноября. Сегодня оба капитана, я, доктор и комиссионер (речь идёт о комиссионере компании Кирилле Тимофеевиче Хлебникове. — Ю. Х.) съехали на берег с намерением поехать внутрь острова. Мы желали осмотреть большую плантацию С. Мартен. У меня и доктора лошади были не лучше ослов, сбруя прескверная. У прочих были ослы. В час пополудни открылась обширная долина между гор, на которой находилась плантация, простирающаяся в долину версты на три... Примечательнее всех были высокие пальмы и кокосовые деревья, но более всего было засажено деревьями хлопчатой бумаги (посевы хлопка. — Ю. Х.). Селение состояло из трёх домиков, сделанных из тростника, обмазанного глиною, крыша покрыта пальмовыми листьями и камышом. Нас встретил ласково мулат, отвёл нам покой, и мы заказали обед, который тотчас же стали готовить. В другой комнате сидели две прекрасные молодые девушки. Действительно, есть негритянки прекрасные. Какой прямой, тонкий и гибкий стан, черты лица правильные, даже

губы не толсты, длинные ресницы и глаза пламенные, чёрные...
Ножки маленькие, а что за зубы! Белее снега, лучше перла.

Эти негритянские девушки курили трубки. Я подошёл к ним и попотчевал табаком из табакерки с портретом Государя. Они с большим наслаждением долго любовались портретом, и одна из них подала мне свою трубку в знак особого уважения. Я взял из вежливости, но не мог курить — табак был крепок. После сего мы пошли осматривать плантацию. Когда мы возвратились, то было уже 3 часа, и обед нам был готов. Накрыли чистую ска-терть, и английские ножи, и вилки, и ложки серебряные, хороший фаянс и стекло.

После обеда нарвали нам кокосов, и мы пили их молоко (т.е. жижицу, или сок, который находился внутри ядра кокосового) — это приятное прохладительное и здоровое питьё. Мы любовались и с удивлением смотрели, как негры лазят по стволу на гладкое высокое кокосовое дерево, чтобы сорвать орехи, которые растут на самой вершине.

Заплатив пять пиастров за обед, хотя с нас ничего не хотели взять, потому что плантация принадлежит г. капитану над портом, мы в 4 часа отправились в обратный путь.

11 ноября. Мы запаслись в изобилии свежей провизией, так как здесь она очень дешева. Множество баранов, достаточно свиней, достаточное количество индюшек, кур, уток, разумеется, живых, — наполнили наш ковчег; кокосов, апельсинов, лимонов, бананов и других фруктов накупили очень много, и всё дёшево (я говорю, дёшево сравнительно с Европой, особенно в Англии очень дорогая провизия). Вот благословенная страна: превосходный здоровый климат, здесь даже излечиваются от чахотки, чистый, прекрасный, благорастворённый воздух... Конечно, завидовать не должно, но мы жалели, что судьба вместо наших колоний в Америке не дала нам острова Зелёного Мыса. И сами нравы здешнего населения просты и не так развращены.

13 ноября. Плавание от Порто-Прая до Рио-Жанейро. В 7 часов утра по сигналу снялись с якоря и наполнили паруса при тихом попутном ветре. Мы шли все пассатным ветром, который в Северном полушарии, как известно, всегда дует от северо-востока, переходя иногда к востоку. Ветер свежий, брамсельный, иногда довольно крепкий, так что ходу бывает до 8 узлов и более. Множество чаек, особенно глупышей, вились около корабля. Последние часто садились на мачты, на реи, и их легко было поймать (оттого

они назывались глупышами). Летучие рыбы стадами поднимались из воды и, недалеко пролетая, опять падали, а некоторые упали на корабль; дельфины сновали около корабля и даже под самым его носом в пене рассекаемой воды...

21–22 ноября. Прилетел к нам ястреб, и мы имели через него переписку с кораблём «Кутузов». Наблюдали лунное затмение...

25 ноября. Переход через экватор. С утра мы, как и все мореплаватели, готовились к празднику в честь Нептуна. Капитан Гагемейстер несколько раз прежде переходил экватор. Нептуну сделали огромный парик и огромную седую бороду, в руки дали трезубец, его свиту раздели донага, только холщовые пояса прикрывали их. Представляющий Тритона держал кусок железного обруча вместо бритвы, на шканцах была поставлена ванна с водою... Нептун сказал: «Я хочу всех пересмотреть». И требовал по списку первого капитана, который откупился ромом, чтобы его не купали и не брили, а только окатили водою, офицеров всех также окатили, а прочих всех купали в ванне, не раздевая... С корабля «Кутузов» телеграфом дали знать, что пьют за здоровье директоров Русской Американской Компании (Российско-Американской компании. — Ю. Х.). На «Кутузове» и у нас выпалили из семи пушек и прокричали три раза «ура». Потом мы сделали сигнал, что пьём за здоровье Л. А. Гагемейстера и офицеров корабля «Кутузов», и палили из семи пушек. Они отвечали, что пьют за здоровье нашего капитана и офицеров, и с «Кутузова» салютовали семью пушками. Всё сопровождалось криками «ура»!

30 ноября. Ветер крепчал от востока, корабль летел по 9 узлов. Каждый день мы брали всевозможные наблюдения для определения широты и долготы места, для склонения компаса, при восхождении солнца брали амплитуду, за три часа до полудня, — высоту солнца для определения времени и азимутов, в полдень меридиальную высоту солнца. По ней вычисляли широту места, после полудня или как

Л. А. Гагемейстер
(1780–1834)

случится, лунные расстояния и высоты обеих светил, по которому вычисляли долготу места... Как этот вояж полезен для молодых морских офицеров, да и вообще для всех, всему есть случай научиться. Что наше плавание на месяц, на два по Балтийскому морю! Это совсем не то.

4 декабря. С корабля «Кутузов» телеграфом в полдень потребовали доктора (у них заболел свой доктор). Тотчас спустили шлюпку и отправили, через час шлюпка возвратилась, наш доктор остался у них. Тоже телеграфом велено, пришедши в широту 20 градусов 21 минуту, идти на запад по параллели, для отыскания острова Ascension (Вознесения), виданного каким-то португальцем и назначенного на карте. Достигнув назначенной широты, мы легли на S.W. «Кутузов» от нас на горизонте к югу и тоже держал на запад, так что искомый остров должен был быть между нами и не мог ускользнуть от наших поисков, но мы ничего не видали и заключили, что он не существует.

С 6 по 7 декабря. С полуночи ветер сделался крепкий, рифмарсельный, со шквалами и дождём. Мы лежали левым галсом и далеко от «Кутузова». В это время нас нашёл английский небольшой фрегат и над ветром лёг прямо с нами, выстрелив пушку. Мы, считая его за пирата, тоже готовы были сражаться и подняли свой флаг, тогда он поднял английский и подошёл ближе на пушечный выстрел, оба готовые драться. Тогда он в рупор опросил нас, а мы его, и как оказалось, что оба были дружественных держав, то разошлись мирно.

9 декабря. В половине четвёртого часа пополудни увидели на западе берега Америки, это был мыс Фрио. Мы были рады, но как сравнить нашу холодную обыкновенную радость с тою восторженною радостью, когда знаменитый Колумб в первый раз увидел берега Америки! При этом нельзя не пожалеть, что Новый Свет не назван именем этого великого мореплавателя. Как жаль, что до сих пор все нации не согласятся переменить название Америки на имя Колумба и тем справедливо заплатить дань признательности этому великому и достойному человеку. Мы воздвигаем памятники и довольно обыкновенным людям...

11 декабря. На рассвете были против входа в Рио-Жанейро. При тихом юго-восточном ветре мы продвигались ко входу. Приказано нам быть передовым кораблём... В три часа пополудни, проходя крепость, мы с корабля «Кутузов» салютовали семью выстрелами, но крепость не отвечала. Войдя в залив Рио-Жанейро,

против самого старого города С. Себастиана, в 4 часа пополудни легли на якорь в полумиле или ещё ближе от берега.

Город Рио-Жанейро, столица Бразилии, амфитеатром был раскинут перед нами. Везде была видна роскошная зелень, сады, плантации окружили город. Обширный залив, простирающийся на 30 вёрст, со всех сторон окружён высокими горами.

Лишь только стали на якорь и спустили наши шлюпки, капитан отправился с рапортом на «Кутузов» и скоро возвратился. В это время приехала португальская шлюпка с чиновником и таможенными. Спросили: какой корабль, откуда, зачем, с чем и проч., записали, уехали, оставив двух таможенников, которых на другой день, однако ж, сняли. В 5 часов капитан уехал на «Кутузов», чтобы вместе с Гагемейстером ехать к нашему посланнику... В 10 часов вечера капитан возвратился, и мы узнали, что посланник их не принял.

12 декабря. Пребывание в Рио-Жанейро. Офицеры приглашены были на «Кутузов» обедать по случаю рождения Государя Императора. Я оставался на вахте. В половине 3 часа сделан сигнал:

*Рио-де-Жанейро
в начале XIX века.
Рисунок Йоганна
Морица Ругендаса*

с приготовленных флагов палить 21 пушку, салютовано с обоих кораблей по 21 выстрелу, когда пили за здоровье Государя...

В 5 часов небо обложилось грозными тучами, барометр упал, почему мы приготовились к буре... В 7 часов вечера пошёл сильный шквал с дождём. Нас продрейфовало сажень на 10. Беспрестанно сверкала молния, и весьма сильные, почти непрерывные удары грома раскатывались и отражались в горах. Какая страшная и величественная картина! Я не видал такой сильной грозы в Европе. Полагаю, что даже канонада Бородинского сражения не издавала таких непрерывных и ужасных ударов... Более всего гроза свирепствовала в горах, верхи их как бы горели от молний, которые непрерывными стрелами (зептами) в них ударяли, и гром гремел не умолкая...

Между тем в этот же вечер в городе португальцы праздновали сочельник Рождества Христова. В церквах звонили почти весь день, а вечером пускали ракеты, стреляли и проч., но за такую грозою невозможно было съехать на берег.

13 декабря. Первый шаг на берег Нового Света. С капитанами обоих кораблей я съехал на берег. Первое, что нам представилось, это королевский дворец (прежде это был дом Вице-короля, довольно-таки большой двухэтажный дом простой архитектуры, стоит на большой площади, вымощенной камнем, по берегу сделана набережная из гранита, сажень на сто, и хорошие пристани для шлюпок. На этой площади устроен фонтан прекрасной ключевой воды, имеющий фигуру пирамиды, по сторонам которой бьёт или течёт вода из кранов...

Войдя на площадь, вдали на одной стороне мы увидели королевскую кирку; она не имеет хорошей архитектуры. Правая сторона площади застроена небольшими каменными домами. Везде окна без стёкол. От площади идёт прямая улица к рынку, где продаются фрукты и зелень.

Так как в этот день был праздник Рождества, который у католиков празднуется с особым великолепием, то мы имели большое желание и любопытство идти в королевскую церковь. Войдя туда, мы поражены были великолепием убранства. Везде малиновый и шитый золотом бархат и штоф на занавесках с широкими золотыми бахромами и кистями. Впереди устроен алтарь; внизу, прямо под престолом, который уставлен многими серебряными фигурами, изображающими апостолов и святых, поддерживающих подсвечники с большими зажжёнными свечами. На стене висит

над престолом большая картина, невысокой работы, изображающая Богоматерь и пред Нею на коленях молящегося короля и всю царскую фамилию.

По бокам, вверху, идут ложи; на правой стороне одна большая королевская, в ней была тогда прекрасная молодая принцесса с седою своей тётушкой. Прочие ложи, вверху, большею частью были пусты, внизу тоже не было тесно. Многие, особенно женщины, стояли всё время на коленях и молились с благоговением. Некоторые сидели просто на полу, особливо чёрный народ. Назади церкви, противоположно алтарю, на возвышении, резная галерея и большой орган в виде пирамиды... Впереди, подле органа и по бокам, расположен большой оркестр музыкантов и певчих... На левой стороне, против королевской ложи, украшенной балдахинном, на возвышении, в богатых креслах сидел кардинал, в своей шапке, в золотом парчовом одеянии, с жезлом в руке. Подле него, несколько пониже, стояли два старых служителя; они ему по временам снимали митру и надевали, и часто целовали руку. По обеим сторонам кардинала, в два ряда, стояло много священников и служителей... Некоторые серьёзно стояли с благоговением, а другие улыбались и даже разговаривали, в числе их были и молодые, здоровые и довольно полные.

Во время обедни играл орган, иногда с хором певчих, оркестром музыки; иногда выходило соло для скрипок; также пели попеременно три прекрасных мальчика, по голосам я думал, что это девочки, но, к сожалению, узнал, что это несчастные кастраты. Они пели нежно и очень приятно, а музыка хорошо аккомпанировала. Только мне кажется, что это более театрально и не идёт на божественной литургии. Наши придворные певчие и Бортнянского пение несравненно величественнее и трогательнее. Знаменитая певица Каталани один раз приглашена была послушать придворную капеллу, пели Бортнянского обедню, — это было в Великий пост. Она была сильно растрогана, плакала и сказала, что она ничуть не слыхала возвышеннее и величественнее и трогательнее этого ангельского пения и что русское «аллилуйя» навсегда останется у неё в памяти.

Обедня кончилась, кардинал со всем причтом торжественно прошёл по церкви, всех благословил и иногда поглядывал на нас, как на новых людей.

15 декабря. Прекрасное утро. Сегодня ожидали посещение нашего посланника (речь идёт о русском консуле в Рио-де-Жанейро,

Георг Лангсдорф,
российский послан-
ник в Бразилии
в нач. XIX в.

исследователе Русской Америки и Бразилии Георге Лангсдорфе. — Ю.Х.). Всё было вымыто, отлично вычищено, для салюта зарядили пушки; команда и офицеры в мундирах; на правый шкафут поставили двух человек с ружьями, но без сумок и без тесаков. Оба капитана уехали к посланнику. В три часа он прибыл на корабль «Кутузов», вскоре приехали наш капитан с Гагемейстером и господин посланник. Мы поставили команду по вантам, кричали три раза «ура» и салютовали

из 11 пушек. Наконец, он подъехал к нам и взошёл на шканцы. Он был во фраке, без орденов, очень вежлив и весел, сошёл в каюту, в кают-компанию, прошёл по кораблю, даже взглянул в форт-люк, где живут матросы. Хвалил корабль, чистоту и отъехал с обоими капитанами и со своим секретарём...

Сегодня же наши капитаны и офицеры приглашены были на бал, который давала супруга нашего консула г-жа Лангсдорф. Капитан наш немножко был нездоров, а потому остался, я не поехал потому, что оставался на вахте.

16 декабря. Офицеры возвратились в 2 часа утра и рассказывали, что бал был весьма обыкновенный. Сегодня утром отвезли наши хронометры и другие инструменты на островок, близ наших кораблей, для проверки.

На корабле занимались работой: конопатили, поправляли тачелаж, вынимали порожние бочки и приготавливали место для рому.

21 декабря. Поездка и представление королю. Когда мы находились в столице Бразилии Рио-Жанейро, то в это время король и весь португальский двор находился тут. Известно, что в 1807 году французы (войска наполеоновского дивизионного генерала Жана Андоша Жюно. — Ю.Х.) заняли Лиссабон и изгнали оттуда англичан. В это время король португальский со всею своею фамилиею и со всем двором поспешно удалился; так что лишь король переехал на стоящие в Таго английские корабли, как маршал Жюно вошёл в Лиссабон... С тех пор двор и остался в Бразилии.

Сегодня назначено нам от нашего посланника представляться королю. Он в это время жил в загородном дворце св. Кристофа. Мы должны были заехать прежде к нашему министру, чтобы вместе с ним ехать во дворец. Кареты наши были готовы к первому часу. Они запряжены были мулами, четвернёй, цугом, каждая. В первой ехали два капитана, а в другой пришлось мне одному сидеть...

Подъехав к большому двору, должны были выйти из карет и до дворца идти пешком. Поднявшись на крыльцо, вошли в длинную большую галерею со стёклами, в ней не было никаких украшений и роскоши, всё очень просто... Здесь мы застали нашего посланника. В этой зале было несколько министров и много генералов и офицеров, больше придворных, также много монахов-иезуитов и других орденов и королевский духовник. Мы тут подождали около получаса, потом нас ввели в большую залу, у дверей стоял камергер, с двумя звёздами. Король находился близ противоположной стены: он стоял на возвышении под балдахином. Лишь только мы вошли, мы поклонились королю, потом подошли к нему близко и опять поклонились. Король среднего роста, худощав, лет пятидесяти, приятной, доброй физиономии, одет был в синий мундир с шитьём на воротнике и рукавах, с пятью звёздами и двумя крестами на шее, в правой руке была трость...

Подле короля, по левую его сторону стоял меньшой его сын дон Мигуэль (Михаил) в мундирчике с тремя звёздами и со шляпою в руке...

Г-н посланник всех нас отрекомендовал королю, который с приятною улыбкою очень ласково и благосклонно нас принял. Сейчас же его величество по-французски начал разговор с начальником экспедиции г. Гагемейстером, спрашивал о нашем походе, о цели экспедиции и проч... И проговорил около получаса или немного менее, весьма ласково, с приятною улыбкою, но очень тихо...

В продолжение пребывания нашего в Рио-Жанейро мы узнали о короле Иоанне IV, что он весьма доброго и тихого нрава, очень набожен, но при этом очень слаб. Народ вообще короля любит и хвалит, а мать его, которая недавно умерла, была, говорят, очень строгая и суровая женщина.

25 декабря. Я оставался на корабле. Наш великий праздник Рождества Христова мы проводили далеко от нашего Отечества... Только вспоминали о наших родных и друзьях, которые, верно, нас вспоминают и молятся за нас. В этот достопамятный день прино-

*Невольничий рынок
в Южной Америке*

сятся благодарственные молитвы за избавление от галлов и двенадцати язык. Так это памятно России, так недавно было! Но Господь помог нам, избавил наше отечество от врагов сильных и прославил Россию, а потому нас теперь с особенным уважением принимают; на всех концах мира известно и уважается имя россиянина.

26 декабря. ...Ветер дул с такой силою, что против ветра нельзя было стоять, и говорившим дух захватывало... Один 74-пушечный португальский корабль невооружённый продрейфовало с двух якорей на 300 сажень и повалило на бриг. Все стоящие на рейде суда продрейфовало и три выкинуло на камни, в том числе два русских купеческих — «Александр» и «Шарлотта»; один португальский бриг разбило, и 40 человек утонуло, многие суда одно о другое поломались.

29 декабря. Товарищ мой Н. непременно хотел купить негра; сегодня привозили нам четырёх маленьких, лет 10—12. Жалкие дети! Хозяин заставлял их бегать, прыгать, вытягивать, сгибать и поднимать руки и ноги, чтобы показать, что они — здоровые мальчики. За них просили по 8 дублонов (каждый дублон по 17 пиастров), а Н. давал 110 пиастров за одного. Это ужасная глупость! В России можно купить дешевле взрослого; разве для того купить, чтобы избавить от тяжкой неволи. Это дело человеколюбия. Покупают же птичек, чтобы выпустить на волю. Хозяин не согласился уступить за эту цену. Мы их бедненьких накормили и отпустили.

1817 г. 1 января. Рио-Жанейро. ...Всё наше немногочисленное общество офицеров обеих русских кораблей было вместе, в приятной дружественной беседе делили время, как одно семейство. Редко бывает, чтобы в этих продолжительных кругосветных компаниях между офицерами не было недовольства, ссоры, раздора, а иногда явной вражды с весьма дурными последствиями... Мы иногда и шутили друг над другом, смеялись, иногда спорили до слёз (что греха таить) ...Но помня Священное Писание: «солнце да не зайдёт во гневе вашем», — опять мировая, шутки и, слава Богу, во весь вояж мы жили миролюбиво, почти примерно и расстались друзьями, — что очень редко...»

Здесь стоит на время отвлечься от дневника Семёна Ивановича Яновского и заострить внимание на том, насколько физически и психологически трудным испытанием было для команд парусников плавание продолжительностью почти в год. Лейтенант Яновский отнюдь не преувеличивает: во время длительного и опасного морского путешествия на палубе и в тесных каютах моряков возникали серьёзные конфликты, иногда стоившие членам команды жизни (особенно были опасны для экспедиции конфликты среди командного состава — офицеров).

Глава 3 УРОКИ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ КРУГОСВЕТКИ

Собирая экипажи для Первого кругосветного плавания, его организаторы поначалу учитывали только высокие профессиональные качества моряков. Оказалось, что этого мало, и опыт (в том числе и отрицательный) уже имелся. Первое российское кругосветное плавание, внёсшее в науку и политический престиж России огромный вклад, проходило при таких обстоятельствах, которые могут послужить основой для многих произведений — от политического памфлета и трагедии до комических интермедий и откровенного фарса. Причина такого жанрового разнообразия в том, что при подготовке первого длительного вояжа по морям и океанам его главные организаторы не обратили должного внимания на психологическую совместимость людей и не слишком доходчиво

Ю. Ф. Лисянский
(1773–1837)

объяснили субординацию руководителям и команде, о чём потом многие участники Первого российского кругосветного плавания горько пожалели.

Безусловно, начальником Первой кругосветной экспедиции был посланник в Японию, камергер двора Александра I Николай Петрович Резанов, «начальству» которого подчинялись оба судна с офицерами и служителями¹. Об этом свидетельствовала инструкция министра

коммерции Н. П. Румянцева российскому посланнику в Японию от 22 июля 1803 года, подписанная императором. Однако самолюбие Крузенштерна, опытного военного моряка, давно ратовавшего за кругосветное плавание, было сильно уязвлено: над ним ставят вельможу, штатского «пассажира», который имеет право давать инструкции относительно плавания, приказывать командирам судов... Это было слишком! Поэтому Крузенштерн «стал в неприязненные отношения» к Резанову и тем самым настроил против него офицеров, своих подчинённых. Между свитой камергера и моряками стали возникать недоразумения и скандалы. Подливал масла в огонь Фёдор Толстой, поспешно взятый в свиту Резанова (вместо своего двоюродного брата) как «молодая благовоспитанная особа» в качестве кавалера посольства. Дуэлянт, страстный картёжник, человек смелый и дерзкий, равно способный как на подвиг, так и на злодейство, он явно тяготился длительным плаванием, поэтому его «забавы» на шлюпе «Надежда» ломали строгую флотскую дисциплину и доводили Ивана Фёдоровича Крузенштерна до зубовного скрежета.

В начале мая 1804 года «Надежда», ненадолго расставшись с «Невой», кинула якорь у острова Нука-Гива, в архипелаге Маркизских островов. Несколько сот голых островитян на своих лёгких лодочках и плотках сразу окружили корабль. Затем на «На-

¹ Трофимов, В. Руководитель экспедиции и первый посланник в Японию Н. П. Резанов / В. Трофимов // Сибирские огни. — 2007. — № 4. — С. 152.

дежду» прибыл сам король Нука-Гивы Танега Коттонове, человек лет 45, темнокожий, сильный, зататуированный с ног до головы. После обмена приветствиями с капитаном корабля вождь туземцев сразу попал в энергичные руки «молодой благовоспитанной особы», поручика Преображенского полка из свиты посланника — Фёдора Толстого, который выпил с королём порядочную дозу рома и тут же стал ему «лучшим» другом.

И. Ф. Крузенштерн
(1770–1846)

Сначала Толстой и король туземцев в обнимку прохаживались по палубе, о чём-то оживлённо беседуя и жестикулируя, а затем русские моряки стали покатываться со смеху, наблюдая, как Фёдор Толстой стал забавляться тем, что заставлял короля исполнять роль собаки: поплюёт на щепку, закинет её в море и крикнет: «Пиль, апорт!» Король плавал за щепкой, приносил её в зубах своему новому весёлому другу¹.

Пока трюмы корабля заполнялись свежей питьевой водой и съестными припасами, русские моряки имели возможность близко познакомиться с жителями местных островов. Художники и ученые экспедиции собрали в эти дни богатый этнографический материал.

Память об этом была увековечена своеобразным способом: в продолжение всей стоянки «Надежды» один нукагивец, забравшись на корабль, предложил русским морякам свои услуги по нанесению татуировки. Первым его предложение принял Фёдор Толстой, за ним последовали остальные. Тогда, видимо, бывший поручик Преображенского полка и получил на кожу языческие «украшения», которые затем в России он охотно демонстрировал своим друзьям.

За свои выходы «молодая благовоспитанная особа» была отправлена Крузенштерном на несколько дней в каюту, под арест,

¹ Толстой, С.Л. Фёдор Толстой Американец / С.Л. Толстой. — М.: Современник, 1990. — С. 9–10.

Граф Ф. И. Толстой
(1782–1846)

а Николаю Петровичу Резанову, который не был в состоянии воздействовать на распоясавшегося члена посольской свиты, пришлось выслушать в свой адрес множество упрёков и дерзких слов. Но не тот был человек Фёдор Иванович Толстой, чтобы смиренно переносить наказания и выговоры начальства.

Вошла в историю ещё одна «шутка» Фёдора Толстого: он затащил свою обезьяну (купленную на южных островах) в каюту Крузенштерна, и та, усевшись за столом, зали-

ла чернилами записи в журнале капитана корабля. Капитан был в бешенстве, но не мог же он вызвать Фёдора Толстого на дуэль! Много обид претерпел на корабле во время путешествия от Фёдора Толстого иеромонах Александро-Невской лавры о. Гедеон (Гавриил Федотов). Он был отправлен Святейшим синодом в Русскую Америку для миссионерской деятельности в помощь пребывающим там российским священнослужителям. И не был он пьяницей, как упоминается в некоторых изданиях, описывающих Первую кругосветную экспедицию России. Святейший Синод отбирал для этой миссии самых достойных. Образованный, желавший ревностно исполнять роль священника на корабле (не его вина, что это не всегда получалось), о. Гедеон оставил о Первом российском кругосветном плавании и о своём пребывании в Русской Америке весьма ценные свидетельства. К сожалению, в историографии Русской Америки записки о. Гедеона получили должное освещение не так давно, спустя чуть ли не 200 лет. Поэтому в глазах потомков он долгое время оставался не серьёзным исследователем жизни американских туземцев, не ревностным священнослужителем и талантливым педагогом, обучавшим грамоте детей русских переселенцев и алеутов, а всего лишь несчастным священником, над которым подшучивали на корабле и которого обижали все, кому ни лень.

Добавим, что в 1805 году стараниями о. Гедеона на о. Кадык было открыто Кадыкское училище, состоявшее из двух классов. В первом обучалось около тридцати детей (русских, алеутов, креолов) словесному чтению и письму, во втором — двадцать, обучались катехизису и грамматике. Обязанности свои он выполнял добросовестно, чем заслужил похвалу самого Баранова.

Как и следовало ожидать, после отъезда о. Гедеона из Русской Америки в Россию, училище стало постепен-

Н. П. Резанов
(1764–1807)

но приходить в упадок, но его дело не кануло в Лету. Это училище, хотя и с небольшим количеством учеников, существовало на Кадыке до 1825 года. После оно было переведено в Новоархангельск (на Кадыке осталась его меньшая часть).

В 1831 году выдающийся русский путешественник и мореплаватель Ф. П. Врангель (в то время он был главным правителем Русской Америки) писал: «И теперь в колониях из служащих-креолов некоторые бухгалтеры и содержатели магазинов — ученики того времени». Центром школьного образования в Русской Америке стал Новоархангельск, где это училище со временем было преобразовано в общее колониальное.

Большую научную ценность представляет собой этнографическая часть записок о. Гедеона, в которых описана жизнь и обычаи местных племен. По мнению специалистов, эти записки являются лучшими из всех имеющихся источников по этой теме. Характеризуя нормы поведения жителей о. Кадык и других островов, о. Гедеон не обходит вниманием те положительные нравственные нормы поведения островитян Аляски, которые существовали в их быту: помощь нуждающимся соплеменникам, учтивое отношение к старшим, отсутствие воровства и т. п. Также о. Гедеон отмечает в своих записках природный ум островитян, их остроумие и находчивость.

Именно о. Гедеон начал серьезное изучение языка кадыкцев. Он первым перевел на кадыкский язык молитву Господню.

Петропавловский
порт. Камчатка.
Хромофотография
нач. XIX в.

Результаты деятельности о. Гедеона на Кадьяке, как считают исследователи Русской Америки, непосредственно созвучны с миссионерской и научной деятельностью Иннокентия Вениаминова на Алеутских островах и в Новоархангельске, который прибыл туда позже. Святитель Иннокентий с большим успехом продолжил работу о. Гедеона по просвещению коренного населения и изучению фольклора и языка аборигенов Аляски.

Нарушения воинской дисциплины в русской армии и на флоте карались строго. Понёс позже наказание за свои проделки поручик Преображенского полка Фёдор Толстой, которого ещё в ходе экспедиции высадили в Петропавловске, откуда ему пришлось добираться до Петербурга через всю Сибирь. За неуважительное отношение к царскому посланнику были привлечены к ответу также офицеры «Надежды» вместе с капитаном. Когда флагман экспедиции стал на рейде Петропавловска (Камчатка), Николай Петрович Резанов съехал на берег и остановился в доме начальника гавани. Губернатор Камчатки генерал Кошелев находился в то время в Нижнекамчатске. Ему Резанов написал письмо, в котором просил как можно скорее прибыть в Петропавловскую гавань с ротою солдат.

«Имею я крайнюю нужду видеться с Вашим превосходительством и по Высочайше вверенным мне от Государя Императора поручениям получить нужное от Вас, как начальника края сего, пособие, — писал генералу Кошелеву камергер и дипло-

мат Резанов¹. — У меня на корабле взбунтовались в пути морские офицеры. Вы не можете себе представить, сколь много я вытерпел огорчения и насилу смог с буйными умами дойти до Отечества. Сколь ни прискорбно мне, совершив столь многотрудный путь, остановить экспедицию, но при всём моём усердии, не могу я исполнить японского посольства, и особенно, когда одни наглости офицеров могут произвести неудачу и расстроить навсегда государственные виды. Я решился отправиться к Государю и ожидаю только Вас, чтобы сдать Вам, как начальствующему краем, всю вверенную мне экспедицию».

Генерал Кошелев прибыл незамедлительно. Следствие продолжалось около недели. Губернатор лично опросил всех офицеров, членов посольской миссии, учёных и служащих Русско-Американской компании и пришёл к выводу, что капитан Крузенштерн виноват в нанесении камергеру и посланнику оскорблений. Кошелев намеревался отстранить Крузенштерна от командования судном и передать дело для дальнейшего производства сибирскому генерал-губернатору Селифонтову. Узнав об этом, Крузенштерн и морские офицеры крепко задумались. Вскоре Крузенштерн лично явился к Кошелеву и стал умолять помирить его с Резановым и не давать делу хода.

Узнав о визите Крузенштерна, Резанов согласился на примирение, но с тем условием, что все офицеры во главе с Крузенштерном публично извинятся перед ним. Что и произошло, к радости Кошелева. Далее Резанов передал бразды правления экспедицией Крузенштерну, а сам, купив новый корабль, отправился в Русскую Америку. Но вряд ли состоявшееся извинение офицеров было искренним: когда «Надежда» возвращалась в Россию, офицеры корабля объявили бойкот и общее презрение лейтенанту Головачёву, который показал себя сторонником Резанова, чем и довели того до самоубийства. Лейтенант Головачёв застрелился в своей каюте, когда «Надежда» на обратном пути в Россию остановилась у о. Святой Елены. В каменистой земле этого небольшого острова (именно на него спустя десяток лет будет сослан в вечную ссылку низвергнутый император Франции Наполеон) упокоился прах этого затравленного сослуживцами морского офицера, сущего мученика Первого российского кругосветного плавания.

¹ Цит. по ст.: Трофимов, В. Руководитель экспедиции и первый посланник в Японию Н.П. Резанов / В. Трофимов // Сибирские огни. — 2007. — № 4. — С. 153.

Неизвестно, чем бы закончилось кругосветное путешествие для Толстого-Американца, если бы Крузенштерн не высадил его на берег. На обратном пути из Петропавловска в Петербург, начав свой путь отчаянным безбожником, Федор Иванович вернулся в столицу... человеком верующим. Остановившись на отдых в Охотске, он в один из дней оказался на волоске от гибели. Ночью, возвращаясь домой, он едва не рухнул в темноте с высокого обрыва. Не видя опасности, он уже занес ногу над бездною, но неожиданно явившийся перед ним образ святого Спиридона Тримифунтского (покровителя рода Толстых) остановил его.

Внешне жизнь Толстого-Американца мало изменилась после этого случая. Федор Толстой продолжал кутить, играть в карты, участвовать в дуэлях. Здесь он оставался ярким представителем своей среды и носителем её нравов. Однако кощунственных слов в адрес Православия от него никто не слышал. Видя его религиозность, некоторые даже считали Федора Ивановича ханжой.

Особой вехою жизни Толстого-Американца стало его участие в войне против Наполеона в 1812 году. Он становится командиром одного из отрядов ополчения и участвует в Бородинском сражении, где проявляет храбрость. Его, тяжело раненного, отправляют на лечение. Едва оправившись, он снова в армейском строю, становится георгиевским кавалером. Участвует в других сражениях. После изгнания Наполеона из пределов России, отправляется с русской армией в заграничные походы... Государь возвращает ему офицерский чин. После войны в звании полковника он приезжает в любимую Москву и выходит в отставку. Среди его знакомых многие писатели и поэты, в том числе Пушкин и Гоголь.

Федор Иванович Толстой умер в Москве 24 октября 1846 года шестидесяти четырех лет. Одна из его родственниц была впоследствии в дружеских отношениях с Л. Н. Толстым, о чем свидетельствует обширная переписка между ними. Исходя из этой переписки, в которой было немало сведений о Федоре Ивановиче, многие литературоведы склонны считать, что образ бретёра Долохова из романа «Война и мир» немало впитал в себя от личности молодого Толстого Американца.

Федор Иванович Толстой умер христианином. Священник, исповедовавший умирающего, говорил, что исповедь продолжалась очень долго, и редко он встречал такое раскаяние и такую веру в милосердие Божие. Прах Федора Ивановича Толстого покоится на московском Ваганьковском кладбище.

Глава 4 ВДОЛЬ БЕРЕГОВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Часть первая
ВОКРУГ СВЕТА
ПОД ПАРУСОМ

*Н*о вернёмся к дневникам Семёна Ивановича Яновского. Они, помимо прочего, свидетельствуют о том, что организаторы очередного кругосветного плавания опять-таки не всё учли и не всё проверили, особенно по части качества поставленного на корабли товара, предназначенного для международной торговли. Хотя учесть заранее всё было практически невозможно. Вот что об этом писал в своих дневниках лейтенант Яновский:

«6 января. ...Главная торговля города (Рио-де-Жанейро. — Ю. Х.) в руках англичан и французов, которые между собой соперничают. Французские магазины наполнены лучшими материалами с изящными рисунками, прекрасными ситцами... Всё, что изобретает мода и роскошь туалета, доставляют французы и привлекают к себе большую часть покупателей. Но зато шерстяные изделия, как то: лучшие сукна, казинет, трико — почитаются английские; также стальные вещи — ножи, бритвы, ножницы и пр. по своей прочности и отделке почитаются английские. Фаянсовая посуда лучшая английская, а фарфоровая и стеклянная французская.

При нас дорога была крупитчатая мука и свечи сальные, а особенно восковые мы продали с большим барышом. При этом надо заметить, что директора Американской К. (Российско-Американской компании. — Ю. Х.) купили крупитчатую муку в Петербурге у русских торговцев самого лучшего качества, по образцам, и приказали уложить в бочки по 5 пудов каждая, полагаясь на их честность, что всё будет хорошо исполнено. Бочки, разумеется, были хорошо вывешены, и по весу муки деньги заплачены. Но — о корысть русских купцов! Он возьмёт цену большую, хороший барыш, да вдобавок ещё обманет, как и случилось: отвезли мы пробы нашей превосходной муки, сторговались за весьма хорошую цену, взяли задаток и свезли с корабля муку. На пристани заплатили в таможене и привезли в магазин купцу. Стали сдавать, проверить велел, откупорили, осмотрели муку и что же? О удивление, о срам нашему русскому купечеству, о стыд и нам, русским невинным посредникам, которые должны были краснеть за наших мужиков-купцов! В некоторых бочках найдены для весу в муке камни, в других ломаные гвозди или обломки ржавого железа и чугуна, в иной бочке с обеих сторон набита мука хорошая, а в середине — дрянь.

При этом мы вспомнили анекдот Петра Великого, которого просили, чтобы позволить селиться и торговать в России жидам. «Нет, — сказал Великий, — покамест нет ещё надобности; у меня свои купцы не хуже жидов!..»

И так мы должны были много понизить цену на нашу муку, чтобы не везти назад и не платить пошлины на таможне. Этот бессознательный поступок положил невыгодную тень на всю нашу торговлю, лишает нас кредита, доверенности. Должно бы весьма строго поступить с такими мошенниками. Начальник экспедиции донёс об этом...

Португальцы мало занимаются торговлей и вообще народ не деятельный. Бразильские женщины ещё беспечнее мужчин: не занимаются ни хозяйством, ни рукоделиями, а о чтении и говорить нечего. Наряды любят, но одеваются без вкуса, обременяют себя алмазами, которые здесь недороги... Пища здесь по большей части: рыба, голуби, дичь, овощи и фрукты. Главную пищу в Бразилии составляют: маниок, сарацинское пшено, маис и пшеница. Колониальных произведений: сахару, кофе, хлопчатой бумаги, индиго, табаку, ванили, перцу — вывозят в Европу большое количество, особенно сахарного песка, кофе и рому.

Можно сказать, что Бразилия разведением обширных и богатых своих плантаций, которые процветают и приносят самый главный доход государству, обязана населению великого множества негров, которых сюда ежегодно привозится до 2 тысяч. Это настоящие труженики и деятели всего государства.

Без них ничего не могли бы здесь завести и устроить, потому что природные португальцы весьма ленивы и считают себя господами, которые способны только повелевать. Туземных жителей американцев очень мало. Их много истребили, а большая часть удалась в горы и живет на воле независимо. С неграми прежде обращались весьма сурово, бесчеловечно, но царствующий добрейший король их дал закон и повелел иметь к ним милосердие и человеколюбие.

В Рио-Жанейро есть невольничий рынок и невольничья улица. Я из любопытства ходил смотреть эти дворы, обнесённые высокими заборами, за которыми устроены сараи, в них содержатся и продаются негры. Некоторые, особенно взрослые, сидят скованные, а другие так, дети все на свободе. Большая часть смотрит уныло, видна скорбь и даже отчаяние, другие равнодушно смотрят... Торговец, считая нас покупателями, сейчас же предлагает одного, другого, третьего...

7 января. Плавание от Рио-Жанейро вокруг м. Горн до Перу. Не хотелось выезжать из Рио-Жанейро и вообще из Бразилии,

Перевозка
невольников

так она прелестна и очаровательна. Но корабль совершенно готов. В шестом часу утра по сделанному сигналу снялись с якоря при весьма тихом северном ветре. Долго ещё виднелись на горизонте берега Бразилии.

12 января. Ветер сделался противный, довольно свежий, брамсельный. В 11 часов видны были по морю две полосы на воде желтоватого цвета, как бы возмутившийся песок. Не знали, чему приписать. Может быть, от облаков, но, может быть, это струя обширной реки Де-ла-Платы, против устья которой мы находились. Капитан Гаемейстер сказал, что её течение заметно в море на сто вёрст от устья.

17 января. В 5 часов увидали кита, который шёл против ветра и пускал фонтаны, распадающиеся кверху брызгами, как водяная пыль. Будучи на вахте, я приказал к нему спуститься. Кит был так близко подветру у корабля, что можно было достать шестом. Потом вдруг поворотил под корму и пошёл опять против ветра. Он был длиною до 50 футов, на хребте перо. Скоро увидали, но не в близком расстоянии вокруг корабля множество китов... С сего числа мы увидали большую перемену в цвете воды, здесь она зеленоватая, а прежде была совершенно голубая. Небо было ясно, и солнце во всём блеске, но не тепло.

29 января. Крепкий ветер от севера. Мы имели ходу — 10 узлов... В 8 часов утра при пасмурности увидели Фолкландские (так в дневнике. — Ю. Х.) острова. Лишь только успели убраться с парусами, как ветер стал крепчать и сделался шторм... Шквалы беспрестанно находили, корабль черпал шкафутами, часто подавало волнение через весь корабль. Когда нужно было по кораблю пройти на бак (на переднюю часть палубы или к носу), то надо было весьма осторожно и крепко держаться за верёвки, а то волною могло снести за борт в море или перебросить на другую сторону. Капитан нечаянно оторвался, и его перекинуло на другую сторону корабля под ветер, а на него кинуло ещё двух матросов. При ударе он вывихнул левую руку, которую на такой качке с большим трудом могли вправить. Оба матроса тоже очень расшиблись. Вечером команде было дано по другой чарке вина. Волнение было так велико, что, когда корабль опускался между валами, не видно было совсем «Кутузова», который был недалеко от нас, — даже мачт не было видно!

Со шквалами выпал снежок или град. Сменившись с вахты, почти оочевенший от холода и дрожа, пришёл я в каюту отдохнуть. Лишь только хотел лечь на койку, — вижу постель мокрая, палуба течёт везде. Перевернул постель на другую сторону, лёг, закрылся сверху парусиною, однако всё-таки капало на голову. Всю ночь через 2 часа жгли фальшфейеры.

25 февраля. До полудня ветер был ровный, умеренный, но с полудня стал крепчать с ужасною силою. Когда спустили и обрагонили оба марс-рея, и люди пошли на них брать рифы, случилось большое несчастье: ветром закинуло парус наверх, на рею и нокового матроса сшибло в море. Сейчас был брошен с кормы поплавок и, наконец, другой, но тщетно. Поплавок ветром сносило всё дальше... Как жалко было смотреть. Бедный, долго он был виден. Ни вопля, ни стопа, ни жалобного крику — ужасная буря, ревущее клочущее море всё заглушали. Минут 20, бедный, он мучился, томился и боролся с разъярённой стихией и, наконец, совсем погрузился во влажную могилу живой... А шлюпку спустить было нельзя и подумать. Вот участь наших моряков, наших отважных матросов. В бурю и холод, когда паруса заледенели, и их надо крепить или убирать, тогда матросы раздирают руки в кровь. Право, всякая буря, всякий шторм стоит много сражения. И можно ли сухопутную

В шторм

службу равнять с морской? Их учения с нашими бурями? И таких-то людей, т.е. лучших моряков, хотят сделать лучшими фрунтовиками-гвардейцами.

К несчастью, морской министр¹, кажется, мало видел море, хотя и был адмиралом французского флота при Людовике XVI. Этот министр преобразовал наш флот по образцу французского. Он уверил Государя, что моряков можно сделать настоящими солдатами. Так и сделали — главная была служба армейская фрунтовая, а морская стала в пренебрежении.

И вместо настоящих кораблей, которым по случаю войны с Англией был выход заперт, — построили галеты (маленькие, плоскодонные, двухмачтовые суда. — Ю.Х.); на них производили морские эволюции на луже (Финском заливе. — Ю.Х.), удачно названной Маркизово море. Видно было, что не понимали настоящей морской службы. Какую дали важность этим пустякам. Этими галетами командовали адмиралы и капитаны I ранга. За эти ничтожные манёвры давали чины, ордена, — увеселялись этою смешною игрушкой. Я думаю, если бы

¹Речь идёт о морском министре России с 1811 по 1828 год, французском эмигранте, адмирале И.И. Траверсе.

узнали об этом англичане или американцы Соединённых Штатов, довольно бы похотали...

1 марта. Опять несчастный случай. Корабль шёл попутным брамсельным ветром. На вахте стоял Н., ход был небольшой, но волнения не было. В 6 часов утра послали матроса убрать кливер. Не знаю отчего, матрос упал в море. Сейчас же кинули концы и кричат: “Хватайся, Шубин, хватайся!” Но он ничего не берёт, так его и пронесло. Привели к ветру, легли в дрейф, опустили шлюпку, но он скоро опустился на дно. Бог знает, что с ним случилось. Или он обеспамятствовал, или испугался очень, или с ним случился удар.

Этот случай опечалил всех нас... Посланный на шлюпке унтер-офицер, возвращаясь назад, громко закричал: “Этак нас всех перетопят; и тогда не хотели лечь в дрейф! Кто будет работать? Никто не пойдёт на реи!” И прочие возмутительные слова! Все-му причиной послабления капитана. От этого неуважение, неповиновение, грубости... Тогда вспомнил я предложение моего дяди Гр. Макс., который советовал мне идти с капитаном Головинным, который охотно брал меня... Содержание и на военном (корабле. — Ю. Х.) не хуже и ещё более в год: кампания (т.е. кругосветное плавание. — Ю. Х.) к ордену считается. Прошу Бога, чтобы скорее и благополучно окончился этот поход.

7 марта. Погода тёплая и тихая, но противный ветер. Сегодня ровно 6 месяцев, как мы оставили Россию, и ровно 2 месяца болтаемся в море от Рио-Жанейро... У нас очень мало осталось свежей провизии: 1 индюшка, 2 курицы и 2 утки. Горох и каша — обыкновенное наше кушанье и сухари. Но в сухарях от сырости завелись беленькие червячки, так что, ударивши сухарь о другой, вытрясем на тарелку много червей, отделяя их, крошим и едим сухари. Это ничего, дело походное.

12 марта. Сегодня в 8 часов увидели острова: Св. Жуана и Мас-а-Фуера. Первый из них тот самый, на который был выкинут известный Робинзон. И теперь эти острова необитаемы, хотя лежат в прекрасном климате. Острова довольно возвышенны, особенно Жуан-Фернандец горист, покрыт растительностью, так что сюда и произвольно завлекало жить.

В наших колониях в Америке пять лет назад хотели взбунтоваться. Штурманы Попов и Наплавков уговорили многих других, чтобы убить Баранова, товары разграбить, нагрузить два корабля и отправиться на о. Жуан-Фернандец, где основаться и построить крепость. Но Баранову открыла одна алеутка о заговоре, и в эту

ночь, в которую они хотели произвести бунт и все собрались в сборную избу, ничего не чаяв, Баранов окружил её вооружёнными людьми и сам один с пистолетами вошёл. Только подошёл к нему Попов, он дал ему оплеуху так, что тот упал, потом выстрелил из пистолета, — это был условный знак, — люди вошли и главных заговорщиков сковали¹.

25 марта. Сегодня знаменитый наш христианский праздник — Светлое Христово Воскресение и вместе также великий праздник Благовещение! В один день такие два знаменитые праздника... у нас на Руси с таким торжеством празднуют этот всерадостный день. А мы, бедные пловцы, на этот раз лишены всей этой духовной радости. У нас не было священника... В 7 часов утра прочитали несколько молитв, вместо обедни, помолились все вместе. А потом стали христосоваться между собой и с командою. Яиц у нас не было ни одного, для жаркого к обеду зарезали нашу последнюю индюшку.

Благодарение Господу и за это... Между тем занялись наблюдениями и службою. В полдень широта 15 градусов 34 минуты... К большому сожалению, этот наш великий праздник был ознаменован неприятностями: команде было дано много рому, и они перепились все пьяны. Шум, драки, жалобы друг на друга, грубости и непослушания, — нельзя унять. Я опять говорил капитану, чтобы принять строгие меры, но он это нипочём считал... Между тем пьяная команда доказывала, что унтер-офицеры воруют груз корабля, что продавали и прочее. Ужасно!.. Господи, укрепи наше терпение и настави на путь истины!

28 марта. Следуя к северу вдоль Перуанского берега, мы, как нам показалось, достигли входов к порту Кальяо. В один мы начали держать и пустились под всеми парусами, имея ходу до 8 узлов. Мы правили в пролив между берегом и маленьким островом и уже были близко, в одной морской миле, как увидели едущую лодку. Мы тотчас привели к ветру — это были рыбаки, которые подъехали к нам и сказали, что мы шли прямо на камень, что тут никакого пролива нет, разве для шлюпок. Вот Господь послал для спасения нашего этих рыбаков! Не случись их, мы бы прямо врезались на камень. Не видимо ли Господь спас нас? Неверующие, неужели и это вы сочтёте случайностью!..

¹Этот случай, получивший широкую огласку, произошёл в Новоархангельске в 1809 году.

Одного из рыбаков мы уговорили за 20 пиастров остаться на корабле и проводить нас до острова Кальяо. Вскоре увидели о. Лорензо (о. Св. Лазаря), лежащий при входе в залив Кальяо.

Перу. Порт Кальяо и Лима. Обогнув возвышенную северную оконечность, простирающуюся от крепости Кальяо, мы увидели на лево изогнутый полукругом низкий берег и порт Кальяо, с красивой и видною крепостью. На якоре стояло несколько судов, и между ними с радостью мы увидели и отличили наш красавец «Кутузов». Далее Кальяо, вёрст на 12 вглубь всё ещё простирается невысокий и ровный берег с зеленеющими и цветущими плантациями. Далее их были белые церкви города Лимы, он левее Кальяо. Ещё дальше Лимы возвышаются амфитеатром горы, и за ними на горизонте видны хребты Кордильеров, покрытых вечным снегом...

Лишь только прошли о. Лорензо, как подъехала к нам испанская лодка с расспросами и осмотрами, и вскоре две шлюпки с корабля «Кутузова»: г. Гагемейстер и лейтенант Иркин. Мы обрадовались им как истинным друзьям, как родным... Почти три месяца не виделись. Сколько рассказов с обеих сторон! Они прошли 13-ю днями прежде нас оттого, что от Кап-Горна раньше спустились... находились ближе к берегам Южной Америки. У них были почти попутные ветры. Они даже не чувствовали того ужасного шторма, который мы выдержали на параллели мыса Виктории. В 1 час пополудни подошли к Кальяо и стали на якорь, на глубине пять с половиной сажень, в расстоянии 1 морской мили от Кальяо. Слава Тебе, Господи!

Лишь только мы спустили якорь, как наехало много испанцев. Я оставался на вахте, капитан наш и офицеры уехали на «Кутузов». Посетители испанцы осматривали корабль, ходили по каютам, расспрашивали о плавании, о России и проч. Одни уезжали, а другие приезжали и с любопытством смотрели на нас, русских, победителей Наполеона, и на наш корабль. Все они в соломенных шляпах с большими полями, которых почти никогда не снимают. Почти все спрашивали: нет ли продажных вещей, как то: платья, белья, часов и проч., за которые они предлагали высокую цену, так что за наш рубль ассигнациями можно было получить пиастр (т. е. 5 рублей ассигнациями). Между посетителями был один монах, приехавший из Лимы, который пошёл к нашим матросам и спрашивал продажных вещей. Приезжали и дамы, сходили в кают-компанию, некоторые играли на гитаре и пели.

Поутру поехали в Кальяо с тем, чтобы ехать в Лиму. Пристали к ветхой деревянной пристани, на которую нелегко взойти, ступени

CALIOV DE LIMA

Часть первая
ВОКРУГ СВЕТА
ПОД ПАРУСОМ

Порт Кальяо.
Нач. XIX в.

поломаны... Взошли: небольшая площадка, род биржи, на ней очень много навьюченных ослов с кладью или грузом для кораблей, — всё привозится из Лимы. На пристани насыпано кучами на разостланных рогожках кофе, какао, множество фруктов, множество тюков, ящиков... Много расхаживало испанцев, испанок, перуанок, разного рода и звания людей... Город выстроен в одну улицу, по обеим сторонам не особенно красивые деревянные, оштукатуренные дома, все без крыш, потому, что часто бывают землетрясения, почти всякий месяц 2 раза, при новолунии и полнолунии. Крыш нет надобности иметь потому, что никогда не бывает дождей. В весьма редких домах увидите стёкла, полы крашенные.

30 марта. Целые сутки я занимал вахту и оставался один на корабле. К нам приехало много испанцев, большая часть спрашивала продажных вещей. В числе посетителей было три испанских офицера гарнизона крепости Кальяо, в красных мундирах с золотым шитьём и в фуражках с золотыми кистями и шитьём по околышу.

С ними один француз, попавший в плен. Гордые испанцы не сняли своих шапок даже в каюте, когда все сидели без шляп. Француз,

напротив, человек любезный, весёлый и говорит по-английски, потому что был в плену у англичан 3 года. Он бранил испанских офицеров, называл их невеждами при них, только они не понимали.

31 марта. На здешнем рейде стояло до 30 разных судов, в числе их были довольно большие испанские, особенно те, которые вооружены против инсургентов, в 900 тонн, и пушки в две линии... Тут стояли три американские китолова и два американские с грузом, одно английское, одно французское купеческое и два наши, а остальные испанские.

Инсургенты уже заняли Чили, и поговаривают, что они подойдут к Лиме. Тогда, вероятно, всё сдастся при первом их появлении¹.

Здесь (в Перу. — Ю. Х.) большая партия инсургентов, но теперь они главные свои силы устремили против Монтевидео, потому что там больше испанских, португальских войск против них действует. Инсургенты заняли уже всю Патагонию, Парагвай, Чили, Вальпарайсио, т.е. всю хлебородную часть Южной Америки, остаётся занять Перу, в которой самые богатейшие в мире рудники. Здесь у весьма небогатых людей вы найдёте приборы и некоторую посуду серебряные. У г-на дон Педро Абадии (один из российских морских офицеров имел рекомендательное письмо к этому богатейшему жителю Лимы. — Ю. Х.) серебро, т.е. пиастры, а отчасти и золото в каменных подвалах и в кладовых наложены в закромах, как у нас засыпают хлеб, так засыпаны пиастры. И большие суммы платят не счётом, а весом, накладывая на весы пиастры лопатами...

Прежде Перу довольствовался хлебом из Чили, где удивительное произрастание: пшеница родится иногда сам-сто, а теперь, так как подвоз стал затруднителен, хлеб вздорожал. Испанское правительство чрезвычайно отягощает жителей налогами. Система управления колониями самая стеснительная, а потому очень много недовольных, и правительство почти никаких мер не принимает против этого. Одними угрозами, силою и войсками нельзя восстановить порядок, когда целый народ терпит от несправедливости и притеснений. Вероятно, Испания лишится всех своих колоний (владений) в Америке, а причиною само правительство. Вообще при нас в Лиме было всё чрезвычайно дорого.

2—14 апреля. ...С величайшим прискорбием должен заметить, что от послабления нашего капитана команда до того распяньствовалась, что потеряла дисциплину и почти вышла из повиновения.

В 2 часа, отобедав на «Кутузове», мы с одним моим товарищем поехали в Кальяо, где взяли двух верховых лошадей, чтобы ехать

¹Речь идёт о повстанческих войсках Симона Боливара (1783—1830).

в Лиму. Через полчаса мы в Лиме, и прямо нашли нанятую для нас квартиру, где застали нашего капитана... Мы пошли погулять по городу около гостиного двора, к воротам, что у моста, и мимо дворца. Наконец нам открылось это огромное здание — великолепный дворец вице-короля...

Всё здание основано квадратом и занимает целый квартал. Осмотрев снаружи дворец, пошли по прямой улице, ведущей к триумфальным воротам на мосту. Не доходя до ворот направо — церковь, а налево — трактир Бартолли...

Только мы входим в трактир, видим множество народу в различных положениях, дымят сигары, перед каждым на столе бутылка или стакан, или рюмка, или чашка кофе и проч. В числе лиц, наполнявших залу, было немного военных и, к удивлению, несколько монахов разных орденов, католических попов. Там бильярд и шум народа мешается с шумом водопада. Окна отворены. Мы наняли место в углу. Было довольно темно, и свет в комнате только от свечей бильярда, да от свечей на медных подсвечниках... Мы спросили лимонаду и проч. Окна отворены прямо на реку, прохладная влага, напитанная ароматами цветущих растений, неслась к нам и освежала. Один, довольно оборванный с небритой бородою, родом португалец, подошёл к нам и предлагал свои услуги в роде чичироне. Он говорил несколько по-английски, но мы не воспользовались его предложением. В это время пришли наши капитаны. Поздно вечером мы возвратились на квартиру.

3—15 апреля. Встали довольно рано, сделав свой туалет, отправились к Бартолли пить шоколад. Идучи к трактиру, я увидел старика оборванного, который подбирал около лавок по улицам окурки сигар и папирос, — он этим содержал себя. Эти окурки он перекрошит, завернёт в новые бумажки и продаёт как новые папиросы. Один раз у нас на блюдечке осталось немного сахара от поданной нам порции, подошёл бедный испанец и выпросил это себе, но хозяин заспорил, тот бежать с сахаром...

После осматривали монастырь св. Франциска. У нас с монахами вышло маленькое прение. Они нас, как англичан и немцев, считали еретиками, но мы показали им на шее каждого из нас кресты и объяснили им небольшую разницу между нашей религией и католической. Это изменило их в нашу пользу, они обошлись много ласковее. Господа монахи Францисканского ордена предлагали нам шоколаду, кофе или чего другого, но мы вежливо отговаривались. Они обещались приехать на корабль.

Исторический центр
Лимы. Современное
фото

В 2 часа пошли к Бартолли, где уже был заказан обед. Трактиры здесь вообще не хороши, набиты всякой шушерой, так что стыдно войти. Спросили для себя особую комнату; нам отвели наверху, накрыли стол. Ложки и вилки серебряные, тяжёлой и грубой работы, обед хорош, блюд десять, за десертом много фруктов: прекрасный крупный виноград, персики, яблоки, чимороя, тумба, громадный отлично-вкусный арбуз и проч.

5—17 апреля. Сегодня я остался на вахте и имел большое объяснение с капитаном по поводу того, чтобы он взял строгие меры к обузданию команды, которая нередко выходит из послушания, пьянствует, и иногда бывают драки и буйство. Капитан всё слушал и молчал, но никаких действительных мер не принял. Этот разговор о его послаблении к команде был уже последний, и впредь я решил объясняться с ним на бумагах.

8—20 апреля. ...Я оставался на вахте на корабле; довольно было посетителей и посетительниц, которые просили сыграть им что-нибудь на фортепиано. Как я ни отговаривался, но принуждён был проиграть две или три русские песни или арии, мелодия которых им очень понравилась.

Сегодня часть нашего груза перевезена была на «Кутузов», и взамен того некоторые вещи с «Кутузова» перевезены к нам.

9—21 апреля. В моём журнале я не пишу всякий день погоду, потому что здесь она очень постоянна... Сегодня в 3 часа пополудни снялись с якоря и ушли в море два трёхмачтовых американских китоловных судна и одно английское купеческое, на котором недавно взбунтовалась команда и половина разбежалась. Оно ушло на Галапагосские острова.

Мы с корабля видели, как американцы гоняли и убили большого кита из породы кашалотов. Поутру рано они увидели невдалеке кита, пускающего фонтаны... Тотчас были спущены пять китоловных шлюпок (велботов) и на них по 5 матросов — четверо гребцов и один с веслом правит, кроме того, один на носу стоит и держит гарпун. Когда кит всплывает на поверхность моря, то все шлюпки гребут к нему и стараются подойти сзади, несколько сбоку. Подойдя сажени на 3 или на 4, так, чтобы кит не мог задеть лодку хвостом или лапами — с большой силою и ловкостью кидают гарпун, стараясь, чтобы он воткнулся около пахов передних ласт. Иногда вдруг воткнут два гарпуна с двух шлюпок. Кинувши гарпун, стараются поспешно отойти и удалиться, выпуская привязанную к гарпуну верёвку... Когда верёвка совьётся вся, то конец её привязывают к шлюпке и нередко кит таскает за собою по воде шлюпку. Отойти от кита на шлюпке удобно, потому что у этих шлюпок нос и корма одинаковы, руля нет и плыть можно носом или кормой...

Лишь только он (кит) вышел из воды, то со шлюпки, которая к нему ближе, опять вонзают гарпун, и так непрерывно преследуют, пока кит изнеможет и утомится. Тогда смело подъезжают к нему ближе и вбивают в голову большую острогу, и кит умирает. Тогда опутывают его верёвками и тащат к кораблю, к которому прикрепляют так, что поверху пасть его немного выходит из воды. После сего люди на него опускаются и вырезают жир... Американцы, набрав достаточное количество жира, идут на Галапагосские острова, лежащие в 5 градусах южнее широты, недалеко от берегов Перу. Там выгружают и вытапливают жир.

...После обеда поехали смотреть торос (корриду в амфитеатре, который находился за городом. — Ю.Х.). По улицам, на перекрёстках и на площадях находились по четыре верховых солдата в парадных мундирах и с обнажёнными саблями. Это церемония для проезда вице-короля. Пошли в театр в половине 4 часа. Уже солдаты маневрировали на площади. Мы достали себе место в верхних ложах...

На площади, обнесённой каменной стеной, обыкновенно бывает человек 25 пеших и человек 8 конных, да 4 конных королевской гвардии... На самой середине площади вбито крестообразно 8 деревянных столбов, так, что человек может пройти между столбов, но бык проскочить не может. Это сделано, чтобы в случае большой опасности можно было увернуться...

Выступают на арену бойцы, имея каждый в руке мантию из материи яркого цвета: красную, синюю, жёлтую и проч. Легко одеты, в коротком лёгком плаще, коротком исподнем платье, шёлковых чулках и башмаках с серебряными или золотыми пряжками, в круглой шляпе...

Бык кидается, наклоняет голову, чтобы ударить рогами; в это время боец ловко отступает на шаг в сторону, выставляя быку пончо и в тот же момент весьма искусно поражает быка в стантовую жилу так, что шпага по рукоять втыкается и конец выходит из груди... Гром рукоплесканий и «браво» раздаётся в амфитеатре! Этот манёвр считается самым трудным и искусным, опасным. А потому ловкого бойца тотчас подзывают к ложе префекта и дают первую награду — до 20 пиастров...

Далее повторялись те же манёвры. Для разъярения быка иногда кидают ему под ноги хлопушку или втыкают её в быка с фитильком, так что хлопушка взрывается на быке, от чего он бесится и приходит в ярость. Иногда ставят на арену начинённую порохом куклу, когда бык ударит её рогами, она громко хлопает...

Когда быка долго не могут убить, то ему подсекают ноги на длинных шестах надетыми орудиями в виде согнутых кос... Подрежут ему ноги, тогда он падает, но ещё жив. Странно, отвратительно смотреть на его мучения!

Один способ заклания бывает такой: человек берёт длинный заострённый шест или кол, становится на одно колено, тупой конец шеста упирает в землю, а острый, наклонивши, держит против той двери, из которой выпускают быка. Выпущенный бык, увидев человека, но не замечая орудия, которое торчит к нему остриём, кидается прямо; человек должен потрафить, чтобы остриё попало в грудь, тогда оно проколет быка и выйдет в спину. Бык, сделав два-три шага, упадет и издыхает. Но бывают случаи, когда неискусный боец неловко поставит, промахнётся, то бык наскочит на него и вскинет на рога... Испанцы так страстны к этому — не скажу — увеселению, а зрелищу, что театр всегда полон. В ложах иногда сидит целое семейство с нянь-

ками и малыми детьми. Один раз, когда огромный бык вскинул на рога лошадь со всадником и потом набежал и вскинул одного всадника (которого хотя и оттащили, но он в тот же вечер умер), то все вскричали: «Ан мучито! Мучито!» Подле меня в другой ложе сидевшая девушка упала в обморок, дети в разных ложах подняли крик. Это ужасно! Я не знаю, что за удовольствие смотреть на это отвратительное зрелище?..

19 апреля—4 мая. Сегодня написал письма в Россию: во-первых, к моей доброй матушке, другое к моему родственнику и благодетелю — М. П. К., третье тоже к родственнику Г. М. Я., к которому все письма адресовал в Петербург.

22 апреля—4 мая. ...Поехал на «Кутузов», чтобы оттуда ехать в Лиму. Приехали в Калья в 5 часов вечера. На берегу первая неприятная весть поразила меня: я встретил кутузовских матросов и унтер-офицера, который сказал, что 4-х кутузовских матросов зарезали! Но я вскоре узнал, что они только ранены, однако трое из них ранены тяжело, во многих местах кинжалами. Я после узнал, что они были в одном неблагополучном доме вместе с испанскими солдатами, и тут случилась драка. Людей перевезли на корабль, раны перевязали, и, слава Богу, ни один не умер.

Утром всё чистили, приводили в порядок и готовились к принятию гостей. Между тем, за чаем кратко, но с твёрдостью мы представили капитану всю опасность послабления команде таких поступков, за которые и мы можем быть в ответе, и потому убедительно его просим: остановить дальнейшее непослушание и для этого наказать строго и примерно зачинщиков, а иначе мы доведём до сведения флага г. Гагемейстера. Он внял нашему представлению и обещал троих наказать примерно.

В одиннадцать часов послали на пристань все гребные суда за гостями и в двенадцать увидели их едущими. Полные наши шляпки, числом шесть, были насажены. Мы ожидали 8 или 10 человек, не более, но какое было наше удивление, сверх ожидания, видеть такое множество мужчин, дам, из них одна даже с грудным ребёнком... Мы сконфузились, не знали, чем накормить такую ватагу. Стол был накрыт на шканцах, под тентом; всё было убрано флагами, парадно. Медные орудия сияли... На 22 прибора было накрыто, и у нас только один капитан сидел за столом из приличия, а мы все обслуживали (и, прибавить, голодали).

Надо знать, что гости набрали с собою много лакеев, нянек, девушек, индейцев и прочей челяди. Ещё мы заметили, что госпо-

да с прислугою имеют братское обращение; эти слуги везде лезут по каютам и везде за господами; шум, говор страшный... Что осталось от гостей, то тут же брала и пожирала их челядь... После обеда гости вошли в капитанскую каюту. Лестно было слышать похвалы нашему Императору, которому они удивлялись; с большим вниманием и уважением они смотрели его портрет, висящий в каюте капитана. В 5 часов, простившись с нами, все гости уехали на «Кутузов». Казалось, они были весьма довольны нашим гостеприимством, после их обеда ничего не осталось, кроме косточек, и мы голодали до вечера.

На «Кутузове» они были недолго и отправились на берег. Весь Калья выбежал смотреть, как они отправились; три кареты четверней и девять балажино парами, кроме того верхами, — порядочный поезд.

26 апреля—8 мая. Я обедал на «Кутузове» и провёл время приятно. Вечером Леонтий Андриянович (т.е. наш флагман) увеселял нас волшебным фонарём.

27 апреля—9 мая. Наконец пришло время с командой. Капитан наш вышел на шканцы в эполетах, в кортике и в треуголке. Собрали всю команду, сделали нотацию, и троих зачинщиков высекли линьками по 100 ударов. Таким образом наказано криминальное дело официально. Вот уже 3-й день, как сказано готовиться к походу.

30 апреля—12 мая. ...Нам сказали, что вчера ночью в крепости Калья хотели взбунтоваться пленные инсургенты; они хотели перерезать гарнизон, — их до 800 человек, следовательно, гораздо более гарнизона. Однако же заговор открыли, поворотили против них пушки, заряженные картечью, и их всех перековали и таким образом усмирили.

Капитан пришедшего на сих днях английского китоловного судна сказывал, что видел 3 инсургентских судна и при них же два, взятых ими в плен. Сегодня около 4 часов пополудни снялось с якоря и ушло в море испанское судно, идущее в Кадикс, на котором повезли письма. Нам сказывали, что на нём отправлено миллион пиастров казённых денег. Вот богатый приз, если попадётся инсургентам, впрочем, судно большое, с пушками и много команды. Лима всё ещё находится на стеснённом положении старинных колониальных прав, которые были причиною, что почти все колонии отложились от метрополии.

Иностранцам хотя и позволяется сбывать свои товары, только с большой пошлиною, а на все иностранные товары положена огромная пошлина.

Наличную монету и в слитках, в вещах золото и серебро строго запрещено вывозить, или с вывозимой монеты платится в казну 20 процентов. Подати отяготительные и взимаются даже с нищих...

Народ явно ропщет. Удивительно, как не обратит на это внимание правительство. Я полагаю, что начальники, которым здесь очень хорошо, — а может быть, и министры, — скрывают положение страны. Однако же здешние купцы при таком стеснении другим путём обогащаются, они сбывают свои товары и покупают иностранные контрабандою, которая здесь в обширном виде производится. Подкупят таможенных чиновников и стражу, и те позволяют всё или почти явно. Это знает вице-рой (а может быть, и участвует или, по крайней мере, его приближённые чиновники берут подарки и поэтому не преследуют контрабанду). Таким образом, и золото, и серебро перевозится на иностранные корабли и идёт за границу. Чиновники наживаются, а казна теряет. Если бы уменьшили подати и пошлины и права уравнили с метрополией, то не было бы ропота, и Испания не лишилась бы богатейших своих колоний. Одним деспотизмом нельзя долго держать в повиновении народ...

Сегодня на «Кутузове» обедал дон Педро Абадиа с своими товарищами; за столом пили за здоровье обоих Государей, и палили из 18 пушек, потом за благоденствие и процветание обеих компаний, т.е. Манильской и Американской, и при этом палили 7 пушек.

Фортепиано продано за 300 пиастров и мои золотые часы с такою же цепочкою и печатями за 150 пиастров...»

* * *

К сожалению, путевые записки лейтенанта российского флота Семёна Ивановича Яновского, опубликованные более 120 лет назад в «Известиях Калужской учёной архивной комиссии», на этом обрываются. Сохранись дневники полностью, они давно были бы изданы и переизданы наряду с другими записками и дневниками участников первых российских кругосветных путешествий начала XIX века. Но даже эти неполные дневники несут немало ценной исторической информации.

Да, дневники Яновского не имеют ни начала, ни конца. В них очень мало сведений о самом авторе, но существует немало опубликованных (главным образом, ленинградскими и московскими из-

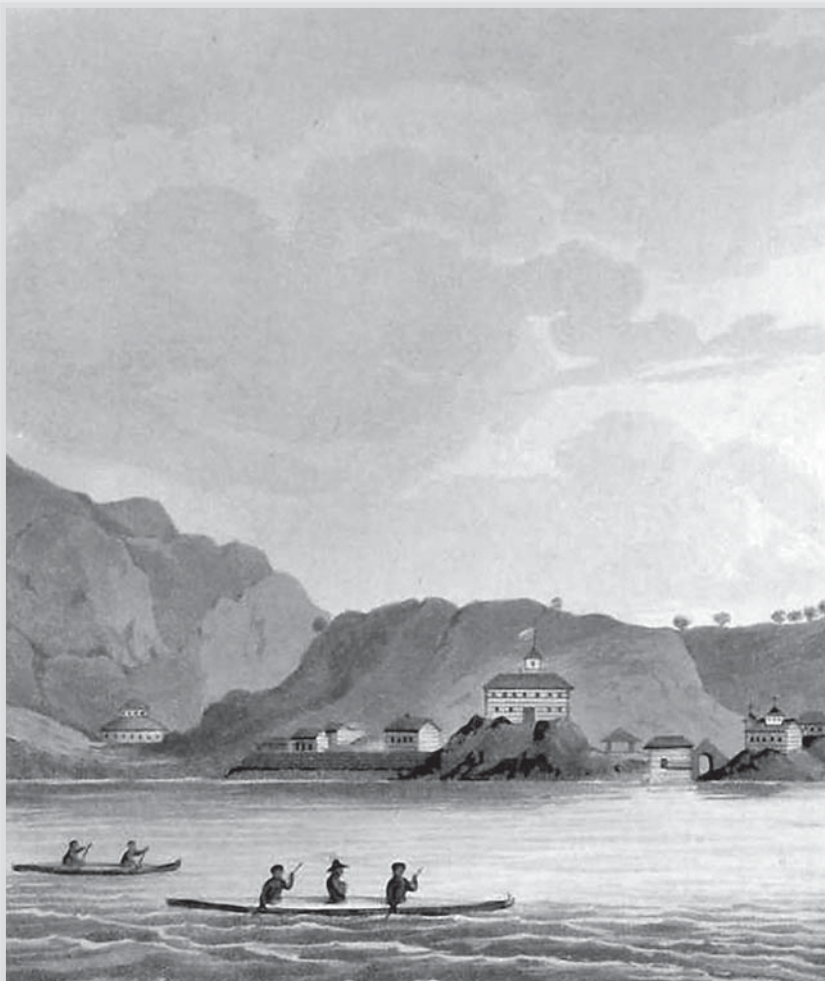
дательствами) записок и воспоминаний современников и его сослуживцев, которые прямо или косвенно содержат сведения о судьбе лейтенанта Яновского. В Калужском госархиве находятся документы (в Калуге прошла большая часть жизни Яновского), которые рассказывают нам о долгой жизни этого удивительного человека, насыщенной добрыми трудами, а также о необычной судьбе его большой семьи.

Калужский краевед и библиограф Генриетта Михайловна Морозова (1930—1992) в своей книге «Калуга. Прогулки по старой Калуге» даёт о дневниках Яновского такие сведения¹:

«...Клементий Клементьевич Моннерот-дю-Мэн (1868—1930) краевед, один из основателей музея “На благое просвещение” ... пожертвовал музею свою коллекцию по естествознанию (626 предметов), состоял членом Общества по изучению природы местного края. Бытует предание, что краевед В.М. Кашкаров, отбывая из Калуги в годы 1-й мировой войны, оставил Моннерот-дю-Мэну на сохранение ценные рукописи краеведческого содержания, не только свои, но и других авторов, например, окончание “Записок” мореплавателя Семёна Ивановича Яновского...»

Где теперь находится окончание дневников лейтенанта Яновского, участника Четвёртого кругосветного российского плавания, пока никому не известно. Зато есть исторические романы, посвящённые выдающимся русским мореплавателям и землепроходцам позапрошлого века, в которых фрагментарно появляется образ молодого лейтенанта российского флота Семёна Яновского. Главным образом, показана самая романтическая часть его одиссеи: через бури и штормы добрался герой на паруснике «Суворов» до российских колоний на Аляске, где и произошла с ним история, круто изменившая всю его жизнь. На Американском континенте к молодому морскому офицеру приходит любовь, а после — свадьба и счастливая семейная жизнь. Однако действительность оказывается удивительнее всякого авторского вымысла, поскольку американский период жизни Яновского освящён не только его глубоким чувством к девушке-креолке Ирине Барановой, ставшей его женой, но и серьёзными изменениями во всей его духовной жизни. Но не будем забегать вперёд.

¹ Морозова Г.М. Калуга. Прогулки по старой Калуге / Г.М. Морозова. — М.: Золотая аллея, 1993. — С. 223.

Часть вторая

**На русской
Аляске**

Глава 1 ЗАКАТ ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА БАРАНОВА

Первым на Аляску, в столицу Русской Америки — Новоархангельск, пришёл парусник «Суворов». Гостей с далёкой Родины 23 июля 1817 года русский форт приветствовал пушечными салютами. Флагман «Кутузов» задерживался. Ему пришлось заходить в заливы Бодего и Сан-Франциско. Там, на тёплой калифорнийской земле, с 1808 года был построен российский форт «Росс», вокруг которого стали воздвигаться поля и огороды, появились скотные дворы, а позже заработали мельница и небольшая верфь.

Возглавлял этот российский форт на калифорнийской земле коммерции советник, уроженец г. Тотьма Вологодской губернии, Иван Кусков. Ему предписывалось от имени Российско-Американской компании «охранять заведения компании, вступать в связи с народами, соседственными... пецись о заготовлении припасов для русских и алеут, также о земледелии и разведении огородных овощей...».

Командиру экспедиции Леонтию Андрияновичу Гегемейстеру предстояла встреча с испанскими властями, которые, видя успешное развитие калифорнийского форта «Росс», явно забеспокоились и стали выдвигать территориальные претензии к русским поселенцам на калифорнийской земле, которые выполняли исключительно мирную задачу — выращивали хлеб и овощи для своих соотечественников, проживавших на Аляске.

Прибытие корабля «Суворов» на Аляску из далёкой России стало радостным событием для всех жителей Новоархангельска. На пристани толпился самый разномастный народ: бородатые, просолённые морскими ветрами русские промысловики-охотники, чиновники в мундирах, скуластые низкорослые охотники-алеуты, их жёны с детишками, индейцы с орлиными перьями в волосах, иностранные торговцы...

Главный правитель российских колоний в Америке Александр Андреевич Баранов лично встретить гостей не мог — был болен. Подкосила старого правителя жестокая весть: туземцы изгнали русских промысловиков с острова Саху. Представитель Баранова не справился с поставленной задачей: втянулся в конфликт двух племён. Его шхуна потерпела крушение и была разграблена туземцами. Убытки составили около четверти миллиона рублей, а островной король Каумаули не дождался подарков Баранова. Планы приобрести для Российско-Американской компании Сандвичевы острова рассыпались в прах. Инициатива, тем более неудачно завершившаяся, всегда наказуема. За это дело, которое в Петербурге называли не иначе как авантюрой, Баранову приходилось держать ответ, а ведь ещё год назад в российскую столицу были направлены реляции о просьбе того же короля Каумаули предоставить ему российское подданство. Поторопились...

А. А. Баранов
(1746–1819)

Поскольку флагман «Кутузов» ещё не прибыл, встречать экипаж корабля «Суворов» пришлось бывшему сослуживцу капитана Панафидина, лейтенанту российского флота Якову Подушкину, у которого тоже был контракт на службу Российско-Американской компании. Оба моряка, капитан «Суворова» Панафидин и лейтенант Подушкин, в июне 1807 года приняли участие в победоносном морском сражении у Афона против турецкого флота. Руководил тогда эскадрой русских кораблей уроженец Калужской губернии, выдающийся флотоводец Дмитрий Николаевич Сенявин. Долгожданная встреча боевых морских офицеров обещала быть горячей. Обсуждать дипломатические неудачи главного правителя Баранова до прибытия Гагемейстера никто не собирался.

В самом большом из жилых помещений Новоархангельска — двухэтажном доме главного правителя — гости были представлены Александру Андреевичу Баранову. Хозяин, видя,

что из посланцев России никто не имеет желания и полномочий интересоваться его делами, устроил путешественникам праздничную встречу. Вечером, накануне обильного ужина в честь гостей, главный правитель представил офицерам свою дочь Ирину, которой в то время шёл четырнадцатый год. Девушке очень хотелось послушать рассказы тех, кто обошёл по морям и океанам почти весь земной шар. А молодым офицерам, в свою очередь, хотелось узнать из уст легендарного правителя подробности тех событий, о которых они были наслышаны ещё будучи кадетами Морского корпуса.

Было о чём рассказать Баранову во время щедрого застолья. Его жизнь и деяния на американской земле — целая эпоха, и в то же время славный финал необыкновенной судьбы простого русского купца, который за свои заслуги получил потомственное дворянство.

Уроженец города Каргополя Олонецкой губернии, Александр Андреевич Баранов родился в 1746 году в семье мещанина Андрея Ильича Баранова, который содержал в городе небольшую лавку. Сын, как водилось в то время, пошёл по стопам отца, но с большим размахом. Он был человеком, о котором говорят: «Сделал себя сам». Не получив в юности систематического образования, Баранов путём самостоятельного изучения наук сумел приобрести (и даже практически применить) свои познания по кораблестроению, геологии, химии, географии, истории, понимал несколько европейских языков и наречия американских туземцев. Даже пытался покорять вершины родной словесности — писал стихи и песни. В историю же вошёл как один из основателей Русской Америки, утверждавший европейскую цивилизацию в суровом и диком крае.

Баранов до 1780 года вёл небольшую торговлю в Петербурге и Москве. Затем, подобно многим русским предпринимателям, перебрался в Иркутск. На сибирской земле, скопив капиталец на торговле пушниной, купил стекольный и водочный заводы — вошёл в производственную сферу, сулящую более широкий размах, но зато и более рискованную. Дела Баранова шли неплохо: к началу 1790-го (ему было уже за сорок) он имел звание именитого сибирского купца. Тогда же он и познакомился с известным мехоторговцем и «американцем» — крупным предпринимателем Григорием Шелиховым, сильно нуждавшимся в опытном и честном помощнике на колонизированных землях Северо-

Восточной Американской компании, которой ещё только предстояло стать Российско-Американской.

Однако должность правителя американских угодий Александра Баранова поначалу не заинтересовала — свои дела шли успешно. Но всё изменила беда: воинственные чукчи напали на факторию Баранова на реке Анадырь, перебили всех служащих, разграбили склады с товаром, сожгли строения...

Тогда Александру Андреевичу Баранову, обанкротившемуся в одночасье, пришлось принять предложение Шелихова и отправиться на острова далёкой Аляски.

Григорий Шелихов не ошибся: новый управляющий сразу показал деловую хватку и умение мыслить стратегически. Баранов решал не только промысловые и хозяйственные задачи, но по-настоящему стремился утвердить власть России над новыми территориями: грамотно вёл исследование земель, их полезных ископаемых, налаживал взаимоотношения с иностранными купцами, наносил на карты судоходные пути, исследовал береговую зону Аляски, занимал новые охотничьи угодья, отбивал нападения воинственных туземцев, принуждал их к миру и неуклонно расширял свои владения. А главное — строил, строил, строил... Крепости, поселения, пристани, церкви, школы, верфи, шахты, мельницы, кузни, лесопильни, новые корабли и прочее...

Интенсивность его деятельности (если учитывать малое число русских в тех краях) просто изумляет. Весной 1792 года русские на о. Кадьяк под руководством Баранова начинают строительство нового поселения — Павловская Гавань. На следующий год возводится Воскресенский редут на южном побережье полуострова Кенай, где была создана верфь, со стапелей которой уже в 1794 году был спущен на воду 22-пушечный корабль «Феникс». В 1796 году Баранов закладывает крепость и поселение у залива Якутат. После того, как в 1797 и 1798 годах другая компания сибирского купца

Г. И. Шелихов
(1747–1795)

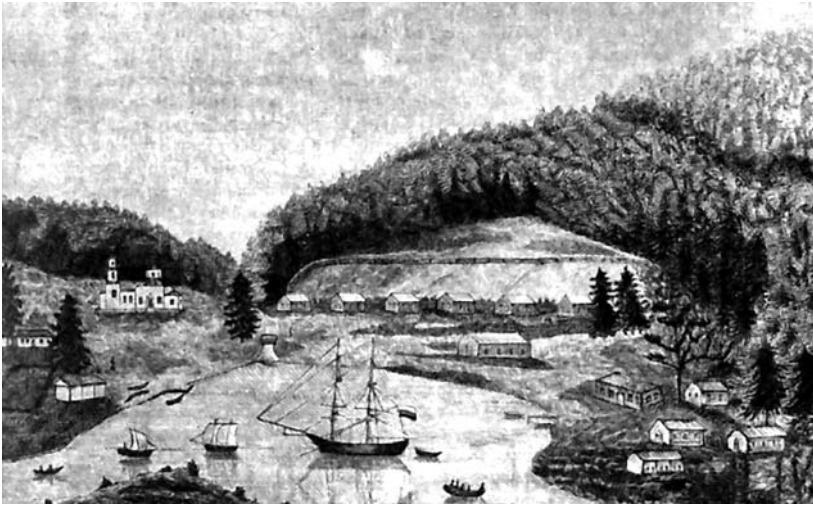

Павловская Гавань
на строве Кадьяк.
Рисунок 1798 г.

Лебедева-Ласточкина оставила из-за войны с туземцами (жертв со стороны русских было немало) Константиновскую и Николаевскую крепости на полуострове Кенай, промышленные отряды Баранова тут же заняли освободившиеся укрепления соотечественников. Таким образом, Баранов к концу XIX в. превратился в правителя всех русских колоний на Аляске.

В июле 1799 года, продвигаясь в самое сердце архипелага, Баранов закладывает на о. Ситха Михайловскую крепость, которой в дальнейшем предстояло стать столицей Русской Америки — Новоархангельском. Таким образом, за какие-то 7 лет русские взяли под контроль все основные промыслы архипелага. Доходы компании выросли в разы. Этого трудно было не заметить. В 1802 году Баранову была вручена именная золотая медаль на ленте ордена св. Владимира, которой наградил его Павел I ещё в 1799 году. Позже Баранову был присвоен чин коллежского советника, который давал право на потомственное дворянство. К концу XVIII века в распоряжении Баранова была уже целая флотилия, построенная на американской земле: промышленные вооружённые суда «Архистратиг Михаил», «Три иерарха», «Великомученица Екатерина», «Симеон Богоприимец», «Северный Орёл», «Дельфин», «Пегас», «Олег»...

Однако широкий размах Российско-Американской компании был многим не по вкусу, особенно тем иностранным торговцам, которые, приходя в архипелаг на кораблях, имели дело напрямую

Вид на остров
Кадьяк. Рисунок
С. И. Яновского

с туземцами, скупая за гроши (а порой натурой — за нитки бисера, за спиртные напитки, медную посуду и т.п.) ценные меха. Недовольны были и племена самых воинственных индейцев архипелага — колошей (тлинкитов), которые нередко грабили и забирали в рабство алеутов и эскимосов — главных добытчиков морского зверя. Русские потеснили иностранных скупщиков и воинственных колошей. Привлекая к промысловой работе алеутские племена и кадьякцев (аборигенов острова Кадьяк), русские стали тем самым их покровителями и защитниками. Конечно, эксплуатация компанией туземцев-охотников процветала, но аборигены нашли оборону в лице русских от воинственных и сильных соседей. Тем сильнее было негодование колошских князьков (тойонов), увидевших, что русские сильно подрывают другую сферу их традиционного дохода — торговлю рабами.

Летом 1802 года, основательно вооружившись огнестрельным оружием (ружья и даже небольшие пушки индейцам, как позже установил Баранов, были проданы американскими торговцами), колоши захватили на о. Ситха Михайловскую крепость, перебив оборонявшихся русских и алеутов. Одновременно ими же была уничтожена промысловая партия компании в проливе Фредерик. В те дни было убито не менее 25 русских промышленников и более 200 алеутов, разграблены склады с ценными шкурками морской выдры — калана. Вместе с Михайловской крепостью колоши сожгли почти готовое судно на берегу. Материальные потери ком-

пани были огромными. Но Баранов был непреклонен в осуществлении своих планов. Он начал подготовку военной экспедиции против колошей и убедил в её необходимости руководство компании. Для этого в Якутате был значительно усилен гарнизон и стали строиться два судна, способные нести палубную артиллерию. Уже весной 1803 года, заручившись поддержкой многих алеутских и кадьякских тойонов, Баранов сумел собрать для похода 120 русских, вооружённых ружьями, и около тысячи туземцев. Военные действия на архипелаге принимали серьёзный размах. Экспедицию возмездия возглавил сам Баранов, находившийся на корабле «Ермак», флагман экспедиции сопровождало ещё одно судно и около 400 туземных байдарок. В сентябре, на пути к о. Ситха, где колоши успели выстроить свою деревянную крепость, флотилия Баранова встретила шлюп Первой российской кругосветной экспедиции «Нева», идущий на о. Кадьяк. Капитан судна Лисянский охотно согласился помочь соотечественникам в военной операции.

Как опытный военный Лисянский отговаривал Баранова от активных боевых действий — от штурма крепости, где укрепились колоши, убеждая, что всё может решить корабельная артиллерия. Но Баранов решил на десант. Он лично командовал атакой на крепость, во время которой было несколько человек убито и множество

Л. Гланзман.
Битва при Ситхе

ранено, включая и самого Баранова. После неудачной атаки, которая, впрочем, показала колошам решимость русских, несколько дней корабли русской эскадры периодически бомбардировали крепость врага. Через неделю, видя бесполезность сопротивления, колоши зарезали ночью собак и грудных младенцев, чтобы те не выдали голосом их отступления, а сами бесшумно и незаметно ушли в горы на восточную часть острова. Русские заняли крепость.

Доспехи колошского
воина

За свой военный поход Баранов был награждён орденом Св. Анны второй степени.

Рядом с разрушенной индейской крепостью стал строиться Новоархангельск, которому в 1808 году суждено было стать столицей Русской Америки. Но колоши, заключив мир, не покинули острова, поэтому строительство началось с возведения надёжного форта, на стенах которого сразу были поставлены русские пушки.

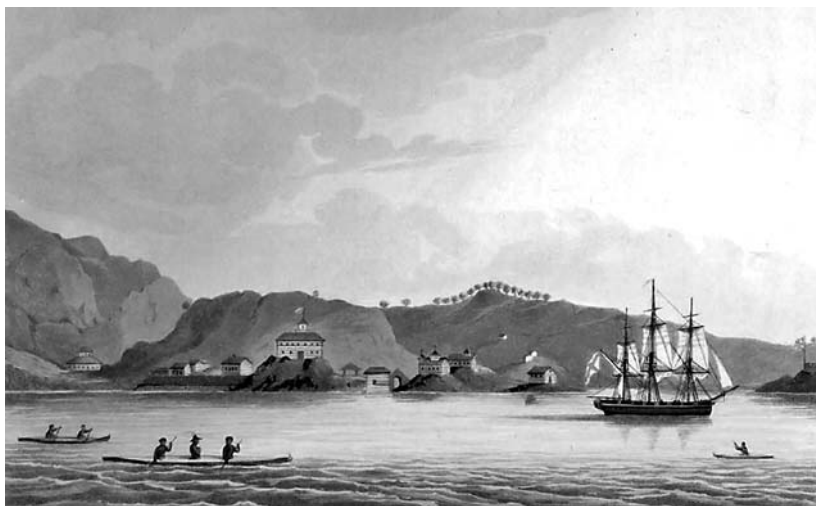
В своих опубликованных записках «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним» лейтенант российского флота Гавриил Давыдов оставил такой словесный портрет главного правителя¹:

«...Слава имени Баранова гремит между всеми варварскими народами, населяющими северо-западный берег Америки... Баранов роста ниже среднего человека, белокур, плотен и имеет весьма значащие черты лица, не изглаженные ни трудами, ни летами, хотя ему уже пятьдесят шестой год...»

Напомним, что первые морские офицеры-контрактники, пришедшие на службу Российской Американской компании, — Николай Хвостов и Гавриил Давыдов — впервые увидели Баранова на острове Кадьяк осенью 1802 года. Именно в этом году Александр I,

¹Цит. по кн.: Алексеев, А. И. Судьба Русской Америки / А. И. Алексеев. — Магадан, 1975. — С. 129.

Русский военный шлюп «Нева», принимавший участие в битве при Ситхе

делая знак высочайшего доверия, купил 10 акций Российско-Американской компании, также по две акции купили вдовствующая царица и великий князь Константин Павлович.

Баранов прекрасно понимал, что только пушками и военными операциями успеха не добиться: оружием от многочисленных отрядов краснокожих можно отбиться сидя в крепости, но как защитить промысловые команды, уплывающие на охоту от крепостей и фортов на десятки и даже сотни километров, где их могут подстеречь воинственные колоши? Поэтому летом 1805 года, когда отряды индейцев (уже после заключения мира) напали на Якутат, сожгли крепость, убили и взяли в плен более трёх десятков русских и кадьякцев, Баранов благоразумно внял убеждениям прибывшего на Кадьяк камергера и посланника Резанова и на этот раз отложил очередную экспедицию мщения. Своих пленных было решено выкупать.

Тонкий политик, образованный человек, Николай Петрович Резанов предложил главному правителю Русской Америки больше уповать не на силу, а на дипломатическое искусство. Поразмыслив, Баранов согласился с ним. Он создал сеть осведомителей (благо среди туземцев было немало тех, кто хорошо относился к русским и был обижен воинственными колошами), поощрял среди русских тех, кто изучал местные диалекты и обычаи, стремился сам понять язык и верования народов, с которыми приходилось вступать в тесные отношения. Главным стимулом сближения с колошами должна была стать

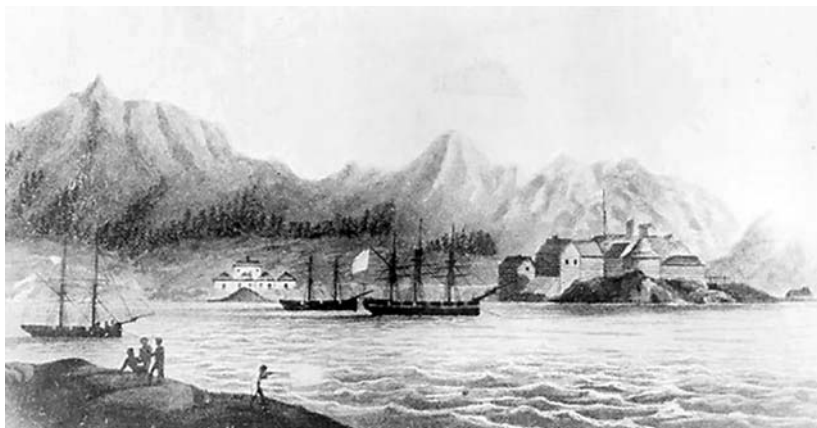
*И. Г. Вознесенский.
Остров Ситха. Вид
[с] верхней кухни.
1843–1845 гг.*

та же торговля, которая показывала незлобие и добрые намерения русских. Как ни жаждало сердце мести, а поставленные стратегические цели компании были превыше всего, да и само Православие призывало к терпению и прощению, предусматривая в перспективе вразумление диких народов светом христианской веры.

Баранов не скупился на выкупы из плена своих подопечных, не пасовал перед опасностями, в стычках с колошами был в первых рядах, при встречах с вождями врагов проявлял к ним уважение, отдавая должное их смелости. Вскоре главный правитель Русской Америки приобрёл у племён, населявших северо-западные берега Америки до пролива Жуана де Фука, большой авторитет. Стать его товарищем и другом среди индейцев считалось честью, но ещё большая честь ожидала того, кто смог бы его лично убить в честном сражении или поединке. Таковы были обычаи воинственных индейцев. Понимали это и приближённые Баранова, которые днём и ночью оберегали главного правителя. Нередко, во время своих частых переездов от форта к форту, Баранов надевал под кафтан старую, но ещё прочную кольчугу, которая оберегала его от индейских стрел и ножей.

Жизнь первых русских переселенцев в американских колониях была, выражаясь современным языком, экстремальной. Непомерный труд, проблемы с хлебом, постоянные опасности, жёсткое управление со стороны самого главного правителя — всё это порой вызывало тайное и явное возмущение против Баранова.

Столица Русской
Америки — Ново-
архангельск в 1805 г.
(сегодня — город
Ситка на Аляске)

В дневниках Яновского не случайно упоминается ситуация, когда служащие компании штурманы Попов и Наплавков организовали заговор с целью убить Баранова, его семью и всех приближённых к главному правителю, чтобы, захватив в порту суда, стать вольными людьми, а попросту говоря, — пиратами, которых в то время ещё было немало в бассейне Тихого океана. Такое вполне могло случиться.

К счастью, сработала система «внешней разведки»: Баранова предупредили о готовящемся заговоре, но отнюдь не русские, а преданные ему алеуты.

Врагов у главного правителя, который сам не воровал и другим этого делать не позволял, хватало: на него доносили устно и письменно, а раскрытый заговор и вовсе вызвал большие подозрения в самочинстве. Поэтому в 1810 году в Русскую Америку с целью проверки прибыл на шлюпе «Диана» капитан В.М. Головнин. Однако Василий Михайлович, будущий адмирал, увидел в Ново-архангельске не разболтанных переселенцев, склонных к мятежу, а вымуштрованную Барановым команду, дисциплине которой мог бы позавидовать любой военный гарнизон.

Порядки главного правителя соблюдались неукоснительно: например, Баранов ввёл сухой закон, нарушавшийся только по его приказу, и строго запретил даже привозить на территорию Русской Америки игральные карты. Он прекрасно знал эту чуму русского досуга, когда в один день ловкий игрок мог несказанно обогатиться за счёт других, а неудачник — в одночасье лишиться того, что долгие годы зарабатывал тяжким трудом и постоянным риском для жизни. Поэтому Русская Америка (этот указ Баранова

соблюдался и после его смерти) была той территорией России, где не было не только крепостного права, но и многих дурных обычаев, укоренившихся в континентальной России.

Торговать оружием, порохом и спиртными напитками на территории русских колоний тоже было запрещено. Однако неизбежные стрессы снимались чисто по-русски. Морской офицер Лаврентий Алексеевич Загоскин, выпускник Морского кадетского корпуса, выдающийся исследователь материковой Аляски и писатель, посетил Новоархангельск спустя более 20 лет со дня смерти Баранова. Но он ещё застал в живых нескольких сподвижников Александра Андреевича, старых промышленников, которые навсегда решили остаться в Америке. С их слов Загоскин и составил такую картину из жизни русских переселенцев самого начала XIX века¹:

«...Баранов был как бы их атаманом. Он не любил письма: не заводил ежедневных приказов. Придёт ли надобность объявить что, к общему сведению, нужно ли кого наказать в пример другим, откроются ли новые сношения с туземцами или капитанами судов Соединённых Штатов, приходивших в те времена во множестве к Новоархангельскому порту, — во все такие случаи он наряжался в мундир, присланный ему в 1803 году (мундир А. А. Баранову был пожалован в 1803 году вместе с медалью «За усердную службу» на владимирской ленте в связи с принятием Российско-Американской компании под покровительство царя. — Ю. Х.), выходил на площадку, имеющую не более 3 квадратных сажен протяжения и называемую доньине плац-парадом, садился на приносимые для него кресла, покрытые медвежьим мехом, и с них поведывал своё слово, чтившееся законом. В великие праздники или ради какого радостного обстоятельства место плац-парада занимала казарма; в огромный котёл вливались бочки рому, ставилась кружка, и душа была мерою. В то же время г-н Баранов в малиновом плюшевом сюртуке, окружённый всеми мальчиками селения, с избранными песенниками и почётными чиновниками, в сопровождении промышленного, одетого гусаром и составлявшего почётную стражу, изволил тешиться на тундре (на лоне природы. — Ю. Х.) или у себя дома. Тут любил он видеть всю свою свиту в совершенном опьянении; трезвых при общем празднестве, по мнению г-на Баранова, не должно было

¹ Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. / под. ред. М. Б. Черненко, Г. А. Агранат, Е. Э. Бломквист. — М.: Государственное издательство географической литературы, 1956. — С. 365–367.

Новоархангельск.
Рисунок XIX в.

быть. Отказывающийся был спускаем, или, вернее, сбрасываем, с кекура (так назывался каменный холм, находившийся на самом берегу моря, в черте Новоархангельска. — Ю. Х.), имевшего более 52 футов возвышения, или был погружаем в котёл с ромом, в тот самый, в котором ныне варят пищу на 200 человек служителей. Такие празднества не продолжались день, но три, четыре, и иногда до тех пор, пока содержатель ромового подвала объявит, что нет ни капли рому в бочках и вина в бутылках...»

Разумеется, Баранов оставлял вторую половину своей команды трезвою, дабы не быть застигнутым врасплох индейцами. На следующий праздник трезвые участвовали в веселии, а те, кто отмечал предыдущий праздник, шли в охрану.

Были и другие проблемы. На островах, где русские жили рядом с мирными алеутами, нехватка женщин компенсировалась тем, что русские брали в жёны туземок. Православные священники, порой к неудовольствию промышленного люда, требовали по-христиански оформлять такие браки — крестить невесту и совершать обряд венчания, а также крестить прижитых детей. Таким образом, появилось на свет целое поколение креолов — народа физически выносливого, близкого по крови и духу как туземцам, так и русским. Малолетние креолы получали образование в Кадьяжской, Новоархангельской и других школах. Но вот в самой столице, на остро-

ве Ситха, который не являлся исторической территорией алеутов, «женская» проблема стояла весьма остро.

Была у старого правителя колоний «ахиллесова пята»: Александр Андреевич среди множества своих забот порой забывал отсылать финансовые отчёты в Главное правление компании. Его широкая душа не терпела буквоедства и мелочной расчётливости. Зато Баранов регулярно высылал меха на миллионные суммы. В период с 1806 по 1818 год, благодаря Баранову, Российско-Американская компания сумела продать различных мехов (главным образом в китайский Кантон) на сумму около 15 миллионов рублей. Ни Шелихов, ни Резанов не дожили до такого финансового расцвета компании, но продолжение их планов находилось в надёжных руках.

Россияне понимали, что дружба и честная торговля могут сделать гораздо большее, чем сила оружия. Тогда же, в самом начале нового XIX века, ещё полный сил Александр Баранов заключил мирный договор с племенем чугачей, которое обосновалось в окрестностях Чугачского залива. Чугачи, отличные охотники и рыболовы, принадлежали к одному племени с кадьякцами, но по внешности были больше похожи на воинственных колошей. Видимо, сказались вековые родственные связи. Это были люди среднего роста, сильные, выносливые, имевшие крупные глаза и правильные черты несколько скуластого лица. Среди них было немало красивых лиц даже по европейским меркам.

Баранов подружился с вождём чугачей, который после крещения взял имя Григорий. Но, чтобы союз был прочным, Баранов попросил в жёны у тойона (вождя. — Ю. Х.) одну из его дочерей. Тот с радостью согласился, ему было лестно породниться с «вождём» смелых белых людей, пришедших из-за океана. Авторитет русского купца, утверждавшего волю Российской Империи на далёком континенте, показавшего себя человеком решительным и умеющим держать своё слово, был среди алеутов и индейских племён весьма высоким.

Несмотря на большую разницу в возрасте (невесте было около 16 лет, а Баранову за 50), этот брак не был подневольным со стороны невесты, получившей при крещении имя Анна и фамилию — Рассказчикова. От брака появились на свет трое детей: Антипатр (1793 год), Ирина (1804 год) и Екатерина (1813 год).

Старшие дети-креолы Александра Баранова — Антипатр и Ирина — жили при отце в Новоархангельске, а младшая Екатерина, ещё малолетняя, к моменту прихода корабля «Суворов» в столицу Русской Америки находилась на острове Кадьяк вместе с матерью.

Медаль «Союзные России» для ношения на шее (1805–1806 гг.) изготовлена для старейшин североамериканских племен в знак российского подданства

Глава 2 КТО СТАНЕТ НОВЫМ ПРАВИТЕЛЕМ АЛЯСКИ?

Отдохнув несколько дней после трудного плавания, приветливо встреченная Барановым команда «Суворова» принялась за дело. Потрёпанный штормами корабль нуждался в основательной починке. Паруснику, прошедшему тысячи миль по океанским и морским просторам, предстояло возвращение в Россию. Для старшего офицера «Суворова» Семёна Яновского нашлось дело на берегу. С разрешения капитана Панафидина Яновский возглавил работы по строительству новой пристани Новоархангельска. Сын Александра Андреевича Баранова Антипатр зачастил на строящуюся пристань. Юношу тянуло к мужской работе, к офицерам и мастерам, которые нередко собирались в маленьком деревянном домике, где Яновский на дощатом, наскоро сколоченном столе раскладывал чертежи и расчёты.

Порой вместе с братом Антипатром или компаньонкой заглядывала туда и Ирина Баранова. Видя, как ведёт дело Яновский, которому пришлось на этот раз руководить главным образом плотниками компании, старый правитель российских колоний смекал, что хозяйственная жилка у молодого морского офицера имеется. Флагман Четвёртой российской кругосветной экспедиции под командованием Леонтия Андрияновича Гагемейстера пришёл в Новоархангельск только 20 ноября 1817 года.

С прибытием на Аляску «Кутузова» связана непростая история ухода в отставку главного правителя Русской Америки Александра Андреевича Баранова. Яновский ещё не знал, что его начальник имеет при себе секретный документ Главного правления Российско-Американской компании, который гласил следующее¹:

«...Преклонность лет Главного правителя американских областей, г-на Коллежского Советника и Кавалера Баранова, болезненные его припадки и 25-летие пребывания там в беспрестанных трудах и заботах давали ему право на неоднократные требования об увольнении его от должности; посему хотя два раза отправлены были ему преемники Кох и Борноволоков, но они за смертью не достигли того края, а после

¹ Цит. по кн.: Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова. Новоархангельск / под ред. В.А. Александрова. — М.: Наука, 1985. — С. 61.

сего третьего способного человека, правление Компании заместить не могло; ныне же встретило оное достойную к тому особу в лице предъявителя сего, флота капитан-лейтенанта и Кавалера Леонтия Андрияновича Гагемейстера, начальника кораблей «Кутузова» и «Суворова»; в рассуждении чего Совет Российско-Американской Компании определил и с тем же г. Гагемейстеру писал к г. Баранову, чтобы он ему сдал свою должность, капиталы и дела принадлежащим образом. О сём событии Новоархангельская контора, г.г. морские офицеры и все должностные и служащие в Компании имеют ведать и вновь определённом начальником областей г. Гагемейстеру повиноваться во всём, что до должности каждого относится, под опасением, в случае неисполнения сего, определения строгого взыскания по законам.

Дано в С.-Петербурге, 1816-го года.

Подписали:

Гаврило Сарычев, Иван Ведемейер, Яков Дружинин, Михайло Булдаков, Венедикт Крамер, Правит. Канц. Иван Зеленский».

История Русской Америки есть история не только географических открытий, развития промыслов, торговли и международных отношений России. Страсти человеческие корректировали и вносили свои поправки в эту славную, драматическую, а порой и трагическую летопись освоения русскими дальних земель.

Поскольку 15 декабря 1811 года Российско-Американская компания была переподчинена Министерству внутренних дел России, было решено на места главных правителей компании ставить морских офицеров императорского флота. Энтузиазм рискованных и предприимчивых русских купцов уступал дороге официальной политике империи. Это, похоже, сильно огорчало Баранова. Он хорошо помнил холод и голод первых поселенцев на американской земле, их непомерный труд, кровавые стычки с воинственными индейцами и пиратами... Наверное, было обидно за соратников-первопроходцев, которые, обустроив дикие места, теперь должны были идти под начало военных людей. Не давали покоя тревожные слухи о военных поселениях в России, где закабалённые крестьяне нередко поднимали бунты. Многие перебрались в Америку потому, что там была свобода, крепостного права с его жестокими порядками в русских колониях не было. Но было, наверное, и другое: матерый предприниматель, человек ума практичного, Александр Андреевич опасался за судьбу общего, государственного дела. Он понимал, что руководить далёкими

М. П. Лазарев
(1788–1851)

американскими колониями военными приказами и чиновничьи циркулярами, чрезвычайно долго идущими из Петербурга, просто невозможно. Колониям нужен решительный, волевой человек, хорошо разбирающийся не столько в искусстве управлять парусником, сколько понимающий явные и тайные пружины международной торговли, человек, способный быстро принимать серьезные решения, не боящийся брать на себя большую ответственность и умеющий ладить с местными племенами.

Надо сказать, не всегда между представителями Российско-Американской компании и морскими офицерами, подрывавшими к ней на службу, были мир и согласие. Достаточно вспомнить инцидент, случившийся во время Первого кругосветного путешествия между начальником экспедиции, камергером, дипломатом Н. П. Резановым (который также представлял интересы Российско-Американской компании) и заслуженным капитаном Иваном Фёдоровичем Крузенштерном.

Это был серьёзный конфликт между представителем руководства компании и морским офицером во время кругосветного путешествия, однако были и другие, помельче. Парусник «Суворов» приходил в Русскую Америку и раньше: с 17 ноября 1814 года по 24 июня 1815 года этот корабль Российско-Американской компании совершил Третью кругосветку. Командовал тогда «Суворовым» лейтенант российского флота Михаил Лазарев, будущий первооткрыватель Антарктиды. Старшим офицером на «Суворове» был тогда Семён Яковлевич Унковский, калужанин, друг и однокашник Семёна Ивановича Яновского по Морскому кадетскому корпусу.

Тогда, после зимовки корабля в порту Новоархангельска, Александр Андреевич Баранов как главный правитель Русской Америки вознамерился отправить «Суворов» на острова Прибылова для промысла морских котиков. Но лейтенант Лазарев отказался выполнять приказ главного правителя, считая зазорным употреблять военный корабль для промысловых целей. Взаимные пререкания кончились

тем, что Лазарев увёл «Суворов» в Россию без разрешения и согласования с Барановым. И это сошло ему с рук.

Старый правитель российских колоний не питал на свой счёт никаких иллюзий. Он прекрасно знал, что в дирекции Российско-Американской компании сидели уже не те люди, которые «командировали» его 28 лет назад из России на Аляску. Однако Гегемейстер не торопился объявлять о своих полномочиях, ясно понимая, что одно дело — официальная бумага, предписывающая ему перенять власть у старого правителя, а другое дело — настоящее положение вещей на месте. Очень многое зависело от того, примет ли его Баранов как своего преемника или не примет. Бывший купец был, по сути дела, долгое время неограниченным властителем российских земель на Аляске. Что же касалось русских переселенцев и алеутов (а их среди охотников-промысловиков было подавляющее большинство), то им трудно было разъяснить все тонкости административной субординации. Они во всём полагались на мнение Баранова. Старый правитель ещё до выхода в море Четвёртой кругосветной экспедиции дал знать в Петербург, что у него насчёт преемственности власти на Аляске имеются свои соображения. Об этом свидетельствует также текст письма главного правления Российско-Американской компании А. А. Баранову от 6 апреля 1817 года¹:

«Милостивый государь Александр Андреевич! Не подумайте, чтобы мы Вашу преклонность лет и болезненные припадки, наипаче же многолетнее пребывание в таком далёком крае и все поднятые Вами труды не уважали, тем более ежели бы, сверх нашего чаяния, Вас в самом деле не стало, то чему бы повержен сделался вверенный Вам край по неимению достойного, кто бы хотя на небольшое время мог оным управлять?»

Не подумайте и того, чтобы мы, не внемля ко всему выше сказанному, были столь нерадивы, чтобы не искали Вам преемника, каковых послано было двое, но кои до Вас не достигли. Поистине сказать, мы не можем отыскать достойнейшего человека, хотя и всякий день о том заботимся. Вот что причиною нашего медления в присылке к Вам преемника...

Рекомендуемого же Вами Германа Николаевича Молво не можем мы согласиться назначить в преемники Ваши по молодости лет его и неопытности в обращении с дикими народами

¹ Цит. по кн.: Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова. Новоархангельск / под ред. В. А. Александрова. — М.: Наука, 1985. — С. 230.

ми, населяющими край, Вами обитаемый. Вы делаете замечание, что имеете опасение дабы на старости и дряхлости не поступиться чем. Сея черта есть благоразумие Ваше. Но какому человеку ошибки не свойственны? Если будете руководствоваться нашими желаниями и советами, приноравливая оные к местным Вашим обстоятельствам, то, кажется, больших ошибок не сделаете.

Итак, пожелав Вам всех от Бога благ и крепости сил душевных и телесных, пребудем, как прежде нелицемерно искренностью и почтением.

Апреля, 6 дня 1817 года.

P.S. Не худо сделаете, когда обще с Леонтием Андриановичем (Гагемейстером) представите к награждению чинами и медалями отличных у Вас людей, как то: сына Вашего (Антипатра Александровича), не именуя токмо его сыном, конторщика Терентьева и прочих, кто у Вас есть, описав их деяния и поведение. Мы будем стараться сделать Вам удобное».

Содержание и тон этого письма ещё раз убеждают, что вопрос преемственности власти на Аляске был весьма не прост и требовал от руководства компании большой осторожности. Царь лично интересовался делами Российской Американской компании и, разумеется, хорошо знал, кто такой Александр Баранов.

Наступил день, которого долго ждал и в глубине души боялся старый главный правитель. 11 января 1818 года в дом Александра Андреевича Баранова в сопровождении капитана корабля «Суворов» Захара Ивановича Панафидина явился в парадной форме и с пакетом документов Леонтий Андриянович Гагемейстер. Баранов понял, что пора сдавать дела и освобождать кресло главного правителя.

Начальник Четвёртой кругосветной экспедиции капитан-лейтенант Леонтий Андриянович Гагемейстер начал входить в финансовые тонкости компании. Как свидетельствует в своих записках К. Т. Хлебников¹, «новый главный правитель (Гагемейстер) заметил, что по причине упадка курса на пиастры цена иностранных товаров для продажи положена без должного соображения, и потому приказал конторе сколько можно приблизить к существенному состоянию цен...»

Начавшееся крушение колониальной системы Испании в Америке вносило свои значительные коррективы в курс иностранной

¹Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова. Новоархангельск / под ред. В. А. Александрова. — М.: Наука, 1985. — С. 64.

валюты и в торговые дела Русской Америки, но то, что было хорошо видно морским офицерам, ещё недавно побывавшим в портовых городах охваченной войной Латинской Америки, то трудно было понять на Аляске.

И хотя Баранов был спокоен за своё доброе купеческое имя, поскольку ничего чужого к его рукам за 28 лет службы на Аляске так и не прилипло, одна мысль не давала ему покоя: что же будет с его детьми, когда ему, семидесятидвухлетнему старику, придётся уступить свою должность? Что ждёт их там, в далёкой России, куда так стремятся Ирина и Антипатр? Сын мечтает увидеть Петербург и продолжить службу в компании. Старшей дочери пришла пора искать надёжного спутника жизни, думать о собственной семье... Младшая дочь Екатерина ещё совсем маленькая, находится рядом с матерью, которая даже и не собирается покидать своей родины... Было о чём задуматься старому правителю. Проверив дотошно дела Новоархангельской конторы, коммерсант компании Кирилл Тимофеевич Хлебников никаких серьёзных упущений в делах Баранова не обнаружил.

Суровая зима Аляски уже давала о себе знать. Берег моря покрылся кромкой льда. Стоящие на рейде корабли «Кутузов» и «Суворов», словно огромные деревянные дома, закурились синеватым дымком: железные печки отапливали каюты кораблей. Гагемейстер, представив Баранову документы компании, подтверждающие его права на должность правителя, вернулся на «Кутузов» и общался с Барановым посредством записок, доставляемых ему офицерами. Иногда роль почтальона приходилось выполнять и Яновскому.

Начавшиеся холода загнали на время строителей в тёплые избы и казармы, в кузнях Новоархангельска выковывались гвозди, болты, скобы и многое другое, необходимое как для ремонта кораблей, так и для строящейся пристани. Здесь тоже нужен был хозяйский глаз. В эти декабрьские дни Яновский ещё больше сблизился с комиссионером Кириллом Хлебниковым, с которым вместе проделал долгий путь из Кронштадта на Аляску. Став начальником Новоархангельской конторы, попечителем складов с дорогой пушниной и прочего хозяйства Российско-Американской компании, Хлебников в один из дней сообщил Яновскому, что слухи о несметных богатствах Баранова, мягко говоря, сильно преувеличены. Так же как и слухи о том, что он не чист на руку.

Всесторонняя проверка Гагемейстера не выявила никаких серьёзных недостатков и нарушений, тем более злоупотреблений с це-

лю личного обогащения. Баранов не скопил большого состояния, поскольку немало личных средств правителя шло на «дипломатические расходы», помощь бедным, строительство церквей и училищ, помощь тем семьям, кормильцы которых погибли в море во время промысла или в столкновении с индейцами... Подарки местным князькам и злополучному канакскому островному королю Каумаули делались не за счёт компании, а из личных средств Баранова. Другое дело — преклонные года и пошатнувшееся здоровье главного правителя.

Глава 3 АМЕРИКАНСКАЯ НЕВЕСТА

По субботам, воскресеньям и по православным праздникам на храме Михаила Архангела, построенном в 1816 году на деньги Баранова, звонили колокола. В храме вёл службу отец Тихон. Во время литургии в церкви было немало крещёных алеутов и креолов. Бывали в храме и морские офицеры. Яновский украдкой наблюдал за Ириной Барановой, которая вместе со своей компаньонкой, видимо, тоже креолкой, посещала храм. Баранов бывал на службах, но не так часто — подводили старого главного правителя больные ноги, которыми было немало исхожено американской земли.

В свободные от работы дни главный правитель приглашал к себе Яновского на чашку чая. Старший офицер «Суворова», стараясь не подавать повода для пересудов, обычно заходил с кем-нибудь из сослуживцев или с коммерсантом Хлебниковым. Отослав старую ключницу домой, Баранов просил дочь поухаживать за гостями. Окна комнат главного правителя выходили на горку, с которой на санках катались русские и алеутские ребяташки. Баранов говорил, что дети русских промышленников, алеутов и дети от смешанных браков — креолы — учатся в церковно-приходской школе вместе и наиболее старательные из них показывают неплохие успехи. Некоторые из них уже отправлены в Россию, где обучаются различным ремёслам и штурманскому делу. Вступая в разговор, Ирина Баранова сообщала, что все алеуты — хорошие родители, они очень любят своих детей, терпеливо учат сложному ремеслу охоты за морским зверем, никогда не наказывают за шалости и охотно отдают (если есть такая возможность) в русские школы.

Храм Михаила
Архангела на Ситке.
Современное фото

Владея тремя языками (немецким, английским и французским), Яновский решил и здесь не терять даром времени: записывал в свою походную книжечку те или иные выражения туземцев. Учителем нового «иностранного» языка стала всё та же Ирина, которой в свою очередь очень хотелось овладеть французским.

* * *

Власть в Русской Америке перешла в руки представителей военно-морского флота России. Сдав преемнику все дела и атрибуты власти, Баранов отписал вернувшемуся на корабль Гагемейстеру, что собирается в ближайшее время отплыть на остров Кадьяк для свидания с женой Анной Григорьевной и младшей дочерью. Но тут же получил отказ от преемника, уже облечённого всей полнотой власти. Выяснилось, что Гагемейстер опасается Баранова, зная его слишком большую популярность среди алеутов, индейцев, эскимосов и креолов. Да и русские промысловики-охотники не очень-то хотели идти под власть человека, носящего офицерские эполеты. Как известно, новая метла метёт по-новому.

Позже стало известно, что кто-то из чиновников Новоархангельской конторы, тайных недоброжелателей Баранова, написал анонимное письмо новому главному правителю, в котором пред-

«Земля Российскаго владения» — оригинал вехи, оставленной Александром Барановым в начале XIX века на Аляске, эквивалент пограничного столба. Всего было изготовлено 26 таких табличек, до наших дней сохранилась только эта

остерегал, что «выживший из ума властолюбец Баранов» готовится поднять восстание в русских колониях. Осторожный Леонтий Андриянович, что называется, вник в проблему.

Опасения Гагемейстера можно было понять: вся Латинская Америка, в портовые города которой заходили «Суворов» и «Кутузов», пылала мятежным огнём войны колоний с метрополией. В укрепленном российском форте «Росс» в Калифорнии, где не так давно побывал руководитель Четвёртой кругосветной экспедиции, начальник форта Иван Кусков вполне осведомлённо рассказывал офицерам с флагама, что в испанских колониях Калифорнии тоже нет порядка. Инсургенты (повстанцы) время от времени нападают на испанские гарнизоны и даже контролируют некоторые отдалённые территории.

* * *

Любовь не оставляет после себя никаких документов, если влюблённые рядом, а не состоят в переписке. Блестящий морской офицер, петербуржец, участник войны с Наполеоном... Семёну Яновскому были открыты многие салоны северной столицы, где он встречал немало молодых дворянок знатных фамилий. Но потомственный дворянин влюбился самым неожиданным образом на краю света в девушку-креолку, будущее которой было весьма туманным...

Яновский подал рапорт Леонтию Андрияновичу Гагемейстеру с просьбой жениться на Ирине Барановой, которой в то время шёл пятнадцатый год. Глава экспедиции, недавно ставший главным правителем российских колоний в Америке, не видя в этом союзе ничего предосудительного для офицерской чести, был, однако, весьма озадачен: уж Яновский-то мог бы найти невесту с более почётной родословной.

Баранов со слезами на глазах благословил Яновского и Ирину. Свадьбу сыграли в конце января. Венчались молодые в храме Михаила Архангела, а после того, как они вернулись из церкви, был великий свадебный пир в доме бывшего главного правителя, где семь месяцев назад отмечался день прибытия на Аляску парусника «Суворов». Отцовские чувства Баранова были удовлетворены. Ирина вышла замуж за достойного и надёжного человека, на которого, как на родственника, мог положиться и брат Ирины — Антипатр. Старый правитель определил дочери приданое: часть своего состояния недвижимостью на острове Кадьяк (туда ещё предстояло сходить под парусом Яновским) и деньгами — 5 тысяч рублей.

Офицеры, друзья жениха тоже были несколько озадачены жеманностью Яновского и, хорошенько подвыпив на свадьбе, поздравили старшего офицера корабля «Суворов» с тем, что отныне он имеет право считаться вождём краснокожих гораздо в большей степени, чем всем им известный Фёдор Толстой-Американец.

Глава 4 УДАЧНЫЙ КОМПРОМИСС КАПИТАНА ГАГЕМЕЙСТЕРА

За долгие годы руководства американскими колониями Александр Андреевич Баранов приобрёл не только уникальный опыт управления, но и уникальный статус. Как говорит русская пословица, он долгое время был «и Бог, и царь, и воинский начальник». Баранов весьма убедительно доказал свою административную хватку и твёрдую волю: бывший каргопольский купец широко раздвинул владения российской короны. Он открывал новые острова с лежбищами морского зверя, основывал поселения для промышленников и ремесленников, строил крепости, следил за составлением карт для мореходов, вёл торговлю с местными племенами, небезуспешно привлекал последних к службе в Российско-Американской компании, значительно расширил торговлю компании с другими государствами и их колониями. Если требовалось, то Баранов снаряжал боевые отряды, чтобы отстоять жизнь и собственность поселенцев от воинственных индейских племён и пиратов, мирил туземные племена, унимал своих соотечественников, если те начинали творить бесчинства...

Купец и воин, промышленник и дипломат, отважный мореплаватель и талантливый администратор, он обладал смелостью брать на себя большую ответственность, он проник во многие секреты международной торговли, и благодаря Баранову меха Российско-Американской компании успешно конкурировали с таким же товаром английских, американских и французских промышленников. Найти полноценную замену Баранову даже среди опытных и образованных морских офицеров было очень нелегко.

Капитан Гегемейстер стал первым, кто сел на медвежью шкуру кресла старого правителя Баранова. Но тут шкура свирепого американского медведя гризли, образно выражаясь, вдруг сразу ожила и показала свои страшные когти. Нехорошие предчувствия

Гагемейстера стали сбываться. Нет, среди алеутов и русских промышленников никто не бунтовал. Однако сразу дали знать себя воинственные индейцы — колоши-глинкиты.

И это подтверждает историк Российско-Американской компании Пётр Александрович Тихменёв в своих обширных трудах¹:

«...В бытность Гагемейстера в колониях в 1818 году (были) беспрестанные грабежи и нападения на русских со стороны колошей, несмотря на присутствие в Новоархангельске хорошо вооружённого судна.

...Гагемейстер заключил условие с командиром французского судна «Борделе» лейтенантом Рокефилем об отпуске ему 30-ти байдарок для производства промысла бобров в общую пользу.

Нападение колошей на этот отряд, причём было убито 20 партовщиков и 3 женщины, заставило его возвратиться назад без всякой пользы. Получив донесение об этом несчастии, главное правление приказало выдать семействам каждого убитого по 350 руб. асс. и раненым около этой суммы, смотря по важности полученных ими ран...»

Посылать промысловые отряды к дальним островам на промысел калана и морского котика стало опасным. Налаженная Барановым работа затормозилась, Российско-Американской компании стали угрожать большие убытки. Леонтий Андриянович серьёзно задумался: можно, конечно, разнести бортовой артиллерией «Кутузова» береговые поселения колошей, потопить их лодки... Но что это даст компании, которая ждёт не войны, а денег, столь нужных государству после нашествия Наполеона?

Вникая в жизнь колоний, Гагемейстер понимал, что нравы местных племён, от которых зависела мирная жизнь в колониях, таковы, что туземцы признают только наследственную власть по родословной. Воинственные колоши клялись в вечном мире лично Баранову, который по своей жене-туземке стал родственником племени чугачей (а это племя в свою очередь имело родственные связи с колошами), но отнюдь не капитану Гагемейстеру.

Так уж выходило, что женитьба Семёна Яновского на Ирине Барановой стала тем необходимым компромиссом, в котором нуждалась прежде всего сама Российско-Американская компания. Это тоже по-

¹ Тихменёв, П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действия её до нашего времени / П.А. Тихменёв. — СПб., 1861. — Ч. 1. — С. 240.

нимал Гагемейстер. Туземцы же видели в лице молодого морского офицера законного (по их понятиям) преемника старого правителя — Баранова. Офицеры, хотя и были озадачены неожиданной женитьбой Яновского, позже поняли, что этот брак положил конец раздорам между военной костью и старым (по сути купеческим) управлением на местах. В добросовестности, энергичности и деловой хватке Семёна Яновского не сомневалась ни та, ни другая сторона.

В. М. Головнин
(1776–1831)

Не надо сбрасывать со счетов и того факта, что правой рукой Яновского оставался опытнейший коммерсант Кирилл Хлебников, пришедший с ним в Русскую Америку на корабле «Суворов». Военные моряки были смелы в бою, хорошо знали морское дело, но теперь от них начинали зависеть дела коммерческие, поэтому и потребовались рядом опытные коммерсанты — профессиональные экономисты, знавшие торговлю.

С уходом в отставку Баранова начался новый этап в жизни русских американских колоний. Российско-Американская компания как торговая фирма продолжала свою деятельность, но бразды правления уже прочно держала официальная власть в лице своего военно-морского флота. Ещё одно подтверждение тому — прибытие в Новоархангельск 28 июля 1818 года шлюпа «Камчатка» под командованием капитана (будущего вице-адмирала) Василия Михайловича Головнина, который имел полномочия от правительства ревизовать компанию. Среди офицеров команды «Камчатки» был и лицейский друг А. С. Пушкина мичман Фёдор Матюшкин. В записках одного из офицеров шлюпа «Камчатка» есть описание этого события¹:

«...Только мы положили якорь на Новоархангельском рейде, приехали к нам лейтенанты Яновский и Подушкин и комиссионер компании Хлебников; когда же мы сидели за обедом, то возвестили нам прибытие Баранова. Необыкновенная жизнь и дела

¹Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова. Новоархангельск / под ред. В. А. Александрова. — М.: Наука, 1985. — С. 248.

этого необыкновенного человека поселяли во мне великое любопытство его видеть. Баранов более малого, нежели среднего роста. Старость и понесённые им труды оставили в нём весьма мало следов того огня, который воодушевлял его в прежнее время. Лицо его покрыто морщинами, он лишился совершенно волос, поступь его колеблющаяся, но за всем тем нельзя дать ему 80 лет (точнее — 72 года. — Ю. Х.), в особенности кому известна трудовая и беспокойная жизнь его. На другой день мы были приглашены к нему обедать. В заключение праздника явились на сцену песельники, которые, чтобы позабавить бывшего своего начальника, не жалели своих горл и наших ушей. Когда запели собственного его сочинения песню «Ум российский промыслы затеял», то Баранов не мог не последовать привычке, которую уже имеет 20 лет. Он встал в кружок любимцев своих, чтобы провозгласить вместе с ними общие их подвиги в Новом Свете».

К этому времени Семён Яновский уже фактически стал главным правителем, поскольку Гагемейстера в столице Русской Америки не было. Известно, что Леонтий Андриянович подписал рапорт Яновского о женитьбе на Ирине Барановой с тем условием, что Яновский возьмёт на себя нелёгкое бремя руководства русскими колониями в Америке. Гагемейстер не видел себя в этой должности, поэтому он, взявшись за дела дипломатические, срочно отбыл (ещё до прихода «Камчатки») в Калифорнию, где находился русский форт «Росс». Капитана Головина он известил об этом официальным письмом, в котором были такие слова¹:

«Претензии испанцев, будто бы наша Американская компания заняла места в Новом Альбионе, им принадлежащие, несправедливы, потому что в них живут независимые индейцы, которые не терпят испанцев и ведут с ними вечную войну, а напротив того привязаны к русским и просят наших поселиться между ними... В заключение старшина их Валенила (речь идёт о вожде индейцев хойбо Вале-лиелье. — Ю. Х.) просил у меня русского флага, который мог бы поднимать он при приходе русских судов, в знак, что русских он считает своими друзьями...»

Пробыв более 2-х недель в Новоархангельске и осмотрев часть русских колоний с пристрастием, Головин направил шлюп «Камчатка» к югу, к форту «Росс», где, встретив Гагемейстера и уточнив об-

¹Цит. по кн.: Скарбек, И. Хождение за тридевять земель / И. Скарбек. — М.: Молодая гвардия, 1988. — С. 104.

становку, будущий адмирал решил поехать к испанскому губернатору Пабло дель Сола. Как известно, инцидент был исчерпан, конфликт между российскими промысловиками и испанскими местными властями, которые то выдвигали территориальные претензии, то пытались насильственно обращать в католичество (правда, безуспешно) православных алеутов, был улажен. Далее «Камчатка» от калифорнийских берегов отправилась в Кронштадт, а «Кутузов» вернулся в Новоархангельск, привезя с собой из форта «Росс» около 15 тыс. пудов продовольствия. Вернувшись в столицу Русской Америки, капитан Гегемейстер удостоверился, что не ошибся в выборе преемника.

* * *

Баранов был готов к отъезду в Россию. Сына Антипатра, мечтавшего увидеть столицу империи, он отправил на шлюпе «Камчатка» в Петербург и ожидал своего корабля. В конце ноября 1818 года парусник «Кутузов» готов был оставить Новоархангельск и взять на борт вместе с другими пассажирами старого правителя колоний. Вёл корабль в Россию всё тот же Гегемейстер. Свои права Леонтий Андриянович полностью передал зятю старого правителя Семёну Ивановичу Яновскому и, похоже, совсем не был огорчён, что власть над Русской Америкой досталась другому.

Перед отбытием Баранова из Русской Америки на родину попрощаться с ним прибыли многие тойоны. Был среди них и самый известный тойон колошей-глинkitов Котлеан, который со своими воинами шестнадцать лет назад захватил Михайловскую крепость. Время помирило бывших врагов. Вождь краснокожих в знак уважения к Баранову привёз ему свои подарки и принял от него на память русские. Прощание было трогательным. А вечером, накануне отъезда, собрались в доме старого правителя его старые друзья и, приняв чарку-другую, грянули знаменитую песню, сочинённую Александром Барановым много лет назад.

Ум российский промыслы затеял,
Людей вольных по морям рассеял,
Места познавати, выгоды искати
Отечеству в пользу, в монаршую честь (bis).

Бог всеильный нам здесь помогает,
Русскую отвагу всюду подкрепляет,
Только обозрили, вскоре обседели
Полосу важну земли матёрой.

Составляя общества, союзы,
Нам не нужна пышна эллин муза,
Только бы учило природы простые
Следовать правам и чтить той закон...

Здесь хоть дика кажется природа,
Кровожадна привычка народа,
Но выгоды важны, отечеству нужны —
Сносными делают скуку и труд.

В свете новом, в странах полунощных,
Мы стоим в ряду к славе людей мощных.
Народы мирятся, отваги боятся,
Бодрствуйте, други — русаки бо есть.

Нам не важны чины, ни богатство,
Только нужно согласное братство,
То, что сработали, как ни хлопотали,
Ум патриотов уважит потом.

Стоит сказать, что эта песня Баранова была напечатана Лаврентием Загоскиным в журнале «Москвитянин» в 1849 году. При этом знаменитый путешественник сделал к опубликованной песне (которую можно также считать одой русским переселенцам на Аляску) следующие комментарии¹:

«...В последнее тридцатилетие мудрое правительство по обширному царству Русскому расставило много глаголов для наших потомков, в памятниках не только отдельных, важных событий, как битва Бородинская, Полтавская и другие, не только в таких памятниках, как избавителю России и Европы Александру Благословенному и князю Пожарскому и Минину, но и в памятниках отдельным лицам. Так, в моей страннической жизни удалось мне в Иркутске поклониться праху Г.И. Шелихова — основателя Российско-Американской компании и истинному патриоту Н.П. Резанову; в Тобольске праху Ермака Тимофеевича, в его памятнике, спущ которого в небо ввивается, по выражению сибиряков; в Казани Держави-

¹ Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. / под ред. М.Б. Черненко, Г.А. Агранат, Е.Э. Бломквист. — М.: Государственное издательство географической литературы, 1956. — С. 369.

ну; в Симбирске Н.М. Карамзину; наконец, на берегах Невы князю Смоленскому, Барклаю, и в ту пору ещё не отосланному на место памятнику общего нашего дедушки И.А. Крылова.

Кроме этого, охота и служба заносили меня на самый север украинны России, в наши американские колонии. Бесспорно, эти полтора миллиона квадратных вёрст материка Америки есть подарок России от первого главного правителя колоний каргопольского купца — впоследствии коллежского советника — Александра Андреевича Баранова...

Памятник
А. А. Баранову
в г. Ситке (бывшем
Новоархангельске).
Открыт 15 октября
1989 г.

Изданием этой песни, сложенной первым главным правителем русских колоний в Америке, я имею целью указать не столько на поэтические способности и образование Александра Андреевича, в ту пору редкое в том классе, к которому он принадлежал, сколько на глубину мыслей, силу выражения и верный его взгляд на те государственные выгоды, которыми воспользовались по частям мы, Англия и, в настоящее время занятием Калифорнии, Соединённые Штаты.

Песня сложена в 1799 году, при первом основании крепости Новоархангельска — в Ситхинском заливе».

В Россию старый правитель Баранов вёз с собой большой багаж, среди которого особую ценность составляли его личные записки о долгих днях правления русскими колониями — материал большой исторической ценности. Вероятно, Александр Андреевич планировал издать рукопись, обнародование которой составило бы большое событие в истории освоения русскими новых земель. Но, увы, Баранову не суждено было больше увидеть родину. В пути он тяжело занемог и, проболев несколько дней, умер 16 апреля 1819 года на корабле «Кутузов». Тело Баранова, зашитое в кусок парусины, поглотило море около Принцевых островов в Зондском проливе.

Глава 5 НА ПОСТУ ПРАВИТЕЛЯ РУССКОЙ АМЕРИКИ

Около 10 месяцев Гагемейстер официально являлся главным правителем российских колоний в Америке. В этот же период времени входят его длительные поездки на корабле «Кутузов» по делам дипломатическим в испанские колонии, когда капитан-лейтенант перелагал дела внутренней жизни поселений на своего подчинённого Яновского. Поэтому не формально, а по сути дела, первым офицером российского флота, ставшим во главе Русской Америки, перенимавшим дела и опыт от старого правителя Баранова из первых рук, был фактически его зять Семён Иванович Яновский. И в этом нет никакого преувеличения.

На Яновского, взявшего бразды правления колониями в свои руки, сразу обрушилась масса всевозможных забот. Ему приходилось строить Новоархангельск, совершать поездки по островам, где проживали, занимаясь промыслом морского зверя, охотники, контролировать и проверять торговые дела, развивать ремёсла, земледелие и скотоводство, которые ещё до него были заведены на островах российских колоний, следить за охраной российских земель и т.д. А кроме того, ему вменялось в обязанность снаряжать экспедиции для дальнейшего исследования Аляски, уточнять карты, закладывать новые форты и небольшие крепости, необходимые для торговли пушниной с туземцами. Также в обязанности главного правителя входило: заботиться об исправности парусной и гребной флотилии, базировавшейся в Новоархангельске, отвечать за расширение торговли, которую вела Российско-Американская компания с колониями других стран и метрополиями, следить за продовольствием и вооружением отрядов охотников-промысловиков, поддерживать и укреплять боеспособность гарнизона, находящегося на доволствии той же компании. Ведь российским колониям надо было опасаться как немирных индейцев, так и пиратов, которые тайно продавали воинственному племени индейцев-колошей ружья и порох, всячески подбивая их на грабительство русских складов.

Но рядом были надёжные друзья и сослуживцы, на которых можно было положиться. Одним из главных соратников Яновского в непростых коммерческих и политических делах, в которых нельзя было поступать в интересах государства и Российско-Американской компании, был Кирилл Тимофеевич Хлебников.

«Неутомимо деятельным» назвал Хлебников в своих воспоминаниях Семёна Ивановича Яновского. Несмотря на все эти заботы и опасности, Яновский был счастлив в личной жизни и потому неутомим в делах, которые вёл, как и предполагал Баранов, добросовестно и сноровисто.

Брак Яновского с Ириной Барановой сложился удачно. Яновские жили в любви и согласии. В начале 1819 года у Ирины Александровны Яновской родился первенец — сын, которого в честь деда назвали Александром. Это было большой радостью не только для молодой семьи, но и для всего Новоархангельска. В день крестин младенца Александра не только звонили колокола на храме Михаила Архангела, но и грохотали холостыми зарядами пушки новоархангельской крепости.

Время вступления Семёна Яновского в права главного правителя совпало по времени с преобразованиями, начатыми дирекцией Российско-Американской компании: ему приходилось по предписанию руководства менять работу контор компании, разбросанных по многочисленным островам, менять старую паевую систему оплаты труда на новую систему постоянного жалования промысловикам, решать, выражаясь современным языком, кадровую проблему... Так, реформы, начатые в далёком Петербурге М. М. Сперанским, докатились и до американских владений России. Яновский ввёл особую плату за сверхурочную работу, следил за бесплатной выдачей одежды и обуви промысловикам, в том числе и тем алеутам, которые охотились для компании, хотя и не состояли в её пайщиках.

Многоопытен был купец Баранов, но к концу своего правления он уже не мог лично контролировать отдалённые от Новоархангельска промысловые конторы. А многие чиновники, которым было поручено принимать на местах пушнину, пользуясь «автономностью» своих контор, а также тем, что алеуты были сплошь безграмотным народом, нередко обманывали охотников за морским зверем, тайно сколачивая на чужом опасном труде свой капитал. Впрочем, обсчитывали и обманывали не только туземцев: в разряд

К. Т. Хлебников
(1784–1838)

пострадавших попадали нередко и русские люди, которые заключили с компанией долгосрочные контракты. Нечистые на руку дельцы, вернувшись из Америки в Россию, тут же становились владельцами магазинов, лавочек или доходных домов. Разумеется, они подрывали доверие к Российско-Американской компании, к её коронованному пайщику, но, как гласит русская пословица: «До Бога высоко, до царя далеко».

Из записок Хлебникова также известно следующее: в последний год правления Баранова дирекция компании стремилась на подвластной ей территории ввести свою собственную денежную единицу — марку Российско-Американской компании. Разумеется, по разрешению верховной власти. Эти бумажные деньги были предназначены для внутреннего пользования, и, вероятно, их введение было вызвано необходимостью упорядочить расчёты компании с её работниками-подрядчиками. В гавань Новоархангельска заходило немало иностранных кораблей, и при побочной торговле промысловиков с иностранцами трудно было избежать хождения по рукам самых различных денег. В главной конторе Новоархангельска, разумеется, была различная валюта для внешних расчётов, но она отпущалась лишь с разрешения главного правителя. Тем не менее Яновскому пришлось доводить до конца и эту денежную реформу.

Как свидетельствует тот же Хлебников, «...Вошли в употребление марки, и прекратились записки о выдачах из лавки на счёты товаров; а каждый служащий на жалованье получал марки ежемесячно и оными покупал себе нужные вещи...»¹

Кроме того, Яновский обратил внимание на службу в компании невоенных моряков: командирам судов, не получавшим столовых денег по условиям договора с компанией, он определил выдавать провизию на время плавания. То же самое он решил и в отношении матросов. Всё это пришлось по душе простым промысловикам.

При постоянно расширявшихся своих владениях Российско-Американская компания остро нуждалась в русских людях, хотя бы мало-мальски образованных. Поэтому в приказчики компании нередко зачислялись простые промысловики-зверобои, заслужившие доверие начальства. Приказчикам, ведущим контроль за промыслами, приходилось много плавать на судах компании по аляскин-

¹Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова. Новоархангельск / под ред. В. А. Александрова. — М.: Наука, 1985. — С. 69.

скому архипелагу. Им тоже было определено новым правителем колонии походное жалование в размере 25 рублей в месяц, по тем временам сумма немалая. Во время своего отъезда из Русской Америки в Россию после завершения контрактной службы россиянин-промысловик (да и любой служащий Российско-Американской компании) мог свободно обменять свои марки на рубли и привезти в Россию вполне приличную сумму.

Привилегии Российско-Американской компании, данные ранее ещё Павлом I, истекли в 1819 году. Но благодаря докладам Гагемейстера и Головина Александр I издал указ, в котором говорилось следующее¹:

«...Состоящая под покровительством нашим Российско-Американская компания, пользуясь всемилостивейше дарованными ей в 1799 году привилегиями, оправдала в полной мере ожидание наше, распространяя успехи мореплавания, расширяя общепользную торговлю империи и принося значительные выгоды непосредственным участникам в оной...»

В новых привилегиях в основном повторялись прежние, но расширялась сфера деятельности компании и на Курильские острова, и устанавливались более чёткие границы территории, находящиеся под юрисдикцией Российско-Американской компании. Другими пунктами указа компании разрешалось основывать новые селения, принимать на службу свободных людей и выдавать им паспорт на срок до семи лет.

Что касается официального мнения о правлении Семёна Ивановича Яновского, то его вполне выражает донесение дирекции компании правительству в декабре 1820 года о состоянии Русской Америки²:

«Последние из новоархангельского порта известия (отправленные шлюпом “Константин” из Новоархангельска 10 мая 1820 года и доставленные в Охотск 10 августа того же года) заключают в себе между прочим следующее: что во всех колониях состоит благополучно. Все оныя в минувшем году осматривал и ревизовал ход дела лично управляющий оными флота лейтенант Яновский, плывая от Ситхи до островов Павла и Георгия, лежащих на севере в Беринговом проливе...»

¹Цит. по кн.: Алексеев, А. И. Судьба Русской Америки / А. И. Алексеев. — Магадан, 1975. — С. 181.

²Там же. С. 183.

Правитель русских колоний отвечал за собственность компании и за жизнь своих подопечных. По отношению к немирным индейцам-колошам Яновский придерживался дипломатической традиции Баранова: внимательно следил за настроением потенциального противника, поощрял торговлю с ним, старался избегать конфликтов.

В записках Кирилла Хлебникова есть специальная глава, которая называется «Опасность от природных обитателей...». Приятель и сослуживец по компании Семёна Яновского так характеризует индейцев-колошей¹:

«...Природные жители-колоши после поражения их при вторичном занятии здесь места остались всегдашними для нас врагами. Меры кротости, снисхождения и одолжения, ныне со стороны колониального начальства в обращении с ними употребляемые, воздерживают их от явной вражды; но сердце их, наполненное мщением, жаждет открыть только удобный случай. Доныне отличные из них, пресыщаясь угощениями, твердят, что не намерены делать зла; но при первом каком-либо неудовольствии или ссоре промышленных или алеут с одним из числа их, хватаются за ружья и кинжалы и с остервенением, свойственным одним варварам, ждут мгновения, чтобы со стороны нашего начальства сделано было начало.

Они столь умны, что никогда не начинали открыто действия; хотя несколько раз случалось, что при малейших случаях, вооружаясь, скрывались за корни деревьев и кусты и ожидали последствия. Ласковые переговоры с их тойонами обыкновенно укрощали зверства диких. Конечно, при крепости их легко усмирить силою орудия, но, истребив их несколько сот, должно оставить семя мщения в несколько тысяч человек, кои удобно могут захватить отдельные наши отряды при промыслах и в переездах на гребных судах за лесами и за рыбой.

Злейшие из них ежегодно занимаются планами о нападении на крепость, и удалые в доказательство проворства прокрадывались в тёмные и дождливые ночи внутрь отряда, в мелководие позади старого судна «Аметист» (этот старей,

¹Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова. Новоархангельск / под ред. В. А. Александрова. — М.: Наука, 1985. — С. 185–186.

непригодный для плавания корабль служил плавучей крепостью со стороны моря. — Ю.Х.) и, украв что-либо из материалов в адмиралтействе, приносили как трофей своим сообщникам.

Мы, напротив, представляем, что доставили им случай сбывать свои произведения с выгодой, снабжаем их нужными вещами, показали разведение и употребление картофеля и прочее.

Но все сии доводы пересиливаются мнением, господствующей и наследственной склонностью всех необразованных народов. Замечено наблюдателями, что звероловческие народы не оставляют добровольно образа своей жизни и ни за что на свете не согласятся переменить состояния; и замечания сии во всей силе своей подтверждаются многими примерами: колоши проворны, сильны, неутомимы и потому способны ко всем гимнастическим упражнениям; они могли бы быть искусные матросы; но нет возможности отвлечь их от природного навыка. Были примеры, что молодые из них послужат несколько лет и, получая хорошее положение и обыкновенное содержание, наскучивали и уходили.

Одно всё изменяющее время, может быть, переменит их расположение. Средствами к тому могут послужить связи, что русские содержат колошенок, и произошедшее от сих связей поколение послужит залогом союза. Может быть, и приманки наших обычаев подействуют между ними и останутся привычкой... Но всего более должно полагать надежду, что когда-нибудь озарятся они светом Евангелия. Благодать, изливающаяся на одного, сильнее подействует, нежели все усилия ума человеческого. Умный и способный к познанию их языка священник был бы весьма полезен. Многие из них, любопытствуя о Боге, соглашались в бытии Его, почитают справедливым бессмертие души, награду за добро, содеянное в жизни, и наказание за зло...»

Нельзя сказать, что с приходом к власти зятя Баранова — морского офицера Семёна Яновского — в отношениях с колошами воцарилась тишь да гладь, но крупных столкновений с индейцами уже не было. Однако лейтенант российского флота не обольщался родственными связями с туземцами, а взял за основу древнюю истину: «Если хочешь мира, готовься к войне».

Желая соблюдать все меры предосторожности, Яновский собственноручно написал приказ и велел ознакомить с ним не только охрану, но и всех жителей Новоархангельска. Этот документ

долгое время был чем-то вроде устава внутренней караульной службы в столице Русской Америки¹:

«Во время пожара за крепостью в ночное время должны только те бежать для погашения оно́го, кои при пожарных инструментах; прочие же без особого приказания не должны отлучаться из крепости.

Если случится нападение на крепость днём, то должны бить в барабан, колокола и трещотки, а на крепости часовой тотчас должен поднять красный флаг с косицами, и поэтому всякий, где бы ни находился, когда увидит красный флаг на крепости, то всеми силами наискорее должен спешить в крепость. Ночью же тревогу бить в барабан, колокола и трещотки.

Для пожара бить только в колокола, а флага не поднимать.

Всякий командир обязан чаще осматривать свои орудия, чтобы были чисты, порох чтобы не был подмочен, фитили и все припасы в готовности; каждому из назначенных к нему людей внушать, дабы ружья имели в исправности и знали бы своё место.

Часовые должны быть во время тревоги на месте, где стоят на часах, кроме стоящих за крепостью, кои должны скорее спешить в оную.

Если случится, что живущим за крепостью нельзя прямо попасть, то должно стараться переплыть на лодках к полуденным воротам; когда же нельзя и на лодках попасть, тогда должно защищаться в своих домах, заперши хорошенько двери.

Обходные должны всю ночь от зари до зари ходить за крепостью, прислушиваться и примечать в лесу и в кустах, не лежат ли, и буде увидят, тотчас давать знать часовым, чтобы били тревогу.

Во время тревоги обходной с ключом должен стоять у северных ворот и, окликав своих, пропускать в крепость.

Обходные чаще должны проверять часовых, не спят ли, хорошо ли смотрят, исправно ли у них орудие, а особливо в будках осматривать, все ли у них ружья в исправности; если неделю было заряжено ружьё, то надо его разрядить, вычистить и зарядить новым патроном; всем часовым подтверждается, что буде кто на своём посту проспит или не смотрит, а особливо

¹Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова. Новоархангельск / под ред. В. А. Александрова. — М.: Наука, 1985. — С. 188.

если кто отлучился от оно́го, то будет строго наказан. Обходные ещё большей подвергаются ответственности, когда не выполняют того, что им поручается; всякий знает, что мы имеем таких неприятелей, которые каждую минуту смотрят, нет ли у нас какой оплошности, и, буде случится, тогда можем погибнуть все.

Крепость крепка караулом; все полагаются на караул, следовательно, чтобы обходные и часовые всегда смотрели бдительно.

Обходные обязаны смотреть, если где случится шум, драка или буйство, то таковых должно унимать, сажать под караул и тотчас доносить правителю, вообще о всяком происшествии случившимся на часах».

Если Александр Баранов не позволял колошам селиться вблизи крепости и даже на ближайших островах, то Яновский сделал возможным более тесный контакт с этим племенем, разумеется, не в ущерб безопасности поселенцев. Дело в том, что время правления Яновского ознаменовано ранее не виданным размахом строительных работ, которые он вёл прежде всего в Новоархангельске. Вот что было построено в столице Русской Америки в период с 1819 по 1820 год во время правления Яновского¹:

1. Две двухэтажные крепостные башни (на 8 орудий каждая);
2. Пристань на новых сваях и набережная;
3. Ветряная мельница;
4. Дом главного правителя в верхней крепости (на 8 саженьей длины). Внизу дома — казарма и кухня; в бельэтаже — комната для главного правителя и над воротами биллиардная; наверху, в мезонине, две комнаты для приезжих.
5. Казарма нижняя, на три части разделённая; во всех частях помещается до 80 человек; вверху — три квартиры для чиновников;
6. Дом для квартир, двухэтажный, в нём квартиры священника, доктора и две чиновников; контора, аптека и больница;
7. Дом правителя конторы;
8. Прядильная;
9. Пекарня;
10. Новая пристань на новых сваях;

¹Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова. Новоархангельск / под ред. В. А. Александрова. — М.: Наука, 1985. — С. 149–150.

11. Арсенал двухэтажный для мелких орудий;
12. Ворота и стены в среднюю крепость от казармы до квартиры священника с батареей для двух орудий;
13. Три трапа в верхнюю крепость и плац-парад;
14. Батарея на морскую сторону с 8-ю пушками.

Только такое значительное укрепление Новоархангельска позволило главному правителю российских колоний Матвею Ивановичу Муравьеву, сменившему Яновского, дать разрешение колошам селиться у крепости. Муравьев утверждал, что когда имущество, жёны и дети колошей расположены под пушками, у крепости, «...то сие служит залогом безопасности». С этим спорить трудно, хотя те же русские пушки прикрывали мирных колошей от пиратов, которые грабили и брали в плен всех подряд.

Время шло, и воинственные индейцы постепенно втягивались в торговлю с Российско-Американской компанией. Конечно, не Бог весть какая торговля была, но всё же была. Колоши поставляли новоархангельцам рыбу, китовый и нерпичий жир, древесную кору для покрытия жилищ алеутов и хозпостроек. Летом — ягоды, птицу, мясо лесных зверей, зимой — шкуры песцов, лисиц, бобров. Взамен же они получали табак, чай, металлическую посуду, топоры, ножи, различные ткани, краску и т.п. Продавать колошам огнестрельное оружие, порох и свинец строжайше запрещалось. Впрочем, как и «огненную воду» — спиртное.

Язычники-индейцы, пользуясь тем, что в Новоархангельске мужское население значительно превалировало над женским, стали развивать особый вид «коммерции». С нескрываемым негодованием Кирилл Хлебников констатирует в своих записках следующее¹:

«...Многие из них привозят своих калог (рабынь. — Ю.Х.), девок и приглашают русских ими пользоваться; всё, что получает девка, отбирается хозяином. И сия новая ветвь их промышленности доставляет также всё, что промышленный дать им в состоянии. Кроме коих, в сих сношениях замешиваются чиновники компании и многие посетители колоний на судах из Европы. Известно, что многие промышленные разорились, одевая своих гнусных любовниц... Это также есть зло, но зло необходимое, ибо иначе неизбежны противоестественные преступления, кои при недостатке женщин и были примечены...»

¹Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова. Новоархангельск / под ред. В. А. Александрова. — М.: Наука, 1985. — С. 139.

Известно, что Яновский, находясь на посту главного правителя, по мере своих сил боролся с этим промыслом, имел добрые отношения со священнослужителями, обличавшими среди индейцев привычное для них многожёнство, но порок оставался пороком, а традиции прежнего уклада жизни индейцев менялись очень медленно.

Но вернёмся к периоду интенсивного строительства в Новоархангельске. Откуда же взялись средства на такой размах строительных работ? Дело в том, что Н. П. Румянцев, находившийся тогда в должности государственного канцлера России, в 1817 году отправил с командиром шлюпа «Камчатка» капитаном Головинным значительные суммы денег Гагемейстеру и начальнику Камчатки Петру Ивановичу Рикорду. Он предполагал использовать эти деньги на поощрение промышленников, которые должны были заниматься исследованием азиатских и американских берегов в районе Берингова пролива и севернее его. Как использовал эти средства Рикорд — вопрос отдельный, но известно, что из-за сложной ледовой обстановки у берегов Аляски поле географических исследований было значительно сужено. Гагемейстер пробыл главным правителем Русской Америки недолго, и, конечно же, средства, посланные канцлером России, достались наследнику власти Яновскому. Последний, вероятно всего, и использовал часть суммы на обустройство и укрепление Новоархангельска, чем помог переселенцам из России улучшить условия проживания и службы в далёком суровом крае.

Записки К. Т. Хлебникова, касающиеся столицы российских колоний, дают такие сведения¹:

«...В Новоархангельске к 1 января 1821 года состояло народонаселения:

1. Русских чиновников, служащих из гражданского звания и промышленных — 235;
2. При них жён и детей — 92;
3. Креолов — воспитанников компании, обученных разным мастерствам и в матросах — 72;
4. При них жён и детей — 22;
5. В школе воспитанников — 30;
6. Алеут для бобровых промыслов — 155;
7. При них жён и детей — 89.

Всего: 693 человека...»

¹ Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова. Новоархангельск / под ред. В. А. Александрова. — М.: Наука, 1985. — С. 209.

Но населением Новоархангельска не ограничивалось население Русской Америки. Было немало поселений, разбросанных по островам, где бок о бок жили русские, алеуты и креолы. Они строили дома и церкви, заводили семьи, вели хозяйство, занимались промыслом морского зверя и рыбной ловлей. Их трудно было точно сосчитать, но численность населения в российских колониях, как свидетельствует статистика, прирастала.

Согласно переписи населения, на 1 января 1819 года в российских колониях на Аляске проживало:

Русских мужчин — 378

Русских женщин — 13

Русских креолов — 133

Русских креолок — 111.

Всего 511 мужчин и 124 женщины. Местное население, которое главному правителю нелегко было подсчитать, представлялось следующими цифрами: мужчин — 4 062, женщин — 4 322. Но есть и другие данные.

* * *

Семён Иванович Яновский продолжил самое главное, начатое ещё его тестем Александром Андреевичем Барановым дело: развивал хозяйство Русской Америки по принципу «самообеспечения», желая сделать русские колонии менее зависимыми от привозимых иностранцами товаров и продуктов. Он думал о будущем колоний, при нём оживились ремёсла и промыслы. И что особенно важно, именно при Яновском между правлением колоний и православными миссионерами, священнослужителями Русской Православной Церкви, руководимыми Святейшим Синодом, воцаряется мир и взаимопонимание. Крутой нравом Александр Андреевич Баранов и его друзья-соратники порой не жаловали своим вниманием монахов и священников.

Дела в Русской Америке разворачивались серьёзные, не только охотники-зверобой делали экономику русских колоний. Мастерской люд постепенно становился основой, производительной силой. В новоархангельских кузнях работали три горна, у которых кузнецы отковывали железные детали для кораблей, гвозди, скобы, крюки, петли и т.д. Для продажи кузнецы делали топоры (русские топоры славились тогда на всю Америку), сошники, которые охотно покупали испанцы, занимавшиеся в Калифорнии земледелием. Работали тут же и медники. Они отливали котлы, кубы, чайники, кофейники,

воронки и т.д. Всё это пользовалось большим спросом в торговле не только с туземцами, но и с Калифорнией. Русские мастеровые выполняли заказы от испанцев-священнослужителей: отливали для католических храмов и монастырей колокола. Купора (бондари) исправляли и делали новые бочки для хранения на кораблях воды, муки, зерна. Токари точили блоки и шкивы для парусников, тимерманы (шлюпочных дел мастера) строили баркасы, шлюпки... Руководство над всем этим обширным хозяйством, управление таким числом людей было по плечу только человеку незаурядному.

В самом начале 1820 года Хлебников по поручению Яновского отправился на бриге «Ильмень» в первый свой далёкий вояж — в испанскую Калифорнию, чтобы наладить с ними более оживлённую торговлю. Главный правитель оценил также дипломатический дар Хлебникова и его способности к освоению иностранных языков. Он рекомендовал ему зайти в российский форт «Росс» и после уточнения политического положения начать переговоры с испанцами не только об установлении торговых отношений, но и о промысле морских бобров у берегов Калифорнии.

Хлебников успешно справился с поставленной задачей: с 1822 года между русскими и испанцами стали завязываться прочные торговые связи. А позже, хорошо изучив разговорный испанский язык, правитель Новоархангельской конторы Хлебников установил торговые отношения с Чили, где закупалась пшеница и фрукты.

Однако аляскинская администрация компании была обязана заботиться не только о развитии торговли. Так, по распоряжению главного правителя Российской Американской компании (об этом свидетельствует П.А. Тихменёв) в 1816 году, зимой, ещё Александром Барановым была отправлена из российских колоний сухопутная экспедиция для исследования северной части материка Америки. Возглавлял экспедицию один из служащих компании — Пётр Корсаковский. В то время, когда в русских колониях решался вопрос передачи власти военным морякам, Корсаковский переправился от о. Кадьяк к юго-западному берегу Кенайского залива, оттуда — на озеро Илиамна и вниз по реке Квичак вышел к заливу Бристоль. Он первым обследовал весь северный берег этого залива и лично в 1819 году залив Кускоквим, а также восточное побережье Берингова моря до устья реки Юкон. Пётр Корсаковский не был новичком на материковой земле. Он уже имел опыт торговых отношений с туземцами материка и умел наносить на карту ранее неизведанные земли.

Цель этой экспедиции состояла в том, чтобы найти на реке Нушагак место для основания там русского редута (опорного пункта, форта) для развития торговли с местными жителями. Также экспедиции было поручено разузнать, не живут ли среди аборигенов материка некие европейцы.

По свидетельству индейцев, в бассейне реки Хиуверен проживали люди европейского вида. Бытовала версия, что это потомки казаков, участников экспедиции Дежнёва, отправившиеся в море из устья реки Колымы на судах ещё в 1648 году. Караван этих судов был разбросан тогда бурей. Участь некоторых казацких кочей была изложена в описи Сибири географом Миллером, относительно остальных полагали, что они были отнесены к берегам Северной Америки. Там, мол, небольшие казацкие суда были разбиты о берег, а сами казаки, спасшиеся от смерти, поселились внутри материка.

Экспедиция под началом Корсаковского в целом удалась. Карты были составлены, на реке Нушагак был заложен форт, названный в честь Баранова «Александровским», торговля с местными племенами шла успешно. Однако сведения, полученные Корсаковским от туземцев о белых людях, были неточны и весьма разноречивы. Возможно, что немногочисленные потомки сибирских казаков за 170 лет полностью растворились среди окружавших их племён.

Глава 6 ГЛАВНЫЕ ОХОТНИКИ КОМПАНИИ

Но каким же народом были алеуты, новые подданные российской короны, эти смелые охотники за морским зверем? Ведь это они, главным образом, добывали для Российско-Американской компании наиболее ценные шкуры морской выдры — калана. Русские промышленники тоже приносили немало пушнины: они охотились на лису, песца, морского котика, бобра, тюленей, освоили охоту на китов с гарпуном и т.д. Однако эффективно охотиться на калана с огнестрельным оружием было невозможно: грохот выстрела распугивал этих осторожных зверьков. Алеуты, использовавшие на промысле морского зверя бесшумное орудие — небольшие копья (стрелки), которые они метали с большой точностью, тихо подплывая к каланам на своих маленьких байдарках, и были в охоте на морскую выдру намного удачливее.

Иеромонах о. Гедеон, обиженный во время Первого российского кругосветного плаванья Ф.И. Толстым Американцем, оставил ин-

тересные подробные записки о нравах и обычаях алеутов, прожив с ними бок о бок несколько лет. Представим часть его дошедших до нас письменных наблюдений в виде отдельных глав¹.

О жилищах и быте туземцев

«...Некоторые из тойонов кадьякских по приезде г-на Резанова построили себе по одной русской горнице — без печей. Хотя все ему обещались строиться по примеру русских, однако они не имеют к тому довольных сил и способов. Обыкновенное же их строение состоит в следующем: прихожая, или сени, по-алеутски чиклюак, в 12 аршин длины, 8 ширины и 2 высоты, обставлен досками с продолговатым отверстием для входа; потом на поставленных по углам стойках начинаются по три со всех четырёх сторон перекладыны, очень отлого положенные клеткою, и на них ещё по три покруче, так, что наверху остаётся отверстие немного более аршина; снаружи покрыто травой и насыпано землёю. По сторонам с малым круглым в прихожую отверстием (как только можно человеку пролезть) приделаны небольшие квадратные отделения подобной постройки с одним на боку окошечком и присыпаны землёю. В сих-то отделениях они спят, работают и парятся, наносив туда накалённых в прихожей камней. Внутри оных по сторонам вместо украшения повешены стрелки, для памяти промышленных зверей грудные позвонки или уринные пузырьки и бобровые головки; а нанизу лежат разных величин блюдца, чашечки, ложки и калужки, т.е. продолговатая посуда для воды. В прихожей хранятся в особенном отгородке кормовые припасы, как то: юкола, красной рыбы икра, ягоды с жиром и сарана, только всего в очень малом количестве.

У богатого и семейного тойона в 8 и 10 аршин бывает квадратный кажим; в 2 аршина вышины обставлен он толстыми неотёсанными досками со входом в прихожую; по углам утверждены толстые стойки, с которых отлого начинается квадратным уменьшением склонение сводов, числом до 6-ти перекладин, расстоянием немного менее аршина одна от другой, клеткою положенных таким образом, что наверху остаётся один квадратный люк, покрытый сивучьими или нерпичьими кишками, от которого во всём кажине

¹ *Иеромонах Гедеон. Записки иеромонаха Гедеона о Первом русском кругосветном путешествии и Русской Америке, 1803—1808 гг. / Иеромонах Гедеон // Русская Америка. — М.: Мысль, 1994. — С. 58, 61, 68, 69.*

Внутренний
вид старинного
жилища алеутов

очень светло бывает; снаружи покрыт травой и присыпан землёю. Внутри по всем сторонам сделаны лавки для гостей...

Богатым между алеутами тот почитался, кто, кроме одетого семейства, имел только для себя одну бобровую, 5 еврашечьих, 5 тарбаганьих или оленьих, 5 урильих и 5 топорковых парок, двадцативесельную байдару, три байдарки, много лавтаков, т.е. сивучьих и нерпичьих кож, у которых шерсть по выпарении снята, довольно китовины, два сивучьих пузыря китового жира, две калуги для воды, 5 калюк (из дерева согнутых наподобие лукошка) шикши с жиром и столько же сараны, сивучий пузырь икры красной рыбы, 10 больших связок юколы, также несколько палтусиной и тресковой. За всё сим, выключая всякие стрелки и прочие домашние орудия, для каждого необходимые, должны у него находиться ещё служащие к украшению следующие вещи: 1-е — 4 и более янтарей, которые находили они сами на острове Укамок, и светло-беловатый ценили, да и теперь ценят дороже жёлтого; 2-е — *амминак* (сукли), т.е. тонкие пластинки в вершок длины и ширины, вырезанные из самой середины перламутровой ракушки... и 4-е — довольно количество различных бисеров...»

О подготовке к войне и ходе военных действий

«...На войне употребляли щиты *кубахкинак* из деревянных, толщиной менее полвершка, шириною в вершок и длиною на спине в 3, а напереди — в 2 четверти, крепко между собою жильными нитками связанных дощечек, к которым ещё прикрепляется нагрудник *хакаатъ*

из тоненьких палочек в 1 четверть длины, так искусно и прочно между собою теми же нитками переплетённых, что копьё сильного ратника удерживать мог. Бывали также щиты, подобные нагруднику: ими прикрывали одно только туловище. Сверх сих щитов надевали ещё плащ *улихтать*, таким же образом из длинных дощечек сделанный, смотря по росту человека. Шапку имели из тополиного дерева или из толстой звериной кожи. Вымарав краскою всё лицо, выходили на войну, держа в правой руке костяное копьё, а в левой лук. Колчан со стрелами повешен также на левой стороне. Лук бывает сделан в 2 аршина длины из американского кипариса, который иначе зовётся душистым деревом. У стрелок древко бывает длиною в 3 четверти и более, с наконечником оленьей кости, при трёх в одну четверть насечках и с каменным или медным на нём копьёмом полтора вершка.

С таковым снарядом в летнее время смелые и предприимчивые по сделанному прежде позыву съезжались на жило к главному начинщику или своему воеводе. Затем жена при помощи других женщин ближней родни приносит в больших четверугольных и круглых мисках толкуши, т.е. растёртой и перебитой с водою и жиром сараны, с жиром растолчённой красной рыбы икры, шикши с жиром, потом подают варёное сивучье и нерпичье мясо и сырую изрезанную палтусину...

Тут встаёт один только — сам воевода (первый их *анаюгак*), берёт в руки побрякушки... и начинает плясать, в ту же самую минуту родные его бьют в бубны... и поют, вспоминая дела своих праотцов и отцов, славно воевавших. По окончании таковой военной песни хозяин из своих рук дарит гостей по старшинству... и просит

Индийский
ритуальный танец

извинения в том, что мало одарил, обнадёживая большею добычею, каковую они имеют получить у неприятелей. На другой день изготовляются к отъезду без всякой церемонии; жёны провожают их, сидя на берегу. Мужчины расстаются с ними очень хладнокровно: ни один из них не выронит ни одной капли слезы и даже не вздохнёт, что почлось бы знаком трусости и не воина; садясь в байдару, едва удостоит одним словом сквозь зубы: *фаяй* — прощай.

Отправляясь для такого похода в 30 байдарках в каждой по 20 человек (иногда более или менее) ... стараясь нападать на сонных: стариков и взрослых убивали, жён молодых и девиц и подростков брали в плен, малолетних оставляли с старухами, и все нужные вещи забирали в добычу. Когда побеждённый тойон пожалеет детей и жён, то при посредстве других жил [селений] получает мир. Победители никогда в том не отказывали, давали с обеих сторон в аманаты (в заложники. — Ю.Х.) из знатных и по согласию выменивали пленников. Аманатов содержали у себя отлично, одевали самым лучшим платьем, оказывали им великую учтивость, постилали для принятий их бобров и дарили лучшими вещами, когда они приходили в гости.

Во время неприятельского нападения кадьякские жители защищались не оружием своим, а побегом на большие, высокие или почти неприступные приморские камни, на коих они ещё прежде приготовляли себе жилище и запасались всем, для себя и семейства нужным, выдерживали долговременную осаду или с великою выгодною отбивали нападающих. У которых жил не было близко таковых камней, те уходили в горы и там спасались...»

О семье и воспитании детей

«...Женятся в то время, когда они собственными своими промыслами заготовят для себя и будущей жены нужное одеяние и свадебные подарки. Жених старается по большей части выбирать ту невесту, которая бы умела шить байдарку, парки и камлейки, хотя бы она была и гораздо старше жениха.

Сын просит прежде у отца позволение жениться, объявляя имя невесты. Отец иногда одобряет таковое намерение, иногда назначает по своему выбору другую. Если сын на то согласен, то посылает он близкого своего сродника объявить о сём невестину отцу. Получив же желаемый ответ, на другой день жених сам приходит ночью к невесте, ложится подле её во всей одежде; поутру, встав, идёт за дровами, накаливает в прихожей камень для бани, где моется вместе с невестою. По выходе из бани родные принесут жени-

ховы подарки, которые прежде состояли в бобровых, еврашечьих, тарбаганьих и урильих парках, калгах, янтарях и суклях. Ими дарит тестя и прочих его сродников. На третий день приходит сын с своею невестою к отцу, который, подарив её паркою, камлейкою, суклями и бисером, потчует толкушею и при прощании скажет своему сыну: люби свою жену. После сего новобрачный с молодою опять возвращается к своему тестю, у которого живёт столько времени, сколько пожелает. Новобрачные должны хранить целомудрие до 5 дней. Осенью, если богат, делает молодой игрушку (праздник, пир с песнями и танцами. — Ю.Х.). Сей обряд наблюдали ещё до крещения. Иные с малолетства назначали жениху невесту, и это происходило только между самыми искренними друзьями...

Воспитание детей в том состоит, чтобы не допустить до плача не только младенца, но даже и семилетнего ребёнка; по сему можно заключить, что отцы и матери весьма нежно любят детей. Они никогда ничем телесно не наказывают как малолетних, равно и взрослых, а только советуют. Когда ж приметят неисправление, тогда выговаривают и стыдят при собрании стариков. Если и сие последнее средство не подействует, то, презирая его, все почитают дураком или диким. Теперь отцы и матери приучают уже малых кланяться другим и молиться Богу. Девочки с 6 лет начинают работать: сучат ниточки, вяжут плетёночки (маутки), с довольным искусством и порядочною чистотою. Мальчики лет с 7 вместо забавы занимаются деланием стрелок, байдарочек, веселочек, часто на берегу бросают стрелки, а через то приучаются заблаговременно к будущим промыслам, помогают на реках в заготовлении кормовых припасов; с 14 лет приучают их ездить в байдарках, в тихое время удить рыбу и по бухтам стрелками гонять птиц; с 16 лет берут с собою отцы и родные в партию для промысла бобров...»

Понимая большую значимость алеутов в делах Российско-Американской компании, новый правитель постарался сделать всё, чтобы облегчить их положение. Хотя и стал лейтенант Яновский правителем русских колоний в Америке с одобрения своего тестя Александра Андреевича Баранова, сам он, будучи человеком более сердечным и чутким, не перенял его суровости, порой доходившей до жестокости. Среди многих проблем пришлось Яновскому решать ещё одну: отправлять в Россию тех переселенцев, которые давно отработали свой срок в колониях по договору, но не отпускались Барановым на родину по причине их долгов компании, по сути — копеечных, если учитывать обороты самой компании.

Глава 7 СУДЬБОНОСНАЯ ВСТРЕЧА НА ОСТРОВЕ КАДЬЯК

Описывая жизнь и дела Семёна Ивановича Яновского на посту главного правителя, нельзя не упомянуть о выдающемся человеке, который сыграл в его жизни роль духовного наставника, определившего в дальнейшем жизненный путь не только молодого морского офицера, но и его семейства. Речь идёт о монахе Первой Американской духовной миссии отце Германе, который в 1807 году возглавил эту миссию. Яновский и его будущий духовный наставник вначале познакомились заочно. Причём при обстоятельствах, которые, на первый взгляд, не очень-то способствовали будущему тесному сближению этих выдающихся людей.

Ещё не зная отца Германа лично, руководствуясь доносами на него некоторых служителей компании и, видимо, не слишком лестными отзывами своего тестя (Баранову не нравилось, что отец Герман своим заступничеством за обижаемых порой вмешивался в его дела), Яновский даже написал в Петербург письмо с предложением удалить монаха из Америки. Но отец Герман развеял предубеждения молодого правителя: он прислал с острова Еловый (расположен недалеко от о. Кадьяк) Семёну Ивановичу письмо. Именно это доверительное и чистосердечное обращение и положило начало добрым отношениям немногочисленной духовной миссии с молодым руководителем русских колоний в Америке. Вот отрывок из письма отца Германа¹:

«...Любезному нашему отечеству Творец, как будто новорождённого младенца, дать изволил край сей, который ещё не имеет и сил к каким-либо познаниям, ни смысла, требует не только покровительства, но, по бессилию своему и слабого ради младенческого возраста, — самого поддержания. Но и о том самом не имеет он ещё способности к кому-либо сделать свою просьбу, а как зависимость сего народного блага Небесным Проведением неизвестно до какого-то времени отдана в руки находящемуся здесь Российскому начальству, которое теперь вручилось Вашей власти: сего ради я, нижайший слуга здешних народов и нянька, от лица тех

¹Цит. по кн.: Корсун, С. Преподобный Герман Аляскинский. Жизнеописание / С. Корсун. — М.: Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, 2005. — С. 78–79.

перед Вами ставши, кровавыми слезами пишу Вам мою просьбу. Будьте нам отец и покровитель, мы, всеконечно, красноречия не знаем, но с немотою младенческим языком говорим: “Отрите слёзы беззащитных сирот; прохладите печали, тающие сердца; дайте разуметь, что значит отрада!”

Милостивый Государь, в сём малом изображении Вы тонкостию Вашего разума и пронизательным вниманием сами можете пространство и обширность народных горестей сыскать. Мы остаёмся в ожидании, какое Творец изольёт благоволение Вашему сердцу на участь бедных...».

Отец Герман.
Рисунок
Е. С. Яновской

Осенью 1819 года Семён Иванович Яновский, оставив временно свои дела на надёжного Кирилла Хлебникова, отправился на корабле с семейством (молодою женою и годовалым сыном Александром) в инспекторский вояж по островам, лежащим западнее о. Ситха. Именно оттуда поступали наибольшие партии ценного меха. Там, в поселении Петропавловской гавани о. Кадьяк, проживала мать Ирины Александровны — крещёная индейка Анна Григорьевна Рассказчикова.

Историк компании П. А. Тихменёв в своём «Историческом обозрении образования Российско-Американской компании...» свидетельствует об этом так¹:

«...Осенью 1819 года Яновский предпринял обозрение колоний и посетил о. Кадьяк, о. Уналашку и острова Прибылова. Вникая во все области хозяйственного управления, он старался по возможности улучшить положение алеутов... Алеутам, посылаемым для промысла птиц, он положил выдавать при отправлении

¹ Тихменёв, П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действия её до нашего времени / П. А. Тихменёв. — СПб., 1861. — Ч. 1. — С. 247.

несколько необходимых для них вещей безденежно, как то: камлеи (местная одежда с капюшоном, делается из кишок сивуча, кита или моржа. — Ю.Х.), товар для сапогов, табак... И, кроме того, за каждую доставленную ими птицу от 3 до 5 коп. асс. ...Камлеи приказал отдавать шить каюркам компании (жёнам алеутов, находившимся на службе в Российско-Американской компании. — Ю.Х.), если же их не будет достаточно для изготовления необходимого количества платья, то нанимать алеутов с платою по 50 коп. асс.

...Китовым промышленникам определил выдавать за каждого добытого ими кита от 10 до 20 руб. асс., смотря по величине...»

Способствовали этому и результаты ревизии, проведённой по поручению Российско-Американской компании капитаном Головинным, которые не стали тайной для нового правителя Русской Америки.

В начале ноября Яновский вместе с женою и маленьким сыном прибыл на о. Кадьяк, в Павловскую гавань. Что же представляла собой тогда родина Ирины Яновской (Барановой)?

«В Павловской Гавани все строения из елового леса, — читаем мы в записках о. Гедеона¹. — На берегу, близ которого на якорях стоят суда, такелажная с другими большими для поклажи горницами. Напротив оной на горе новый правительский дом с библиотекою, а от него в виде продолговатого четверугольника восемь разных семейственных домов. Против правительского дома стоят церковь и колокольня с ветхими крышами. Перед самым входом в церковь по правую сторону — общая компанейская поварня, а по левую — сарай для байдар и разных поделок, позади сарая — кладовые для кормов и балаган, т.е. на столбах сарай, в котором пол из жердей для свободного проходу воздуха, в нём хранится юкола и качемаз. В кладовых содержат китовое, сивучье и нерпячье мясо, жир китовый и сивучий, сарану и ягоды, шишку, брусницу, морошку. Все оные кормовые запасы привозятся из артелей. Против церкви, за ручьём, на возвышенном месте прежде бывшая деревянная полуциркулем крепость, коей третья часть за ветхостию уже отломана, а остались только покои для конторы, казармы для промышленных, магазин для пушных товаров, лавка с погребами и немного в от-

¹ Иеромонах Гедеон. Записки иеромонаха Гедеона о Первом русском кругосветном путешествии и Русской Америке, 1803—1808 гг. / Иеромонах Гедеон // Русская Америка. — М.: Мысль, 1994. — С. 56.

далении кузнеца со слесарню. Всё оное строение ветхо. Засим под горою старый правительский дом, где теперь находится Российско-американское училище, ветхие покои для духовной миссии, общая компанейская баня, круглый кажим, где живут каюры и больные, и новый скотский дом. От сего последнего в недалёком расстоянии находится дом правительского помощника и гостинные покои...»

Именно в Павловской гавани, старой столице Русской Америки, возведённой Барановым, произошла встреча молодого главного правителя с о. Германом (Яновский предупредил старца-отшельника загодя о своём приезде, и тот приплыл с о. Елового на о. Кадык заранее). Однако, паче чаяния, семье Яновского пришлось задержаться в «правительском доме» на целый месяц. Виновата в этом была нежданная беда. Экипаж американского торгово-промышленного корабля «Eagle» («Орёл»), которым командовал капитан Томас Мик, завёз в русские колонии с о. Ява опасную вирусную болезнь — испанку, разновидность гриппа. Скоротечная болезнь сопровождалась сильным насморком, высокой температурой и удушьем. Особенно ей были подвержены туземные племена. Только в Павловской гавани о. Кадык, куда прибыл Яновский со своей семьёй, той осенью умерло более 50 человек. На некоторых островах архипелага смертность была так высока, что алеуты вымирали целыми семьями. Тела погибших от испанки находились в жилищах туземцев по многу дней, поскольку все боялись заразы и не заходили к заболевшим соседям.

Много лет спустя в своих письмах Яновский так опишет обстановку на о. Кадык, где он познакомился с отцом Германом¹:

«...Я не могу представить себе ничего печальнее и ужаснее того зрелища, которым я поражён был, посетивши алеутский кажим. Это большой сарай, или казарма с нарами, в котором живут алеуты со своими семьями, в нём помещалось до ста человек. Здесь одни уже умерли, остыли и лежали подле живых, другие кончались; стон, вопль, раздирающий душу!

Я видел матерей уже умерших, по охладевшим грудям которых ползало голодное дитя, тщетно с воплем искавшее себе пищи... Кровью обливалось сердце от жалости! Кажется,

¹ Корсун, С. Преподобный Герман Аляскинский. Жизнеописание / С. Корсун. — М.: Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, 2005. — С. 86.

если бы кто мог достойною кистью изобразить весь ужас этой печальной картины, то и в ожесточённой душе возбудил бы страх смерти!»

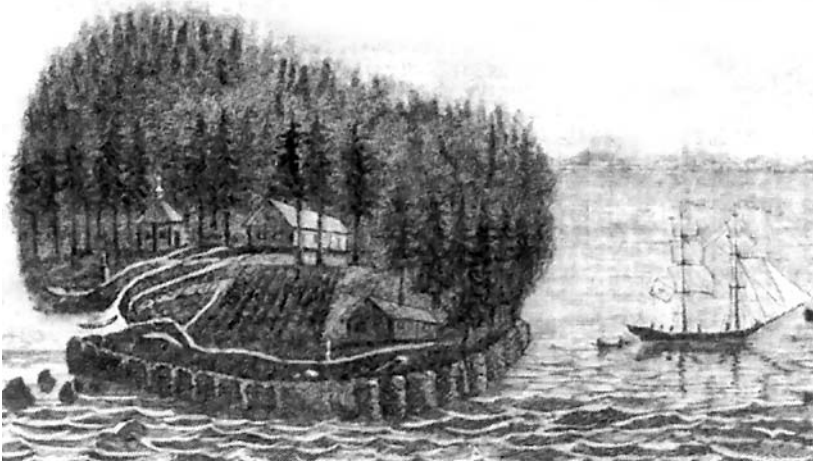
Как свидетельствовали очевидцы, во время этой страшной эпидемии, длившейся больше месяца, из всех русских только один отец Герман (до прибытия Яновского на Кадьяк) рисковал входить в жилища заболевших алеутов. Лекарств от этой страшной болезни не было, и всё же монах посещал заболевших, утешал, молился, приготавливал умирающих к смерти. Сам же оставался неуязвимым, хотя случаев смерти от испанки и среди русских переселенцев было немало. Прибывший на остров главный правитель распорядился организовать карантин и принял все меры, чтобы зараза не распространялась.

В один из дней заболела испанкой и семья Семёна Ивановича Яновского. Став на колени перед образами, о. Герман стал молить Бога о выздоровлении главного правителя и его семьи. Яновские поправились.

В эти трагические дни, встречаясь в старом доме правителя колоний, где остановилась на жительство семья Яновского, о. Герман и молодой правитель российских колоний в Америке прониклись друг к другу симпатией и вели каждый день беседы, которые много лет спустя сам Семён Иванович назвал не иначе как душеспасительными. Обычно о. Герман приходил вечером и засиживался у Яновских до полуночи, а порою и за полночь. Когда беседы проходили днём, в комнату нередко заходила с малолетним сыном Александром жена Яновского — Ирина Александровна. Мальш шёл на руки к старцу, порою устраивался у него на коленях. Названный отшельником о. Герман был очень чадолюбив. Известно, что у себя на острове он пёк крендельки, сушил сухарики и любил ими баловать детей, когда приезжал в селения. О встречах с о. Германом, которые кардинально изменили мировоззрение молодого офицера, Яновский много лет спустя написал следующее¹:

«Мне было тридцать лет, когда я встретился с отцом Германом. Надо сказать, что я воспитывался в Морском корпусе, знал многие науки и много читал, но, к сожалению, науку из наук, то есть Закон Божий, едва понимал поверхностно.

¹ Корсун, С. Преподобный Герман Аляскинский. Жизнеописание / С. Корсун. — М.: Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, 2005. — С. 81.

Обитель преподобного Германа на о. Еловом. Рисунок С. И. Яновского

и то теоретически, не применяя к жизни, и был только по названию христианин, а в душе и на деле — вольнодумец, деист.

Тем более я не признавал божественности и святости нашей религии, что перечитал много безбожных сочинений Вольтера и других философов XVIII века.

Отец Герман тотчас заметил это и пожелал меня обратиться. К великому моему удивлению, он говорил так сильно, умно, доказывал так убедительно, что, мне кажется, никакая учёность и земная мудрость не могли бы устоять против его слов. Ежедневно беседовали мы с ним до полуночи и даже за полночь: о любви Божией, о вечности, о спасении души, о христианской жизни. Сладкая речь неумолкаемым потоком лилась из уст его... Такими постоянными беседами и молитвами святого старца Господь совершенно обратил меня на путь истины, и я сделался настоящим христианином. Всем этим я обязан отцу Герману, он мой истинный благодетель».

Впрочем, в долгие осенние вечера старец и молодой морской офицер вели беседу не только о православной вере. Отец Герман, долгие годы проживший в колониях и многое повидавший, немало рассказал новому правителю о нравах местных племён, о том, какие видит недостатки в поведении местных правителей, делился мыслями, как лучше организовать учёбу алеутских детей и детей от смешанных браков (креолов) в школах при церковных приходах, как лучше приучать алеутов к земледелию, говорил о нуждах самих священнослужителей

лей... Для Семёна Ивановича Яновского это были те ненавязчивые наставления, в которых он в то время очень нуждался.

Проверяя хозяйство о. Кадьяк, в свои пешие прогулки по обширному острову лейтенант Яновский брал с собой карандаш и бумагу. Не только хороший музыкант, но и отменный рисовальщик, он делал наброски наиболее живописных мест. Некоторые рисунки Семёна Ивановича сохранились до нашего времени.

Однажды Яновский пригласил о. Германа на чашку чая и за самоваром, вспомнив литературные салоны далёкого Петербурга, прочёл старцу оду «Бог», принадлежавшую перу Гаврилы Романовича Державина¹:

О Ты, пространством Бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в Трёх Лицах Божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто всё Собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог!..

Внимательно выслушав стихи, старец задал вопрос:

— Неужели это написал учёный?

— Учёный и поэт, — подтвердил Семён Иванович.

— Это по вдохновению Божию написано, — уверенно сказал о. Герман...

В один из осенних вечеров Яновский поведал о. Герману историю, случившуюся в 1815 году в Калифорнии, недалеко от форта «Росс», где совместно жили, занимаясь земледелием и промыслом морского зверя, русские, алеуты, индейцы калифорнийских племён (последние, в отличие от северных колошей, относились к русским дружелюбно). Случилось так, что сильным ветром алеутские байдарки прибило к мысу св. Петра, где охотников Российско-Американской компании захватили испанские солдаты. При этом многих алеутов испанцы ранили саблями, а имущество и добычу артели попросту разграбили. Пленников же отправили под конвоем в миссию Сан-Педро.

¹Корсун, С. Преподобный Герман Аляскинский. Жизнеописание / С. Корсун. — М.: Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, 2005. — С. 82.

Что затем произошло с пленниками и как отреагировал на рассказ о. Герман пересказал, много лет спустя, будучи в России, Яновский в своём письме игумену Валаамского монастыря Дамаскину (Кононову)¹:

«...Испанцы в Калифорнии захватили в плен наших четырнадцать алеутов и иезуиты замучили одного алеута, принуждая их всех принять католическую веру, на что алеуты никак не соглашались, отвечая: “Мы — христиане, мы крещены,” — и показывали им кресты на шеях.

Но иезуиты возражали: “Нет, вы еретики, если не согласитесь принять католическую веру, то мы вас замучаем”. И оставили их по двое в темнице до вечера, на размышление. Вечером пришли с фонарём с зажжёнными свечами и начали опять убеждать их к принятию католической веры. Но алеуты, проникнутые благодатью, твёрдо и решительно отвечали: “Мы христиане, не переменим своей веры”.

Тогда эти фанатики приступили их мучить — сперва одного, другой был свидетелем. Они сперва отрезали по одному суставу у пальцев на ногах, потом по другому — тот все терпел, только и говорил: “Я — христианин и не изменю своей веры”. Потом на руках отрезали по одному суставу у каждого пальца, потом по другому, потом отрубили ступни ног, потом кисти рук — кровь лилась, но мученик до конца терпел; неизменно одно твердил с такою верою, от истечения крови скончался.

Они и на другой день хотели мучить и других, но в эту же ночь было получено из Монтерейя повеление: чтобы всех взятых в плен русских алеутов немедленно прислать под конвоем в Монтерей, а потому они утром, все, кроме скончавшегося, были отправлены. Это рассказал мне самовидец алеут, товарищ замученного, впоследствии бежавший из плена. Об этом я тогда же донёс в Главное Правление в С.-Петербургу.

Когда я закончил свой рассказ, то отец Герман спросил: “А как звали этого замученного алеута?” Я ответил: “Пётр, а фамилию не припомню”. Тогда он встал перед образом, благоговейно перекрестился и произнёс эти слова: “Святой новомученик Пётр, моли Бога о нас!”»

¹Цит. по кн.: Корсун, С. Преподобный Герман Аляскинский. Жизнеописание / С. Корсун. — М.: Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, 2005. — С. 83–85.

Очевидцем этого события был кадьякский алеут по имени Иван Кееплий. Ему удалось бежать из испанского плена, на берегу моря он был подобран русским судном Российско-Американской компании «Ильмена» и доставлен в форт «Росс», откуда вернулся в Новоархангельск в 1819 году. Он-то и рассказал новому молодому правителю Русской Америки эту историю.

Наконец эпидемия на о. Кадьяк пошла на спад. Семья Яновских стала готовиться в дорогу. Расставаясь, старец сказал молодому правителю колоний: «Вы собираетесь в Россию, в Петербург — не везите туда жену вашу, которая здесь родилась, не видела большого света, ни его пленительной роскоши, ни его соблазнов и пороков, а лучше оставьте её у вашей матери, в Малороссии, пока сами по делам поедете в Петербург...»

Яновский обещал старцу сразу по прибытии в Россию отвезти жену к своей доброй матушке. Но до России было ещё далеко. Надо было продолжать объезд русских владений. На корабле Российско-Американской компании Яновские отправились от о. Кадьяк к русским и алеутским поселениям на о. Уналашка, а после — на острова Прибылова, где их уже давно ждали. В Новоархангельск Яновские вернулись лишь в самом конце декабря.

Семён Иванович лично проследил за тем, чтобы на местах нововведения компании, облегчавшие участь русских промысловиков и алеутов, стали реальным фактом, а не только строкой на бумаге. Нового правителя, зятя Баранова, все встречали с нескрываемым любопытством. Ирина Яновская, с детства знавшая местные наречия, служила мужу переводчиком. Так что первая «миссис Русская Америка», пожелавшая сопровождать супруга в длительном походе, тоже с честью выдержала нелёгкие испытания.

Вероятно, встреча с молодым правителем колоний возымела своё действие и на старца. В конце 1819 года у отца Германа возобновилась переписка с иноками Валаамского монастыря (известно, что он получил письмо от игумена Ионафана от 8 ноября 1818 года, которое шло к нему около года). Вёл о. Герман переписку и с Яновским, пока старцу не стало изменять зрение. В одном из писем к Яновскому отец Герман писал¹:

¹Цит. по кн.: Корсун, С. Преподобный Герман Аляскинский. Жизнеописание / С. Корсун. — М.: Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, 2005. — С. 89.

«...Грех любящему Бога не что иное, как стрела от неприятеля в сражении, истинный христианин есть воин, продирающийся сквозь полки невидимого врага к небесному своему отечеству. По апостольскому слову, отечество наше на небесах, а о войне говорит — несть наша брань к плоти и крови, но к началам и ко властям.

Пустые века сего желая удаляют от отечества, любовь к ним и привычка одевают душу нашу как будто в гнусное платье, оно названо от апостолов — внешнем человеком. Мы, странствуя в путешествии сей жизни, призываем Бога в помощь, должны гнусности той совлекаться, а одеваться в новые желая, в новую любовь будущего века и через то узнавать наше к небесному отечеству приближение или удаление...»

По сути, это уже не письмо, а своеобразная проповедь, обращённая к определённом лицу. Невозможно даже представить, чтобы такое письмо могло прийти от о. Германа главному правителю Александру Баранову. Именно с Семёна Ивановича Яновского начинается тот благодатный период взаимного понимания и доверия между священнослужителями Русской Америки и руководством колоний.

Глава 8 СЕРДЕЧНАЯ СМУТА КАМЕРГЕРА РЕЗАНОВА

Русский народ всегда отличался способностью мирно вживаться в среду других народов. Веротерпимость, спокойствие, умение находить общий язык с туземными племенами — эти качества помогли русским освоить огромные пространства Сибири, Дальнего Востока и Камчатки. Были, конечно, военные столкновения с туземцами, но силой оружия нельзя добиться добрососедских взаимоотношений, нельзя завязать родственных связей, которые неизбежно сближают народы и приводят их к необходимости входить в единый хозяйственный процесс.

Выдающийся исследователь материковой Аляски Лаврентий Загоскин в позапрошлом веке писал¹:

¹ Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. / под ред. М.Б. Черненко, Г.А. Агранат, Е.Э. Бломквист. — М.: Государственное издательство географической литературы, 1956. — С. 183.

«...Русский человек везде одинаков. Где ни изберёт место, на полярном ли круге, в благословенных долинах Калифорнии, везде ставит свою национальную избу, стряпню, баню, заводится хозяйкой, но на службу в колонию поступают люди, видевшие свет не с полатей; потом содержатся на полувоенной ноге, и потому место, огороженное глухим забором, называют редутом, избу — казармой, волоковое окно — бойницей, отдельную стряпню — кухней, даже хозяйку зовут иначе...»

Тот же «сибирский» принцип, но уже на свой, американский лад был положен русскими при освоении Аляски, и он неукоснительно продолжал соблюдаться, даже когда на должность главных правителей стали назначать офицеров военно-морского флота. Опыт американской жизни накапливался и приумножался.

В архивах графов Мордвиновых, ныне хранящихся в Санкт-Петербурге, есть такие записи: «Многие из наших российских промышленников женаты на дочерях американцев сих, и обратно сами они, находясь у нас в аманатах (почётных заложниках. — Ю.Х.), женились на алеутках... Иван Кусков, бывший передовщик (промысловый рабочий), за ум и сметливость назначенный главой форта «Росс» в Калифорнии, тоже был женат на природной американке из тех мест, где испокон веков жили племена индейцев хайда и цимшиан. Кусков, правда, не скрывал, что поступил так по «политическим видам», поскольку ему приходилось довольно часто совершать рейды из Новоархангельска в Калифорнию».

В «Вологодских губернских ведомостях» за 21 февраля 1848 года, в статье Е. В. Кичина «Иван Алексеевич Кусков», есть такие слова¹: «...Как здесь (в селении «Росс»), так и во всех других местах поселений наших в Америке Кусков обходился с язычниками тихо и кротко, но, несмотря на то, они не раз имели намерение лишить его жизни. Спасением от таких злоумышленников он обязан своей жене...»

Кто не знает историю романтической любви русского дипломата и камергера Николая Петровича Резанова и юной испанки Кончиты? Рок-опера композитора, народного артиста России, Алексея Рыбникова «Юнона» и «Авось» блистала с начала 1980-х годов и в России и за рубежом. Но есть другая сторона этой романтической любовной истории — практическая. Бывший

¹ Цит. по кн.: Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова. Новоархангельск / под ред. В. А. Александрова. — М.: Наука, 1985. — С. 226.

обер-секретарь Сената, камергер Резанов ко времени его назначения послом в Японию был уже вдовцом. Прибыв на корабле Российской Американской компании в Калифорнию, он сумел настолько расположить к себе дочь коменданта президио (крепости) Святого Франциско Консепсию (упрощённое имя Кончита), что состоялась помолвка, и дело стало за разрешением светской и духовной власти жениться на католичке.

Николай Петрович Резанов и его единомышленник Александр Андреевич Баранов тогда, в 1806 году, приложили все усилия, чтобы в заливе Румянцева (он же залив Бодего), недалеко от испанского форта Сан-Франциско, позже вырос российский форт «Росс».

Помолвка посланника Резанова с дочерью коменданта испанского форта, состоявшаяся в том же 1806 году, позволила загрузить корабли Российско-Американской компании купленным у испанцев зерном и тем самым спасти от голода северные русские поселения.

И. А. Кусков
(1765–1823)

Форт «Росс»

Портрет юной
Кончиты

Смерть камергера Резанова в Сибири на обратном пути в Санкт-Петербург хотя и разрушила многие планы компании, но не смогла уже разрушить добрых соседских отношений, возникших не только между русскими переселенцами и испанцами, но также между русскими и индейскими племенами Калифорнии. Хотя ревность со стороны католиков всё же была.

Стоит добавить, что в девяностых годах прошлого века в Красноярском архиве была обнаружена копия письма Резанова,

написанного им незадолго до своей смерти. Письмо это, опубликованное в журнале «Русская Америка», было адресовано Михаилу Булдакову, одному из учредителей и первых директоров Российско-Американской компании, родственнику Резанова.

В письме есть слова, которые заставляют несколько иначе взглянуть на романтическую историю помолвки Резанова и юной испанки, которая прождала суженого 40 лет и, только получив полные доказательства гибели своего жениха — русского дипломата, ушла в монастырь. Кончита осталась верна своему чувству и слову. Здесь не может быть никаких сомнений. Однако вот строки последнего письма камергера Резанова, отправленного 24 января 1807 года из Иркутска в Красноярск, где спустя всего полтора месяца его тело будет предано земле¹:

«Наконец я в Иркутске! Лишь увидел город сей, то и залился горькими слезами. Милый, бесценный друг мой² живёт в сердце моём одинаково! Я день, взявшись за перо, лью слёзы. Сегодня день свадьбы моей...

Остаётся мне пожелать только того, чтобы труд мой Монарху угоден был, верь, что мне собственно ничего

¹Цит. по ст.: Сурник, А. П. Последнее письмо камергера / А. П. Сурник // Русская Америка. — 1995. — № 4. — С. 30–31.

² Речь в письме Резанова идёт о его покойной жене Анне Григорьевне (1780–1802), урождённой Шелиховой.

не нужно... Как добрый купец, вникал я в торговлю вашу, я не думал быть им, но государю угодно меня в купцы пожаловать, и я все силы употребил, чтоб в полном виде достичь звания сего...

Из калифорнийского донесения моего не сочти, мой друг, меня ветреницей. Любовь моя у вас на Невском под куском мрамора (имеется в виду покойная жена Резанова. — Ю.Х.), а здесь следствие энтузиазма и новая жертва Отчеству. Конченсия (Кончита. — Ю.Х.) мила, как ангел, прекрасна, добра сердцем, любит меня; я люблю её и плачу о том, что нет ей места в сердце моём, здесь я, друг мой, как грешник на духу, каюсь, но ты, как пастырь мой, сохрани тайну.

Писем я не только от Гаврилы Романовича¹ (Державина. — Ю.Х.), но и ни от кого во всю бытность мою не получал ни строчки. Не менее того, чувствительно благодарю всех, кто меня вспомнил, я беспрестанно катался по морям, и так мудро было и письмам найти меня».

Нет сомнения, что лейтенант Яновский и его товарищи по кругосветному плаванию знали историю помолвки камергера Резанова и юной испанки. Хотя бы потому, что лично познакомились и провели немало времени с Георгом Лангсдорфом, посланником России в Рио-де-Жанейро, который во время Первого российского кругосветного плавания был личным врачом дипломата Резанова и находился рядом с ним в Калифорнии, когда камергер впервые увидел Кончиту. Известно, что тогда молодой Лангсдорф сам влюбился с первого взгляда в дочь коменданта испанской крепости и оставил о ней в своих дневниках восторженные воспоминания. Но он, как и другие русские путешественники, не знал испанского языка. Николай Резанов оказался среди россиян единственным, кто владел

Надгробие на могиле Резанова в Красноярске. Фото до 1917 г.

¹ Г. Р. Державин (1743–1816), русский поэт, крупный госчиновник, был дружен с семьёй Резановых, покровительствовал камергеру Н. П. Резанову.

испанским языком, что, видимо, сыграло немаловажную роль в его отношениях с юной красавицей.

Кончите (полное официальное имя — Мария де ла Консепсион Марцелла Аргуэло) исполнилось в 1817 году всего 26 лет. Она оставалась красавицей и по-прежнему дружески относилась к русским, поддерживала испанцев, желавших и дальше развивать экономические отношения с Российско-Американской компанией. Именно на этих испанцев и делал свою ставку Яновский, став главным правителем русских колоний, когда развивал торговые отношения компании в Калифорнии.

Так и не дождавшись суженого, в 1846 году Кончита стала первой новицей (монахиней) Доминиканского монастыря, когда его перевели в Бенишию, а позже стала его матерью Супериор.

История любви Яновского и креолки Ирины Барановой есть иная история, но прослеживается и общее: счастье, которое нашёл молодой офицер российского флота в Америке, было непродолжительным. И здесь вторгается смерть, разрывающая прочнейшие человеческие узы, и здесь обращение к Богу, молитве...

Часть третья

**Трудный путь
в Россию**

Глава 1 ПРОЩАЙ, АМЕРИКА!

В первой половине 1821 года срок службы Семёна Ивановича Яновского на посту главного правителя российских колоний в Америке подошёл к концу. Согласно новым порядкам Российско-Американской компании, морские офицеры-правители, независимо от того, насколько они успешно проявляли себя на службе в американских колониях, стали сменяться после Яновского через каждые 5 лет.

Семёну Ивановичу Яновскому предстояло передать дела своему старому знакомому — капитану второго ранга Матвею Ивановичу Муравьёву. Этот морской офицер, окончивший несколькими годами раньше Яновского Морской кадетский корпус, был участником морских российско-шведских батальон в 1808 году, а затем принимал участие в военных действиях против французов в 1813 году. Кроме того, капитан Муравьёв уже бывал на Аляске: в июле 1818 года он под началом будущего вице-адмирала В. М. Головнина прибыл на шлюпе «Камчатка» в Новоархангельск и участвовал в работе инспекции, когда подводил к концу свои последние отчёты первый главный правитель Русской Америки Александр Андреевич Баранов — будущий тесть Яновского.

Весной 1821 года главный правитель Русской Америки морской офицер Семён Яновский подготовил к передаче свои дела. Аляска стала для него второй родиной: здесь он провёл лучшие годы жизни, насыщенные семейным счастьем и славными трудами, здесь родился его первенец — сын Александр, здесь он впервые соприкоснулся с решением задач государственного масштаба, почувствовал большую ответственность за судьбы людей, за судьбу своей семьи, здесь, на Аляске, он нашёл духовного наставника и стал по-настоящему православным.

В апреле 1821 года семья Яновских стала готовиться к отъезду в Россию. Путь предстоял трудный и опасный. Вот о чём расска-

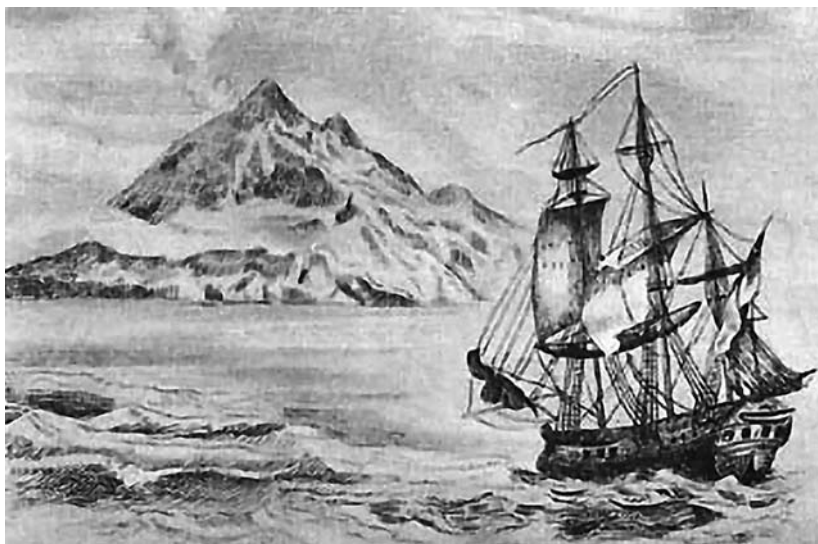
зывают другие путевые записки Семёна Ивановича, опубликованные в «Известиях Калужской учёной архивной комиссии» под названием «Записки о путешествии, совершённом в 1821 и 1822 годах из Америки в Петербург»¹:

«По окончании службы моей в колониях Американской компании Главное Управление предоставило на мою волю возвратиться из колонии в С.-Петербург на пришедшем из России корабле «Бородино» (то есть путём кругосветного плаванья. — Ю. Х.) или через Охотск (то есть через бурное и опасное Охотское море, минуя Курильские острова. — Ю. Х.). Я принял последнее, потому что жена моя была беременна. Для переезда от о. Ситхи до Охотска (6000 вёрст) мне дано было очень небольшое двухмачтовое судно (80 фунтов длины) — галет “Румянцев”, построенный в Ситхе... 1 мая, поутру я с семейством перебрался на корабль, в 11 часов отслужили на нём молебен, после чего М. И. Муравьёв (сменивший Яновского. — Ю. Х.) и чиновники приглашены были на завтрак... Я простился со всею командою крепости, которая для этого выстроилась во фронт. Не могу умолчать, что многие из служителей и чиновников плакали... В половине 11 часа ночи простились с гг. Хлебниковым и Грибановым и отпустили байдару. Итак: прощай, Ситха! Увижу ли я тебя когда-нибудь?..

С сожалением оставил я ту страну, где приобрёл себе любезную подругу жизни, ту страну, которой я с честью и, могу сказать, с похвалою управлял 4 года. В этой стране Господь благословил меня семейством и, благодарение Господу, честными трудами нажил себе маленькое состояние. В 30 лет и в чине лейтенанта я занимал такое высокое место без всяких протекций. Дай Бог, чтобы мои дети были так счастливы, как я, бывши в Америке...»

Семён Иванович, торопясь в Россию, пошёл на немалый риск, сказался характер настоящего моряка, привыкшего к опасностям. Кому-кому, а ему — главному правителю русских колоний в Америке — было доподлинно известно, что в период с 1799 года по 1821 год на службе Российско-Американской компании по-

¹ Яновский, С. И. Записки о путешествии, совершённом в 1821 и 1822 годах из Америки в Петербург / С. И. Яновский // Известия Калужской учёной архивной комиссии. Выпуск 21 / под редакцией В. И. Ассонова. Приложение. — Калуга, 1911. — С. 1–2.

Корабль у Курильских
островов (со старин-
ной литографии)

бывало 28 судов водоизмещением от 30 до 300 тонн. Но больше половины из них потерпело крушение в море — 16 судов. Часто крушения сопровождалась гибелью людей.

Первые дни плавания галета «Румянцев», на котором возвращалась семья Яновских в Россию, проходили спокойно, но по мере приближения к берегам Родины погода стала портиться. Лёгонькое плоскодонное судно, предназначенное для плавания в прибрежных водах, попало у Курильских островов в сильный шторм. Вот как запомнилась эта буря, случившаяся спустя шесть дней со дня отбытия из Новоархангельска, самому капитану «Румянцева»¹:

«...Волны перекачивались через корабль, грот-марсель изорвало; мы остались под одними шторм-стакселями почти в дрейфе... В два часа пополудни сквозь туман усмотрели высокий берег. Страшная скала грозила разбить наш кораблик в куски... Что было делать? Если остаться на ночь, то ночью нас могло выкинуть и разбить о скалы... Из истории русского мореплавания по Охотскому морю и Восточному океану (Ти-

¹Яновский, С. И. Записки о путешествии, совершённом в 1821 и 1822 годах из Америки в Петербург / С. И. Яновский // Известия Калужской учёной архивной комиссии. Выпуск 21 / под редакцией В. И. Асонова. Приложение. — Калуга, 1911. — С. 3–4.

хому океану. — Ю. Х.) известно, что более всего разбивались корабли на Курильских островах.

В таком бедственном, отчаянном положении я пошёл в каюту, чтобы помолиться угоднику Божию Николаю Чудотворцу, который спасал меня много раз, и потом решил спуститься, надеясь, по милости Божьей, попасть в пролив. Схожу в каюту и застаю жену на коленях в слезах перед образом с ребёнком на руках. Это ещё поразило меня. Я тут же упал на колени, принёс короткую, но усердную и тёплую молитву со слезами Господу Богу и Его святому угоднику Николаю Чудотворцу. Обнял жену и сказал: молитесь, молитесь! Теперь наступает решительная минута, одна надежда на Бога!

Вышел на палубу, собрал всю команду, объявил им, что мы находимся в большой опасности... робеть не должно, а всякий до последней минуты должен изо всех сил работать и слушать мою команду. Я намерен спуститься в пролив, ступайте по местам! И начал командовать...»

Галет «Румянцев», благодаря мастерству и самообладанию самого Яновского, прошёл узким проливом между островами и 28 июня прибыл в порт Охотск. Морские опасности были позади. Начальником Охотского порта и всей Охотской области был добрый приятель и сослуживец Яновского — Владимир Григорьевич Ушинский.

Охотск в нач. XIX в.

Российский историк Ф. Г. Сафронов даёт такие сведения о молодом российском городе Охотске начала XIX века, который тогда открывал морскую дорогу в Русскую Америку¹:

«...А что собой представлял Охотск? Он рос, и население его, состоявшее из морских чинов, адмиралтейских (береговая морская служба, строительство судов), регулярных военных чинов, нерегулярных и ссыльных, увеличивалось...

В Охотске строилось много жилых зданий, казарм, магазинов и других объектов. В окрестностях города, по Ураку и Кухтую (рекам около Охотска. — Ю.Х.), разместились корабельные верфи, где строились суда...

В октябре 1790 года Охотск получил свой герб. В верхней части изображённого на нём щита — герб Иркутска (“в серебряном поле бегущий тигр, а во рту у него соболь”), в нижней части — “в голубом поле положенные два якоря и над ними штандарт в знак того, что в сём городе находится порт”.

Значение Охотска усилилось с организацией в 1799 году Российско-Американской компании, превратившей город в главное место своей деятельности на азиатском побережье. В Охотске компания начала строить мастерские, склады, магазины, верфи, дома и казармы, в которых жили чиновники, матросы и рабочие. Сюда из Европейской России и Сибири через Якутск стала доставляться масса товаров компании, предназначенных для торговли в русских владениях на Аляске, Алеутских островах, на Камчатке, побережьях Охотского и Берингова морей. В Охотске строились компанейские суда, происходила погрузка и разгрузка товаров, сюда свозилась скупленная пушнина, здесь она рассортировывалась.

В 1800—1810 годах в Охотске было 13 казённых и 123 частных дома. В 18 верстах к югу от города, на берегу моря, находился солеваренный завод с казармами для рабочих, магазинами, угольными сараями, кузницей. В 4 верстах к северу, на острове Булгина, располагались морской лазарет, городская больница, баня, кузница, погреб и амбары, винный подвал...

¹ Сафронов, Ф.Г. Тихоокеанские окна России. Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил / Ф.Г. Сафронов. — Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1988. — С. 85—87.

Вид Охотского
порта (конец XIX в.)

В 1805 году население Охотска составляло 1319 человек, в том числе чиновников различного ранга и чинов духовенства 105 человек, солдат и казаков с отставными — 828, мещан и купцов — 24, ссыльных — 230, проживавших по паспортам — 14, иногородних — 118 человек...

Чиновники Охотска несли повседневную службу в канцеляриях и конторах или пребывали в командировках в Якутске, Иркутске, Тобольске, Москве, Петербурге. Казаки ездили в стойбища за сбором ясака с местного населения. Работные люди и ссыльные заготавливали лес для строительства судов, портовых сооружений и казённых зданий. Мастеровые и плотники строили суда на корабельных верфях...»

В Охотске семья Семёна Ивановича Яновского пробыла около месяца. Дав отдохнуть жене и маленькому сыну, а также отправив в Новоархангельск с попутным судном письма, книги и посылки для нового правителя Муравьёва и своих друзей, оставшихся на американской земле, Семён Иванович направился с семьёй в Петербург по известному Охотскому тракту на лошадях.

Глава 2 СКВОЗЬ СИБИРСКИЕ ДЕБРИ

К дальнейшему путешествию семья готовилась тщательно, но, надо сказать, что сухопутное путешествие Яновских оказалось не менее опасным, чем предыдущее морское. Об этом долгом пути верхом, в сёдлах, Семён Иванович тоже оставил воспоминания¹:

«...Вся наша поклажа, — записал 23 июля 1821 года Яновский, — была уложена, зашита в кожаные сумы по два с половиной пуда каждый, так что на лошадь навьючилось две сумы, т.е. 5 пудов на каждую... Кроме 10 лошадей для вьюков, 3 лошади были для меня, жены и малютки сына, который был в корзине привязан на боку лошади, а для равновесия на другой бок была привязана шкатулка. При нас было двое людей, и в провожатые дан был казак, якутский уроженец, который был и переводчиком с якутами. Таким образом, вообще было занято нами как для поклажи, так и для нас самих 16 лошадей. Кроме того, две были под якутами и четыре запасные или заводные, и всего — 22 лошади...»

Плохие дороги — одна из главных бед России. Тем более на окраинах безбрежной империи. Охотскому тракту, которым Семён Иванович Яновский с семьёй добирался до Якутска, посвящено немало чиновничьих отчётов и недобрых отзывков тех, кому приходилось проделывать этот нелёгкий путь. Тот же историк Ф. Г. Сафронов в книге «Тихоокеанские окна России» даёт такие сведения об Охотском тракте²:

«...Жителям центральных якутских улусов, на которые ложилась подорожная повинность, приходилось тратить много сил и времени, чтобы привести тракт хоть в какой-то порядок: почти ежегодно отряжать (без оплаты казной) десятки людей на починку дороги, мостов и гатей, устройство

¹ Яновский, С. И. Записки о путешествии, совершённом в 1821 и 1822 годах из Америки в Петербург / С. И. Яновский // Известия Калужской учёной архивной комиссии. Выпуск 21 / под редакцией В. И. Ассонова. Приложение. — Калуга, 1911. — С. 5–6.

² Сафронов, Ф. Г. Тихоокеанские окна России. Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил / Ф. Г. Сафронов. — Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1988. — С. 83–84.

Охотский тракт.
На перевале
«Сетте-Дабан».
Фото Р. Ю. Зоннен-
бурга

канав и т.д. (небольшая плата за эти работы была установлена только в 1838 году). Но разливавшиеся горные речки часто сводили на нет результаты этих работ: сносили мосты и настилы, прорывали рвы через дорогу, валили деревья. Поэтому тракт, протянувшийся по тайге более чем на тысячу вёрст, якутам никогда не удавалось привести в порядок.

Это подтверждают и путевые заметки чиновника Росийско-Американской компании А.И. Маркова, сделанные им во время летней поездки в Охотск в 1840-х годах: “Что сказать о пассажирах (проезжающих по тракту. — Ю.Х.)? Это страдальцы в полном смысле слова. Особенно нельзя без жалости смотреть на тех, которым ещё в первый раз приходится ехать верхом. Тут начинают они сильно раскаиваться в своей решимости. Пешком идти препятствуют болота и реки, а об объезде на телеге и думать нечего. До Алдана дорога ещё хороша; тут мало болот и рек; по большей части встречаются обширные луга, заставленные стогами сена. Дальше Алдана ... дорога совершенно изменяет свой вид: то едешь извилистыми тропинками, пролегающими сквозь густой лес, поросший кустарником, или через болото, в котором лошадь вязнет по брюхо; то взбираешься на длинный косогор или на крутую каменистую гору и пролагаешь путь по снежной вершине; то спускаешься прямо

в реку; то поднимаешься на распадающуюся скалу, где с осторожностью пробираться по острому камешку бесподковый конь; то вдруг встречаешь лес, обгорелый от жару, который в июле месяце доходит здесь иногда до чрезвычайности и очень много способствует переправе каравана. Не дай Бог быть застигнутым на дороге продолжительными дождями. В это время болота становятся непроходимыми, реки разливаются; через них уже невозможно переходить вброд, а перевозов нет. Караван поневоле должен ждать, пока перестанут дожди и опадут реки, встречающиеся на пути очень часто”...»

Первый, самый трудный отрезок сибирского пути — от Охотска до Якутска — был длиною более 1000 вёрст и мог быть пройден летом только верхом на лошадях. Переправы через бурные реки, горы и болота, обилие диких зверей, шайки разбойников — всё несло и таило в себе опасность для путешественника. Однажды, при переправе через реку Урака, береговая земля под ногами лошади, на которой сидел Семён Иванович Яновский, вдруг обвалилась, и лошадь понесла седока, не слушаясь поводева, по тайге. Ударившись грудью о полуповаленное дерево, он едва не погиб. Вот как он описывает в своих дневниках этот случай¹:

«...Упал без чувств и без дыхания. Одно Провидение чудесно спасло меня от смерти. Минут десять лежал я без чувств, наконец, пришёл в сознание, но вздохнуть не смог, грудь мою заложило, дыхания не было, и глаза закрыты, но я пришёл в память и думал, что пришёл мой конёк. Горько мне было! Я думал, что умру без покаяния в молодых годах (мне было 32 года) в дикой пустыне, в лесу, далеко-далеко от родины и вместе на пути к ней! В такой горести мысленно воззвал я ко Христу Богу, Спасителю своему: “Господи, помилуй мя грешного!” Тотчас после этого призывания я мог вздохнуть и открыть глаза, начал тяжело стонать. Вижу, подле меня в слезах сидит добрая моя жена и мочит мне лицо и голову холодной водой. Я начал хрипеть и стонать с пеною у рта. Мне открыли рот и влили несколько капель воды. Наконец я мог вздохнуть свободнее и проговорил шёпотом. Минут через 10 сел и, отдохнув, встал и, поддерживаемый людьми, пошёл

¹Яновский, С. И. Записки о путешествии, совершённом в 1821 и 1822 годах из Америки в Петербург / С. И. Яновский // Известия Калужской учёной архивной комиссии. Выпуск 21 / под редакцией В. И. Асонова. Приложение. — Калуга, 1911. — С. 16–17.

По дороге
из Охотска в Якутск
(со старинной
литографии)

к берегу реки, где приказал раскинуть палатки и остановиться на ночлег...»

Но это было не единственное происшествие. Также Яновский описывает случай, когда лошадь, на спине которой была корзина с его двухлетним сыном Александром, вдруг провалилась в болото и стала тонуть. С большим трудом удалось её вытянуть из топкого места. Было и другое происшествие: однажды ночью, когда уставшие путешественники крепко уснули в тайге около погасших костров, к их стоянке подошли медведи и, распугав лошадей, утащили кожаные сумки со съестными припасами...

«Говорит пословица: кто на море не плавал, тот прилежно Богу не маливался, — восклицает в конце своих сибирских записок Яновский. — Нет, я много на морях бывал, но скажу, что на этом трудном и опасном пути от души молился Богу...»¹

Как ни торопились Яновские, но успеть до рождения второго ребёнка в Санкт-Петербург им не привелось. Как известно, в столицу Семён Иванович и Ирина Александровна прибыли уже с двумя деть-

¹ Яновский, С. И. Записки о путешествии, совершённом в 1821 и 1822 годах из Америки в Петербург / С. И. Яновский // Известия Калужской учёной архивной комиссии. Выпуск 21 / под редакцией В. И. Ассонова. Приложение. — Калуга, 1911. — С. 30.

ми: сыном Александром и дочерью Марией. «Записки о путешествии, совершённом в 1821 и 1822 годах из Америки в Петербург» обрываются 16 августа 1821 года. До Якутска Семёну Ивановичу и Ирине Александровне с двухлетним сыном оставалось добираться ещё около 300 вёрст. Что же дальше было с семьёй путешественников, где пришлось им задержаться по причине рождения второго ребёнка?

Отвечает на этот вопрос один из документов Калужского государственного архива, относящийся по времени к октябрю 1835 года¹. Это не что иное, как копия письма Яновского к «Государю Императору Николаю Первому»:

«Всепресветлейший, Державный, Великий Государь, Император Николай Павлович Самодержец Всероссийский. Государь. Всемилостивейший.

*Просит бывший капитан 2 ранга,
а ныне коллежский ассессор
Семён Иванов сын Яновский,
а о чём моё прошение тому следуют пункты.*

В 1832 году по представленным от меня документам Калужское дворянское собрание внесло меня и семейство моё в Дворянскую родословную книгу. Но как тогда не было доставлено метрическое свидетельство дочери моей Марии — рождённой в Иркутской губернии в Якутске, которое, получа из Иркутской Духовной Консистории за № 2888 и прилагая оное, у него всеподданнейше прошу.

Дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества Указом повелено было сие моё прошение с свидетельством принять и упомянутую дочь мою Марию внести в протокол, а мне выдать свидетельство для помещения её в одно из казённых заведений для воспитания девиц.

Всемилостивый Государь! Прошу Вашего Императорского Величества о сем моём прошении решение учинить».

Царь благосклонно отнёсся к просьбе Яновского, и в том же году из Иркутска в Калугу пришло свидетельство от Иркутской консистории, в котором было сказано, что в метрических книгах города Якутска записи о рождении дочери капитана 2-го ранга Семёна Ивановича Яновского Марии не оказалось. Зато нашлись свидетели того события: «восприимная мать её, купецкая жена Анна Сокольниковая» и крестивший девочку «священник Васи-

¹ГАКО, ф. 66, оп. 3, д. 95, л. 1–2.

лий Кондаков». Они и удостоверили, что «вышеозначенная дочь Яновского рождена от законного его супружества»¹.

Так, спустя более 10 лет после своего рождения в Сибири, была официально признана российской дворянкой Мария Семёновна Яновская — потомок дворян Яновских, купцов Барановых и североамериканского племени — чугачей. Мария Семёновна Яновская получила свидетельство, что она законнорожденная российская дворянка, и была определена отцом в одно из учебных заведений Москвы, где воспитывались и получали образование девицы из дворянских семей.

При внимательном прочтении дневниковых записей Семёна Ивановича Яновского не может остаться незамеченным следующий нюанс: если в его путевых записках, ведшихся по пути из Кронштадта в Русскую Америку на корабле «Суворов», чувствуется незначительная последующая обработка, то в записках 1821–1822 годов явственно ощущается редакционная работа автора, произошедшая, вероятно, много лет спустя после кругосветного путешествия. И тон, и объём ежедневных записей, касающихся сибирского путешествия семьи Яновских, невольно склоняет к мысли, что это скорее уже не дневник, а особый эпистолярный жанр, в котором каждодневные записи перемежаются с тем, что было внесено позже. Это и размышления о своей жизни, о вере, рассуждения о политических интересах России на Дальнем Востоке. Примером тому может служить отрывок из записок 1821 года, в которых описаны дни плавания на галете «Румянцев» от Ситхи до Охотска²:

«...Мы легли на правый галс и суток двое лежали этим курсом, так что вдали увидели остров Сахалин, лежащий против устья реки Амур и принадлежащий японцам. Огромный остров этот лежит в умеренном (в 48 и 49 градусах северной широты) прекрасном климате, имеет плодородную почву: хорошо родится рис. Остров населён и обработан...

Для пользы нашего государства, в особенности для Охотской и Камчатской областей и для наших колоний в Америке, должно стараться России приобрести реку Амур в свои владения

¹ ГАКО, ф. 66, оп. 3, д. 95, л. 3.

² Яновский, С. И. Записки о путешествии, совершённом в 1821 и 1822 годах из Америки в Петербург / С. И. Яновский // Известия Калужской учёной архивной комиссии. Выпуск 21 / под редакцией В. И. Ассонова. Приложение. — Калуга, 1911. — С. 5.

ния или иметь её границею с Китаем. А потому и остров Сахалин весьма бы полезно присовокупить к нашим владениям.

Купить ли, выпросить, трактатом утвердить или как иначе, только необходимо надо это сделать. Тогда и Сибирь наша будет процветать и сообщение с Охотским морем, с Камчаткою и с колониями будет удобнее. Притом, если Россия не завладеет Амуром и Сахалином, то надо опасаться, что другие государства (англичане, американцы Соединённых Штатов или французы) предупредят нас...»

В сибирских записках Яновского также есть одно повествование, которое само по себе, без контекста, представляет как бы законченное произведение.

Глава 3 НЕЗАКОНЧЕННАЯ ПЕШАЯ КРУГОСВЕТКА

Это своеобразный рассказ путешественника о путешественнике. В нём русский морской офицер Семён Иванович Яновский рассказывает об английском путешественнике-пешеходе капитане Кохране¹, который, кстати, уже проделал к моменту их знакомства в доме губернатора края Ушинского своё путешествие по Охотскому тракту. Написанный не без юмора, этот рассказ Яновского несёт в себе массу деталей и замечаний автора, которые не только создают образ иностранца-путешественника, но и живую картину российской жизни того времени. Яновский выступает здесь как наблюдательный и интересный рассказчик.

Рассказ С. И. Яновского об английском путешественнике капитане Кохране

«...Мы пробывли здесь (т.е. в Охотске. — Ю.Х.) до 22 июля и проводили время вместе. У Владимира Григорьевича Ушинского (начальника Охотского порта и всей Охотской области. — Ю.Х.) в это время гостил “эксцентрик” англичанин, капитан английского флота г. Кохран, знаменитой английской фамилии: дядя его лорд

¹Яновский, С. И. Записки о путешествии, совершённом в 1821 и 1822 годах из Америки в Петербург / С. И. Яновский // Известия Калужской учёной архивной комиссии. Выпуск 21 / под редакцией В. И. Асонова. Приложение. — Калуга, 1911. — С. 7–9.

Кохран, известный адмирал, отличившийся во многих сражениях. Этот чудака капитан Кохран вздумал обойти пешком вокруг света. Стоит того, чтобы описать историю его путешествия.

Из Англии он проехал пролив на корабле, потом через Францию, Германию и Польшу пешком прибыл в Петербург и был представлен Императору Александру. Государь принял милостиво и предупредил его, что путешествие по России, особливо по Сибири до Якутии, Охотска и до Камчатки, весьма трудно и сопряжено с опасностью, это не то, что по Европе. Но если он не изменил своего намерения, то государь подпишет, чтобы во всех местах ему оказываемо было всевозможное пособие. И действительно, об этом было предписано губернаторам. Итак, капитан Кохран отправляется пешком, с небольшой котомкой за плечами, в которой у него было запасное бельё, пара сапог и пара запасных башмаков. Денег он с собой брал мало, а отсылал по почте вперёд, в следующий город. Надо знать, что этот чудака, когда пошёл из Петербурга, то ни слова не знал по-русски. На пути от одного города до следующей станции на него напали разбойники. Он сам про это рассказывал. Это случилось летом 1820 года. Его обобрали с ног до головы. Причём он просил воров, чтобы они оставили ему по крайней мере хоть рубашку, брюки и башмаки, но они рубашку сняли, потому, что она была хороша, из английского полотна, новая, той же участи подверглись и брюки; ему оставлен был, как на смех, один жилет и башмаки.

Воображаю, какова была его фигура: без сорочки, в одном жилете и башмаках, без исподнего платья. В таком натуральном наряде, как Адам, он прошёл 10 вёрст, до первого селения. Там объявил о своём несчастье. Его приняли, одели, накормили, дали знать в город и оттуда в Петербург. Доложили Государю, который приказал немедленно, во что бы то ни стало, отыскать воров. К удивлению, через неделю их нашли, и вещи были доставлены англичанину вслед, не помню в какой город. Он удивился такой исправности нашей полиции и говорил: “В Англии бы не нашли”. После этого он шёл благополучно, без особых приключений до самого Иркутска. В Иркутске, как и везде, он был принят радушно. Губернатор обласкал его и поместил у себя в доме. Потом наш путешественник отправился в Якутск. Но в маленьком заштатном городке Зативерске с ним случилось ужасное происшествие: казаки схватили его как беглого и привели к комиссару (т.е. городничему или исправнику), на беду тот придерживался чарочки и был подвыпивши, а потому принял его в допрос. Англичанин показывал ему свой паспорт, в котором

по-русски и по-английски сказано, что он капитан английского флота и что предписывается чинить ему не только свободный проход, но даже оказывать всякое пособие и, когда потребуется, безденежно давать подводы, провожатых и проч.

Но подгулявший комиссар не поверил документу: “Знаем мы вас! Ты беглый или шпион, и паспорт фальшивый, сам сделал. Какой ты капитан, рыжая борода! Пойдёт ли капитан пешком. Давай палок!” И приготовились вздуть его палками. Англичанин много говорил мне об этом, а Ушинский на ухо мне прибавил, что и вздуть его порядком. Вот сильные ощущения для их искателя!

Наконец, несчастному путешественнику удалось упросить комиссара отослать его к губернатору. “Я сам тебя свезу”, — прибавил тот и, заковав в железо, отправился с ним в путь, надеясь заслужить большую награду за то, что поймал и привёз весьма важного преступника. От Иркутска до Зативерска, кажется, будет вёрст 500. Привозит он его скованного к губернатору ночью, просит немедленно доложить, что поймал и привёз важного преступника. Губернатор вышел в залу: “Где же арестант?” — “Здесь, Ваше Превосходительство, в передней!” — “Приведите сюда!” Вот его вводят в цепях. Можно представить себе, каково было удивление и гнев губернатора и смятение комиссара!

Немедленно сняты были оковы с прибавкой тысячи извинений, заставили комиссара просить прощения, а иначе в тюрьму или в солдаты, чуть не в каторгу. Комиссар был уничтожен. Но Кохран простил его. Отдохнувши несколько дней у губернатора, капитан Кохран отправился опять в дорогу и благополучно прибыл в Якутск.

В этот год послана была экспедиция под начальством флота капитана Врангеля для описи Северной Сибири. Врангель был уже около устья Лены, готовясь по льдам на собаках проникнуть далее к северу на острова. Капитан Кохран прибыл к Врангелю и объявил желание своё участвовать в экспедиции, но Врангель вежливо отказал, отговариваясь, что не имеет на это предписания...

Пробывши у Врангеля три дня, он попросил себе провожатого в Охотск, что и было исполнено. И неутомимый турист по непроходимым местам и тундрам, с величайшей трудностью, подвергаясь многим опасностям и от зверей, и от диких народов, и затруднительных переправ, продолжал свой тяжёлый путь. Наконец он добрался до Охотска, с отросшей бородой, в наряде чукчи или тунгуса. Прибыв в Охотск, Кохран хотел войти прямо к начальнику порта, но ча-

совой оттолкнул его, поставив поперёк ружьё, и спросил: “Куда ты лезешь, что тебе надо?” — полагая, что тот бурят или тунгус.

— Доложи начальнику, что имею к нему надобность...

Когда это было исполнено, то его тотчас же выпустили. Добрый Ушинский обласкал его, поместил в своём доме, дал собственное платье, бельё, просил сбрить бороду. Тут-то я видел его прилично одетым, как английского джентльмена. Собою он среднего роста, белокурый, бакенбарды имел рыжеватые, худощавый, лицо продолговатое, нос большой, лет имел 35 или близко 40. Он уже порядочно говорил по-русски. Прибывши месяцем прежде меня в Охотск и узнавши, что меня ожидают из Америки, он нарочно остался, чтобы расспросить о тамошнем крае и можно ли ему, переехав Берингов пролив, пройти пешком до наших колоний по Северо-Западной Америке и потом перейти в Соединённые Штаты, чтобы оттуда на корабле отправиться в Англию. Много он меня об этом расспрашивал. Я ему сказал, что это решительно невозможно, что жители Северо-Западной Америки не то, что якуты, тунгусы, буряты и чукчи, что это негостеприимный и жестокий народ, особливо колоши, или колюжи. Что они его, если не убьют, то возьмут в плен, в неволю, и будут перепродавать один другим, а при случае принесут в жертву. У них такой обычай: если умрёт какой тойон (князёк), то несколько невольников закапывают для прислуги умершему. При других торжествах они делают подобное...

Но странная судьба ожидала этого капитана: он затем пешком обошёл всю Нумчинскую губу, пробрался в Камчатку, с величайшею трудностью и большою опасностью достигнул Петропавловского порта. В это время начальником Камчатки был флота капитан Пётр Иванович Рикорд, человек почтеннейший, известный всему свету мореплаватель, который был с капитаном Головинным в Японии и выручил его из плена. Он принял весьма радушно чудака, английского капитана, поместил его у себя в доме.

П. И. Рикорд
(1776–1855)

Сам П.И. Рикорд был женат: он и его жена старались всячески занять англичанина. Надо знать, что у Рикорда не было детей; его супруга для развлечения приняла в дом бедную сироту, дочь дьячка, которую воспитывала как родную дочь. Девочка была миловидна собой и понравилась капитану Кохрану, так что он оставил все свои мечты о путешествии и женился на этой бедной девушке.

Капитан английского флота, знатной фамилии, имеющий хорошее состояние, пришёл из Англии пешком на Камчатку и женился на бедной дочери русского дьячка! Вот судьба!

После женитьбы капитан Кохран недолго пробыл в Камчатке и отправился через Сибирь со своей женой не пешком уже, но с возможным комфортом в С.-Петербург и потом в своё отечество, в Англию, имел детей и умер, оставив порядочное состояние своей жене. После его смерти она возвратилась в Петербург и вышла замуж за русского адмирала Эльфентона, который был природным англичанином, но находился на русской службе».

Историк Н.Я. Эйдельман неслучайно отметил в одной из своих работ: «...Огромные расстояния — немаловажный элемент истории, социальной психологии страны... Между тем солидные путешественники только с петровского времени принялись скакать сломя голову; прежде — чем важнее, тем медленнее: воевода из Москвы в Якутск, “на новую работу”, ехал в 1630-х годах не торопясь, пережидая разливы и чрезмерные холода, ровно три года...»¹

Семья Яновских из Якутска до Петербурга тоже не могла скакать сломя голову, но по другим причинам: везли маленьких детей. Прибыли в столицу Яновские в конце 1822 года.

¹Анисимов, Е.В. В борьбе за власть / Е.В. Анисимов, Н.Я. Эйдельман. — М.: Мысль, 1988. — С. 287.

Часть четвертая

**Обманчивые
надежды
Петербурга**

Глава 1

ПРОЕКТ КАПИТАНА ЯНОВСКОГО

Парусник «Бородино», который отправлялся в Россию из Новоархангельска в июне 1821 года (когда семья Семёна Ивановича Яновского только собиралась отплывать на галете «Румянцев» в Охотск), ко дню приезда Яновских в Петербург уже давно прибыл в Кронштадт и разгрузился. Именно на этом корабле Российско-Американской компании Семён Иванович накануне своего отъезда из Русской Америки отправил на родину многие вещи семьи и документы своего знаменитого тестя Александра Андреевича Баранова, которые старый правитель не смог взять с собой, пускаясь в свой последний путь.

По прибытии в Петербург Семён Иванович сразу явился в большой дом у Синего моста, где располагалось правление Российско-Американской компании, и начал ходатайствовать о получении вещей и документов умершего в пути тестя. Он долго добивался своего и, наконец, получив разрешение, отправился в портовую контору, но... был неприятно удивлён, когда удостоверился, что имущество родственника было практически брошено на произвол судьбы.

Об этом Яновский написал в Новоархангельск своему приятелю, коммерсанту компании, Кириллу Хлебникову¹:

«...По секрету Вам скажу, дела компании в большом беспорядке. Наконец компания отдаёт мне имение (имущество) Александра Андреевича с большим притеснением: деньги и акции я получил, а вещи принимаю. Много испортилось, а других нет против описи...»

Архив Александра Баранова (его записки, расчёты) был или уничтожен, или потерян. Также известно, что бумаги Баранова, которые он вёз с собой на корабле «Кутузов» в Петербург для

¹Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова. Новоархангельск / под ред. В. А. Александрова. — М.: Наука, 1985. — С. 233.

оправдания перед руководством Российско-Американской компании, тоже бесследно исчезли после его смерти в пути. Многие уникальные документы по истории освоения русскими Северной Америки пропали для российских историков.

* * *

Молодая семья Яновских стала жить в Петербурге. Ирина занималась воспитанием сына и дочери, а Семён Иванович был намерен не оставлять флотскую службу. Вчерашний главный правитель Русской Америки продолжил свою службу в Российско-Американской компании, но появилось у него и другое серьёзное дело: он стал составлять проект административного переустройства русских колоний в Америке. Яновский, как и Баранов, понимал, что позиции России на американской земле (в том числе и экономические позиции) имеют немало уязвимых мест, которые, увы, недостаточно хорошо видны из Петербурга.

В 1824 и 1825 годах Россия заключила конвенции с Северо-Американскими Соединёнными Штатами (САСШ) и Англией сроком на 10 лет. Цель межгосударственных документов — отрегулировать взаимоотношения стран на Северо-Американском континенте и в окружающих его водах. Однако жизнь показала, что вместо разрешения споров эти конвенции, по сути, подрывали позиции России в Калифорнии и на Аляске. Ведь некоторые статьи конвенций предусматривали права указанных иностранных государств и их граждан беспрепятственно заходить «во все внутренние моря, заливы, гавани и бухты... для производства там рыбной ловли» и свободной торговли «с природными той страны жителями». Это открывало дорогу на русские земли контрабандистам и браконьерам, что фактически лишало Российско-Американскую компанию всех ранее дарованных царём привилегий, ставило её в уязвимое экономическое положение. К тому же Россия была вынуждена отменить крейсерство у берегов Русской Америки, то есть отказаться от защиты своих колоний.

Многие россияне, чья судьба была связана с интересами Российско-Американской компании, поняли, что срочно нужны радикальные меры по спасению Русской Америки. Между учредителями компании, а также между её сторонниками и противниками в правительственных кругах шла постоянная борьба, которая оказывала огромное влияние на положение дел в американских колониях России. И, к сожалению, не всегда это влияние было во благо.

За время своего пребывания на Американском континенте Яновский как опытный мореплаватель хорошо изучил особенности климатических условий суровой Аляски, как талантливый администратор понял экономическую жизнь сложного хозяйства колоний, познал секреты международной торговли, а как военный сумел познать защиту опорных пунктов Русской Америки на должный уровень. Но этого было, по его мнению, недостаточно.

Сам Семён Иванович и его супруга Ирина Александровна являлись акционерами Российско-Американской компании, поэтому вполне объяснима заинтересованность, которую проявил бывший главный правитель к делам компании после своего возвращения из Америки. Речь идёт о том, что Яновский, имея право голоса среди руководства компании, выдвинул свой проект о перемещении резиденции Главного правителя и фактории из Новоархангельска обратно на остров Кадьяк. И для этого у него имелись свои аргументы. Среди руководства компании нашлись приверженцы нового плана развития русских колоний на Аляске, но появились также и противники.

Яновский выдвигал следующие аргументы в пользу перемещения столицы русских колоний на более крупный остров Кадьяк, расположенный западнее острова Ситха, то есть ближе к восточным границам России¹:

«...Со временем добывание в окрестностях его пушных промыслов едва ли покрывает четвёртую часть понесённых там компанией потерь. Содержание там алеутов (главных охотников компании. — Ю.Х.) стоит очень дорого, тогда как необходимо иметь при заселении по крайней мере 200 человек и каждый из них удалён при этом от своего семейства. Соседство колошей представляет большие опасности для заселения, т.к. они имеют оружия более, чем русские, и воздвигнутое ими укрепление вооружено десятью орудиями и что пушных промыслов получается на Кадьяке более и средства к продовольствию изобильнее...»

Кирилл Хлебников так свидетельствует в своих записках о продвижении плана Яновского, дополнительно приводя другие доводы в пользу проекта своего приятеля и бывшего начальника:

«...Когда в августе 1825 года общее собрание акционеров Российско-Американской компании одобрило проект переноса

¹Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова. Новоархангельск / под ред. В. А. Александрова. — М.: Наука, 1985. — С. 238, 247.

столицы Российских владений в Америке из Новоархангельска обратно на о. Кадьяк, отсутствие глины на Ситхе и невозможность изготовления нужного количества кирпича играло не последнюю роль в принятии такого решения. В «Записках Главного правления о необходимости переноса столицы на Кадьяк» отмечалось: «...На всём острове (Ситхе) нет глины. Кирпич для печей привозится с Кадьяка, почему и нельзя было и думать о каменных укреплениях, кои бы навсегда упрочили труды человека. Следовательно, все постройки по необходимости должны быть деревянные. Множество работников употребляются единственно на починку строений. Работа сия тем затруднительнее, что близ крепости уже нет более строевого лесу, должно посылать за ним в отдалённые заливы, отчего работа 10 человек в течение целого дня ограничивается срубкою и привозом шести годных деревьев. Трата инструментов и использование значительного числа мастеровых, как то: кузнецов, слесарей и угольщиков, употребляемых для таковых починок, дополняют сумму невыгодного сего рода деревянных строений, сверх того заставляют удерживать в Новоархангельской крепости значительное число людей — по меньшей мере 25 человек...

Обилие на Кадьяке годной для кирпича глины позволит выстроить со временем каменные укрепления и главнейшие здания; впрочем, и деревянные здесь несравненно прочнее по доброте леса; поблизости Кадьяка на матёрой земле есть места, покрытые богатыми лесами, весьма удобными для кораблестроения...»

Но были у проекта Яновского и противники, причём весьма серьёзные. Прохладно к этому проекту отнёсся выдающийся мореплаватель Фёдор Литке. Главный бухгалтер Российско-Американской компании П. В. Боковиков не был в числе категоричных противников проекта Яновского, но у него были свои соображения по переустройству¹.

«Да к чему торопиться с переноскою? — писал он в Новоархангельск Кириллу Тимофеевичу Хлебникову 18 апреля 1829 года. — Ведь Ситху содержит компания не первый год. Да притом хорошо ли будет по политическим видам, если мы оставим Ситху и вместе весь американский берег, по край-

¹Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова. Новоархангельск / под ред. В. А. Александрова. — М.: Наука, 1985. — С. 247.

Император
Александр I

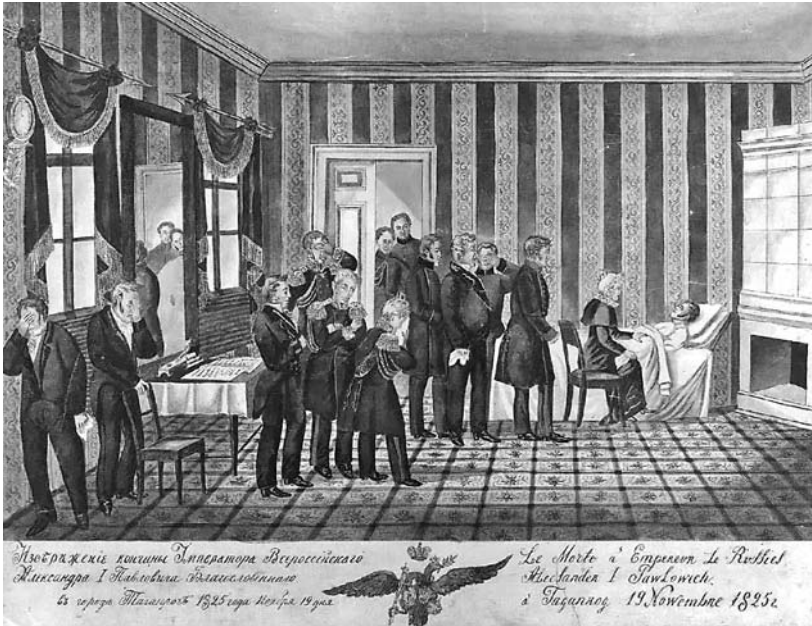
ней мере, тут ничего нет для компании приятного. Не лучше ли бы было перенести главную факторию на Кадьяк, а Ситхинскую крепость оставить под охранением гарнизона; вероятно, для сего не нужно будет более 400 человек, содержанием коих компания бы не разорилась, а между тем мы удержали бы за собою весь берег и тамошнюю промышленность, которая, по крайней мере, могла бы доставлять пособие в содержание Ситхинской крепости.

Надо заметить, что по конвенциям американцы (имеются в виду промысловики из САСШ. — Ю.Х.) скоро будут не вправе посещать наши берега...»

Бухгалтер компании советовал разорвать факторию с административным центром и уповал на международную конвенцию, призванную сохранять права Российской державы на Аляску. Но капитан Яновский как руководитель-практик хорошо знал, что одно дело — закон на бумаге, а другое дело — соблюдение закона в жизни. Ему, бывшему главному правителю русских колоний в Америке, было хорошо известно, что чудовищное браконьерство, которым славились янки-промысловики, практически не наказуемо.

Промысел пушнины продолжал оставаться экономической базой колоний, но каланов и морских котиков с каждым годом становилось всё меньше и меньше. Надо было думать о расширении торговли, прочно закрепляться на Аляске и не успокаиваться барышами от охоты на морского зверя. Англия, Франция и САСШ не оставляли надежды на расширение своих земель, на захват новых колоний, поэтому, на взгляд Яновского, следовало укрепляться ближе к материковой Евразии, где уже прочно стояла Россия.

Но мнение многих акционеров компании было не за Яновским. Проект, как ныне говорится, завис в воздухе. Руководство боялось затрат, не видя необходимости в преобразованиях. Все ждали решения августейших акционеров. Но после смерти Александра I

Смерть
Александра I

всё изменилось. В дело вмешались события 14 декабря 1825 года, после которых царская семья стала иначе смотреть на Российско-Американскую компанию. Обсуждение проекта капитана 2-го ранга Яновского периодически, из года в год, откладывалось, а затем, в 1832 году, было и вовсе отменено.

Глава 2 АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА РУССКИХ ДЕКАБРИСТОВ

Не только у Яновского были свои планы, связанные с развитием Российско-Американской компании и американскими колониями. Историк Михаил Сафонов в своей статье «Американский след в деле декабристов» даёт следующие сведения¹:

«О тайных обществах, объединивших будущих декабристов, написано много. Но была ещё одна влиятельная сила, заинте-

¹ Сафонов, М. Американский след в деле декабристов / М. Сафонов // Аргументы и факты. — 1994. — № 31, август. — С. 7.

ресованная в переменах и называвшаяся *Российско-Американской* компанией. Перед этой акционерной компанией, созданной ещё Павлом I в конце XVIII века, ставилась грандиозная задача — осуществить экспансию в дальневосточном регионе, в результате которой северная часть Тихого океана должна была превратиться во внутренние воды Российской империи.

Реализация этого плана с самого начала встретила сильнейшее противодействие Англии, Франции, Северо-Американских Соединённых Штатов. Ещё большим препятствием стало то, что после наполеоновских войн Александр I поставил во главу угла европейские дела и фактически “заморозил” планы экспансии в Америке. Руководители компании предпринимали отчаянные попытки исправить положение. Был разработан план экспансии в Калифорнии, на Гаити и Сандвичевых островах. Но все начинания разбивались об упорство царя...»

Мы помним строки из не опубликованных при жизни поэта глав «Евгения Онегина»:

...Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щёголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами властвовал тогда...

Но эти поэтические строки А. С. Пушкина, характеризующие одного из главных акционеров *Российско-Американской* компании, императора Александра I, не совсем объективны. Император хорошо разбирался в своих подданных, искусством манипулировать людьми владел в совершенстве и имел на руках достаточно полную информацию о различных тайных обществах. Из доклада генерала царской свиты А. Х. Бенкендорфа, представленного Александру I в мае 1821 года, становится ясно: ещё за четыре с половиной года до 14 декабря 1825 года имена многих будущих декабристов уже взяты на карандаш. И не только имена! Характеризуя членов Союза благоденствия пофамильно, проницательный Бенкендорф предсказывает¹:

«...При судебном исследовании трудно будет открыть теперь что-либо о сем обществе: бумаги оного истреблены и каждый для спасения своего станет запираяться, но правительство легко может удостовериться в истине...»

¹ Сафонов, М. Американский след в деле декабристов / М. Сафонов // Аргументы и факты. — 1994. — № 31, август. — С. 7.

Так и вышло после подавления восстания декабристов на Сенатской площади. Бумаги секретной службы Александра I, как и следовало ожидать, попали в руки преемника власти — Николая I. Вот краткий эпизод допроса столоначальника Российско-Американской компании Ореста Сомова¹:

«...Николай I: “Где вы служите?”»

О. Сомов: “В Российско-Американской компании”.

Николай I: “То-то хороша у вас собралась там компания!..”»

На следствии Российско-Американская компания упоминалась довольно часто.

А. Х. Бенкендорф
(1781–1844)

* * *

Но вернёмся в Русскую Америку. В 1823 году в Новоархангельск пришёл из России фрегат «Крейсер». На его борту находились молодые морские офицеры, чьи имена вписаны в историю России: Павел Нахимов, Михаил Лазарев, будущий декабрист Дмитрий Завалишин. Декабристы (а среди них было немало морских офицеров) уделяли Российско-Американской компании очень большое внимание, поскольку видели в ней тот «росток истинно отечественного предпринимательства», который в дальнейшем (в случае захвата власти) следовало бы возвращать «наиболее действенными мерами». Главная контора компании в Петербурге, большой трехэтажный дом у Синего моста, была местом проживания Кондратия Рылеева, который являлся главой канцелярии главного правления Российско-Американской компании. В том же доме жили: один из директоров компании декабрист Иван Прокофьев, штабс-капитан лейб-гвардии Драгунского полка Александр Бестужев (он издавал совместно с Рылеевым альманах

¹ Марков, С. Н. Летопись Аляски / С. Н. Марков. — Тула: Пересвет-II, 1993. — С. 273.

Ю.В. Холопов
ЗЕМНЫЕ
И ДУХОВНЫЕ
ПУТИ КАПИТАНА
ЯНОВСКОГО

К. Ф. Рылеев
(1795–1826)

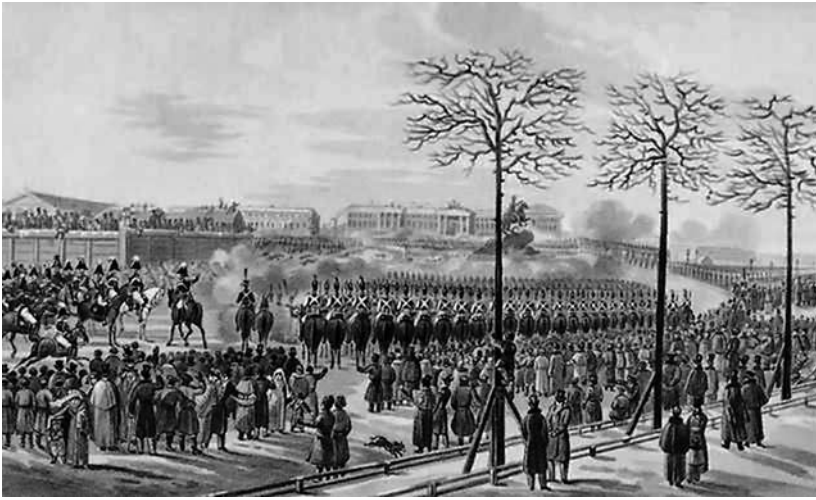
Н. А. Бестужев
(1791–1855)

«Полярная звезда»), стонадательник Российской-Американской компании Орест Сомов.

В начале 1825 года Кондратий Рылеев как начальник канцелярии главного правления Российской-Американской компании подписал распоряжение о постройке в Русской Америке новых крепостей вдоль всего течения реки Медной — от моря до хребта Скалистых гор. И, кроме того, рекомендовал на пост главного правителя колоний будущего декабриста Г. С. Батенькова, который, выйдя на волю много лет спустя после ареста, будет проживать в провинциальной Калуге. Но тогда царь эту кандидатуру отклонил и наложил «вето» на распоряжение Рылеева. Членов правления компании предупредили, чтобы свои проекты они составляли, «не выходя из границ купеческого сословия».

Император Александр I тоже понимал в политике и имел возможность узнать, как в Северной Америке войска Дж. Вашингтона разбили англичан, а потом вместо владений Владычицы морей на карте мира появилось новое государство. Ведал император и о военных успехах Симона Боливар в Южной Америке. Отчёты посланников России и участников кругосветных путешествий изучались царём внимательно.

Яновский был знаком не только с теми людьми, которые служили в компании и жили в доме у Синего моста рядом с ним. Яновский являлся одноклассником Николая Бестужева, который 14 декабря 1825 года вывел на Сенатскую площадь Морской гвар-

Восстание декабристов на Сенатской площади

дейский экипаж. Будущий декабрист в 1809 году (на год позже Яновского) окончил тот же Морской кадетский корпус. В 1815, 1817 и 1824 годах служил на Балтийском флоте, ходил под парусами в Голландию, Францию, Испанию...

Однако нас волнует такой вопрос: почему, вращаясь в среде будущих декабристов, горячо обсуждавших перспективы дальнейшего развития российского колонизаторства в Америке, обсуждая с ними свой проект, Семён Яновский не попал в число заговорщиков? Возможно, его считали человеком, не подходящим для государственного переворота, но, возможно, его спас тот же Иван Прокофьев, один из директоров Российско-Американской компании, который накануне своего ареста успел сжечь немало бумаг, где упоминались фамилии дворян, участников заседаний тайного общества.

Есть и другая версия: человек глубоко верующий, верный слуга государю и отечеству, Яновский вряд ли был склонен колебать устои царского престола в угоду определённым политическим идеям. Теории глубокого переустройства России, исходившие от лиц, служивших в кабинетах Российско-Американской компании, которая не была способна навести должный порядок в своём собственном хозяйстве, наверняка, вызвали бы у него, человека практически, не романтический порыв, а скорее усмешку.

На следствии по делу декабристов имя капитана 2-го ранга Яновского даже не упоминалось, но зато прозвучало имя его друга и бывшего подчинённого, другого «американца», — Кирилла Тимофеевича Хлеб-

Д.И. Завалишин
(1804–1892)

никова (правда, без последствий для последнего, который всё ещё находился в Новоархангельске).

В числе бумаг морского офицера Дмитрия Завалишина, арестованного в Симбирске и доставленного в Петербург в самом конце 1825 года, оказалась копия письма Хлебникову, написанного ещё 14 июня 1824 года в Охотске и отправленного в Новоархангельск. По содержанию письма Хлебникова трудно заподозрить в каких-либо связях с декабристами (напомним, что коммерсант Российско-Американской

компании ещё в августе 1816 года покинул Россию вместе с Яновским в составе Четвёртого кругосветного плавания), но зато письмо Завалишина красноречиво свидетельствует о личности самого автора. Письмо написано, как было отмечено следственной комиссией¹, «в духе предсказания о приближающемся времени величия и славы его, Завалишина, когда все с гордостью говорить станут, что знали его, будут угадывать и объяснять тайные мысли и непонятность дотоле его поведения...».

При допросе в комиссии Завалишин отвечал, что ответа от Хлебникова не имел и что писал письмо по поводу предполагаемого учредительства «Ордена восстановления», на что спрашивал официально позволения покойного Александра I. Как известно, Завалишину было отказано. С одной стороны — грандиозные планы о переустройстве всей России, романтический порыв, великое самомнение, а с другой — полная организационная беспомощность, противоречия среди руководства заговорщиков, поставивших под каргель доверившихся им солдат и матросов.

Тот же Михаил Сафонов в своей статье «Американский след в деле декабристов» резюмирует: «...В сущности, решающее сражение со своими разношёрстными противниками Николай Павлович выиграл вечером 13 декабря. Впереди были три десятилетия царствования...»

¹ Декабристы. Биографический справочник / под ред. академика М. В. Нечкиной. — М.: Наука, 1988. — С. 69.

Пока заговорщики совещались и разрабатывали планы, за сутки до выступления на Сенатской площади (13 декабря) Николай I в Государственном Совете огласил свой манифест о вступлении на престол и документы старшего брата Константина об отречении. Генералам и старшим офицерам было обещано повышение по службе. После этого любое политическое выступление против Николая I было обречено называться мятежом. Фрейлина императрицы Марии Фёдоровны (матери Александра I и Николая I), будущая калужская губернаторша А. О. Смирнова-Россет оставила в своих воспоминаниях следующую фразу¹:

Император
Николай I
(1796–1855)

«...А что если бы удалось им иметь успех, в России произошла бы кровавая и, как говорил Пушкин, беззаконная и безрассудная резня».

Вероятно, такого же мнения придерживался и Семён Иванович. Однако невозможно не обратить внимания на одну деталь: капитан-лейтенант (капитан 2-го ранга) Яновский уходит в отставку с правом ношения мундира, но без повышения в звании. Возможно, зачислись личные знакомства с мятежниками и годы службы в Российско-Американской компании, которая утратила прежнее доверие царской семьи.

Глава 3 ЗАБЫТОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Но до восстания на Сенатской площади ещё больше года. Ещё царствует Александр I и ничто не предвещает его неожиданной кончины в Таганроге. Дворянский Петербург живёт своей обычной жизнью — жизнью столицы. Свободное время Семён Иванович Яновский проводил не только за составлением проекта

¹ Смирнова-Россет, А. О. Дневники. Воспоминания / А. О. Смирнова-Россет. — М.: Наука, 1989. — С. 159.

по преобразованию административной системы Русской Америки. Он начинает вывозить свою молодую супругу-креолку в свет. Ирина Александровна, проделавшая с мужем опасное путешествие через Тихий океан и всю Сибирь, вызвала неподдельное любопытство у столичных светских дам и кавалеров. Петербуржцам очень хотелось увидеть молодую чету Яновских, выслушать их рассказы о далёких странах, о жизни, так не похожей на жизнь в России. Яновских то и дело приглашают на праздники, балы, вечера, званые обеды. Незаметно для самих себя Яновские погрузились в светскую жизнь столицы, стали предметом всеобщего внимания, разговоров, восхищений перед их знаменитым путешествием. Однако уже через несколько месяцев такой жизни Ирина Александровна стала сильно утомляться от всех этих балов, вечеров, встреч в литературных салонах... Семён Иванович, предчувствуя недоброе, собрался везти жену в Малороссию, к своей доброй матушке в деревню, но Ирина Александровна слабела с каждым днём... У неё, как и у многих переселенцев из Русской Америки, началась скоротечная чахотка — в лёгких открылось кровотечение. Семён Иванович в отчаянии метался от одного врача к другому, но медики только разводили руками, эта болезнь была неизлечима. Красавица-креолка Ирина Яновская, оставив безутешному мужу двух малолетних детей, скончалась в начале 1824 года.

Похоронив жену на Смоленском кладбище столицы, Семён Иванович вспомнил слова старца Германа, которые тот сказал ему при расставании там, в далёкой Америке в 1819 году, когда он с женой и маленьким сыном, благополучно пережив эпидемию испанки, покидали остров Кадьяк. Всплывшее в памяти предостережение монаха, словно громом, поразило морского офицера¹:

«...Вы собираетесь в Россию, в Петербург — не везите туда жену вашу, которая здесь родилась, не видела большого света, ни его пленительной роскоши, ни его соблазнов и пороков, а лучше оставьте её у вашей матери, в Малороссии, пока сами по делам поедете в Петербург...»

Запоздало вспомнив это предостережение, Яновский глубоко раскаялся, что не сдержал слова, данного тогда о. Герману. Спустя много лет после смерти жены, уже покинув сырой и холодный

¹Корсун, С. Преподобный Герман Аляскинский. Жизнеописание / С. Корсун. — М.: Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, 2005. — С. 86–87.

Наводнение в Санкт-Петербурге в 1824 г.

Петербург и переехав с детьми в Калужскую губернию, Семён Иванович так писал о своём отъезде с женой из Новоархангельска в 1821 году¹:

«...Любезная, предчувствовала ли ты, что навсегда оставишь твою родину... Многие из креолов были вывезены отсюда (более 12 человек) в Петербург для обучения разным наукам, особливо мореплаванию и кораблестроению. Их содержали прекрасно, они ни в чём не имели недостатка, но возвратились только двое, прочие все умерли с тоски и от климата получили чахотку.

Такой жребий ожидал и тебя, моя бесценная подруга жизни... Мог ли я вообразить, что столица России будет твоим гробом во цвете лет твоих! Если бы я это знал, то никогда, никогда не повёз бы тебя в Россию, не разлучил бы с родиною, лучше сам остался в этих диких пустынных странах Америки!...»

¹ Яновский, С. И. Записки о путешествии, совершённом в 1821 и 1822 годах из Америки в Петербург / С. И. Яновский // Известия Калужской учёной архивной комиссии. Выпуск 21 / под редакцией В. И. Асонова. Приложение. — Калуга, 1911 — С. 3.

Но беда не приходит одна. В том же 1824 году большое наводнение в Петербурге, так образно описанное Александром Сергеевичем Пушкиным в его «Медном всаднике», нанесло огромный ущерб семье Яновских — их квартира была затоплена, почти всё имущество погибло. От чахотки в возрасте 29 лет скончался и старший брат Ирины, сын Баранова, — Антипатр, женившийся незадолго до смерти. Удары судьбы были слишком жестокими. В начале 1825 года Семён Иванович, пережив большое горе, заболел, и его тяжёлый недуг длился до 1826 года. Это подтверждается хранящимся в Калуге формулярным списком Яновского о службе и достоинстве¹:

«...По Высочайшему повелению уволен по прошению за болезнь от службы с чином капитана 2-го ранга с мундиром за свыше двадцатилетнюю службу с инвалидным жалованьем».

Время выхода в отставку — 5 февраля 1826 года, уже после выздоровления. Болезнь длилась долго. И здесь возникает ещё одна версия относительно того, что Яновский не попал в число заговорщиков. Возможно, семейная трагедия и болезнь спасли его от другой, не менее страшной беды — участия в заговоре. Его, безутешно страдающего и больного, оставили в покое активизировавшиеся в конце 1825 года заговорщики-декабристы, среди которых самым активным стал Кондратий Рылеев.

Что же касается контракта Яновского с Российско-Американской компанией, который длился 10 лет, то он закончился 30 августа 1824 года (тогда же ему и было пожаловано звание капитан-лейтенанта российского флота).

Но жизнь шла своим чередом. Надо было думать о себе и о детях. Им, предрасположенным к заболеванию, от которого скончалась мать, тоже угрожал туберкулёз лёгких в сыром климате северной столицы. Друзья, родственники и доктора советовали срочно переезжать в новое место, в какую-нибудь центральную губернию с благоприятным для здоровья климатом. Прощай, Петербург!

¹ГАКО, ф. 165, оп. 1, д. 1, л. 3.

Часть пятая

**Калужский дворянин
Семён Яновский**

Глава 1 ПОМОЩЬ ФЛОТСКОГО ДРУГА

В сентябре 1834 года калужское дворянство пережило немало волнений: проездом на юг Калугу посетил Николай I. Царскую свиту встречал калужский губернатор Илларион Михайлович Бибиков (1793—1861), участник многих сражений во время войны с Наполеоном, бывший флигель-адъютант императора, находившийся при особе Николая на Сенатской площади во время восстания декабристов¹. Илларион Михайлович проявил преданность Николаю I в опасный момент жизни монарха: 14 декабря 1825 года он пытался уговорить мятежных солдат разойтись, но был ранен. От расправы Бибикова, находившегося в бессознательном состоянии, спас Кондратий Рылеев, знавший его как зятя Муравьёвых-Апостолов. «Стойте, братцы, — закричал Рылеев, — это наш!» Позже следствие не доказало причастности Бибикова к восстанию, но он был удалён из свиты императора, и всю жизнь чувствовал некое недоверие высочайшей власти. Однако в личном общении Николай I был приветлив к герою 1812 года и позволил калужскому губернатору показать своей особе достопримечательности Калуги.

Конечно же, император осмотрел Калужскую мужскую гимназию. В то время возглавлял это учебное заведение Семён Яковлевич Унковский — участник многих морских баталий, старший офицер Третьего российского кругосветного плавания 1814—1815 годах (под началом М. Лазарева), тогда уже сорокачетырёхлетний капитан-лейтенант в отставке, богатый помещик Перемышльского уезда, имевший в губернском городе дом-усадьбу. Именно Семёну Яковлевичу Унковскому принадлежат слова, которые вошли в историю Калужской гимназии. На вопрос Николая I, легче ли управлять учебным заведением, чем кораблём, он ответил царю: «Никак

¹ Калужские губернаторы / под ред. Н. В. Зиновкиной, Н. В. Калашниковой, О. М. Петровой и др. — Калуга: Золотая аллея, 1997. — С. 76—77.

нет, Ваше Величество, здесь что ни голова, то корабль, и каждый идёт своим курсом...» Царь, получив такой остроумный ответ, рассмеялся.

Известный критик и поэт Иван Сергеевич Аксаков, проходивший по юридической части службу в Калуге в 40-х годах XIX века, так характеризовал семейство Унковских в своём письме родителям, отосланном из Калуги в сентябре 1845 года¹:

«...Здесь есть некто Унковский... человек в высокой степени благоразумный, христианин, прекрасный отец семейства и всеми здесь уважаемый... В доме Унковских не играют в карты, но занимают гостей музыкою и разговорами... Главное, что там я могу найти много книг для чтения, а английских сколько угодно.

Вместе с другими двадцатью кадетами был он (Семён Яковлевич Унковский) послан императором Александром в Англию для поступления в английскую морскую службу, где проиёл все первые чины, носил английский мундир, пробыл в Англии с лишком 5 лет... страстный охотник всего английского, страстный охотник рассказывать про Англию, страстный почитатель Диккенса. Унковские обласкали меня Бог знает как, звали к себе почаще...»

После посещения Николаем I Калуги Семён Яковлевич Унковский стал попечителем Калужской гимназии, а сменил его на педагогическом посту в конце 1834 года не кто иной, как его флотский товарищ — Семён Иванович Яновский, оставивший Петербург и перебравшийся с семьёй на Калужскую землю... Это событие не ускользнуло от внимания знаменитой калужской губернаторши, бывшей фрейлины императорского двора — Александры Осиповны Смирновой-Россет. В своих дневниках она оставила такую запись²:

И. М. Бибилов
(1793–1861)

¹ Аксаков, И. С. Письма к родным. 1844–1849 / И. С. Аксаков. — М.: Наука, 1988. — С. 171–172.

² Смирнова-Россет, А. О. Дневники. Воспоминания / А. О. Смирнова-Россет. — М.: Наука, 1989. — С. 227.

А. О. Смирнова-
Россет
(1809–1882)

«...Великий Семён Яковлевич Унковский, которому правительство поручило воспитание благородного калужского дворянства, сделал сослуживца Яновского начальником губернской гимназии...»

Подтверждение этому факту содержится и в «Памятной книге Калужской губернии» 1861 года¹: среди состава членов гражданского ведомства, в разделе «Очерк народного образования Калужской губернии» под № 11, значится директором училищ Калужской губернии «флота капитан-лейтенант С. Я. Унковский» (время пребывания в должности с 1832 по 1834 год), а под № 2 значится коллежский асессор С. И. Яновский. Время работы на этом посту с декабря 1834 года по декабрь 1851 года. Калужская губернаторша называет Семёна Ивановича «начальником губернской гимназии» потому, что директор училищ был одновременно главным руководителем и мужской гимназии. Отдельной должности — директор гимназии — тогда ещё не существовало.

Уйдя в отставку с военной службы в 1826 году и переехав с семьёй в Калужскую губернию, Семён Иванович несколько лет на службе нигде не числился. Его формулярный список о службе и достоинстве свидетельствует, что до 30 августа 1824 года он находился на службе в Российско-Американской компании, а ко времени своего переезда в Калугу в 1834 году уже был награждён Знаком отличия «XV лет беспорочной службы» на георгиевской ленте и являлся помещиком Тарусского уезда Калужской губернии, владел в Тарусском уезде селцом Заворово с 69-ю душами крепостных².

Тарусский район и по сей день является местом, где успешно лечатся заболевания лёгких. Именно сюда, в бор, в сосновый

¹ Очерк народного образования Калужской губернии // Памятная книга Калужской губернии на 1861 год /под ред. П. Щепетова-Самгина. — Калуга: Губернская типография, 1861. — С. 269.

² ГАКО, ф. 165, оп. 1, д. 1058, л. 1.

край Калужской губернии, где успешно лечится туберкулёз, перебралась из северной столицы семья Яновских.

Купив землю с усадьбой, став калужским помещиком (пригодились средства, заработанные на Аляске), Семён Иванович выздоровел и повёл активную общественную жизнь. Это подтверждают калужские архивы. В октябре 1830 года, когда в Центральной России начала свирепствовать холера, помещик Тарусского уезда Семён Иванович Яновский «был

Часть пятая
КАЛУЖСКИЙ
ДВОРЯНИН СЕМЁН
ЯНОВСКИЙ

С. Я. Унковский
(1788–1882)

избран в звание Надзирателя участка и Смотрителем участка Грибовской и Троицкой сотен по Тарусскому уезду, каковую должность и исполнял с усердием с 14 октября 1830 по 19 января 1831 года...»¹. Именно эта печально знаменитая эпидемия лишила жизни в Петербурге выдающегося российского мореплавателя, бывшего инспектора Русской Америки, вице-адмирала Василия Михайловича Головнина (1776–1831) и на два осенних месяца заперла поэта Александра Сергеевича Пушкина в имении Болдино Нижегородской губернии.

Опыт борьбы с эпидемиями, полученный Яновским ещё на американской земле, пригодился в России: приходилось выставлять заставы в карантинных зонах, организовывать срочную помощь заболевшим, заниматься похоронами умерших, заваливать выгребные ямы и отхожие места известью, раздавать населению уксус, окуривать деревни можжевёловым дымом, а главное — учить местное население санитарным нормам, успокаивать волнения и прочее. Дело это было весьма хлопотное и небезопасное, если учесть холерные бунты, которые нередко сопровождали эпидемии.

Калужское дворянство по достоинству оценило деловые качества Яновского. В книге Н. Булычёва «Списки дворян, внесённых в дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 года и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 года» есть запись, сообщающая, что определения дво-

¹ГАКО, ф. 77, оп. 2, д. 49, л. 1–2.

рянского собрания по внесению детей Яновского в дворянскую книгу были сделаны 5 сентября и 10 ноября 1832 года¹. Время утверждения сенатским указом — март 1840 года. Рядом с Семёном Ивановичем в дворянской родословной книге записаны: дочь Елизавета, сыновья Александр, Николай и Иван: в книге содержатся имена только тех детей Яновского, которые родились до 1834 года. Но дочь Мария, рождённая в Якутске во время возвращения Яновских из Америки в Петербург, в родословной книге не значится. Видимо, ещё шли хлопоты отца, связанные с доказательством её дворянского происхождения.

Жизнь брала своё. Спустя несколько лет после смерти первой жены, как свидетельствуют архивы, Яновский женился второй раз². В 1829 году (22 октября по старому стилю) у второй супруги Марии Семёновны родился сын Николай, в 1831 году (8 февраля) сын Иван, в 1832 году (21 июля) дочь Елизавета, а в 1834 (18 апреля) — Елена. Последним ребёнком в этой большой семье стала дочь Александра, родившаяся в 1837 году (25 февраля).

Семья Яновского переехала в Калугу в 1832 году, за два года до вступления Семёна Ивановича в должность директора калужских училищ. Известно, что второй супругой Яновского стала компаньонка его покойной жены Ирины Александровны Яновской (Барановой). Стоит уточнить, что вторая жена Семёна Ивановича не могла похвастаться знатной родословной и богатством (это видно из того же формулярного списка о службе и достоинстве, где обязательно указывалось имущество и сословие жены), но покорила сердце Семёна Ивановича тем, что в тяжелейшее для семьи время молодая женщина не бросила малых детей, оставшихся без матери, проявила доброту и преданность семье.

Документы Калужской казённой палаты свидетельствуют, что, переехав из Тарусского уезда в Калугу, Яновский стал впоследствии помещиком Калужского уезда. Как свидетельствует архивное дело о выдаче ссуды статскому советнику Семёну Ивановичу Яновскому³, в 1855 году ему принадлежало сельцо Верховое, находящееся под Калугою (ныне это посёлок с названием «Учхоз»),

¹ Булычёв, Н. Список дворян, внесённых в дворянскую родословную книгу на 1 октября 1908 года, и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 года / Н. Булычёв. — Калуга: Губернское правление, 1908. — С. 163.

² ГАКО, ф, 165, оп. 1, д. 1058, л. 2.

³ ГАКО, ф, 37, оп. 1, д. 962, л. 1–2.

где проживало 76 душ крепостных крестьян, и деревня Азарово с 36-ю душами крестьян. Всего 112 душ, за которыми тогда числился недоимок по земским сборам в размере 2 рубля 18 копеек с четвертью. Второй брак Семёна Ивановича тоже был удачным, хотя смерть первой жены — Ирины Александровны — навсегда оставила боль в его сердце. Новая семья Яновского была дружной.

Глава 2 КАЛУЖСКАЯ ГИМНАЗИЯ

Главным учебным заведением Калужской губернии в начале XIX века была мужская гимназия, образованная в 1804 году на основе главного губернского народного училища в соответствии с «Уставом учебных заведений, подведомых университету (в данном случае — Московскому) и попечителям округов». Основной задачей гимназии было образование и воспитание юношества в духе «непоколебимой верности к государю и истинной любви к Отечеству и своим согражданам»¹.

Кто же в те времена обучался в Калужской гимназии — главном учебном заведении губернии, находившемся под началом Семёна Ивановича Яновского в течение 17 лет? Статистические сведения о сословном состоянии учеников за 1839 год свидетельствуют: дворян — 185 человек; обер-офицерских детей — 72; из приказных служащих — 8; из купцов — 8; из мещан — 15; из духовного сословия — 1; иностранцев — 2; из вольноотпущенных — 7. Всего 298 учащихся².

Можно сказать, что везло Семёну Ивановичу Яновскому на участие во всякого рода реформах. Педагогическая деятельность бывшего правителя Русской Америки не стала исключением. В 1833 году, всего за год до его вступления в должность директора калужских училищ, в России началась реорганизация учебных заведений по Уставу 1828 года. Плата за обучение сохранялась, но обучение в гимназиях становилось семилетним. Усиливалось преподавание древних и новых языков, вводился штат надзирателей, и настоятельно рекомендовалось применять физические наказания.

¹Калужская классическая гимназия (1804–1918). — Калуга: Издательство Н. Бочкарёвой, 2005. — С. 5–6.

²ГАКО, ф. 77, оп. 1, д. 51, л. 272.

Калужская мужская
гимназия.
Фото нач. XX в.

Согласно новому Уставу, в Калужской гимназии был изменён учебный план. Из него исключались естественные науки (кроме физики) и прикладная математика. Курс математики сокращался до 1 часа в неделю, а в выпускном классе и вовсе не преподавался. Зато количество часов по латинскому языку было увеличено с 32 до 39 часов. Немецкий язык стал преподаваться не с 4-го, а с 1-го класса. С 4-го класса вводился греческий язык по 5 часов в неделю. По новому Уставу греческий язык должен был изучаться только в гимназиях, находящихся в университетских городах, но Калужская гимназия до 1852 года (до ухода Семёна Ивановича с поста директора) оставалась исключением из общего правила — там оставалось преподавание греческого языка¹.

Изучение греческого давало большие преимущества: выпускник гимназии, показавший «хорошие успехи в нём и в прочих науках», получал аттестат с правом на чин 14 класса при поступлении на государственную службу. Окончившие гимназию пользовались разными правами в зависимости от того, что они избирали для изучения — латинский или законоведение. Кто выбирал латынь и показывал хорошие успехи — получал право поступления в университет без экзаменов. Кто изучал прилежно законоведение — полу-

¹Калужская классическая гимназия (1804–1918). — Калуга: Издательство Н. Бочкарёвой, 2005. — С. 22–21.

чал аттестат, дававший право при поступлении на государственную службу на чин 14 класса.

Кто неудовлетворительно заканчивал гимназический курс, получал на руки не аттестат, а свидетельство о том, что обучался в гимназии столько-то лет и обучался таким-то предметам. Права на поступление в университет или преимуществ по службе свидетельство не давало.

После принятия нового Устава в Калужской гимназии полным ходом шла подготовка к её реорганизации: выписывались новые учебники и учебные пособия, пополнялся штат преподавателей, составлялись новые учебные программы...

Было ещё одно новое веяние: в 1834 году Калужский Благородный пансион, где проживало и обучалось по гимназической программе около 60 молодых дворян, поступил в ведение Дирекции народных училищ.

По каким же учебникам учились в то время гимназисты и питомцы благородного пансиона? Циркулярные письма за 1840 год позволяют составить следующий (разумеется, неполный) реестр¹:

1. «Начальное чтение»
2. «Русская история в (4-х частях)» Устрялова
3. «Русская грамматика» Половцева
4. «Логика» Рождественского
5. «Краткая латинская грамматика»
6. «Всеобщая география» Арсеньева
7. «Немецкая грамматика» Гаке
8. «Учебная немецкая книга» Геккера
9. «Французская грамматика»
10. «Французская азбука»
11. «Арифметика» Буссе
12. «Алгебра» Погорельского
13. «Пространная Российская грамматика» Греча
14. «История русской литературы» Шевырёва
15. «Первые основы минералогии»
16. «Начальные основания химии» и другие.

Здесь следует добавить, что помимо учебников, получаемых из Министерства народного просвещения, директор калужских училищ Семён Иванович Яновский выписывал из-за границы через Санкт-Петербургскую книготорговую фирму «Егерев и К» книги

¹ГАКО, ф. 77, оп. 2, д. 288, л. 4–5.

по латинской и греческой словесности, а в одном из писем просил прислать книгу с речами Цицерона и Квинта Курция, а также книгу «Размышления о причинах величия римского народа и его упадка»¹.

Курс гимназических наук требовал упорного труда, зато его успешное окончание открывало немалые перспективы. Однако не стоит думать, что гимназия готовила молодых людей только для штатской службы. Успешно отучившись несколько лет, гимназист мог подать прошение о сдаче экзаменов для поступления в военное училище или Морской кадетский корпус.

Поощряя внеучебные занятия точными науками, Яновский рекомендовал педагогам организовать среди учащихся занятия по метеорологии. В Калужском госархиве хранится письмо выдающегося учёного России начала XIX века, академика, директора Горных Магнитных обсерваторий, основателя Главной физической обсерватории России, Адольфа Яковлевича Купфера (1799–1865), посланное им в феврале 1845 года в Калугу на имя Семёна Ивановича Яновского².

«...Честь имею уведомить Вас, — пишет академик из Петербурга, — что, при отношении от 25 января за № 75, я получил журнал метеорологических наблюдений, ведённый учениками Калужской гимназии в 1843 году под надзором старшего учителя математики и физики, и прошу Вас покорнейше принять искреннюю мою благодарность за такие полезные для науки занятия, Вами введённые».

Велись метеорологические наблюдения калужскими гимназистами под наблюдением старшего учителя физики А. Муромцева.

Но помимо опытного педагога А. Муромцева с 1834 по 1851 год под началом Яновского в Калужской гимназии работало немало талантливых учителей. Например, учитель истории и статистики Е. П. Карнович, совмещавший с основной работой редактирование неофициальной части «Калужских губернских ведомостей».

После отъезда из Калуги учитель гимназии Карнович станет известным на всю Россию историческим писателем, его лучшие труды уже в наше время (в середине девяностых годов XX века) были переизданы и составили полновесный четырёхтомник³. Преподавал в гимназии под началом Яновского также учитель немецкого языка Ф. Я. Штраух, учивший до переезда из Москвы в Ка-

¹ГАКО, ф. 77, оп. 2, д. 288, л. 6.

²Там же, д. 410, л. 2.

³Карнович, Е. П. Собрание сочинений: в 4 томах / Е. П. Карнович. — М.: ТЕРРА—TERRA, 1995.

Благовещенская
церковь.
Конец XIX века

лугу детей известного русского учёного-историка М. П. Погодина, а также учитель истории П. С. Щепетов-Самгин, благодаря которому мы сегодня имеем возможность читать «Памятные книги Калужской губернии». Законоучителем, то есть учителем Закона Божьего, в гимназии был протоиерей Алексей Бриллиантов, выпускник Калужской духовной семинарии, священник Благовещенской церкви, человек просвещённый, после окончания семинарии несколько лет работавший учителем французского языка.

Как сообщает формулярный список о службе и достоинстве законоучителя Калужской Губернской гимназии протоиерея Бриллиантова¹, «...За отличные успехи учеников Калужской гимназии по Закону Божию была изъявлена от Его Сиятельства Господина Попечителя Московского Учебного Округа совершённая благодарность».

Именно в Благовещенской церкви педагогический коллектив гимназии и сами гимназисты выстаивали службы по православным праздникам.

В период руководства Яновским калужскими учебными заведениями в стенах главного центра просвещения — гимназии — трудились талантливые педагоги, чьи имена хорошо знают краеведы и историки. Случайно ли это? Конечно, нет! Ни городской голова,

¹ГАКО, ф. 165, оп. 1, д. 1081, л. 7–8.

ни губернатор не вмешивались в дела просвещения, ограничиваясь торжественными мероприятиями в храмах науки. Такой букет талантливых педагогов в тихой провинциальной Калуге мог собрать только выдающийся человек.

Труд учителя гимназии ценился достаточно высоко. Он был уважаем обществом, от него во многом зависело будущее молодого человека, ставшего учеником гимназии. Но и ответственность была немалой. В те времена перед поступлением на службу в учебное заведение педагоги давали клятву верности. Приведём текст этой присяги за 1835 год¹:

«Я, нижеподписавшийся, обещаю и клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием в том, что буду и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемиловейшему Великому Государю Императору Николаю Павловичу Самодержцу Всероссийскому, и Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу верно и нелицемерно служить, и во всём повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к Высокому Его Императорского Величества Самодержца, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконенные, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и при том, по крайней мере, стараться способствовать всё, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе Государственной во всяких случаях касаться может; о ущербе ли Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаяю, не только благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и недопускать, и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный мне чин, как по сей (генеральный, так и его особый) определённый и от времени до времени Его Императорского Величества Именем от предуставленного надо мною начальства, определяемым инструкциями и Указами надлежащим образом, по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, как в данному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит; и како я пред Богом

¹ГАКО, ф. 165, оп. 1, д. 1081, л. 7–8.

и судом Его Страшным в том всегда ответ дать могу, как мне Господь Бог душевно и телесно да поможет.

В заключение сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь».

После прочтения текста учительской присяги лист подписывался самим педагогом и заверялся двумя другими подписями: священника и директора калужских училищ. Таким образом, Семён Иванович Яновский заверил немало присяг в период своей работы с 1834 по 1851 год.

Часть пятая
КАЛУЖСКИЙ
ДВОРЯНИН СЕМЁН
ЯНОВСКИЙ

Глава 3 БЕСПОКОЙНАЯ ДОЛЖНОСТЬ

«Мы нуждаемся теперь в бескорыстных и неуклонных служителях науки, которые бы твёрдою рукою держали и высоко поднимали её светоч; которые, говоря нам о доброте и нравственности — о человеческом достоинстве и чести, собственною жизнью подтверждали истину своих слов», — эти слова писателя Ивана Сергеевича Тургенева, сказанные в адрес профессора Московского университета Тимофея Николаевича Грановского, говорят о том, какое большое внимание уделяли лучшие люди России воспитанию и образованию молодого поколения. Гимназии и университеты становились главными центрами научной и духовной жизни не только в столицах, но и в провинции.

Однако инициатива всё-таки шла сверху. Самодержавие (после 14 декабря 1825 года) вдруг почувствовало необходимость в собственном идейном обосновании, то есть в официальной идеологии, которая бы противостояла идеям, разрушающим государственный строй. Министр народного просвещения Сергей Семёнович Уваров строил свою работу исходя из собственного credo: Православие, самодержавие, народность.

«Уваров не уставал докладывать императору, внимавшему ему до поры до времени весьма благосклонно, что просвещение само по себе не есть зло, — писал в одной из своих работ советский историк, профессор А. А. Левандовский. — Всё зависит от его конкретного содержания, от его духа, который может и должен быть разным у разных народов...»¹

¹Левандовский, А. А. Время Грановского: у истоков формирования русской интеллигенции / А. А. Левандовский. — М.: Молодая гвардия, 1990. — С. 22.

Многие советские историки, зная о пристрастии Николая I назначать на ответственные административные посты людей военных, создавали мнение о периоде правления этого самодержца как о времени сплошного солдафонства. Да, царь испытывал особое доверие к людям, носившим мундир, но не все военные были солдафонами: среди офицеров, ушедших в отставку, верой и правдой служивших престолу и царю в армии и на флоте, было немало людей высокообразованных, честных, чьё влияние на умы и сердца молодого поколения трудно переоценить. Эти бывшие военные наряду с другими сумели воспитать целое поколение истинных патриотов, будущих героев Крымской войны и войны на Балканах за освобождение славянских народов от османского ига. Не надо забывать, что именно в период правления Николая I в России выросла целая плеяда замечательных людей, настоящих подвижников, проводивших великие реформы Александра II.

Но вернёмся к провинциальной Калуге. Анализируя архивные документы, можно смело утверждать, что в период пребывания Яновского на посту директора Калужских училищ губернская гимназия стала сосредоточением общественной и духовной жизни Калуги. Более того, Яновский сумел привлечь к системе образования местных меценатов, которые своими средствами значительно улучшили материальное положение не только губернской гимназии, но и уездных училищ¹.

Именно в этот период времени (в 30-е и 40-е годы позапрошлого столетия) газета «Калужские губернские ведомости» довольно часто помещает на своих страницах информацию о сборах на «увеличение содержания Благородного пансиона при Калужской гимназии», о торжественных вечерах, проходивших в самой гимназии, на которых выступали сами педагоги и учащиеся.

Стремление к образованию в то время демонстрировали все сословия России, количество школ и училищ росло стремительно. Однако образовательный процесс надо было контролировать и упорядочивать. И это всё ложилось, главным образом, на плечи губернского училищного начальства, о чём говорит письмо Семёну Ивановичу Яновскому из Училищного комитета Императорского Московского университета, которое он распечатал в Калуге 19 сентября 1835 года. Член комитета, профессор университета П. Терновский писал Яновскому²:

¹ГАКО, ф. 77, оп. 2, д. 49, л. 13.

²ГАКО, ф. 165, оп. 1, д. 1088, л. 11, 12.

«*Рапортом от 29 июля за № 793 Вы доносили сему комитету, что во всех почти городах Калужской губернии в домах священно- и церковнослужителей учатся дети всех состояний Катехизису и Св. Истории, читать и писать по-русски, первоначальным правилам арифметики и даже грамматики, истории и географии.*

Заведения сии можно отнести к частным школам, о которых ни в Уставе, ни в предписаниях Начальства не означено: должны ли они принадлежать ведомству Гражданского Училищного Начальства, а потому и испрашивали разрешения: обязано ли Начальство Калужской Дирекции иметь за сими училищами надзор и в каком отношении?»

Как на основании Высочайше утверждённого в декабре 1828 года Устава, никакие частные учебные заведения, пансионы или школы не могут быть открыты без дозволения Училищного Начальства, которое обязано иметь за оными тщательный непрерывный надзор, то комитет полагал, что для существенной пользы общего народного образования, сообразно благим намерениям Правительства, ни одно звание не может быть освобождено от точного исполнения установленных правил для частных училищ, в каком бы они виде ни были и все сии заведения должны постоянно находиться в ведении местного Училищного Начальства, в противном случае распространение незаконных школ, по нерадению и неспособности содержателей, произведёт вредные последствия. Мнение сие оправдывается донесениями гг. визитаторов и директоров училищ, и потому Училищный комитет представлял исправлявшему должность Попечителя Московского Учебного округа, Помощнику его и просил разрешения: принять означенное положение в руководство по всему Московскому округу (в него тогда входила и Калужская губерния. — Ю. Х.), с тем, чтобы для наблюдения онаго со стороны частных лиц всех состояний гг. Директоры и Штатные смотрители требовали содействия местных гражданских начальств. Каковое положение Его Сиятельства Господина Попечителя, предложением от 31 числа минувшего августа утвердил, предписал привести оное в надлежащее исполнение».

Между строк этого письма из Москвы ясно читается: «Отныне Вы, Ваше Высокоблагородие Семён Иванович Яновский, будете частенько запрягать лошадку и в своей коляске объезжать все учебные

заведения губернии, знакомясь с новыми педагогами и контролируя учебный процесс...» Это на самом деле и происходило.

Организация педагогической работы в различных учебных заведениях губернии, снабжение их учебной литературой, ремонт зданий учебных заведений, экзамены вновь поступивших на должность педагогов, работа инспекторов, забота о пенсиях вышедшим в отставку педагогам, забота о здоровье заболевших учителей, решение вопросов о женитьбе (педагогами в гимназии были только мужчины) и многое, многое другое входило в круг обязанностей Семёна Ивановича Яновского.

В ноябре 1835 года на имя директора калужских училищ пришёл из Боровска от штатного смотрителя городских училищ Рихтера рапорт следующего содержания¹:

«Присланный от Вашего Высокоблагородия в Приходский класс учителем ученик калужской семинарии Василий Виноградов до вступления ещё в должность имел расстроенное здоровье, по каковой причине он часто не посещал класс.

Учитель о болезни своей не донёс мне рапортом, что он привезён хозяином в больницу в отчаянном положении и просит о помещении его в оную для пользования. Я вместе со штаб-лекарем Троицким прибыл в больницу и нашёл его в самом жалком состоянии...

Но как такое помещение соединено с платою за содержание и медикаменты по 15-ти рублей ассигнациями в месяц, у него не имеется ни одной копейки.

Прошу Ваше Высокоблагородие сделать мне на сей конец Ваше начальническое предписание — на какую сумму его содержать в больнице и паче чаяния его смерти как распорядиться, дабы не быть под ответственностью».

На рапорте смотрителя Рихтера стоит распоряжение Яновского о выдаче из бюджета калужских училищ на лечение учителя-семинариста 40 рублей (два с половиной месяца лечения) и указание проследить, как будет идти лечение.

Также время от времени выдавал Семён Иванович Яновский свидетельства своим подчинённым в ответ на учительские рапорты с прошением жениться. В один из дней 1845 года он выдал такое свидетельство учителю арифметики и географии Мещовского городского училища Константину Григорьевичу Плевелю (православ-

ного исповедания), который собирался венчаться с дочерью титулярного советника Елизаветой Михайловной Шамаевой¹.

Знал ли Семён Иванович, что таким образом он выдаёт путёвку в жизнь будущему сыну мещовского педагога, будущему выдающемуся политическому деятелю, которому суждено стать министром внутренних дел России (1902–1904) — Вячеславу Константиновичу фон Плеве!

В память бывшего ученика Калужской мужской гимназии, закончившего её в 1863 году с золотой медалью и погибшего в период расцвета своей карьеры в 1904 году от руки революционера-террориста, в декабре 2003 года была открыта на фасаде здания Калужского государственного университета (здание бывшей гимназии) мемориальная доска. А вот мемориальной доски Семёну Ивановичу Яновскому нет. Великие труды наших соотечественников, не оставивших свой след в политической истории, пока нами мало ценятся.

Глава 4 ТРАДИЦИИ БЛАГОРОДНОГО ПАНСИОНА

Хотя и был Николай I человеком военным до мозга костей, но свои реформы он всё-таки начал с системы образования. Новый гимназический Устав, подготовленный в 1828 году под руководством министра народного просвещения А. С. Шишкова (предшественника С. С. Уварова), предусматривал известную социальную градацию в структуре учебных заведений: приходские училища предназначались для крестьян, мещан низшего класса; уездные — для купечества, обер-офицерских детей и дворян; гимназии — преимущественно для дворян².

Благородные пансионы при гимназиях предназначались в то время исключительно для дворянских детей. В этих привилегированных учреждениях (говоря современным языком — интернатного типа) официальная власть стремилась «вкоренять в сердца детей благонравие». Там преподавались основные дисциплины

¹ Зельников, Ю. Министр Российской империи / Ю. Зельников // Весть. — № 333–334. — 2003. — С. 13.

² Калужская классическая гимназия (1804–1918). — Калуга: Издательство Н. Бочкарёвой, 2005. — С. 9–10.

гимназического курса, а также пансионеры обучались светским манерам, танцам, фехтованию, верховой езде, различным играм и всему тому, что пригодились бы молодому человеку в высшем свете. В пансионе воспитывалось 50—60 мальчиков, как правило, из лучших дворянских семей губернии. Пристроить туда сына считалось большой удачей. Благородный пансион находился под особым вниманием губернатора и Дирекции народных училищ, губернское дворянство тратило на его содержание немалые средства. Как известно, в декабре 1833 года калужское дворянство определило «на улучшение содержания пансиона» вносить каждому владельцу (помещику) с души 5,5 коп. Таким образом, ежегодно вносимая сумма составила 15 268 рублей. Но помимо сумм, жертвуемых губернским дворянством, были ещё другие суммы: из Кабинета его Императорского Величества, из Приказа Общественного призрения, из средств, назначенных дворянством на воспитание обер-офицерских детей, из экономических средств...¹

Как и следовало ожидать, «вкоренение благонравия» требовало строгости и устранения «тлетворного влияния» среды, далёкой от благочестия. Тот, кто посягал на установленный режим Благородного пансиона, жёстко ставился на место. И это касалось любого.

Как явствует из документов Калужского госархива, в один из майских дней 1837 года в спальные комнаты Благородного пансиона зашёл в весёлом расположении духа отставной штаб-лекарь Николай Иванович Величковский. К нему навстречу устремился дежурный надзиратель пансиона, учитель гимназии Егор Егорович Шрейнберг, который поинтересовался, чего, мол, милостивому государю нужно. Не отвечая на вопрос, штаб-лекарь потянул носом воздух помещения и весело заметил, что уж больно спёртый дух стоит в Благородном пансионе, при этом стал шутить, сравнивая спальные помещения молодых дворян с солдатской казармой. Суровые педагоги шуток не поняли и ... вызвали полицейского, поскольку Величковский не торопился покинуть помещение и впал в ещё большую весёлость, интересуясь, чем же кормят на ужин молодое дворянство губернии.

Но шутки для шутника кончились не очень весело. На следующий день бедный отставной штаб-лекарь, состоявший на службе при гражданском губернаторе, краснея от стыда, давал

¹Калужская классическая гимназия (1804—1918). — Калуга: Издательство Н. Бочкарёвой, 2005. — С. 20.

следующие оправдательные показания квартальному надзирателю Знаменскому¹:

«...Честь имею объяснить, что действительно был я в комнатах воспитанников *Благородного пансиона* и предлагал надзирателям из опытов моих меры относительно свежести и чистоты воздуха в спальнях... но выражений дерзостных и предосудительных моему званию вовсе не было...»

Сия ситуация, достойная пера Николая Васильевича Гоголя, не раз посещавшего Калугу, действительно свидетельствует о том, что статус *Благородного пансиона* был на высоте и охранялся весьма бдительно.

Это, однако, не мешало тому, чтобы самих пансионеров воспитывать весьма строго, прививая им «благородные манеры» и давая знания в духе педагогических традиций времён царствования Николая I. Доказывает это документ того же Калужского госархива — «Дежурная книга по *Благородному пансиону* за 1842—1843 учебный год», которую вели надзиратели².

По сути, это свидетельство наказаний молодых дворян — питомцев пансиона. И если торжественные мероприятия, на которых блистали своими талантами вольноприходящие гимназисты и пансионеры, — парадная сторона жизни гимназии, то «Дежурная книга» показывает изнанку жизни питомцев калужского *Благородного пансиона*.

«...7 августа 1842 г. (пятница)

Наказания были.

1. Георгиевский и Каратаев — за драку на 2 дня на хлеб и воду.
2. Гончаров — за буйство наказан розгами.
3. Бородин — за беспрестанный смех — без ужина.

8 августа 1842 г. (суббота)

Наказания были.

1. Быков — за драку без ужина.
2. Данилевский — за смех без полдника.
3. Бородин — за шалости во время гуляния без каши.

9 августа 1842 г. (воскресенье)

Наказания были.

1. Ильин — за непослушание без ужина.
2. Карпинский — за самовольство без каши.

¹ГАКО, ф. 77, оп. 1, д. 218, л. 5—6.

²Там же, д. 360, л. 3—22.

10 августа 1842 г. (понедельник)

Наказания были.

1. Дюков, Тарновский, Дмитриев, Гончаров — за разговоры без полдника.

11 августа 1842 г. (вторник)

Наказания были.

1. Тарновский — за обман без ужина.
2. Гончаров — за шум без ужина.

12 августа 1842 г. (среда)

Наказания были.

1. Тарновский — за ругательства розгами.
2. Кондратович — за беспорядок без обеда и ужина.
3. Дюков — за непослушание без обеда.
4. Максимов — за клевету без каши.
5. Полтнев — за непослушание без ужина.
6. Бородин — за шум без каши.

13 августа 1842 г. (четверг)

Наказания были.

1. Гончаров и Максимов — за шум стояли на коленях.

14 августа 1842 г. (пятница)

Наказания были.

1. Кавелин — за ругательство без каши...

18 августа 1842 г. (вторник)

Наказания были.

1. Кавелин — за непослушание без каши.
2. Карпинский — розгами...»

Но мальчишки есть мальчишки, и, видимо, в возрасте 10—13 лет они не слишком отличались от своих сверстников из купеческих и мещанских семей. Проанализировав список наказуемых пансионеров начальных классов гимназии, можно заметить, что даже розги действовали на них недолго: две-три недели фамилии тех, кто отведал «берёзовой каши», среди наказанных розгами не появляются, но потом всё повторяется. Были среди пансионеров «тихони», фамилии которых редко встретишь среди наказанных, но были и свои «отчаянные». Среди последних — имена юных дворян известных всей России фамилий: Гончаровы, Кавелины, Чебышёвы... Наказывали не только учеников пансиона, но и вольноприходящих гимназистов, если они нарушали дисциплину или показывали плохое усердие в учёбе. Впрочем, помимо наказаний

«текущих» были ещё наказания «итоговые» — «за леность в учёбе и худое поведение». Ежемесячно (это также отмечено в «Дежурной книге» пансиона) педагогический совет подводил итоги и выносил решения: кого — «на хлеб и воду на 7 дней», кого — «без гуляния», кого — «наказать розгами». Были и такие, кого сажали в карцер. Здесь доставалось и «тихоням», поскольку среди них тоже были неуспевающие.

Все «Дежурные книги» внимательно просматривались директором Калужских училищ Семёном Ивановичем Яновским. Итоговые наказания утверждались им лично. И не всегда инициаторами наказания были надзиратели или педагоги. Иногда в этой роли выступали сами родители. Об этом свидетельствует прошение штабс-капитана Николая Семёновича Калакузского, поданное им в правление Калужской губернской гимназии в январе 1843 года¹. *«Сын мой, ученик 6 класса гимназии, — пишет Яновскому штабс-капитан Калакузский, — учится без надлежащего усердия, ленится... Прошу подвергнуть его за неуспехи и леность достойному наказанию».*

Тут же, по краю листа с прошением, резолюция Семёна Ивановича: на два дня в карцер и на два дня без обеда. Гимназический карцер — это небольшая комната с кроватью, столиком и стулом. Там лишённый «роскоши общения» с ровесниками закрывался нерадивый ученик (его, разумеется, кормили и поили), чтобы под неусыпным оком надзирателя он мог общаться только с учебниками.

Как свидетельствует переписка дирекции с инспекторским департаментом Морского министерства и попечителем Московского учебного округа², среди питомцев Благородного пансиона и просто калужских гимназистов были немало таких, кто, закончив 3—4 класса гимназии, «изъявлял желание на поступление в военную службу». Оказался среди них и младший сын Семёна Ивановича Яновского — гимназист Иван Яновский (о его судьбе мы расскажем позже).

Пройдёт время, и многие из этих мальчишек, постигавших науки в Калужской гимназии и Благородном пансионе, отучившись несколько лет, напишут прошение на имя гражданского губернатора с просьбой разрешить им поступление в инженерные или военные училища, или в Морской кадетский корпус. Спустя ещё несколько

¹ ГАКО, ф. 77, оп. 1, д. 383, л. 1.

² Там же, д. 203, л. 1—2.

лет станут офицерами и будут служить Отечеству. Они будут стойко стоять под пулями горцев на Кавказе, и в конце концов придет в их родную Калугу почётным пленником грозный имам Чечни и Дагестана Шамиль, они будут героически сражаться и умирать на бастионах осаждённого Севастополя в 1854–1855 годах, цепко удерживать в составе Российской империи мятежную Польшу, бдительно охранять границы и учить молодое пополнение армии воинскому искусству. Некоторые из них, избравшие гражданскую службу, будут строить железные дороги и мосты, другие станут рачительными помещиками, третьи подвядутся на ниве развития отечественной промышленности, четвёртые станут чиновниками, пятые юристами, шестые изберут для себя научную стезю... У них будут разные судьбы и заслуги, но все они станут опорой великой империи, которая, как известно, создавалась трудом, талантом, мужеством и доблестью подданных. И очень многие будут добром вспоминать свою гимназию, своих педагогов.

Глава 5 ПРАЗДНИКИ И БУДНИ ГИМНАЗИИ

Одним из главных ежегодных праздников гимназии был, конечно, день выпуска гимназистов, закончивших полный курс обучения. Этот момент являлся праздничным не только для калужан, но и для провинциалов из губернской глубинки, чьи дети получали аттестаты гимназии.

Гимназия была также местом, где нередко собиралась губернская элита для проведения календарных и православных праздников, где проходили балы, детские праздники, благотворительные вечера и т.д. Как же проходили эти мероприятия?

По торжественным дням с утра директор училищ, учителя гимназии, смотрители, воспитанники Благородного пансиона и вольноприходящие ученики шли на литургию в Благовещенскую церковь, находившуюся рядом с гимназией.

Отстояв чинно службу в храме, все возвращались в гимназию, куда к этому времени подъезжали почётные гости, среди которых можно было увидеть гражданского губернатора со свитой чиновников, предводителя губернского дворянства, празднично одетых дам, городского голову, именитых купцов, а также «почтенных особ и любителей просвещения». Гости заходили в здание гимна-

*Часть пятая
КАЛУЖСКИЙ
ДВОРЯНИН СЕМЁН
ЯНОВСКИЙ*

*Актный зал
Калужской мужской
гимназии.
Конец XIX в.*

зии, где их вниманию представлялась выставка лучших рисунков учеников гимназии и даже копии известных картин, написанные маслом или акварельные виды (пейзажи).

В традиции было приветствовать почётных гостей чтением стихов на родном языке или на латыни. Закончив осмотр выставки, гости проходили в актный зал гимназии и, рассевшись по стульям, некоторое время слушали выступления хора мальчиков-гимназистов, который исполнял кантаты и гимны патриотического содержания или духовные песнопения. К месту могла быть короткая, но проникновенная лекция кого-либо из преподавателей, напоминавшая о великой роли просвещения. Например, «О пользе изучения древних языков». Также мог быть представлен отрывок из спектакля, где актёрами выступали все те же гимназисты. Но всё длилось не очень долго. Утомлять гостей считалось дурным тоном.

После окончания торжественного акта почётные особы с дамами приглашались директором училищ на завтрак в его просторные апартаменты. Чем именно угощала гостей гимназия, сказать сегодня трудно, но хорошо известно, что первый тост был всегда «за здоровье Государя Императора».

Учащихся, их родителей и публику попроще тоже ждало угощение: на первом этаже гимназии накрывались столы со сладостями, выпечкой и с различными безалкогольными напитками (соками, морсами и проч.) для детей.

В отчёте директора калужских училищ Семёна Ивановича Яновского за декабрь 1843 года Калужскому гражданскому губернатору Н.В. Жуковскому (представленном для «всепопданнейшего отчёта») содержатся такие сведения¹:

«...О числе учебных заведений, вверенных мне Дирекцией, имею честь уведомить:

Учебных заведений находится в Калуге:

Губернская гимназия — 1 (при ней Благородный пансион — 1);

Уездное училище — 1;

Приходских — 5 (из них 3 — для девиц);

Частных учебных заведений для образования девиц — 2.

Во всех уездных городах по одному уездному и по одному приходскому — всего — 20 училищ. В заштатном городе Серпейске одно приходское училище.

Общее число чиновников и преподавателей — 141 человек. Домашних учителей — 5. Домашних учительниц — 3. Учащихся обоёго пола — 2169».

Многие губернские города России в то время имели приблизительно такую же статистику своей образовательной системы. Из неофициальной информации «Калужских губернских ведомостей» можно узнать, что два бывших моряка-кругосветника (Семён Иванович Яновский и Семён Яковлевич Унковский) делали личные пожертвования в пользу Калужской публичной библиотеки.

Что же касается благотворительных вечеров, которые нередко устраивались в здании гимназии, то они оба, флотские педагоги, приобщали к этому доброду делу прежде всего своих собственных детей. Сыновья-гимназисты Семёна Ивановича Яновского (погодки Николай и Иван) декламировали перед публикой стихи Державина, Жуковского, Пушкина, участвовали в различных сценических постановках.

Дочери Семёна Яковлевича Унковского занимали публику игрой на фортепиано. Из калужских писем Ивана Сергеевича Аксакова к родителям известно, что основатель славянофильства, поэт и известный публицист позапрошлого века, часто бывавший в гимназии на благотворительных вечерах и в доме Ун-

ковского, высоко ценил музицирование дочерей старого моряка. Не случайно фамилия Унковских позже прославилась не только выдающимися моряками, но и известными на всю Россию артистами.

Система народного образования в губернии во времена царствования Николая I заботливо опекалась двумя знаменитыми моряками-путешественниками, которые не замкнулись в атмосфере провинциального города, а продолжали оставаться людьми, живо интересующимися достижениями науки, искусства, литературы, следящими за внутренней и внешней политикой России. Позже, будучи уже в преклонном возрасте, они докажут, что остались людьми с ясным умом и достаточно энергичными для того, чтобы принять участие в реформах России, начатых новым царём — Александром II.

* * *

Время шло. Дети Семёна Ивановича Яновского подрастали. В неофициальной информации «Калужских губернских ведомостей» (6 октября 1840 года) помещён список учеников Калужской гимназии, которые заслужили поощрение за отличную учёбу. Среди награждённых почётными грамотами — два сына Семёна Ивановича: Николай Яновский (гимназист 2-го класса) и Иван Яновский (гимназист 1 класса). Всего же в Калужской гимназии в то время училось свыше 200 человек.

Переезд семьи Яновского в Калугу из Петербурга не был переездом в глухомань. В 1818 году Калуга занимала по количеству жителей 11-е место в России (около 20 тыс. человек). Город, расположенный на полноводной реке Оке, имел 6 пристаней, где стояли под загрузкой или разгрузкой речные купеческие суда. В городе к 1823 году было 4 167 деревянных и 607 каменных зданий, а жителей уже было 32 тыс. человек. До половины XIX века ещё не разорились многие фабрики и ремесленные мастерские, обслуживающие этот богатый купеческий город. На Калужской земле испокон веков родился отличный лён, который заботливо выращивался как свободными крестьянами, так и помещичьими хозяйствами. Отсюда, с калужских полотняных фабрик, уходил в Европу отличный ревендук — толстый парусиновый холст. Украшением города были добротные особняки купцов первой гильдии, с которыми не грех было породниться и дворянам.

Вот какие сведения давали о лучших купцах Калуги «Калужские губернские ведомости» от 11 мая 1840 года:

«...В Германии Калужские первоильдийцы выменивают товары ярмарки Лейпцигской и Нижегородской; в Северо-Американские Штаты отпускают парусные полотна своей губернии; в Кяхту ездят за чаем, сахаром-леденцом, посудой, шёлком и бумажными и шёлковыми изделиями с русским и польским сукном и льняными тканями, пушиными сибирскими товарами средней доброты, с украинскою мерлушкою и казанскими козлами...»

Вот такой «географией» владели калужские купцы в 40-х годах позапрошлого века. Но Калужская губерния, славившаяся своим льняным полотном и пенькой (этот товар пока ещё шёл на расхват в Западной Европе), уже была на пороге экономического упадка. Технический прогресс одни регионы поднимал, а другие опускал. Дело не только в строительстве железных дорог, которые весьма сильно «разгрузили» речное судоходство. Парусники с их огромными ветроловными крыльями уходили в историю. САСШ, Англия и Франция уже начали переводить свой военный, а затем и торговый флот на паровые машины. Полотняные и канатные фабрики России, обслуживавшие парусные флотилии (как свои, так и зарубежные), теряли главного потребителя своей продукции. Но тогда, в начале сороковых годов позапрошлого века, экономическая отсталость ещё не роняла престижа России. Однако она сказалась спустя десятилетие, когда отечественные и зарубежные газеты запестрели заголовками статей международной хроники, предвещающей начало новой войны. Но не будем забегать вперёд.

* * *

Калужская гимназия была местом притяжения интеллектуальной элиты губернии ещё и потому, что в её стенах под надзором педагогов находилась Калужская публичная библиотека. Семён Иванович Яновский за время своего более чем семнадцатилетнего правления губернской системой образования вдохнул в библиотеку новую жизнь, значительно увеличил её фонд и тем самым привлёк в неё большое количество читателей.

В донесениях Яновского Калужскому гражданскому губернатору (тот после ознакомления с ними, как правило, вставлял их

в свой очередной доклад попечителю Московского учебного округа) содержатся такие сведения¹:

«Калужская библиотека состоит из 3182 томов, большую часть приобретённых покупкою на штатную положенную сумму, помещается при Калужской губернской гимназии в особых комнатах...»

Храм науки стал постепенно превращаться в центр информации, необходимой не только учащимся, но и всем деятельным сословиям губернии. Разумеется, главными носителями этой информации были тогда печатные издания — книги, журналы, газеты...

Абонемент Калужской публичной библиотеки имел следующие разделы: юридический, истории и географии, физико-математический, естественных наук и медицины, сельского хозяйства и технологии, словесности (художественной литературы).

Что же читали российские провинциалы в сороковых годах позапрошлого века? Это можно узнать из реестра библиотечных книг, принятых в 1840 году «бухгалтером гимназии Омельченко от бывшего библиотекаря оной Протопопова»². Перечислим только некоторые из закупленных Яновским новинок:

- «Абадонна», роман Н. Полевого
- «Арабески и разные сочинения» Н. Гоголя
- «Американские степи», соч. Купера (перевод с французского)
- «Басни Эзопа» (перевод)
- «Брат Якова», роман Поль де Кока
- «Были и небылицы Казака Луганского» (псевдоним В. Даля, будущего автора «Толкового словаря живого великорусского языка»)
- «Вечера на хуторе близ Диканьки», Н. Гоголь
- «Ганн Исландец», роман В. Гюго
- «Граф Роберт Парижский», В. Скотт
- «Записки о лорде Байроне»
- «Двукратные изыскания в Южном и Ледовитом океане и плавание вокруг света в 1819, 1820 и 1821 годах»
- «Евгений Онегин», А. С. Пушкин
- «Жизнь и приключения Робинзона Крузо», Д. Дефо
- «Жилища древних руссов», Н. Погодин

¹ ГАКО, ф. 77, оп. 1, д. 369, л. 2.

² Там же, д. 288, л. 8–18.

- «Записки морского офицера», соч. Броневского
- «Записки флота капитана Головина»
- «Кавалерист-Девица», роман
- «Кальян», стихотворения А. Полежаева
- «Картины Оттоманской империи»
- «Ключ к истории Карамзина»
- «Клятва при гробе Господнем» Н. Полевого
- «Ледяной дом», роман Лажечникова
- «Повести Бальзака» (перевод с французского)
- «Рождение Благословенного Дома Романовых»
- «Рославлев, или Русские в 1812 году», роман Загоскина
- «Русский Жилбаз»
- «Поэмы Пушкина»
- «Стихотворения» Языкова
- «Стихотворения» Д. Давыдова
- «История государства Российского» Н. Карамзина в 12 томах...

Даже неполный список художественной литературы Публичной библиотеки говорит о достаточно высоком вкусе и внимательном отношении к отечественной и зарубежной литературе того, кто формировал абонемент библиотеки. Да, знали толк в книгах наши прадеды! Не потерять бы нам их интеллектуальное чутьё.

Чувствуется, что основу фондов Публичной библиотеки составляли люди, весьма образованные, интересующиеся родной историей и явно тяготеющие к морской тематике. Однако Публичная библиотека удовлетворяла не только запросы любителей изящной словесности. Во времена правления Яновским губернской системой образования абонемент пополняется следующими изданиями:

- «Устав Санкт-Петербургской Земледельческой компании»
- «Защитение градовых отводов»
- «О сравнительном состоянии северных стран России относительно к земледелию»
- «О возделывании краппа»
- «О сохранении хлеба в подземных ямах»
- «Дневник для записывания приходов и расходов по всем частям сельского хозяйства»
- «Словарь минералогический»
- «Деревенское зеркало, в трёх частях»
- «Словарь ботанический»
- «Экономическая ботаника»
- «Уведомление о разведении тонкого льна»

- «Обстоятельные наставления о разведении и наблюдении наилучшей породы овец»
- «Рассуждение о заразе между рогатым скотом» (на немецком языке)
- «Руководство по практическому земледелию» Шварца...

Был также организован и отдел периодической печати. Согласно подписке в библиотеку приходили по почте журналы «Сын Отечества», «Московский наблюдатель», «Вестник Европы», «Журнал общепользных сведений», «Христианское чтение», «Политический журнал», «Технологический журнал», «Мануфактурные известия», а также газеты — «Посредник» и «Еженедельные известия».

Глава 6 ВСТРЕЧА С ЦЕСАРЕВИЧЕМ

В начале царствования Николая I (14 мая 1828 года) был создан Комитет устройства учебных заведений. Реформа образования имела социальный подтекст. Царь запретил обучение в гимназиях и университетах крепостных крестьян, чтобы «повсюду предметы учения и самые способы преподавания были по возможности сообразуемы с будущим вероятным предназначением обучающихся». Манифестом от 13 июля 1826 года обращалось внимание на нравственное воспитание, а дворянство признавалось оградой «престола чести народной», призванной к «усовершенствованию отечественного природного, а не чужеземного воспитания». Жалованье профессорам было повышено вдвое, были введены зарубежные командировки «для ознакомления с опытом изучения иностранных языков». Однако на лекциях и экзаменах строго следили «за неприкосновенностью начал, служащих основою государственного быта»¹.

Не только гимназисты российских гимназий, но и сам наследник российского престола почувствовал на себе новые педагогические веяния. Николай I, анализируя причины декабрьского мятежа 1825 года, пришёл к следующему выводу: за время царствования его старшего брата Александра I дворянскую молодёжь, как говорится, упустили из виду. Когда высочайшие внушения доходят до картечи, до карательных мер, система отечественно-

¹ Выходков, Л. Николай I. ЖЗЛ / Л. Выходков. — М.: Молодая гвардия, 2003. — С. 193–194.

В. А. Жуковский
(1783–1852)

го образования и воспитания расписывается в полной несостоятельности. Воспитывать и образовывать уже поздно... Но начинать надо было с себя, с дома Романовых, что и произошло.

Василий Андреевич Жуковский, выдающийся поэт России, заботливый наставник великого князя Александра Николаевича, разработал 12-летний план воспитания наследника царского престола. В основу его идеи легли труды авторитетного швейцарского педагога Иоганна Песталоцци. Воспитательно-образовательный план Жуковского включал в себя

знакомство с основами наук и современными языками (французским, английским, немецким, польским), а также предполагал классическое образование.

Педагогическая программа наставника цесаревича состояла из трёх частей¹:

1. «Приготовление к путешествию» (8–13 лет);
2. «Путешествие» (13–18 лет);
3. «Окончание путешествия» (18–20 лет).

Третья часть предусматривала совершение ознакомительной поездки по России.

Весной 1837 года, когда великому князю уже исполнилось 19 лет, он с небольшой свитой начал своё знаменитое путешествие по 29 губерниям России, длившееся более семи месяцев. Калуга оказалась одним из первых губернских городов России, которые удостоил своим вниманием цесаревич. Прибыл он в Калугу 11 июля. Наследник престола старался увидеть все стороны губернской жизни: он присутствовал на заседании Приказа обществен-

¹Царское воспитание // 100 человек, которые изменили ход истории. — М.: Де Агостини, 2009. — № 70. — С. 6, 7.

ного призрения, посетил калужский артиллерийский парк, тюремный замок, выставку мануфактурных и естественных произведений, Лаврентьев монастырь.

На следующий день Александр Николаевич счёл своим долгом побывать в Калужской мужской гимназии. Во главе педагогов, его встретивших, — Семён Иванович Яновский, которому уже под пятьдесят. Его старший сын Александр Яновский, родившийся на Аляске (тёзка и почти ровесник цесаревича), тоже в путешествии — он закончил Морской кадетский корпус, бороздит морские просторы и редко балует отца письмами.

Цесаревич уже знал, что во главе калужских училищ, гимназии и благородного пансиона состоят два знаменитых моряка-путешественника, обогнувшие в своё время на парусниках земной шар. О чём беседовал цесаревич с Семёном Ивановичем Яновским и Семёном Яковлевичем Унковским, нам сегодня неизвестно, но в архивах сохранился журнал гимназии за 1837 год, в котором осталась такая запись¹:

«1837 года июля 12 числа Калужская губернская гимназия была осчастливлена посещением Его Императорского Высочества Благоверного Государя, Наследника, Цесаревича и Великого князя Александра Николаевича.

Его Императорское Высочество изволил прибыть в 1-м часу пополудни, встреченный в зале неллицемерным верноподданническим приветствием чиновников и воспитателей гимназии; одоббив этих и других своею благосклонностью, свойственной Царским особам благосклонного Дома Романовых, Государь-на-

Часть пятая
КАЛУЖСКИЙ
ДВОРЯНИН СЕМЁН
ЯНОВСКИЙ

Царская семья. Слева направо: цесаревич Александр, великий князь Михаил, император Николай I, великий князь Николай, генерал-адмирал великий князь Константин

¹ГАКО, ф. 77, оп. 1, д. 214, л. 1.

следник расспрашивал некоторых воспитанников о их состоянии, других о намерениях их касательно поступления на службу и в особенности желал знать отличных учеников, которые и рекомендованы были г. Директором.

После сего Его Императорское Высочество осматривал Гимназическую и Публичную библиотеки, классы, комнаты и спальни воспитанников и, найдя во всём отличный порядок и чистоту, изъявил своё удовольствие гг. Почётному попечителю гимназии и Директору. Потом изволил отбыть, исполнив радостным восторгом как наставников, так и детей; громогласное русское ура многочисленных зрителей, собравшихся у гимназии, заключило торжественное празднество сего учебного заведения».

Запись в журнале заверяет личная подпись директора училищ Калужской губернии Семёна Ивановича Яновского.

Бедный Семён Иванович! Почтительно пожимая милостиво протянутую ему руку наследника престола, он никак не мог предугадать, что эта же рука спустя 30 лет подпишет государственные документы о продаже США всех российских владений в Северной Америке, которыми он некогда управлял и где прошли его самые счастливые годы жизни.

В тот же день в честь наследника престола в Калуге состоялся блестящий бал, организованный калужским дворянством и купечеством.

Часть шестая

**Проверка
на патриотизм**

Глава 1 МИНИСТЕРСКИЙ АТТЕСТАТ И ЗАБЫТЫЕ ЗАСЛУГИ

В 1851 году Яновскому исполнилось 62 года. Он добровольно покинул пост директора Калужских училищ и возглавил Благородный пансион при Калужской губернской гимназии. В должности его попечителя Яновский находился до 1853 года, то есть пробыл на этом месте один двухлетний срок.

Сказывался возраст, да и надо было думать о более практичном обустройстве собственного семейного гнезда. Дети подросли, пришло время оставлять казённую квартиру в Калуге (она находилась рядом с гимназией), где расходы на большую семью были велики и, как говорится, надо было садиться на землю, строить усадьбу, заниматься хозяйством.

На поприще народного образования в Калужской губернии Яновским было сделано немало. В Министерство народного просвещения (в Московский учебный округ) от калужского предводителя дворянства в 1854 году было послано ходатайство о награждении статского советника Яновского, бывшего директора калужских училищ, орденом Св. Владимира 4-й степени. Калужское дворянство не случайно поддержало это ходатайство.

В Государственном архиве Калужской области хранится министерский аттестат на Семёна Ивановича Яновского (от 3 декабря 1852 года)¹, в котором есть такие слова:

«...Яновский в течение восемнадцатилетнего служения своего Директором училищ Калужской губернии постоянно обращал на себя внимание Начальства примерным усердием в исполнении возложенных на него обязанностей и неусыпную заботливостью о благоустройстве вверенных его заведованию Учебных заведений. Ежегодно производя внимательные осмотры подведомых ему Училищ, он неумолимо заботился о доведении их до лучшего состояния.

¹ГАКО, ф. 77, оп. 2, д. 49, л. 15.

Калужская гимназия с состоящим при ней благородным пансионом обязана ему тем примерным устройством, в котором найдено мною при посещении моём в 1851 году.

Труды Яновского на пользу воспитания юношества и благороднейшие нравственные его свойства сниスカки ему общее уважение как начальства, так и жителей целой Губернии...».

Аттестат Яновского подписан не кем иным, как генерал-лейтенантом, кавалером многих орденов, попечителем

В. И. Назимов
(1802–1874)

Московского учебного округа В. И. Назимовым. Этот русский генерал-лейтенант известен тем, что 23 февраля 1852 года вместе с генерал-адъютантом А. А. Закревским явился на похороны писателя Гоголя в церковь Московского университета и встал во всех орденах рядом с Закревским в почётный караул у гроба сочинителя, который имел чин всего лишь коллежского асессора. Это было явно не по инструкции и не по чину покойного, о чём тут же донесли куда следовало. Позже оба генерала поясняли шефу жандармов А. Ф. Орлову, что сделали это исключительно для «соблюдения порядка».

В аттестате бывшего директора Калужских училищ Семёна Ивановича Яновского перечислены его заслуги и награды:

«...За встречу цесаревича (12 июля 1837 года) ...за доставление описания выставок изделий Калужской губернии и за улучшенное преподавание предметов в гимназии (3 октября 1837 года) ...за доставление на выставку древних монет (3 октября 1838 года) ...изъявлена благодарность Попечителя Московского Учебного округа.

Склонил к пожертвованию разных лиц в пользу училищ: Жиздринского — 7000 руб. и калужских — 2000 руб.

Высочайше утверждён членом Тюремного комитета (27 марта 1838 года). Удостоился получить за содействие по Тюремно-

му комитету благодарность от Государя Императора (21 июля 1839 года).

Получил знак отличия беспорочной службы за 20 лет.

Награждён чином надворного советника (16 июля 1836 года).

За частые обозрения училищ и подробные донесения о их состоянии изъявлена от г. Попечителя Московского Учебного округа благодарность (12 декабря 1842 года).

Награждён орденом Св. Анны 3 степени (13 декабря 1842 года).

Награждён чином коллежского советника (3 июля 1843 года).

Получил благодарность 2 отделения Императорской Академии наук за доставку областных слов (диалектов Калужской губернии. — Ю. Х.) в 1842 году.

По выслуге узаконенных лет с 17 июля 1847 года оставлен ещё на 3 года с производством на службе пенсии (по 643 руб. серебром в год).

18 декабря 1847 года — статский советник.

За отлично-усердную службу и особенные труды Всемилощивейше пожалован орденом Св. Анны 2 степени (2 декабря 1847 года).

От Русского Географического общества за достоверные сведения — благодарность (6 февраля 1850 года).

6 ноября 1851 года уволен от службы с мундиром и пенсией полного оклада жалованья, с пятою долею оного, всего по 771 руб. 97 коп. серебром в год...»

Однако тот же Калужский архив хранит переписку Семёна Ивановича с попечителем Московского учебного округа, из которой становится ясно, что знаменитый мореплаватель и педагог, несмотря на ходатайство о награждении его орденом Св. Владимира 4-й степени за свой добросовестный многолетний труд на благо Отечества, так ничего и не получил. Бюрократическая чиновничья машина сработала «безукоризненно». Вот какой ответ пришёл Яновскому и губернскому предводителю дворянства из Москвы на ходатайство¹:

«Г-н Министр Народного Просвещения, от 11-го минувшего августа за № 6246, уведомил, что бывший директор Училищ Калужской Губернии статский советник Яновский не мог быть представлен к награждению орденом Св. Владимира 4-й степени за 35-летнюю беспорочную службу, по не выслуге им, со времени

¹ГАКО, ф. 165, оп. 2, д. 161, л. 1—3.

производства его в офицерский чин, с 1 января 1808 года по день увольнения его со службы Высочайшим Приказом 6-го ноября 1851 года, за исключением бытности в отставке с 5 февраля 1826 года по 21 декабря 1834 года тридцати пяти лет.

Время же со дня состояния Высочайшего Приказа об увольнении его со службы с 6-го ноября 1851 года по день сдачи должности 21 марта 1852 года не могло быть зачислено в общую выслугу потому, что в Кавалерских думках при исчислении выслуги лиц, представляемых к ордену за беспорочную службу в классных чинах и должностях, наблюдается постоянно правило считать конец службы со дня состояния Высочайшего Приказа об увольнении от оной».

Проще говоря, Яновскому не хватило для получения ордена св. Владимира 4-й степени нескольких месяцев общего стажа службы.

Глава 2 БОЛЬ И СЛАВА СЕВАСТОПОЛЯ

Для России наступали тревожные и тяжёлые времена. В мае 1853 года произошёл разрыв дипломатических отношений с Турцией. Позже российские войска вступили в дунайские княжества, а к Дарданеллам прибыли английская и французская эскадры. Началась очередная война между Турцией и Россией.

1 января 1855 года «Калужские губернские ведомости» опубликовали «Высочайший манифест» Николая I, который объявлял всенародно:

«Причины доселе продолжающейся войны вполне известны любезной Нам России. Она видит, что не виды честолюбия, не желание новых, принадлежащих по праву Нам выгод, были побуждением Нашим в действиях и обстоятельствах, имевших неожиданным последствием настоящую борьбу. Мы искали единственно охранения торжественно признанных преимуществ Православной Церкви и единоверцев наших на Востоке, но некоторые Правительства, приписывая Нам весьма далёкие от мысли Нашей своекорыстные тайные намерения... выступили в неприязненный против нас союз. Провозгласив, что их цель есть спасение Турецкой империи, они действуют против нас вооружённою рукою не в Турции, а в пределах наших собственных владений, направляя враждебные удары свои на все более и более

доступные им места: в Балтийском, Белом и Чёрном морях, в Тавриде и на самых отдалённых берегах Тихого океана...»

Это был последний манифест Николая I, который перед своей смертью в феврале 1855 года сказал наследнику: «Сдаю тебе команду не в добром порядке».

А государство и не могло быть в добром порядке: экономической отсталости страны в то время сопутствовала близорукая дипломатия. Вдруг оказалось, что огромной России не хватает талантливых исполнителей государственной воли. Многие представители дворянских фамилий удалились от государственных дел, видя, что царь после 1825 года стал мало доверять русским дворянам, больше надеясь на тех, кто во главу угла своей жизни ставил не интересы Отечества, а личную карьеру. Так было спокойнее и безопаснее.

Известный историк В. О. Ключевский утверждал, что именно после 14 декабря 1825 года «закончилась политическая роль русского дворянства». С таким заключением историка можно поспорить, но судьба Семёна Ивановича Яновского говорит о том, что талант и разносторонние способности этого незаурядного человека остались невостребованными, не оценёнными по достоинству. Личность государственного масштаба, способная многое понимать и предвидеть, руководила провинциальной гимназией, благородным пансионом и уездными училищами.

Старшему сыну Семёна Ивановича, первенцу Александру, родившемуся на далёкой Аляске, ко времени опубликования царского манифеста уже исполнилось 35 лет. После окончания Морского кадетского корпуса лейтенант российского флота Александр Семёнович Яновский служил на Балтийском флоте, но военной карьеры не сделал, хотя успешно продвигался по службе. В 1850 году он ушёл в отставку в чине капитан-лейтенанта, а позже стал иноком Калужской Оптиной пустыни. Это было время, когда многие представители русского дворянства стали считать служение Богу высшим служением России.

О жизни Александра Семёновича Яновского сведений очень мало, но известно, что старший сын Семёна Ивановича, рождённый на Аляске, состоял в Иерусалимской миссии, которую возглавлял духовный писатель, архимандрит Леонид (1822–1891)¹,

¹Дрягунов, К. В. Великие люди земли Калужской / К. В. Дрягунов. — Калуга: Институт повышения квалификации работников образования, 2002. — С. 17–18.

в миру — Лев Александрович Кавелин, бывший офицер Волынского полка, калужанин (его мать — Мария Михайловна, урождённая Нахимова, приходилась двоюродной сестрой адмиралу Павлу Степановичу Нахимову).

Россия стремилась приблизить своих духовных пастырей и паломников к мировым святыням христианского мира, находящимся в Иерусалиме. Как известно, прелюдией Крымской войны стало обострение восточного вопроса, в котором главным был спор о святых местах в Палестине¹. В 1850 году православный патриарх Иерусалимский Кирилл обратился к турецким властям с просьбой разрешить починку главного купола храма Святого Гроба Господня. Турки дали согласие. Но в мае того же года французский посол, выполняя волю императора Наполеона III, потребовал от султана восстановить права латинской церкви в святых местах, напомнив, что ещё с 1740 года преимущественные права здесь получили католики, а не православные священнослужители. Турки поменяли своё решение не в пользу России. Император России был уязвлён такой беззастенчивой переменчивостью.

Дипломатические шаги, предпринятые Николаем I, не имели успеха. Турция не думала уступать, уверенная в поддержке Франции и Англии. Вопрос ремонта крыши храма принял характер международного конфликта. В 1854 году члены Русской Духовной Миссии вынуждены были оставить Иерусалим. Причиной тому стала начавшаяся Крымская война.

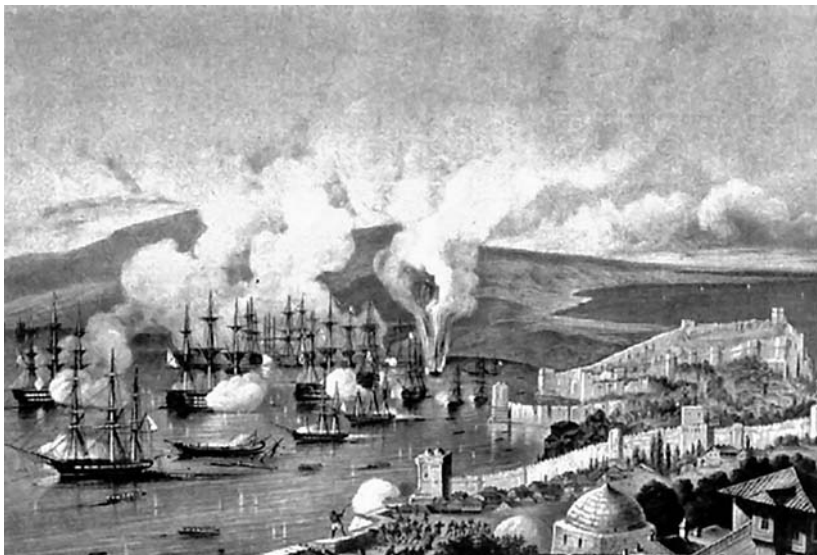
Турция, поощряемая Англией и Францией, упорно отказывалась следовать статьям мирных договоров предыдущих лет, мечтая о восстановлении своего былого могущества, когда всё побережье Чёрного моря находилось под её контролем. Её флот снабжал ору-

*Часть шестая
ПРОВЕРКА
НА ПАТРИОТИЗМ*

*Архимандрит
Леонид (Кавелин)
(1822–1891)*

¹Холопов, Ю. В. Калужане — герои Крымской войны / Ю. В. Холопов. — Калуга: Институт повышения квалификации работников образования, 2008. — С. 25–27.

А. Боголюбов.
Синопская битва

жием воинственных горцев Кавказа. Россия и не думала уступать противнику.

11 ноября 1853 года корабли нахимовской эскадры («Императрица Мария», «Чесма» и «Ростислав») в штормовую погоду подошли к Синопской бухте, где и обнаружили под прикрытием береговых батарей стоящую полумесяцем турецкую эскадру в составе 7 больших фрегатов, 3 корветов, 2 пароходов, 2 транспортов и несколько коммерческих судов.

Нахимов принял решение заблокировать турецкий флот в бухте до подхода подкрепления. Турки, не понимая намерений русских, видя явный перевес своих сил, продолжали оставаться на месте, ожидая хорошей погоды. Но 16 ноября к Нахимову присоединились корабли эскадры контр-адмирала Ф.М. Новосильского: «Париж», «Константин», «Три святителя» (каждый имел по 120 пушек), а также два фрегата — «Кагул» и «Кулевчи».

Утром 18 ноября 1853 года в строю двух кильватерных колонн русская эскадра стала входить в Синопскую бухту. В итоге Синопского сражения из неприятельской эскадры в 16 вымпелов было уничтожено 15 судов. Удалось спастись лишь одному пароходу, на котором бежал английский советник. Командующий турецкой эскадрой вице-адмирал Осман-паша попал в плен. Победа была полной.

Находясь в Калуге, директор губернских училищ Семён Иванович Яновский жадно следил за всеми новостями о новой войне. И на это была особая причина: на Чёрном море служил самый младший из его сыновей — мичман Иван Семёнович Яновский, бывший ученик Калужской гимназии. В 1849 году он закончил Морской кадетский корпус и в звании мичмана был направлен в 28-й флотский экипаж Черноморского флота. Проходил службу на линейном корабле «Варна»,

Часть шестая
ПРОВЕРКА
НА ПАТРИОТИЗМ

П. С. Нахимов
(1802–1855)

который хотя и принял участие в походе на Синоп, но из-за открывшейся в трюме сильной течи был вынужден вернуться в Севастополь, поэтому и не принял участие в Синопском сражении. Но это ещё не означало, что экипаж «Варны» остался вне военных действий.

14 сентября союзники высадили 60-тысячный десант в Крыму близ Евпатории и после неудачного для нашей армии Альминского сражения стали угрожать непосредственно Севастополю. После военного совета, который провёл вице-адмирал Корнилов 9 сентября 1854 года, было решено заградить проход в Севастопольскую бухту потоплением парусных кораблей и выйти на берег с оружием, чтобы сражаться на суше. 13 сентября 1854 года на рейде Севастополя было затоплено 5 линейных кораблей и 2 фрегата.

Среди затопленных кораблей — 64-пушечный линейный корабль «Варна», на котором проходил службу Иван Семёнович Яновский. Накануне затопления он вместе с другими офицерами руководил снятием с корабля орудий, боеприпасов и всего того, что могло служить обороне от врага на суше.

Из офицеров и матросов флотского экипажа был сформирован 45-й флотский батальон (всего 442 человека). 20 сентября 1854 года батальон занял позиции на фланге 3-й дистанции. В конце сентября в траншее, примыкающей к 3-му бастиону, с левой стороны была заложена батарея № 21 на пять орудий (со временем количество орудий на ней увеличилось).

И. С. Яновский
(1831–1855)

Эта батарея строилась войсковыми сапёрами и матросами «Варны» под руководством мичмана Ивана Яновского, поэтому и получила впоследствии его имя — «батарея Яновского». Она противостояла мощным английским батареям, которые по количеству орудий и общему их калибру значительно превосходили русские.

Иван Яновский постоянно пребывал на своей батарее, которая вела обстрел неприятеля и сама находилась под огнём. В начале октября 1854 года

на бастионах Севастополя и укреплениях Малахова кургана разгорелся крупный бой, который начался массированным артиллерийским обстрелом англичанами наших позиций. Как писал в своих воспоминаниях капитан-лейтенант Александр Жандр¹:

«...Всего действовало с английских батарей по нашим укреплениям 71 орудие, а с нашей стороны отвечали им только 54 орудия... Как мы видели, 3-й бастион был приведён в полуразрушенное состояние. Смежные батареи: № 27 (Артюхова) и № 21 (Яновского) также были сильно повреждены...»

Однако русские ночью быстро восстановили свои бастионы, заменили подбитые орудия и не уступили своих позиций. Хотя гарнизон Севастополя имел потери, но ни одна батарея не была полностью подавлена. Напрасно пехота союзников весь день простояла под ружьём, ожидая возможности броситься на штурм. Штурм не состоялся, но погиб от осколков вражеской бомбы организатор и руководитель обороны Севастополя вице-адмирал В. А. Корнилов.

В конце октября на батарее Яновского были проведены работы по её расширению. На новом участке обороны мичман Яновский с матросами в ночное время установил ещё три 36-фунтовые пушки-карронады. Полное вооружение батареи Яновского к ноябрю 1854 года уже составляло 8 орудий. Усилены были также и соседние батареи.

¹Жандр, А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова / А. Жандр. — СПб., 1859. — С. 225.

*И. М. Прянишников.
Адмирал П. С. Нахимов на 5-м бастионе
во время первой
бомбардировки
5 октября 1854 г.*

4 апреля 1855 года во время боя Иван Яновский был ранен, но остался на своей батарее, руководя огнём пушек¹. Особенно жарким был бой на батарее Яновского 6 июня, когда англичане открыли ураганный огонь по позициям 3-го бастиона и прилегающих к ним батарей, пытаясь прорвать оборону на этом участке. В этот день все комендоры у орудий на батарее Яновского были перебиты. Мичман Иван Яновский, оставшись в одиночестве у орудий, сам поочередно заряжал их и стрелял, пока на помощь не пришёл Суздальский полк.

Во время вражеского обстрела батареи 8 июля 1855 года (по старому календарному стилю) Иван Семёнович Яновский был ранен вторично, на этот раз очень тяжело. Сестра милосердия Крестовоздвиженской православной общины (организованной для помощи врачам в начале войны) Анна Крупская упоминает в своих воспоминаниях о младшем сыне Семёна Ивановича Яновского — калужанине мичмане Иване Яновском:²

«...Я перешла в Северное укрепление; там был главным доктором г-н Белоусов, а ординатором г. Рейниш. Палата наша была устроена в чрезвычайно опасном месте, так что бомбы летали через крышу. В этом-то Северном укреплении

¹ Холопов, Ю.В. Калужане — герои Крымской войны / Ю.В. Холопов. — Калуга: Институт повышения квалификации работников образования, 2008. — С. 24.

² Крупская, А. Воспоминания Крымской войны / А. Крупская. — СПб., 1861. — С. 35.

В. Е. Маковский.
Похороны в Сева-
стополе на Северной
стороне

находился раненый мичман И. С. Яновский, молодой, храбрый, красивый мужчина; он пробыл 8 месяцев на Малаховом кургане безвредно, но однажды опустился в блиндаж, и бомба, пробив потолок, оторвала ему ногу. Операцию ему сделал г. Белоусов. Раненый был очень терпелив, переносил операцию и болезнь без ропота, но я боялась, чтобы он не получил лихорадки, к несчастью, мои опасения сбылись. Часто навещал его смотритель Комаровский, который, входя, спрашивал: “Что, сестра, каков наш красавец?” Но вскоре наш красавец от лихорадки и ран скончался...»

Командир севастопольской батареи № 21 Иван Семёнович Яновский скончался в лазарете после операции 30 июля 1855 года (по старому календарю). Он был похоронен на городском Михайловском кладбище на северной стороне. Незадолго до смерти досрочно произведён в чин лейтенанта. Участвуя в обороне Севастополя с 13 сентября 1854 года по 8 июля 1855 года, Иван Яновский был награждён орденами Св. Владимира 4-й степени с бантом, Св. Анны 3-й степени с бантом и Золотой саблей с надписью «За храбрость» (с 1913 года — «Георгиевское оружие»).

Однако в воспоминаниях сестры милосердия Крупской есть неточность: Иван Яновский был тяжело ранен не на Малаховом кургане, а на 3-й дистанции, где и находилась его батарея — напротив английских укреплений.

С гибелью Ивана Семёновича Яновского в Севастополе военно-морская династия дворян Яновских пресеклась. В Калуге оставались ещё два его старших брата, но один (Александр) стал монахом, а второй (Николай) посвятил себя штатской службе. Лейтенант российского флота Иван Яновский скончался в лазарете на 25-м году жизни, не успев обзавестись семьёй. Бывший директор калужских училищ Семён Иванович Яновский всё же получил в руки орден св. Владимира, но не свой, а орден героически погибшего младшего сына Ивана.

Глава 3 НА ВОСТОЧНЫХ ГРАНИЦАХ ИМПЕРИИ

Но обратим свой взор на восточные границы России. Российско-Американская компания тоже приняла участие в военных действиях Крымской (Восточной) войны, но косвенно: её корабли «Ситха», «Князь Меншиков», «Николай I» доставляли войска и припасы в Аян, Петропавловск-Камчатский и к устью Амура в Николаевск. Акватория Тихого океана также стала местом боевых действий.

Как известно, в конце августа 1854 года англо-французская эскадра подошла к Петропавловску-на-Камчатке. Французской эскадрой командовал адмирал Депуант, английской — адмирал Прайс. Весь расчёт нападавших был на внезапность, но союзники просчитались (американская разведка сумела заранее предупредить русских): береговая артиллерия Петропавловска-на-Камчатке встретила вражеские корабли огнём. Командовал небольшим гарнизоном адмирал Василий Степанович Завойко, оставивший потомкам свои интереснейшие записки о пребывании в Русской Америке¹.

Отпор русских был столь неожиданным, что английский адмирал Прайс, переживая неудачу, застрелился на корабле. Командование эскадрой перешло к французскому адмиралу Депуанту, который решился на высадку десанта под прикрытием корабельной артиллерии. Завязалось кровопролитное сражение, дошедшее до рукопашного боя. Русские солдаты и ополченцы (среди них

¹ Звонарёв, Б.А. Петропавловский бой / Б.А. Звонарёв // Русское военно-морское искусство. Сборник статей под ред. Р.Н. Мордвинова. — М.: Военно-морское министерство Союза ССР, 1951. — С. 200—211.

были также добровольцы из Русской Америки) опрокинули десант в море. Противник понёс большие потери и отступил. Адмирал Дебуант по дороге во Францию скончался, не имея сил перенести горечь поражения. Среди тех, кто героически сражался под началом адмирала Завойко, находился молодой морской офицер Дмитрий Максutow — впоследствии последний главный правитель Русской Америки.

Здесь также уместно вспомнить, что и во время Отечественной войны 1812 года компания помогла немалыми суммами российской короне во время формирования народного ополчения. За что тесть Семёна Ивановича Яновского — Александр Баранов был награждён в 1813 году медалью «В память 1812 года».

В годы войны не обошлось без военных столкновений и в Русской Америке, в самом Новоархангельске. Правда, военный флот Англии и Франции, не желая конфликта с Северными Соединёнными Штатами, не затевал боевых действий на Аляске. Но произошло другое. Индейцев постоянно подстрекали к мятежу заезжие представители противодействующих России держав. Разумеется, действовали они под видом частных торговцев. Как следует из отчёта Российско-Американской компании за 1855 год, 10 марта этого года несколько индейцев-колошей ранили русского часового, когда тот пытался препятствовать воровству лесоматериала компании¹. На следующий день индейские тойоны и старейшины были вызваны в порт, и главный правитель Степан Васильевич Воеводский настаивал на наказании виновных. Индейцы стали бурно высказывать своё неподчинение враждебными выкриками и даже несколько раз выстрелили в воздух. Гарнизон Новоархангельска был поднят по тревоге, и для устрашения индейцев были сделаны два пушечных выстрела вдоль берега. Но это только разъярило вооружённую толпу туземцев. Индейцы бросились на изгородь форта и начали рубить частокол. Один из индейских воинов застрелил из ружья работника компании, стоявшего на батарее. Несмотря на то, что русские открыли огонь из ружей и пушек, индейцы пытались проникнуть в форт. Они выломали двери церкви, расположенной в ограде, отделявшей крепость от поселения индейцев, заняли храм и открыли из его окон частую стрельбу.

¹ Цит. кн.: Митрополит Климент (Капалин). Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года / Митрополит Климент (Капалин). — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. — С. 186–187.

Только после двухчасового боя колоши были вытеснены из форта и вынуждены были просить прекращения огня. В результате этого вооружённого конфликта двое русских были убиты, девятнадцать ранено, включая одного офицера. Среди индейцев потери были более значительны: более 60 человек убитыми и ранеными. В знак своего подчинения индейские тойоны (по обычаю, заведённому ещё Барановым) выдали в распоряжение компании восемь соплеменников — аманатов (заложников).

В 1856 году, уже после окончания Крымской войны, колошскую церковь восстановили. При её освящении 2 февраля 1857 года под престол был положен крест с надписью: *«Сей Святый Престол и Храм во имя Пресвятыя и Живоначальныя Троицы Марта 11-го дня 1855 года, по Попущению Божию был разорён и обесславлен Колошами. Вновь же по Благословению Архипастыря, Высокопреосвященнейшего архиепископа Иннокентия, по Благодати Божией, освящён 2 февраля 1857-го года...»*

Поражение России от союзных англо-французских войск в Крымской кампании, вынужденное уничтожение Черноморского флота не могли не поколебать позиций державы на Дальнем Востоке и в Америке. Та же Крымская (Восточная) война, которая стала важнейшим историческим этапом в истории России XIX века, положила начало не только реформам Александра II, но и, увы, конкретным планам, а затем и конкретным мерам по продаже США русских колоний на Аляске.

Глава 4 ВРЕМЯ ЦАРСКИХ РЕФОРМ

В России начиналась пора решительных государственных реформ. В марте 1856 года в Москве молодой император Александр II в своём обращении к предводителям дворянства заявил о намерении покончить с крепостным правом. При этом он подчеркнул: «Гораздо лучше, чтобы это произошло свыше».

Решимость Александра II и его единомышленников отмежеваться от прежнего политического курса Николая I нашла своё отражение не только в смене министров, но и в назначении на губернаторские должности новых, деятельных людей, которые были способны служить не лично царю, а государству, не боялись принимать ответственные решения.

Император
Александр II
Освободитель
(1818–1881)

Именно в это время Александр II вызывает из калужского села Кольшева в Петербург опытного мореплавателя, сына Семёна Яковлевича Унковского, бывшего капитана фрегата «Паллада» Ивана Семёновича Унковского (1822–1886) и на аудиенции обращается к нему с такими словами: «Я тебя назначаю Ярославским губернатором». «Ваше Величество, — воскликнул удивлённый Унковский, — как могу я быть губернатором, когда не знаю даже разницы между магистратом и губернским правлением?». «Ничего, ничего, — улыбнулся государь, — я тебя знаю хорошо и ручаюсь, через полгода ты будешь таким же лихим губернатором, как был командиром фрегата».

Время показало, что Александр II не ошибся в выборе, сделал ставку на военного моряка. Шестнадцать лет, в сложнейшие времена великих реформ (крестьянской, земской, судебной, военной и др.), Иван Семёнович Унковский, которого Семён Иванович Яновский знал ещё мальчишкой в большой и дружной семье своего старого флотского товарища Семёна Яковлевича Унковского, успешно губернаторствовал на Ярославской земле и снискал себе всеобщее уважение.

Прибывший в Калугу в 1858 году на должность губернатора Виктор Антонович Арцимович (1820–1893), до этого бывший губернатором Тобольской губернии, сумел сплотить вокруг себя сторонников реформ, авангард которых составили амнистированные декабристы Е. П. Оболенский, Г. С. Батеньков, П. Н. Свистунов, петрашевец Н. С. Кашкин и другие. Сторонники реформ отличались от своих противников не возрастом, не положением в обществе, не уровнем материального достатка, а тем, что общественные интересы, интересы государства они ставили выше личных.

Земельная реформа 1861 года, уничтожившая крепостную зависимость российских крестьян, совершалась не сразу и готовилась довольно продолжительное время. В начале ноября 1858 года в Калуге состоялось экстренное дворянское собрание для выборов

в комитет по улучшению быта помещичьих крестьян. Открывая его, Виктор Антонович Арцимович обратился к калужским дворянам со следующими словами¹:

«Мы все здесь, милостивые государи, по священному указанию возлюбленного монарха призваны к участию в подвиге человеколюбия. Возвышенная цель преобразования двух сословий требует очищенного настроения духа, правдивого воззрения и совестливого сознания...»

Согласно Высочайшему рескрипту, который уже к этому моменту имел на руках Арцимович, надлежало избрать в комитет по крестьянскому делу (иногда и так назывался этот орган) 22 депутата, по два лица от каждого из 11 уездов губернии, и два лица из местных помещиков были назначены правительством. Последними стали судебный деятель князь А. В. Оболенский и штабс-капитан А. Ф. Карышев. От Калужского уезда в комитет по крестьянскому делу были избраны статский советник С. И. Яновский и гвардии поручик В. А. Шумовский. От Перемышльского уезда — статский советник С. Я. Унковский и поручик Н. В. Воейков.

Суть в том, что в комитет вошли люди, в подавляющем большинстве зарекомендовавшие себя с положительной стороны и обладавшие уже достаточно большим жизненным опытом. Семёну Ивановичу Яновскому, видевшему своими глазами в далёкой Бразилии рабство чернокожих невольников, спустя почти сорок лет довелось принять непосредственное участие в славном деле упразднения крепостного права у себя на родине.

«Назначая уполномоченных, — заявил губернатор Арцимович собравшимся на открытие Комитета калужским дворянам в декабре 1858 года², — вы вместе с тем вверяете им не только интересы, но и самую честь многочисленного дворянского со-

В. А. Арцимович
(1820–1893)

¹ Цит. по ст.: Корнилов, А. А. Крестьянская реформа в Калужской губернии при В. А. Арцимовиче / А. А. Корнилов // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. — СПб., 1904. — С. 167.

² Там же. С. 168.

Здание Калужского
дворянского собрания.
Фото конца XIX в.

слова целой губернии и представляете им право обслуживать участь и будущее устройство более 600 000 жителей, ожидающих обещанных уже вами улучшений и облегчения...»

После этого, покинув здание Дворянского губернского собрания, калужские дворяне пошли в кафедральный Троицкий собор и приняли там присягу на соблюдение порядка и беспристрастия в предстоящем деле. Работа предстояла немалая: надо было подготовить массу документов по ликвидации крепостного права, надо было решить, как освобождать крестьян, сколько земли (и какой?) оставить крестьянам, а сколько помещикам. Надо было решить вопрос с личным выкупом крестьянина, а также с выкупом пашни, лесов и лугов. Немалую головную боль членам комитета доставляли заложенные и перезаложенные помещичьи усадьбы и земли... Иначе говоря, нужна была такая статистическая, юридическая и законотворческая работа, которая российскому дворянству раньше и не снилась.

Вот как повернулась история! Те, кто, казалось бы, навсегда ушёл с арены активной общественной и политической жизни (некоторые даже с клеймом политического преступника), возвращаются к службе царю-реформатору, а точнее сказать, к службе Отечеству в нелёгкие годы реформ. Семёну Ивановичу Яновскому было поручено возглавить статистическую работу по Тарусскому и Калужскому уездам. Навыки опытного хозяйственника-администратора, трезвый расчёт и беспристрастность — всё это должно было слу-

жить славному делу освобождения российских крестьян.

Ещё крепок был флотский капитан Яновский. В 1861 году ему исполнилось 72 года. И по нынешним временам это весьма почтенный возраст, а ведь ему, занимавшемуся статистической работой, приходилось в коляске объезжать многочисленные помещичьи усадьбы, деревни, сёла... Приходилось уточнять поголовье скота, тягловой силы (лошадей), площади пахотной, паровой и луговой земли, леса... Всё это не только записывалось, но и систематизировалось, анализировалось, входило в отчёты. Занимаясь кропотливым делом, Яновский периодически составлял «Статистические обозрения уездов», а материалы помещал в «Калужские губернские ведомости». Так достигалась гласность статистической работы комитета по крестьянскому делу. Вот для примера один из таких отчётов, составленных после осмотра крестьянских подворий¹:

«...В Тарусском уезде, как и в Калужском, скотоводство находится в неудовлетворительном состоянии... Рогатый скот обыкновенный, русский, мелкой породы, содержится большею частью нехорошо, корм даётся иногда дурной и в недостаточном количестве. Обыкновенно зимою дают яровую солому, а на ночь ржаную; сено и мякину дают понемногу только дойным коровам...»

Это характеристика крестьянских дворов, но есть и описание помещичьих хозяйств, где культура ведения скотоводства намного выше:

«...У многих помещиков есть тёплые скотные дворы, и скот содержится на достаточно хорошем корму».

*Калужский
кафедральный
Троицкий собор.
Фото нач. XX в.*

¹ Яновский, С. И. Статистическое обозрение помещичьих имений Тарусского уезда / С. И. Яновский // КГВ. — Калуга, 1859. — № 51. — 19 декабря.

В разделе, касающемся пахотной земли Тарусского уезда, Яновский вносит поправки в определившуюся цену пахотной земли:

«...Продажная цена пахотной земли означена в 40 имениях — 2 440 руб. серебром, следовательно, средняя цена пахотной десятины — 61 руб. серебром, а на съезде помещики определили по доходу в 110 руб. серебром. Цена луговой в 40 имениях — 3 560 руб. серебром...»

За этими сухими отчётами, за этими «рублями серебром» стоит вполне чёткая позиция человека, не желавшего в угоду своему сословию проводить земельную реформу за счёт крестьянства. Тут всё ясно: чем дороже помещики оценят свою землю, тем больше будут они требовать за её передачу крестьянам своего уезда. Такое же статистическое уточнение наблюдается и в разделе, касающемся оброка:

«...Средний вывод оброка в 121 имении (речь идёт о Тарусском уезде) выходит 20 руб. серебром с тягла, а с добавочными — 21 руб. 75 коп. Но если оценить повинности, платимые натурою, которые во многих имениях не показаны и которые трудно оценить, как то: подмога в уборке сена и хлеба, заготовление дров, подводы в Москву и Калугу, подвоз леса и разных материалов для построек и пр. — то средний оброк выйдет на тягло 28 руб. серебром...»

Впрочем, управляющий Министерством внутренних дел России статс-секретарь П. А. Валуев не напрасно утверждал перед царём, что реформы нужны не только в интересах крестьян и государства, но и в интересах самих же помещиков.

«...В кредитных установлениях, — пишет Яновский в тех же статистических отчётах по Тарусскому уезду («Калужские губернские ведомости» от 19.12.1859 года), — из 121 имения заложено — 89, из них на 77 показано долгу 721 375 руб. 79 коп., а на 12 неизвестно за отсутствием помещиков. Таким образом, всех имений по уезду находится в залоге более половины, т.е. 14 358 душ. Долгу на крестьянах помещикам значится 100 597 руб. серебром...»

Заседания калужского комитета по крестьянскому делу были посвящены выработке проекта проведения земельной реформы в Калужской губернии. Надо сказать, что Александр II прекрасно понимал, что разные климатические условия в обширных землях России, различие в жизненных укладах — всё это даст о себе знать в период проведения реформы, и поэтому сразу спускать сверху строгого «циркулярного» плана он не пожелал, хотя определённая

программа была на местах известна. Проекты должны были «созреть» на местах, в губерниях и, конечно, обязаны были согласовываться с Министерством внутренних дел России.

В калужском комитете вопрос о выкупе земли был поставлен и решён 9 января 1859 года семнадцатью голосами против шести.

В основании положения об устройстве быта помещичьих крестьян предполагалось представить крестьянам в собственность посредством выкупа не только усадьбы (т.е. приусадебные земли), но и полевые земли. Было предложено выкуп (за землю) произвести посредством финансовой гарантированной меры, «положительно и всесторонне решающей вопрос».

Председатель комитета (а им был губернский предводитель дворянства, помещик Боровского уезда, участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии Фёдор Степанович Щукин) считал, что крестьянский вопрос разрешится только тогда, когда крестьяне сделаются собственниками земли, а помещики получат справедливое вознаграждение за землю, предоставленную крестьянам. Будущее показало, что и это не разрешило всех противоречий аграрного вопроса в России. Однако вернёмся к земельной реформе в Калужской губернии.

Присяга присягой, а страсти вокруг единовременного выкупа за личное освобождение крестьянина от крепостных повинностей в калужском комитете разгорались нешуточные.

Калужские человеколюбцы, сторонники реформы, столкнулись с лицемерием своих коллег, с которыми ещё совсем недавно принимали присягу в церкви. Слаб человек! Оказалось, что «подвиг человеколюбия» не каждому по плечу, поскольку не все имели «совестливое сознание». И одним из главных стал вопрос о гласности.

Редактор неофициальной части «Калужских губернских ведомостей», преподаватель Калужской губернской гимназии Цепетов-Самгин в одном из своих писем (от 25. 07. 1859 года) писал В. А. Арцимовичу¹:

«...По моему разумению, губернская газета прежде всего должна служить органом выражения нужд и потребностей края... следить за всеми проявлениями жизни общественной, будут ли эти проявления разумными или неразумными...»

¹Цит. по ст.: Корнилов, А. А. Крестьянская реформа в Калужской губернии при В. А. Арцимовиче / А. А. Корнилов // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. — СПб., 1904. — С. 197.

Губернатор был согласен с редактором и всячески поддерживал тех, кто добросовестно сотрудничал с местной прессой. Именно Щепетову-Самгину, своему бывшему подчинённому по работе в гимназии, передавал для публикации свои статистические отчёты Семён Иванович Яновский.

Явным и тайным противникам земельной реформы гласность была как кость в горле. Стали возникать противоречия и споры. Разумеется, это не могло не отразиться на деятельности комитета и не ускорило его работу. Видимо, такие же ситуации возникли и в других губерниях, поэтому министр внутренних дел (а именно ему Александр II поручал разбираться с подобными ситуациями), вскоре сообщил о «недозволении допускать посторонних лиц в заседания Дворянских Губернских комитетов».

Гласность была взята в шоры, что только способствовало разжиганию взаимных упрёков и обвинений, от которых весьма сильно страдали люди совестливые, а отнюдь не корыстолюбцы. В Калужской губернии, как в капле воды, отразилась всероссийская тенденция: дворяне разбились на партию крепостников и партию реформаторов, которую возглавили бывший декабрист Н. П. Свицунов, князь А. В. Оболенский, петрашевец Н. С. Кашкин и старый моряк, перемышльский помещик С. Я. Унковский. В конце концов комитет по крестьянскому делу почти единогласно принял такое решение¹:

«...Вместо срочно-обязанного положения выработать положение о полном освобождении и наделении крестьян землёй при помощи выкупа...»

Это была победа прогрессивного блока. Калужское дворянство откланяло всякую плату за личное крепостное право.

Бурные прения шли и в других губернских комитетах России. К чести калужан, надо сказать, что они приняли систему единовременного выкупа наделов и хотели избежать срочно-обязанного положения. В заседании комитета по крестьянскому делу от 23 января 1859 года было решено не составлять проекта срочно-обязанного положения, а прямо приступить к обсуждению величины надела и прочих вопросов, связанных с выкупом наделов.

¹ Корнилов, А. А. Крестьянская реформа в Калужской губернии при В. А. Арцимовиче / А. А. Корнилов // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. — СПб., 1904. — С. 225–226.

Виктор Антонович Арцимович в своём письме к министру внутренних дел сообщал, что отступление от буквы программы, допущенное комитетом, вполне согласно с его личными убеждениями, ибо он не сомневается, что срочно-обязанная система как полумера неизбежно затруднит управление и даст возможность ещё усилить притеснения крестьян.

Но не все дворянские комитеты по крестьянскому делу были подобны калужскому. Во многих из них прочно удерживали власть яростные крепостники, что и повлияло на общий ход реформы, не удовлетворившей ни помещиков, ни крестьян. Хотя мудро было удовлетворить всех.

Как следует из докладной записки управляющего Министерством внутренних дел статс-секретаря П. А. Валуева Александру II «О положении крестьянского дела к началу сентября 1861 года», только за 3 месяца 1861 года (с апреля по июнь) произошло в России 647 случаев выступления крестьян. Крестьянские бунты в Казанской, Пензенской, Черниговской и в других губерниях подавлялись силою оружия. В Смоленской губернии прибегали к массовым поркам. Бог миловал Калужскую губернию. Она не увидела ни казацких нагаек, ни солдатских штыков, хотя кое-кому из калужских крестьян пришлось посидеть под арестом или отведать «берёзовой каши». Не стоит это всё относить только на счёт дворянства: бесшабашных голов хватало и среди других сословий, в том числе и среди крестьян. Тем не менее, у калужан есть все основания с благодарностью хранить память о людях, которые в своё время всё-таки сумели поставить интересы России выше своих собственных.

Но калужскому губернатору-реформатору пришлось нелегко. Против его позиции восстал один из крупнейших заводчиков России — отставной генерал-майор Сергей Иванович Мальцов. Владелец более 20 тысяч крепостных и нескольких заводов, где трудились приписанные к ним крестьяне, был возмущён появлением на территории своего Людиновского завода представителя губернатора с целью зачитать документы реформы. Мальцов, который привык считать себя единственным хозяином на своей территории, заявил о том, что он сам может прочесть и истолковать царский указ. Однако нет ничего хуже противоречий в верхах: через несколько дней группа рабочих, уже получивших известие об упразднении крепостного состояния, не позволила наказывать розгами своего товарища. Отстав-

ной генерал приказал заковать в кандалы восьмерых мастеровых и отправить их в Сибирь.

Арцимовичу пришлось пойти на открытый конфликт: он приказал немедленно освободить арестованных и доставить их вместе со свидетелями для следствия в Калугу. А чуть позже губернаторское по крестьянским делам присутствие признало самовольные действия Мальцова незаконными.

«Дело Мальцова» получило широкую огласку далеко за пределами губернии и дошло до самого царя. Как пишет в своих воспоминаниях один из современников В. А. Арцимовича¹:

«...По Высочайшему ему повелению телеграммой шефа жандармов Виктор Антонович был вызван на 31 мая (1861 года. — Ю. Х.) в Москву. Здесь он виделся впервые с министром внутренних дел П. А. Валуевым, а затем был принят Государем...»

На свидании с министром внутренних дел П. А. Валуевым калужский губернатор Арцимович подтвердил законность распоряжений губернских властей. После этого он лично доложил императору о делах в губернии и охарактеризовал поступок Мальцова как противозаконный.

Как протекала беседа царя с калужским губернатором, мы знать не можем, но в своей записке сенатору Кангеру Виктор Антонович сообщал²:

«...После свидания с управляющим министерством внутренних дел я имел счастье представляться Государю Императору и, получив от Его Величества одобрение и наставление, воротился в Калугу с твёрдой решимостью не отступать ни на шаг от принятой мною системы управления».

Мальцов получил от царя «строгий выговор» за самоуправные действия, которые вполне могли спровоцировать на заводах беспорядки и волнения. Однако не стоит относить крупнейшего заводчика Мальцова к ярым и тупым крепостникам. У Сергея Ивановича был собственный проект реформ по отмене крепостного права. Уж он-то, передовой промышленник и грамотный человек, прекрасно понимал, что прежняя система землевладения

¹ Корнилов, А. А. Крестьянская реформа в Калужской губернии при В. А. Арцимовиче / А. А. Корнилов // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. — СПб., 1904. — С. 293.

² Там же. С. 293, 294.

тормозит развитие России, что её надо срочно менять. Но реформа началась не по его личному плану, а совсем по другому. Видимо, взревновал...

В своей поэме «Кому на Руси жить хорошо» поэт Н. А. Некрасов так образно выразился относительно итогов земельной реформы 1861 года: «Распалась цепь великая — одним концом по барину, другим по мужику...» Лишившись даровой рабочей силы, дворянство понесло ощутимые потери. Однако статистика середины XIX века констатировала: к 1859 году 65 процентов помещичьих крестьян были заложены в кредитных учреждениях, а на имениях помещиков только казённых долгов числилось более чем на 425 млн рублей серебром.

Глава 5 ОСОБЕННЫЙ ПОМЕЩИК

Есть одна любопытная деталь, выявляющаяся при внимательном рассмотрении документов Калужского губернского приказа общественного призрения. Речь идёт о деле, имеющем очень длинное название: «Переписка с Калужской палатой гражданского суда об описи имения статского советника С. И. Яновского, состоящего в д. Верховая (сельцо Верховое Калужского уезда. — Ю. Х.) за неплатежи долга по займу Приказа общественного призрения»¹. Начато дело 21 декабря 1855 года, закончено 29 мая 1864 года.

В конце 1855 года, остро нуждаясь в средствах, потомственный дворянин, статский советник Яновский обратился с прошением в Калужский приказ общественного призрения о выдаче ему на 12 лет ссуды в размере 1760 рублей. Под залог отдавались земли в имении Верховое, площадью в 80 десятин. Далее в деле следуют документы Губернской палаты гражданского суда и Калужской казённой палаты, свидетельствующие, что заложённая земля «никаких исков и уездного ареста» не имеет, но есть небольшая недоимка в 2 рубля и 18 с четвертью копеек. Семён Иванович Яновский получает ссуду.

Есть основание предполагать, что данная ссуда была взята бережливым и педантичным Яновским в связи с гибелью в Кры-

¹ГАКО, ф. 37, оп. 1, д. 961, л. 1—6.

Михайловское
братское кладбище
в Севастополе.
На заднем плане
виден храм-
памятник
Николая Чудотворца.
Фото нач. XX в.

му младшего сына Ивана. Развалины Севастополя были заняты победителями — экспедиционными войсками Англии и Франции, но на северном берегу Севастопольской бухты находились русские войска. Там же располагалось обширное кладбище погибших защитников Севастополя, где и был похоронен лейтенант российского флота Иван Семёнович Яновский. После перемирия со всех концов России стали приезжать в Крым родственники погибших (в боевых условиях хоронили по-военному, ставя над поспешно возведённым холмиком деревянный крест), чтобы поклониться праху героически погибших своих мужей, сыновей и братьев и чтобы обустроить родную могилку. Видимо, на дорожные и прочие расходы и была взята Яновским эта ссуда — для поездки семьи в Крым.

Младший сын Семёна Ивановича был похоронен на севастопольском Михайловском кладбище¹. В память участников обороны Севастополя там был воздвигнут храм-памятник во имя Николая Чудотворца. Сооружался он на народные пожертвования: заложен был в 1857 году, а освящён в 1870 году. Внутри на стенах храма были укреплены 38 плит с именами 943 погибших офицеров. Сре-

¹Холопов, Ю.В. Калужане — герои Крымской войны / Ю.В. Холопов. — Калуга: Институт повышения квалификации работников образования, 2008. — С. 25

ди них имя калужанина — лейтенанта российского флота Ивана Семёновича Яновского. Службы в храме идут по сей день, возносятся молитвы о павших воинах.

* * *

Но вернёмся к архивным материалам. Через 3 года, в 1858 году, Приказ общественного призрения, видя несостоятельность кредитора, предполагает срок выплаты продлить до 15 лет, но Яновский пишет письмо, в котором сообщает: «...Я не желаю переводить этот залог на 15-летний срок... Прошу оставить меня на прежний 12-летний займ»¹.

Далее следуют документы, сообщающие, что недоимки и проценты составили уже 168 руб. 53 копейки и срок выплаты их просрочен. В связи с этим Калужский приказ общественного призрения решает просить Губернское правление взять заложенное имение Яновского в опеку, «чтобы он (Яновский) озаботился немедленным взносом в Приказ накопившейся недоимки 168 руб. 53 копейки по его займу; в противном случае имение его будет продано с публичных торгов... и подписку г. Яновского предоставить в Приказ...»

Бывший главный правитель российских колоний в Северной Америке, один из руководителей Российско-Американской компании, некогда ворочавший миллионными сделками в торговле с иностранными купцами, вынужден просить отсрочки уплаты недоимок и процентов с 1760 рублей.

Завершает всю эту переписку письмо Главного выкупного учреждения при Санкт-Петербургской сохранный казне от 10 декабря 1863 года, посланное из столицы в Калужский приказ общественного призрения. Вот его текст²:

«Главное выкупное учреждение, утвердив выкупную сделку статского советника Семёна Ивановича Яновского с временно-обязанными крестьянами Калужской губернии и уезда селения Верховое и деревни Азарово, в числе 97 душ, решило выделить причитающуюся крестьянам, под выкупаемую землю, в количестве 304 десятин, 1800 сажень, выкупную ссуду 11360 рублей, сроком с 1-го февраля 1864 года, причём удержано на погашение долга г. Яновскому приказу общественного призрения, по зай-

¹ГАКО, ф. 37, оп. 1, д. 961, л. 7.

²Там же, л. 10.

му 3 мая 1856 года... всего четыреста пятьдесят семь рублей девяносто две копейки. При чём Главное Выкупное Учреждение долгом считает уведомить Калужский приказ общественного призрения для настоящих распоряжений».

Дело о долгах помещика Яновского было сдано в архив. Но эти косноязычные, сухие чиновничьи документы о многом говорят. Во-первых, не за каждого несостоятельного помещика, пережившего не без потерь реформу 1861 года, тогда хлопотало столичное Выкупное учреждение. Сотни дворян лишались своих имений. Во-вторых, речь идёт о сделке Семёна Ивановича Яновского с крестьянами, то есть о составлении и подписании договора вчерашнего помещика-барина со вчерашними его крепостными. Это редкий случай.

В своих докладах Александру II министр внутренних дел России П. А. Валуев упоминает, что в ходе земельной реформы крестьяне почти нигде не идут на подписание договоров с помещиками, видя в этом для себя какой-либо подвох, даже если договор явно выгоден самим крестьянам.

Здесь явление, можно сказать, исключительное. Крестьяне взялись выплатить за дворянина его долг. И в срок выполнили своё обязательство. Почему они согласились на этот шаг — неизвестно. Ясно лишь одно: вчерашние крепостные помещика Яновского не были бедны, не были забиты и верили слову своего бывшего хозяина.

Часть седьмая

**По молитвам
старца Антония**

Глава 1 РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ...

Как говорил преподобный Иоанн Кронштадтский, посетивший Калугу 14 мая 1895 года, «молитва есть золотая связь человека-христианина, странника и пришельца на земле, с миром духовным, коего он член, и паче всего с Богом — источником жизни...». Знания, искусство и вообще культура обогащают душевные качества человека, молитва же раскрывает в человеке духовную, высшую сторону его существа.

Таким духовно богатым человеком был, без сомнения, Семён Иванович Яновский. В его дневниках и записках, которые он вёл во время своего кругосветного путешествия, неоднократно упоминаются случаи, когда их автор молится — горячо благодарит Бога за избавление от смертельной опасности, которую удалось миновать, или наоборот: просит Бога избавить от беды. И всегда молитва помогает Яновскому.

Несмотря на большую погруженность в дела земные, житейские, Семён Иванович Яновский был глубоко верующим человеком, как и многие его родственники — малороссийские дворяне Яновские. Бывший учитель истории и статистики Калужской губернской гимназии Евгений Петрович Карнович (1821—1885), впоследствии известный историк и публицист, проработавший под началом Яновского несколько лет и посвятивший затем немало времени вопросам генеалогии российского дворянства, в своей известной книге «Родовые прозвания в России» писал следующее¹:

«...В Малороссии православное духовенство составлялось, как и в католической Польше, почти исключительно из шляхты, следовательно, из таких лиц, которые имели уже какое-либо родовое прозвание... Сами иерархи из малороссов, как шляхтичи, придавали известную важность фамильным про-

¹Карнович, Е. П. Родовые прозвания в России / Е. П. Карнович. — СПб.: МФИН, 1991. — С. 62—63.

званиям, от которых они, по примеру католического духовенства, не отрекались...»

Как уже неоднократно упоминалось калужскими краеведами, в июне 1849 года Калугу впервые посетил по приглашению губернаторши Александры Осиповны Смирновой-Россет великий писатель Николай Васильевич Гоголь, представитель многочисленного малороссийского рода Яновских.

В своих письмах Александре Осиповне Гоголь писал¹:

«Меня теперь занимает Калуга и внутренность России, а потому не оставляйте меня извещением о всяком происшествии, как бы оно вам ничтожно ни показалось... Мне нужно много набрать знаний; мне нужно хорошо знать Россию. Друг мой, не позабывайте, что у меня... постоянный труд: эти самые “Мёртвые души”... Вот почему я с такой жадностью прошу, ищущу сведений, которые мне почти никто не хочет или ленится доставлять. Не будут живы мои образы, если я не сострою их из нашего материала, из нашей земли...»

Были у писателя в Калуге хорошие знакомые и помимо Александры Осиповны: инспектором Калужской губернской гимназии являлся тогда однокашник Гоголя по Нежинскому лицее — Николай Билевич. Есть свидетельства, что во время пребывания Гоголя в Калуге они встречались. Наверняка Гоголь посещал гимназию и познакомился с Семёном Ивановичем Яновским, хотя калужскими краеведами такого факта пока не обнаружено. Как упоминает тот же бывший учитель Калужской мужской гимназии Евгений Петрович Карнович, ставший впоследствии известным историком, великий писатель «произошёл от шляхтича Яновского, принявшего малороссийскую фамилию Гоголь, под которой стал так известен один из его потомков...»

Серьёзно интересовались жизнью и творчеством писателя и другие калужане. В журнале Калужского церковного историко-археоло-

Часть седьмая
ПО МОЛИТВАМ
СТАРЦА АНТОНИЯ

Н. В. Гоголь
(1809–1852)

¹ Ксенофонов, И. В. Литературное краеведение: калужские страницы / И. В. Ксенофонов. — Калуга: Калужский государственный институт модернизации образования, 2012. — С. 29.

Е. П. Карнович
(1823–1885)

логического общества «Калужская старина» (1910 год) есть материал под названием «Религиозные мотивы в жизни Н. В. Гоголя». Вот выдержка из него¹:

«Прапрадед Гоголя — Ян, в память которого потомки его к своей фамилии прибавили прозвание Яновские, воспитывался в Киевской духовной академии. Его сын и прадед Гоголя, Демьян, был священником, а дед Афанасий, хотя и вышел из духовного звания, однако образование получил в семинарии и закончил

в Киеве духовную академию... Наконец, среди самих родителей, именно в лице своей матери, Н. В. имел чрезвычайно могучий фактор, действовавший на него в религиозном направлении. Биографы Гоголя называют его мать женщиной доброй, мечтательной и глубоко религиозной...»

Малороссия, Украина... Земля, щедро политая славянской кровью! Здесь неоднократно давали отпор католической Польше, здесь же, под Полтавой, в июне 1709 года была разбита ранее непобедимая армия шведского короля Карла XII. Именно здесь, на границе Православия и католицизма (как свидетельствует сам Гоголь-Яновский своим «Тарасом Бульбой»), во времена иноверческой экспансии появилось немало тех, кто становился мужественным и непреклонным защитником веры своего народа — Православия. Род российских православных дворян Яновских — не исключение из них.

Статья «Религиозные мотивы в жизни и творчестве Н. В. Гоголя» прозвучала в Калуге на публичных чтениях в память Н. В. Гоголя 23 апреля (по старому стилю) 1909 года в зале Калужского дворянского пансиона, которым когда-то руководил Семён Иванович Яновский, и слова доклада доказывают, что религиозность писателя Гоголя не только не случайна, но ограничена²:

¹ Туберовский, А. М. Религиозные мотивы в жизни Н. В. Гоголя / А. М. Туберовский // Калужская старина. — Т. 5. — Калуга: Историко-археологическое общество, 1910. — С. 7.

² Там же. С. 19.

«...Если мы раньше видели в Гоголе только религиозного человека вообще, если с развитием литературного таланта в нём яснее и яснее выступает христианин, то теперь он представляет собою уже послушного сына своей Церкви, которую он с совершенно искренностью называет Православною, с любовью сына говоря о ней, как о сокровище, коему и цены нет...»

Нет сомнения в том, что уроженец Малороссии Семён Иванович Яновский был почитателем таланта Гоголя. Не случайно в реестре библиотеки Калужской мужской гимназии мы видим все прижизненные издания писателя.

Глава 2 НАСТАВЛЕНИЯ КРЕСТНИКУ

В 1849 году окончил 7-й класс Калужской губернской гимназии и стал студентом медицинского факультета Московского Императорского университета Константин Леонтьев, молодой дворянин Мещовского уезда Калужской губернии. Долгое время имя Константина Леонтьева (он учился в Калужской гимназии и закончил её, когда ею руководил Семён Иванович Яновский) было неизвестно широкому кругу читателей, интересующихся историей и литературой России, поскольку на имя Константина Леонтьева были навешены ярлыки «русского Ницше», «консерватора и охранителя». Его серьёзные взгляды на развитие человеческого общества, его понимание прогресса и многие другие мысли после 1917 года были признаны чуждыми официальной советской идеологии. Не внушала доверия и сама биография Леонтьева, человека глубоко религиозного, принявшего незадолго до смерти тайный постриг в Предтечевом скиту Оптиной пустыни с именем Климента. По мнению биографов Леонтьева, определяющую роль в духовном становлении писателя-философа, бывшего медика, сыграл старец Амвросий, канонизированный на Поместном соборе 1988 года Русской Православной Церковью.

Говоря о Свято-Введенском Оптинском монастыре, мы невольно вспоминаем имена братьев Киреевских, В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя, А. К. Толстого, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и других. Однако частым посетителем этой знаменитой пустыни был и директор училищ Калужской губернии Семён Иванович Яновский. Духовным наставником Яновского в Оптиной пустыни

Преподобный
Антоний (Путилов)
Оптинский
(1795–1865)

стал один из основателей Предтечева скита — монах Антоний (в миру выходец из купеческой семьи — Александр Путилов).

Много писалось и пишется о влиянии оптинских старцев на выдающиеся умы России, на так называемую творческую элиту России. Но ведь было великое воздействие Оптинского монастыря на сотни и даже тысячи людей, которые не относились к творческой элите: на крестьян, мещан, ремесленников, чиновников, военных... Мудрые оптинские старцы принимали и духовно окормливали всех страждущих, не делая выбора.

Они были одинаково искренни и перед мужиком в лаптях, и перед богатым помещиком, и перед знаменитым писателем, приехавшим издалека. Они видели перед собой прежде всего человека, его страдающую душу, которую надо было врачевать словом Божиим.

Имея духовного наставника в Оптиной пустыни, Семён Иванович Яновский и сам становился мудрым наставником для других. Нам сейчас трудно понять и представить эстафету той христианской любви к ближнему, той духовности, которая шла оттуда, где её было в избытке, — из Оптиной пустыни. Но она существовала! Она приносила свои плоды.

Не всегда эти плоды имели материальное воплощение в жизни духовных чад оптинских старцев... Но всё-таки нашлась одна маленькая книжечка, Бог весть, как и когда попавшая из Калуги в Москву. Она находится в хранилище Российской государственной библиотеки, в отделе редких книг, время её издания — 1871 год, место издания — г. Калуга. Называется она «Наставления моему крестнику Николаю К. С. Яновского». Возможно, это единственный экземпляр, дошедший до наших дней.

На старой ветхой обложке видна выцветшая от времени надпись: *«Достойнейшему и душою уважаемому Иеродиакону Отцу Клименту при искреннем почтении. От сочинителя»*. Это, несомненно, дарственная надпись автора — Семёна Ивановича Яновского, которому в год издания книги исполнилось 82 года.

Многотрудная и бурная жизнь Семёна Ивановича подходила к концу. Огромный жизненный опыт словно переплавился в горниле долгих размышлений о человеческой жизни и полностью соединился с христианской верой — Православием.

Кто такой иеродиакон Климент, которому когда-то была подарена автором эта небольшая книжечка? Кто этот крестник Николай К., которому почтенный мудрый старик даёт свои последние наставления? Мы можем только предполагать. Но как много эта книжечка говорит о самом авторе — Семёне Ивановиче Яновском¹.

В наставлениях нет жёсткого и слишком настойчивого вразумления, нет давления авторитетом многоопытной жизни, но сколько любви, сколько понимания и внимания к человеку, чей жизненный путь только начинается!

«Всякий христианин должен веровать в Бога и Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия; правила веры кратко изложены в Символе веры, который пространно разобран и истолкован в пространном катехизисе М. Филарета, который ты будешь учить.

Мы должны веровать, что Господь наш Иисус Христос есть истинный Сын Божий, пришедший в мир грешных спасти... Прими от меня, любезный крестник, на благословение св. книгу Новый Завет — святое слово Божие! Читай её с верою, благоговением и со всяким вниманием... Ходи в церковь и слушай слово Божие, которое там читают и поют. Мы как христиане должны исполнять все постановления нашей Церкви... Ты, любезный крестник, непременно причащайся св. тайн, а если можно, то два или три раза в год, как многие это делают. А так как Таинство Покаяния самое важное для нас, то я научу тебя, как оно должно быть производимо, чтобы было действительно.

1. Кающийся прежде всего должен примириться со всеми; если он кого обидел, то должен испросить прощения у того, если же его кто обидел, то должен простить всякому.

2. Всякий кающийся должен священнику исповедовать все свои согрешения без утайки; он должен знать, что при исповеди стоит Сам Иисус Христос и слушает всё, а потому не должен стыдиться или бояться священника.

¹Яновский, С. И. Наставления моему крестнику Николаю К. С. Яновского / С. И. Яновский. — Калуга: Калужская губернская типография, 1871.

В церкви должно стоять благоговейно, со страхом, никуда не поворачиваться, ни с кем не разговаривая, а не так, как некоторые, войдя в церковь и став перед образами, поворачиваются во все стороны, смотря на народ и вместо креста мотают рукою перед носом, нередко разговаривают друг с другом, и даже смеются, мешают и другим слушать слово Божие. И ты этого никогда не делай, любезный Николай!

Предпринимаешь ли ты какое важное дело: например, желаешь поступить в университет, или вступить в службу, или предпринять какое путешествие, всегда прежде всего прибегни к Богу с усердною молитвою, и Он поможет тебе. Когда вступишь в службу, то всегда служи Государю и Отечеству честно и усердно, как повелевает присяга.

Тебя в жизни постигнут многие искушения: иные будут говорить, что ты не право веруешь; поляки и иезуиты будут говорить, что правая вера католическая, немцы скажут, что лучшая вера есть лютеранская; даже найдутся такие безумцы, которые будут уверять, что Иисус Христос не был Бог. На такие и подобные слова ты отвечай им: “Я с вами спорить не стану, потому что я не богослов, но я так уверен в истине, святости и праведности православной веры, что ни для чего и ни для кого не изменю ей до самой смерти...”

Люби и почитай своего родителя и всегда молись за него, люби и покойную маменьку свою и всегда молись о упокоении души ея; вот, может быть, скоро и моя могилка будет выкопана неподалёку от нея, так когда приедешь на могилку матери своей, помолись и за меня, старца, о упокоении души моея...

Всякий христианин, вставший от сна и умывшись, прежде всего должен помолиться Богу и прочитывать положенные утренние молитвы, а вечером, отходя ко сну, прочитывать вечерние...

Вступая в сражение, надо читать псалом 90-й — “Живый в помощи Вышняго”. Я знал одного генерала, который был в 84 сражениях и всегда читал этот псалом и никогда не был даже ранен. Когда свирепствуют заразительные болезни, холера, тифус и другие, то весьма полезно читать этот же псалом, что я знаю по опыту. Когда в дороге или где-нибудь есть опасность от разбойников, то нужно читать псалом 26-й: “Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся?..”

Один мой знакомый рассказывал, что он, странствуя по Сибири, не имел у себя паспорта, а в это время было много бродяг

и разбоев по дорогам, и учреждены были из казаков кордоны, чтобы брать всех бродяг и сажать в тюрьму. Подходя к одному кордону, он услышал разговор казаков; один говорит: “Не бродяга ли? Надо осмотреть”, “И, что ты! — отвечает другой. — Это просто пешеход”. И завёлся между ними спор. Одни говорят, что бродяга, а другие говорят: “Простой пешеход”. В это время он неподалёку от них сел на камень, вынул псалтирь, и случайно открылся ему этот псалом, и он стал читать про себя; в это время казаки подошли к нему близко и обошли кругом, и говорят: “Что осматривать? Это видно, что странник, какую-то книгу читает”.

И так он встал и пошёл свободно, его не тронули, а если бы спросили паспорт, то его посадили бы в тюрьму... Этот же псалом надо читать, когда начальство кого теснит безвинно...

Какое бы ни постигло тебя в жизни великое искушение или великая скорбь, не унывай никогда, не отчаивайся и не ропщи на Бога. Его же любит Бог, наказует; всё терпи и молись Богу. Он всегда избавит тебя от всякой скорби. Никогда Господь не посылает искушения выше сил того, на кого они приходятся...

Ты не думай, любезный Николя, чтобы я тебя, молодого мальчика, хотел бы сделать философом, который бы читал и рассуждал об одном важном и серьёзном. Я знаю, что тебе нужно поиграть, побегать, повеселиться; на всё есть время, и всё это тебе позволено, только бы шутки твои были благородны и никому не обидны, ни над кем не смейся, не осуждай, не укори, не выбрани, если же по неосторожности вырвется у тебя слово обидное для другого, то сейчас испроси прощения. Знакомства имей с одними верующими и благонравными людьми, а неверующих, вольнодумов, безбожников и развратных людей убегай, как от яду, как от змея...

Я так много тебе написал, что ты теперь, по своим летам, не всё поймёшь, но со временем оно всё для тебя будет полезно. Я написал так, что не только ты, но и всякий молодой человек, как прочтёт эту рукопись, может извлечь для себя великую пользу.

Прощай, друг мой, посылаю тебе моё благословение и молю Бога, чтобы Он благословил тебя. В продолжение всей твоей жизни, куда бы судьба тебя ни определила, хотя бы на край света, всегда помни Бога, люби Его всем сердцем и молись Ему, то никогда тебя не оставит. Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Много любящий тебя крёстный отец С. Яновский».

Калуга, ул. Воскресенская. Слева городская усадьба Яновских. Фото нач. XX в.

* * *

В начале девяностых годов прошлого века, когда прекратились гонения на Православную Церковь и российская история стала понемногу избавляться от идеологических шор, в Калуге именем Семёна Ивановича Яновского была названа одна из самых молодых улиц на окраине города. Находится она недалеко от того места, где в позапрошлом веке располагалось загородное имение Яновских. Самой деревянной усадьбы давно уже нет, но шумит вековая аллея высоких лиственниц, которые, говорят, помнят старого хозяина. Рядом, в остатках приусадебного парка, растёт также старая шелковица, есть даже сибирский кедр.

В Калуге, на улице Воскресенской (до недавнего времени она носила имя революционерки-террористки Софьи Перовской, сумевшей организовать удачное покушение на царя-реформатора Александра II), в старом историческом центре города стоит высокое каменное здание с колоннами и балконом, памятник архитектуры конца XVIII — начала XIX века. Городская усадьба официально называется «Дом Яновского». Это бывший дом предводителя калужского губернского дворянства Николая Семёновича Яновского — среднего сына, рождённого от второго брака Семёна Ивановича Яновского. Предводитель калужского дворянства был женат на дочери коллежского советника Варваре Егоровне, урождённой Титовой, которая являлась внучкой и наследницей богатых калужских купцов Прянишниковых. Они-то и построили этот великолепный дом, кото-

рый, видимо, как приданое Варвары Егоровны достался во владение её мужу — Николаю Семёновичу Яновскому. Там много лет располагались факультеты живописи и декоративно-прикладного искусства Калужского колледжа культуры, сегодня здание принадлежит министерству экономического развития Калужской области.

Глава 3 НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР ИЗВЕСТНОЙ КНИГИ

На одном из флигелей городской усадьбы Яновских сохранилась прекрасная лепнина: три барельефа — два по краям в форме кругов, и один, между ними, в форме прямоугольника. В этих трёх скульптурных аллегориях «прочитывается» судьба главы некогда большого семейства — Семёна Ивановича Яновского.

Первый круглый барельеф представляет собой Амура, катящего перед собой, подобно уличному мальчишке, колесо Фортуны. Превратности судьбы бывшего главного правителя Русской Америки — яркая любовь и ранняя смерть жены, взлёты и падения на служебной лестнице, богатство и бедность, известность и забвение — через всё пришлось пройти морскому офицеру Семёну Ивановичу Яновскому.

Второй круглый аллегорический барельеф, изображающий Амура, плывущего по морским волнам на дельфине, словно подтверждает, что во флигеле городской усадьбы жил старый моряк.

Прямоугольный барельеф, располагающийся между двумя круглыми, имеет две лепные фигуры сидящих бородатых мужчин. Одна из мужских фигур, расположенная рядом с географическим глобусом, вероятно, символизирует кругосветное плавание Яновского и сделанные им географические открытия. Другая сидящая мужская фигура, расположенная напротив, в левой руке держит книгу, а правой творит крестное знамение. Между двумя этими фигурами, в центре прямоугольного барельефа, стоит высокий трёхножный стол, на котором зажжённая свеча. Это и есть аллегория последних лет Семёна Ивановича, посвятившего конец своей жизни служению Богу: на склоне лет он ушёл в калужский монастырь — Тихонову пустынь.

Законным хозяином особняка в конце позапрошлого века был, конечно, сын старого морехода — Николай Семёнович Яновский,

Средний сын
С. И. Яновского,
предводитель губерн-
ского дворянства
Н. С. Яновский
(1829–1913)

дослужившийся до чина тайного советника и неоднократно избиравшийся предводителем губернского дворянства. Перед своим уходом в монастырь рядом с семьёй сына жил, вероятно, и сам «патриарх» семейства — Семён Иванович Яновский. Но что привело знаменитого мореплавателя, бывшего главного правителя русских колоний в Америке, талантливого педагога и общественного деятеля Калужской губернии, в Тихонову пустынь? Да, ушли в монастырь три

дочери и один сын. Мирская же судьба среднего сына — Николая — сложилась вполне удачно: он закончил три курса юридического факультета Московского университета, быстро продвигался по статской службе, затем счастливо женился на богатой калужанке, которая, став супругой предводителя губернского дворянства, славилась своей благотворительностью и долгое время возглавляла в Калуге женское благотворительное общество.

Дворяне Яновские, согласно определению дворянского собрания и сенатскому указу от 11 марта 1840 года (№ 738), были записаны в калужскую родословную книгу¹.

В Калужском госархиве хранится письмо Николая Яновского от 5 марта 1880 года в Калужское депутатское собрание², в котором он просит внести (дополнить) в родословную книгу жену Варвару Егоровну и своих детей: Марию (г.р. 4 июля 1874), Николая (г.р. 2 июля 1875), Семёна (г.р. 18 августа 1876), Александра (г.р. 29 октября 1877). Имена детей предводителя калужского дворянства повторяют имена представителей старшего поколения: его отца, старшей сестры, братьев... Первые два ребёнка были крещены в Троицком соборе, последние — в Благовещенской церкви. И ещё одна любопытная деталь: у всех детей Николая Семёновича

¹ Булычёв, Н. Список дворян, внесённых в дворянскую родословную книгу на 1 октября 1908 года, и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 года / Н. Булычёв. — Калуга: Губернское правление, 1908. — С. 163.

² ГАКО, ф. 66, оп. 2, д. 1582, л. 1–3.

Яновского крёстный отец — Дмитрий Семёнович Унковский, сын отставного флотского капитана Семёна Яковлевича Унковского, крёстная — Варвара Харитоновна Титова, вдова коллежского советника. Добрые взаимоотношения двух семейств не утратили своей силы с годами.

Но вернёмся к Семёну Ивановичу Яновскому. Вполне очевидно, что ему не угрожали ни одинокая старость, ни нужда. Сын был вполне состоятельным человеком, имевшим достаточно высокое положение в обществе, росли внуки... Вероятнее всего, большую роль в решении Семёна Ивановича сыграл его духовный отец — оптинский монах Антоний. Вот что рассказывает о старце широко известная книга «Преподобные старцы Оптиной пустыни»¹:

«Преподобный Антоний (Путилов) родился в 1795 году. Он был младшим братом игумена Оптиной пустыни Моисея. С юных лет, подобно братьям, стремился к монашеству. При нашествии французов в 1812 году оказался в Москве и жестоко пострадал от них — еле спасся. После многих мытарств присоединился к преп. Моисею, жившему пустынною в Рославльских лесах... Он вместе с братом... собственными руками выстроил скит в Оптиной пустыни... Скитская братия состояла главным образом из почтенных старцев, и какой кротостью надо было обладать молодому начальнику, чтобы не иметь ни с кем недоразумений...

Старец Антоний пробыл начальником скита четырнадцать лет, когда епископ Калужский Николай, враждебно относящийся к старчеству, назначил его... настоятелем Малоярославецкого Николаевского монастыря. В это время старец Антоний переступил сорокалетний возраст, и на ногах его открылись раны, как последствие подвигов и трудов. Ему было крайне тяжело расставаться с созданным его трудами удивительным Оптинским скитом, где его окружала всеобщая любовь, со своим братом, который был его старцем. Начальствование в чуждых ему условиях жизни являлось для него тяжчайшим и величайшим крестом...

Больной настоятель игумен Антоний часто мог только лёжа давать приказания и не был в состоянии следить за точным исполнением своих распоряжений. Он многократно просил отпустить его на покой, но епископ Николай был неумолим.

¹ Преподобные старцы Оптиной пустыни. Жития. Чудеса. Поучения (репринтное издание). — Калуга: Калужская типография стандартов, 1992. — С. 117.

Четырнадцать лет продолжалось его злострадание. Иногда он должен был ездить в Москву за сборами пожертвований на окончание монастырских построек. В Москве преп. Антоний пользовался особым вниманием со стороны митрополита Филарета, который понимал духовное устройство смиренного подвижника-страдальца. Он полюбил его и приглашал к сослужению с собой, оказывал ему знаки отеческой милости и утешал беседами. Наконец, митрополит вступился за него перед епархиальным архиереем, который согласился отпустить его на покой в Оптину пустынь, что состоялось в 1853 году. Возвратившись в Оптину пустынь, старец Антоний прожил ещё двенадцать лет. У преп. Антония было много духовных чад среди мирян... После его кончины удалось собрать и издать сборник его писем к этим лицам...

Преп. Антоний беспрерывно, почти всю жизнь жестоко страдал от ран на ногах. День преставления его 7 августа 1865 года. Он погребён рядом с братом игуменом Моисеем».

Не поняв духовного отца, трудно понять и его духовное чадо. Далее в книге следуют повествования о прозорливости старца, о чувствах, творимых его молитвами. Как правило, свидетелями этого были близкие к монастырю люди, но их рассказы о старце анонимны. Авторы записок об оптинских старцах, как художники-иконописцы, оставляя векам свои рассказы-свидетельства, не называли своих имён. Однако подобно тому, как профессиональный художник-реставратор при обновлении иконы умеет различать иконы, принадлежащие разным иконописцам, и угадывать авторство, так и в нашем случае, сверив многие факты, можно выявить, кому же могут принадлежать воспоминания об оптинском старце Антонии. Вот отрывки из глав «По молитвам старца Антония» и «Прозорливость»¹.

* * *

«Когда я вышел в отставку, в нашем имении не было дома, и мы должны были жить в Калуге в наёмной квартире. Хотя жили мы весьма ограниченно, но при нашем большом семействе нам не доставало на содержание одних доходов из имения и получаемой мною пенсии, так что мы входили в долги, а потому необходимо было выстроить дом в деревне. Поэтому я обратился к батюшке

¹Преподобные старцы Оптиной пустыни. Жития. Чудеса. Поучения (репринтное издание). — Калуга: Калужская типография стандартов, 1992. — С. 124–131.

(старцу Антонию. — Ю. Х.) с просьбой: “Батюшка, благословите дом строить в деревне”.

“Извольте, — отвечает он. — Бог благословит”.

“Прошу и помолиться, чтобы Бог помог”. — “Буду и молиться”.

Надо знать, что в это время денег у нас было всего только четверста рублей ассигнациями да заготовлена сотня брёвен. С такими скудными средствами я начал строить порядочный дом. Что же? Через молитвы и по благословению о. Антония, Бог неожиданно невообразимо послал нам так, что в лето дом вчерне был отстроен и покрыт. На другое лето были настланы полы, поставлены печи, рамы, двери, и к осени мы уже могли перебраться в него жить. По исчислению всего один дом, кроме надворного строения, стоил нам более двух тысяч, а со службами более трёх тысяч серебром. Дом вышел тёплый, покойный, поместительный и красивый. Видимо, что Господь помог нам за молитвы и благословение о. Антония...

* * *

В 1860 году, перед Сырной неделей, я простудился и занемог в деревне тяжкой болезнью: у меня образовался на спине огромный фурункул. Я исповедался, причастился Св. тайн. Из Калуги привезли доктора, который, осмотрев, велел немедленно везти меня в Калугу. Ужасно, что перетерпел я при этом переезде по страшным ухабам, но, благодарение Богу, приехал. В это время наша соседка отправлялась в Оптину говеть. Я просил её передать оптинским старцам о моей болезни и просил о. Моисея, о. Макария и о. Антония помолиться о моём выздоровлении. Все они приняли во мне живое участие, а о. Антоний прямо сказал: “Пусть молятся домашние, Бог милостив, он выздоровеет”. И подлинно Бог услышал его молитвы. Мне было за семьдесят лет, и такая тяжёлая болезнь; доктора мало имели надежды, сделали операцию, и Господь, по молитвам почтеннейшего о. Антония и за слёзные мольбы семейства моего, воздвиг, можно даже сказать, воскресил меня со смертного одра...

* * *

Объезжая училища (! — Ю. Х.), один раз ночью я ехал из Людинова завода на большую дорогу, в село Маклаки. Дорогой поднялась страшная метель и холод: места незнакомые, мы сбились с дороги и плутали; ни жилья, ни дороги не можем найти; дошли до отчаяния, оставалось замёрзнуть. Я внутренне молился Богу, чтобы избавил от беды и указал мне путь, ради молитв раба Своего о. Антония.

Вдруг являются двое: я прошу их указать дорогу на село Макалки и обещаю им награду. Один пошёл с кучером, а другой остался около повозки, и мы потихоньку поехали. Последний всё высматривал, что лежит в повозке. Подле меня лежал заряженный мушкетон и сабля. Мушкетон я взял рукой. Так мы с час проехали. Потом они было поворотили лошадей вдруг в сторону, но я велел кучеру сесть и править так, чтобы ветер дул с правой стороны. Тогда провожатые мои вдруг кинули меня и бежали. Оказалось после, что это были разбойники. Вскоре мы услышали лай собак и подъехали на постоялый двор и ночевали. Там узнали, что в селе перед нами были разбойники и ограбили один дом. Так Господь, по молитвам о. Антония, послал воров указать мне дорогу.

Много подобных случаев было со мною: ночью собьёшься с дороги, помолишься умом ко Господу, чтобы ради молитв о. Антония указал путь, и немедленно является помощь: или прохожий, или обоз наедет — и укажут...

* * *

Один раз из деревни послан был человек в Калугу за покупками и привезти письма, газеты и пятьдесят рублей серебром денег. Это было осенью. На другой день вечером человек должен был воротиться, но к вечеру пошёл дождь и поднялся ветер; наступила ужасная темнота, дорога скверная, мостики плохие; человека нет, и я очень тревожился. Пробыло восемь часов, вот и девять, дождь всё больше; лошадь слабая и человек не совсем надёжный; вот одиннадцать часов ночи, все легли спать, а я стал на молитву, со слезами прошу милосердного Бога, чтобы ради молитв о. Антония помог благополучно возвратиться человеку. Верите ли? Честью заверяю: кладу только третий поклон, как слышу, что в передней отворяется дверь; беру свечу, выхожу и — какая радость и удивление! Человек, промокший, возвратился благополучно и привёз всё, не повредивши. Слезы благодарности показались у меня на глазах. Подобных случаев было несколько со мною, что по молитвам о. Антония я получал скорую помощь...

* * *

Дочь моя, девица Е. очень долго была больна: простудилась, открылся кашель, лекарства не помогали; она исхудала, едва ходила, начиналась чахотка. Мы просили о. Антония помолиться о ней; он обещал, и с тех пор она, видимо, стала выздоравливать. Бог воскресил её, она выздоровела совершенно и теперь здорова...

* * *

Вот ещё случай. Мы жили в деревне очень тихо и почти уединённо, но часто были в нужде и в затруднительном положении. Один раз я очень грустил: такая напала печаль и от недостатков, и от наветов, даже от близких, что я угнетён был великою скорбью. Вдруг неожиданно получаю письмо от почтеннейшего о. Антония, который пишет: “Прочитайте вот такое-то житие, и Бог успокоит Вас!” Это меня очень удивило. Как он за сто вёрст узнал скорбь мою и о чём я грустил? Потому что это житие соответствовало моей печали и обстоятельствам, и я поистине был утешен и успокоен. Прочитавши его, я получил великую надежду на помощь Божию. Утеши его, Господи, там, в будущей жизни, как он меня здесь утешил. А как он был гостеприимен и радушен! Когда приедем в Оптину и придём к нему, угощает нас чаем и, при его болезни, сам иногда подаёт и просит покушать, потчует всем, что ему подарят: сам не кушает, а всё потчует. Наливает в стаканы бутылочного мёду, угощает нас и говорит: “Кушайте! Это питьё холодное, но от согретого любовью сердца”. Подлинно, какое вкусное, приятное у него было это питьё, и чай такой вкусный за его благословением...

* * *

Когда три мои дочери пожелали идти в монастырь, то сказали об этом о. Антонию и просили его, чтобы он за них попросил моего соизволения. Когда же он передал мне желание моих дочерей, это меня несколько смутило. Я говорю: “Батюшка, как же мы с женою на старости лет без подмоги останемся?” Он отвечает: “У вас останется ещё одна дочь и сын”. Я возражал, что состояние наше весьма ограниченное, я не могу им давать более двухсот серебром в год на всё их содержание, а этого им недостаточно. “Об этом не беспокойтесь, — сказал он. — Бог пошлёт, лишь бы было доброе произволение”. И подлинно, его слова сбываются. Бог невидимо помог и всё устроил...

* * *

Однажды, перед праздником Св. Пасхи, я писал к о. Антонию: “Известные вам мои соседки безнадежно больны: первая больна два года — рак груди, и уже тело на этом месте сгнило, так что видны кости. Другая также опасно больна; доктора не надеются на её выздоровление, а у неё семь человек малолетних детей. Помолитесь за них Богу”.

Он ответил, что первая своею болезнью очистится от грехов, что надо ей потерпеть и не роптать, а вторую Бог помиует ради детей. Действительно, первая поболела и скончалась прекрасной христианской кончиной, а вторая, сверх ожидания, стала поправляться. И странное дело, что в самый день, как писал письмо о. Антоний, ей стало лучше, и потом она поправилась и выезжала...

* * *

По благословению и по молитвам о. Антония Господь привёл меня для покаяния в святую обитель. Из многих случаев можно было видеть, что о. Антоний имел дар прозорливости. Несколько раз случалось со мной, что я думаю о чём-нибудь сказать ему и просить его совета, но он сам, узнавши мои мысли, предупредит меня: “Вы хотите то сделать, или о том-то спросить?” — и прямо выкажет всё, что я думал, и даст совет. Когда, бывало, отъезжаем домой, при прощании он всегда одарит всё семейство разными вещами: кому образок, кому подсвечничек, кому книжечку — что-нибудь всякому даст на память, потом благословит и проводит, иногда сойдёт с крыльца и с больными ногами провожает нас до калитки и всех благословляет. Иногда появлялись у него на глазах слёзы, так он любил нас! В последний раз мы посетили его больного на смертном одре, в конце июля, а 1 августа, после Божественной Литургии, мы в последний раз простились с ним, простились навеки. Как он ни был тяжко болен, но принял нас с великой любовью, даже несколько разговаривал. Сел на постели, каждого из семейства благословил. Которых не было, вспомнил всех и заочно благословил: каждому дал по образку. Наконец, мы со слезами расстались с ним, и он заплакал. Ангел, благодетель наш! Да увидет он в радость Господа своего! Единому Богу слава во веки. Аминь».

Тот, кто обладает определённым лингвистическим чутьём, не может не прийти к мысли, что дневники молодого морского офицера Семёна Ивановича Яновского, которые велись им во время кругосветного путешествия на паруснике «Суворов», его книга «Наставления моему крестнику Николаю К...» и безымянные воспоминания старика-монаха, рассказывающего о своих сердечных взаимоотношениях с оптинским старцем Антонием, написаны одной и той же рукой.

Впрочем, не будем доверяться только интуиции, а сопоставим факты из воспоминаний неизвестного монаха с тем, что удалось

найти в Калужском госархиве. Как известно, идёт речь о трёх дочерях неизвестного автора, которые по благословению о. Антония одновременно ушли в монастырь. У бывшего главного правителя Русской Америки, директора народных училищ Калужской губернии Семёна Ивановича Яновского было четыре дочери: Мария (от первого брака, родившаяся в Якутске при возвращении Яновских из Америки в Санкт-Петербург), Елизавета, Елена и Александра (от второго брака, родившиеся в Калуге). Известно, что старшая Мария не проживала в Калуге, а три младшие дочери ещё в молодые годы одновременно оставили мирскую жизнь и ушли в Калужский Казанский женский монастырь. Явно не случайное совпадение.

Как признаётся сам автор записок, в 1860 году (во время его тяжёлой болезни) ему было чуть более семидесяти лет. Это как раз и соответствует возрасту Семёна Ивановича Яновского, год рождения которого — 1789-й.

Одна из историй неизвестного автора, бывшего помещика, рассказывает, что соседями по его усадьбе были две дворянки-помещицы, о судьбе которых ему и было доверено о. Антонием прозорливое предсказание.

Что же мы находим в архивах? Свидетельство Калужской палаты гражданского суда о недвижимости имения просителя сообщает, что «отставному статскому советнику и кавалеру Семёну Ивановичу Яновскому достались его собственные владения от поручика Григория Тимофеевича Кишкина» и тут же указаны границы купленной земли и соседи: «Граница... с землями помещиц Коробовой и Михайловой». Не идёт ли речь о двух больных соседках, о которых отзывался оптинский старец Антоний?

Часть седьмая
ПО МОЛИТВАМ
СТАРЦА АНТОНИЯ

*Колокольня и святые
врата Иоанно-Пред-
теченского скита
Оптиной пустыни*

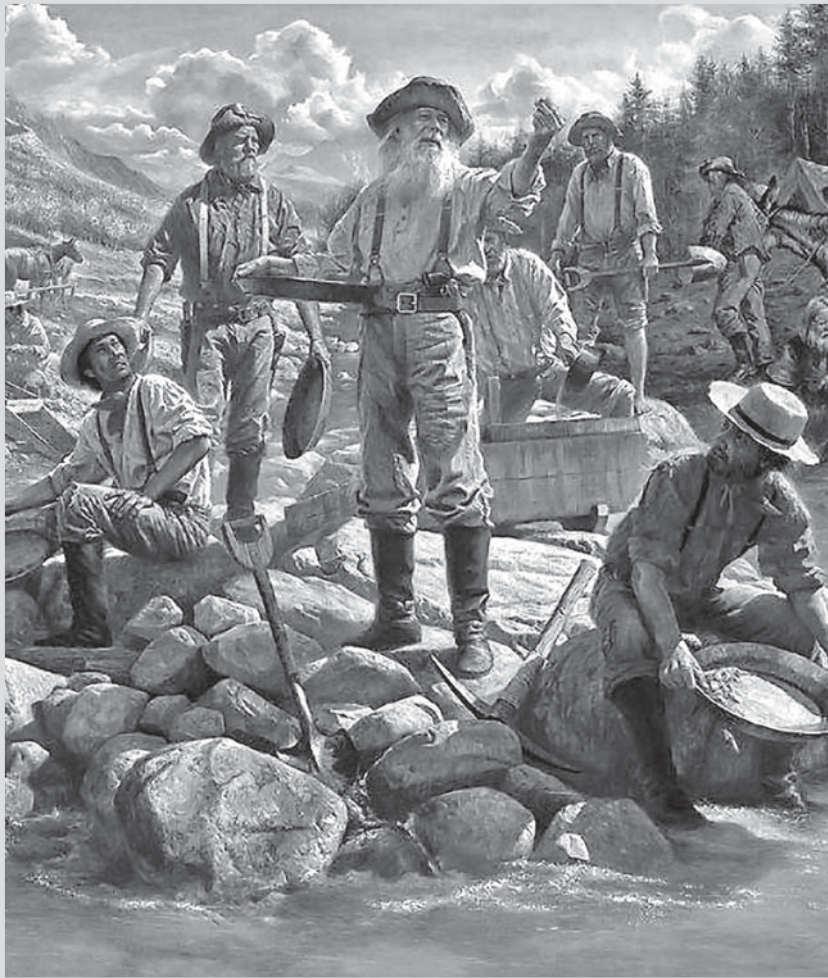
Ещё одно: в фондах Калужского госархива хранится личное письмо Яновского (от 12 января 1859 года) в Калужский приказ общественного призрения, из которого становится ясно, что глава семьи Яновских, находясь в затруднительном положении, стал закладывать свои земли.

Другое письмо (от 26 января 1863 года) сообщает, что статский советник Семён Иванович Яновский и его жена Мария Семёновна Яновская заключили договоры с временно обязанными крестьянами Калужского уезда деревень Азарово и Верховое. Другие письма того же ведомства и того же года говорят о залоге 80 десятин земли, об утверждении сделки и о выдаче Яновскому ссуды в размере 1760 рублей серебром.

Не менее важна и следующая фраза из свидетельства Калужской палаты гражданского суда: «Означенные земли ежегодно дохода приносят до 200 рублей...» А ведь именно эта сумма называется неизвестным автором, когда он жалуется о. Антонию, что ему не хватает средств, чтобы устроить дочерей, пожелавших уйти в женскую обитель. Старец утешает старика-отца: «У вас останется ещё одна дочь и сын...» Так и получилось: у супругов Яновских в миру оставались ещё старшая дочь Мария и средний сын Николай, ставший впоследствии предводителем Калужского губернского дворянства.

Всё это свидетельствует о том, что одним из анонимных авторов известной книги «Преподобные старцы Оптиной пустыни», издававшейся и в России, и за рубежом, является известный российский мореплаватель XIX века, бывший главный правитель Русской Америки, бывший директор училищ Калужской губернии Семён Иванович Яновский.

Воспоминания о своём духовном отце о. Антонии (Путилове-младшем) он писал тогда, когда уже стал монахом Калужской Тихоновой пустыни.

Часть восьмая

**Душа
и золото**

Глава 1

КАК ПРОДАВАЛИ РУССКУЮ АМЕРИКУ

Некоторые страницы истории России долгое время оставались полутайной для российской общественности.

Продажа российской короной Аляски Соединённым Штатам Америки — тому наглядный пример. И не случайно время этого великого торгового прихода приходится на период царствования царя-реформатора Александра II — царя, освободившего не только российских крестьян от крепостной зависимости, но и славянские народы от иноземного ига, царя, погибшего от руки революционера-террориста.

В середине шестидесятых годов позапрошлого века большое беспокойство Александра II вызывало положение в Западной Европе и на Балканах, где интересы России входили в самое тесное соприкосновение с протестантской Англией и мусульманской Турцией. Именно там, в Европе, сложился ещё со времён царствования Александра I основной центр приложения государственных средств и военных сил России. Восточные проблемы в этот период меньше беспокоили царя. Назревала ещё одна русско-турецкая война.

Расширяющиеся восточные владения требовали дополнительных финансовых и людских ресурсов, а их было не так уж и много, если учитывать огромные территории империи. Известный журналист и путешественник Василий Песков в своей книге «Аляска больше, чем вы думаете» так описывает причины продажи колониальных земель Русской Америке¹:

«...Концы с концами у компании (Российско-Американской компании. — Ю. Х.) перестали сходиться. На содержание территории нужны были государственные дотации. Последствия Крымской войны, истощившей Россию морально и материально, заставили царя и его дипломатов изменить курс внешней политики. Решено было “сосредоточиться” и отказаться

¹ Песков, В. Аляска больше, чем вы думаете / В. Песков. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2006. — С. 97, 98.

от “округлений”. Больше того, обстоятельства заставили сделать “округление” со знаком минус — пожертвовать на Тихом океане Аляской и сосредоточить усилия на освоении Приамурья. Для этой предпочтительной “континентальной цели” нужны были средства. И продажа Аляски обещала как-то пополнить казну.

Но главной причиной продажи была уязвимость колонии. Покорённые алеуты сотрудничали с русскими поселенцами, перенимая их образ жизни. Племена же индейцев покорены не были. Они “потеснились” на своих землях, но не признали чужого господства и жили с русскими в состоянии “холодной войны”. Английские и американские торговцы, проникая сюда, снабжали индейцев оружием и подстрекали к мятежным действиям. Сама столица Аляски, Новоархангельск, могла стать “жертвой ножа и пожара”. Прибрежные воды Аляски кишели китобойными кораблями разных держав. И с ними колония тоже не могла справиться. Международное право признавало её собственностью лишь полосу воды “на расстоянии пушечного выстрела от берега”. И китобои вели себя как бандиты, лишая аляскинских эскимосов главного средства к существованию. Жалобы в дружественный Вашингтон — “уймите своих флибустьеров!” — цели не достигли. Переписка двигалась долго, и ответы не обнадеживали: “Мы не можем ничего с ними поделать. Ищите средства их отогнать”. О золоте, открытом к этому времени на Аляске, помалкивали, знали: никакая сила не способна сдержать лихорадку золотоискательства...»

И всё-таки позволим себе усомниться в главных причинах продажи Русской Америки США, изложенных Василием Песковым. Уязвимыми были не столько русские колонии от предприимчивых янки, сколько сами российские финансы. В те времена подавляющее большинство представителей американских деловых и политических кругов даже не помышляло о покупке таких обширных территорий на севере континента. Только что закончившаяся в Северной Америке кровопролитная Гражданская война 1863—1865 годов нанесла огромный урон стране, бюджет США не внушал большого оптимизма. В том числе и самим победителям.

Что касается воинственных индейцев-колошей, то они прекрасно понимали, что «свято место пусто не бывает»: если уйдут русские, то на их место придут другие «бледнолицые». И ещё не известно, чьё соседство будет хуже. Вряд ли колоши в то время

уже могли выбить русских колонистов с мест, которые поселенцы обживали и укрепляли многие десятилетия. К тому же Новоархангельск был отлично защищённым портовым городом.

Другое дело — экономическое состояние самой России, проводящей реформы, её острейшие социальные и политические проблемы, на решение которых требовались большие деньги. После того, как в России было отменено крепостное право, чтобы выплатить компенсацию помещикам, Александр II был вынужден в 1862 году занять у Ротшильдов 15 миллионов фунтов стерлингов под 5 % годовых. Российское дворянство, вынужденное стать моральной, интеллектуальной и материальной опорой царских реформ, по своему составу было слишком неоднородным. Готовых на жертву ради блага Отечества и всех сословий России оказалось на самом деле значительно меньше, чем казалось в начале реформ. Не секрет, что царь-реформатор нажил лютых врагов не только среди народовольцев-революционеров, но и среди крепостников.

Как тут не вспомнить слова сподвижника В. А. Арцимовича по реформам в Калуге А. А. Корнилова¹:

«...Несимпатичная, отталкивающая сторона большинства представителей калужского дворянства заключалась во все не в нерешительности и сбивчивости понятий, не в отсутствии здравого смысла... Она заключалась в резком созннном и проявленном сословном эгоизме, причём на первом плане имелись в виду всегда материальные интересы сословия...»

Эти слова были впервые опубликованы не после 1917 года, а намного раньше — в 1904 году. Многие представители элиты российского общества, призванные быть опорой монархии, стали настойчиво рубить сук, на котором сами же и сидели. Во всём обвинялось самодержавие. Декабристы становились историческими героями, хотя лучшие представители декабризма, поняв бессмысленность и опасность кровавых мятежей, стали самыми преданными сторонниками реформ Александра II. Но «героический» миф рос и ширился благодаря писателям, поэтам и заграничным изданиям. А. Герцен и Н. Огарёв назвали декабристов (то, что это были люди порой совершенно различных убеждений — не учитывалось) гражданами, пошедшими на явную гибель ради высо-

¹ Корнилов, А. А. Крестьянская реформа в Калужской губернии при В. А. Арцимовиче / А. А. Корнилов // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. — СПб., 1904. — С. 147.

кой цели. Не стоит забывать, что группу террористов, сумевших смертельно ранить Александра II, возглавляла генеральская дочь, дворянка Софья Перовская. Для подавления одних и ублажения других требовались огромные средства.

Уже в 1866—1867 годах произошли два покушения (пока неудачных) на Александра II: 4 апреля 1866 года у Летнего сада в царя, сядившегося в карету, стрелял дворянин, бывший студент, Дмитрий Каракозов (его имя долго носила одна из улиц Калуги, которая недалеко от городской усадьбы Яновских пересекала улицу Софьи Перовской), а ровно через год — 25 мая 1867 года, когда царь был в Париже, его пытался убить шляхтич Антон Березовский.

И хотя российским войскам удалось добиться коренного перелома в долгой войне на Кавказе (в августе 1859 года был взят в плен имам Шамиль, отбывавший затем почётную ссылку в Калуге), очередное польское восстание 1863—1864 годов снова стало сотрясать устои империи. Восстание удалось подавить, но правительству пришлось пойти на невиданный шаг: предоставить крестьянам Западного края право собственности на всю землю, запретив переход этой земли в руки помещиков. Этой польской реформой и занимался бывший калужский губернатор Виктор Антонович Арцимович.

В начале 1860-х годов началось завоевание Средней Азии, что явилось ответным шагом России на вход английских войск в Персию и Афганистан. Более того, на Балканах назревал новый конфликт с Османской империей, чьи башибузуки зверствовали на славянских землях.

Земельная, земская, судебная, военная реформы, перевооружение армии, создание нового военно-морского флота... — всё это требовало денег, денег, денег. Несмотря на то, что в обновлённых министерствах Российской империи было практически изжито крупное казнокрадство, огромные бюджетные суммы таяли, как весенний снег.

Время шло, банкирам Ротшильдам надо было что-то возвращать, и тогда якобы великий князь Константин Николаевич (младший брат царя) предложил продать американские колонии. Вопрос решился не сразу: 16 декабря 1866 года в Санкт-Петербурге состоялось специальное совещание, на котором присутствовали Александр II, российский посланник в Вашингтоне барон Эдуард Андреевич Стёкль (1804—1892), представители министерств и другие важные сановники. Участники совещания

Ю.В. Холопов
ЗЕМНЫЕ
И ДУХОВНЫЕ
ПУТИ КАПИТАНА
ЯНОВСКОГО

Эдуард Андреевич
фон Стёкль
(1804–1892)

Уильям Генри
Сьюарт (1801–1872)

одобрили идею продажи русских земель в Америке. По предложению министерства финансов был определён минимум суммы — 5 миллионов долларов золотом. И тогда царь сказал: «Ну и кончен спор. Продаём. Торговаться Россия не будет, пусть сами назначат хорошую цену».

Всё делалось в атмосфере секретности, поскольку продажа колоний в Северной Америке была для России делом отнюдь не почётным, способным возмутить общественное мнение (что, собственно говоря, и произошло). Нужно было делать «хорошую мину при плохой игре», поэтому российский посланник Эдуард Стёкль, прибывший в Вашингтон, должен был повернуть дело так, чтобы инициатива покупки исходила от США. К счастью сторонников продажи Аляски, государственным секретарём США был Уильям Генри Сьюарт (1801–1872), ратовавший за приобретение, а не завоевание земель. Предложение Петербурга он встретил с большой радостью. Осторожно поинтересовались мнением президента, а также тех, кто мог быть причастен к этой сделке века. Определались с ценой, и в Петербург была послана телеграмма, смысл которой состоял в том, что США предлагают России продать Аляску и прилегающие к ней острова на таких-то условиях. Петербург, разумеется, согласился...

30 марта 1867 года продажа-покупка состоялась, соглашение было подписано, и документ был направлен президенту США Эндрю Джонсону. Немногим позже, 9 апреля того же года, состоялось официальное голосование в конгрессе, и вопрос о покупке был решён положительно 27 голосами против 12; иными слова-

ми, с превышением одного голоса сверх требующихся двух третей. Ещё известно, что только за период с 1868 по 1890 год, то есть ещё до открытия золота на Аляске и развития там интенсивного рыболовного промысла, доходы США почти в пятнадцать раз превысили затраченную на её покупку сумму — 7 200 000 долларов золотом.

* * *

Но была ли Русская Америка в то время отсталой окраиной, живущей исключительно за счёт добычи пушнины? Отнюдь... Она, изначально свободная от крепостного права, стремительно развивалась.

Ещё тесть Семёна Ивановича Яновского — Александр Андреевич Баранов — положил начало разведкам и использованию природных богатств Аляски, как матерой земли, так и архипелага. В конце XVIII века первый главный правитель российских колоний сообщал дирекции Российско-Американской компании, что Аляска богата железной и медной рудами.

Позднее русскими переселенцами был найден каменный уголь, добыча которого в 50-е годы XIX века превысила 20 тыс. пудов в месяц. Уголь шёл для компанейских пароходов и вывозился в Калифорнию. В Кенайском заливе добывалась слюда, на реке

Н. Лейтце.
Подписание договора
о продаже Аляски
30 марта 1867 года.
Слева направо:
Роберт С. Чу, Уильям
Г. Сьюарт, Уильям
Хантер, Владимир
Бодиско, Эдуард
Стёкль, Чарльз
Самнер, Фредерик
Сьюарт

Медной — медь; колокола, отлитые из этой меди, и поныне висят в храмах Калифорнии.

На Аляске был создан ряд отраслей обрабатывающей промышленности. Особенно примечательно развитие судостроения. В Новоархангельске строились сначала парусные, а затем и паровые суда, причём ни одна деталь механизма паровых машин не была привозной — всё изготавливалось на местах.

Русский Новоархангельск стал первым пунктом парового судостроения на всём западном побережье Америки. Один из построенных на Аляске пароходов «Мюир» (переименованный затем в «Рейнбоу») был продан в Сан-Франциско и стал первым паровым судном этого порта. Некоторые из построенных в Русской Америке судов служили американскому тихоокеанскому пароходству до конца XIX в.

В русских селениях на Аляске имелись кирпичные предприятия, лесопилни, дубильные мастерские. Позже появился и новый промысел — ледяной. Чистый лёд Аляски высоко ценился в калифорнийских городах, где бурно развивалась торговля. С 1852 года ежегодно до 200 тыс. пудов льда отправлялось в Калифорнию¹.

Благодаря русским переселенцам во многих местах Аляски впервые стали заниматься земледелием и скотоводством. Значительные урожаи приносили картофель и овощи. Русские привезли с собой за океан крупный рогатый скот, свиней, домашнюю птицу, завелись ремёсла, ранее не известные на американском Севере. С начала XIX века на основных промысловых угодьях осуществлялись запуски, регулировался убой зверей, проводились меры по охране запасов морского зверя... Это была весьма перспективная окраина России, поскольку она органично вошла в экономическое сотрудничество с Калифорнией, ставшей ещё одним штатом США. Но уж слишком она была далека, и слишком малое количество русских людей там пустило корни.

На Аляску весть о продаже дошла лишь в мае 1867 года. Для обитателей Русской Америки новость была словно удар грома среди ясного неба. Губернатор колоний Дмитрий Петрович Максutow «пришёл в бешенство». Для тех, чья жизнь была связана с освое-

¹ Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. / под ред. М.Б. Черненко, Г.А. Агранат, Е.Э. Бломквист. — М.: Государственное издательство географической литературы, 1956. — С. 8.

нием американских земель, кто там собирался жить до конца жизни, это была самая настоящая трагедия...

Договор о продаже Россией своих американских колоний на Аляске был подписан, сумма сделки — 7 миллионов 200 тысяч долларов. Это было даже больше, чем ожидал Петербург. Однако об истинных богатствах Аляски (чуть позже геологами и добровольцами-старателями будут открыты несметные сокровища золота, а в XX веке — весьма внушительные залежи нефти) ни та, ни другая сторона чёткого представления тогда, конечно, не имели.

Нельзя также считать, что продажа Аляски совершилась из-за опасений, что США и без деловой сделки могли присоединить земли русских колоний, по мере обнищания Российско-Американской компании и невозможности там далее проживать русским. В это не верится. Аляска отделена от США весьма крупным государством — Канадой, которая с 1763 до 1867 года была колонией (после 1867 года — доминион). Уж если кто и мог со временем округлить свою территорию за счёт русской Аляски, так это скорее Канада, с которой у россиян тогда не было столь дружественных отношений, какие сложились у России и США в середине XIX века. Но у Канады хватало и собственных неосвоенных земель.

* * *

Однако почему именно правительству США была предложена сделка века? Дело в том, что США были дружественной России державой, и в известный исторический период россияне весьма активно приложили руку к становлению новой государственной власти в Соединённых Штатах.

Как известно, во второй половине 1863 года велись ожесточённые бои между армиями Севера и Юга. Судьба конфликта ещё не была решена, и никто ещё не мог предсказать, какая сторона станет победителем. Ситуация для северян осложнялась тем, что Англия и Франция открыто вели приготовления к признанию Штатов Южной Конфедерации и поддерживали вооружённые силы южан.

И в эти тяжёлые дни, когда судьбу правительства президента Линкольна было трудно предсказать, Соединённые Штаты и весь мир вдруг узнали, что в главные порты Северной Америки (Нью-Йорк и Сан-Франциско) без всякого предупреждения вошли две русские эскадры. Это сообщение буквально шокировало недавних противников России по Крымской войне — Англию и Францию.

Жители Нью-Йорка и городские власти встретили русских с радостью, как своих военных союзников¹.

Атлантическая эскадра Императорского Российского флота под командой контр-адмирала С. С. Лесовского вошла в порт Нью-Йорка 24 сентября 1863 года, а Тихоокеанская эскадра под командой контр-адмирала А. А. Попова 6 октября того же года стала на рейде Сан-Франциско². Прибытие этих двух эскадр заставило Англию отказаться от прямой поддержки отделившихся Южных Штатов. Русские военные корабли если не прямо, то, во всяком случае, косвенно оказали несомненное влияние на исход Гражданской войны в этой стране.

Дружба с Соединёнными Штатами стала зарождаться в тяжёлые для России дни во время Крымской кампании 1854–1855 годов, когда Россия оказалась одинокой, без друзей среди великих держав, кроме заокеанской республики Соединённых Штатов. Тот факт, что обе страны были расположены на кардинально противоположных полюсах политической системы, одна страна — абсолютная монархия, и другая — демократическая республика, — не мешало их сближению.

Во время обороны Севастополя 30 американских докторов вступили добровольцами в Русскую армию и «своими трудами и жертвами спасли тысячи русских жизней». Разумеется, об этом хорошо знали морские офицеры, которые продолжали свою службу на кораблях дружественных эскадр. Набор наёмных солдат и матросов для английского флота и армии был запрещён на территории САСШ.

Известна ещё одна большая услуга дружественной державы во времена Крымской войны: именно американский консул в Голулу предупредил русских о неминуемом нападении соединённых военно-морских сил Англии и Франции на русские владения на Дальнем Востоке. Целью агрессии союзников должен был стать Петропавловск-на-Камчатке.

Своевременное предупреждение позволило русским скрыть от мощной эскадры противника свой малочисленный флот и под-

¹Тарсаидзе, А. Г. Прибытие русской эскадры в Нью-Йорк / А. Г. Тарсаидзе // Столетняя годовщина прихода русских эскадр в Америку, 1863–1963 / под ред. профессора В. П. Петрова. — Washington: Viktor Kamkin, 1963. — С. 39–52.

²Долгополов, А. Эскадра адмирала Попова в Сан-Франциско / А. Долгополов // Столетняя годовщина прихода русских эскадр в Америку 1863–1963 / под ред. профессора В. П. Петрова. — Washington: Viktor Kamkin, 1963. — С. 53–82.

готовить береговые укрепления к отражению десанта с моря. В результате нападение англо-французской эскадры было с успехом отражено. Освобождение крепостных крестьян царским манифестом от 19 февраля 1861 года вызвало восхищение американцев-северян.

Отношения России с Англией после Крымской войны продолжали быть напряжёнными, особенно в результате начавшегося продвижения русских в Среднюю Азию, где Россия уже заняла Хивинское ханство и была готова к присоединению Коканда и Бухары. В то же время успехи России на Дальнем Востоке в её отношениях с Китаем ознаменовались подписанием Айгунского договора 1858 года, согласно которому Амурские земли по левому берегу Амура были признаны принадлежащими России, а по договору 1860 года Россия приняла в своё владение и приморские земли.

В начале шестидесятых годов XIX века иностранная политика и цели обеих стран — России и Соединённых Штатов — в общем совпадали, особенно когда дело касалось их отношений с Англией. В Вашингтоне и Петербурге понимали, что Англии нужен, прежде всего, дешёвый хлопок конфедератов-южан, без которого английская текстильная промышленность понесла бы огромные потери.

*Часть восьмая
ДУША И ЗОЛОТО*

*Команда фрегата
«Ослябя» в Нью-
Йорке в 1863 г.*

*Бал в честь офицеров
русской эскадры
в Нью-Йорке. Ноябрь,
1863 г.*

Это было гениальное политическое решение. Одновременное появление двух русских эскадр в портах Сан-Франциско и Нью-Йорка поставило их в выгодное тактическое положение, так как в случае объявления войны все торговые коммуникации Англии и отчасти Франции оказывались в зависимости от военного флота России. Суда двух российских эскадр были серьёзной угрозой для коммерческого флота европейских держав и одновременно неуязвимыми для военного флота союзников. Из положения угрожаемой Россия сразу становилась в положение угрожающей. По мнению адмирала Краббе (а это была его идея), из-за опасения многомиллионных убытков и полного расстройтва торговли Англия должна была немедленно отказаться от вооружённого выступления против России. Что, собственно говоря, и произошло.

Конец 1863 года и первую часть 1864 года обе русские эскадры провели в портах Нью-Йорка и Сан-Франциско, ожидая начала военных действий в любой момент. Таким образом, прошёл почти год, и когда к середине 1864 года стало ясно, что Юг находится на грани поражения, обе русские эскадры были отозваны домой.

Продажа русской Аляски Соединённым Штатам в 1867 году — не только способ пополнить российский бюджет, но и очередной политический дружественный жест по отношению к США. А вот для английской Канады и самой Англии — этот политический шаг России был в то время малопривлекательным.

Что же касается других русских земель — на Калифорнийском побережье (тогда ещё принадлежавшем испанцам), — то форт «Росс» был продан некому Иоганну Августу Суттеру за 30 тысяч пиастров, «с ручательством Мексиканского правительства в исправности платежа этой суммы» в течение четырёх лет, ещё в 1841 году, во времена царствования Николая I.

Разумеется, те россияне, чья судьба так или иначе была связана с российскими колониями в Америке, всеми силами старались воспрепятствовать этим сделкам. Ещё до продажи Аляски российская газета «Голос» писала 25 марта 1866 года: «Сегодня слухи — продают Николаевскую железную дорогу, завтра — русские американские колонии; кто же поручится, что послезавтра не начнут те же самые слухи продавать Крым, Закавказье, Остзейские губернии (Прибалтику. — Ю. Х.). За охотниками дела не станет...»

Всё это отзывалось болью в сердце старого мореплавателя Семёна Ивановича Яновского. Известно, что он, ещё до выступления газеты «Голос», опубликовал в газете «Северная пчела» свою статью-

воспоминание, в которой рассказывал о том, какие бесчинства творили зарубежные браконьеры и те, кто продавал оружие немирным индейцам-колошам в его бытность на посту главного правителя российских колоний в Америке. Но что могли сделать газетные статьи против воли императорской семьи, которая по-прежнему была главным пайщиком и учредителем Российско-Американской компании?

* * *

Начало сокращению русских колоний в Америке положил император Николай I, который недолюбливал Российско-Американскую компанию. Именно по его указу был продан форт «Росс». После ухода русских колонистов из Калифорнии этот богатый край пережил колоссальные потрясения. В недрах плодородной земли, которая снабжала хлебом и овощами российских промышленников на Аляске, было открыто множество золотоносных жил. После того как 15 марта 1848 года газета «Калифорниан» опубликовала на своих страницах заметку о золоте, мир словно обезумел.

Прежде тихая гавань Святого Франциска, куда сорок два года назад вошёл русский парусник, которым командовал камергер и дипломат Николай Петрович Резанов, в считанные недели наполнилась «разнокалиберными» судами. Российский писатель Игорь Скарбек в своей книге «За тридевять земель» писал¹: «Долину Сакраменто, где некогда золотились нивы и паслись тучные фермерские стада, заполонили охочие до золота старатели со всех концов света: авантюристы, разбойники, беглые каторжники, солдаты-дезертиры, искатели приключений...»

Проживая в палатках, в кое-как сколоченных хибарах, ведя полуголодный образ жизни, «джентльмены удачи» не жалели ни своей, ни чужой жизни, мечтая сразу разбогатеть. Они за всё платили золотом и не признавали никаких законов, кроме грубой силы и оружия. Для многих местных фермеров и калифорнийских индейцев, некогда просивших начальников форта «Росс» взять их под покровительство русской короны, настали чёрные дни. Их просто сгоняли с земли, которая таила в своих недрах золотой песок и самородки.

Очевидцы тех событий свидетельствовали: «джентльмены удачи» нещадно истребляли и спаивали «огненной водой» туземцев, сжигали индейские вигвамы, без суда и следствия линчевали пы-

¹ Скарбек, И. За тридевять земель / И. Скарбек. — М.: Молодая гвардия, 1989. — С. 200—201.

тавшихся сопротивляться винтунов, помо, мивоков, ваппо... Количество краснокожих катастрофически сокращалось.

Однако удача улыбалась не каждому старателю, окуная его личные расходы и каторжный труд, зато быстро наживались владельцы кабаков, таверн и притонов. Стакан виски стоил щепотку золота, чашка кофе — четыре щепотки, бочонок муки — пятьдесят пиастров... Но главная беда была в том, что в это безумие втягивались и вполне нормальные люди.

Служащие Российско-Американской компании, да и простые россияне, из столичных и иностранных газет узнавали то, что их приводило в смятение: некогда благословенный, малообжитый край с чудесной природой и тёплым климатом превратился в то, что стало называться американским Диким Западом. Недаром золотоискательство названо болезнью — «золотой лихорадкой». Американский историк Бирд свидетельствует¹:

«Течение жизни внезапно изменило своё русло. Ремесленники бросили свои инструменты, фермеры оставили свой урожай гнить на полях, а скот подыхать с голоду, учителя забыли свои учебники, адвокаты покинули своих клиентов, служители церкви сбросили священническое облачение, матросы дезертировали с кораблей, — и все устремились в едином порыве к месту золотых приисков. Деловая жизнь в городах замерла, покинутые дома и магазины ветшали и приходили в упадок. Золотоискатели шли, как саранча, в районы, граничащие с лесопильней Иоганна Августа Суттера, с кирками, лопатами и ковшами для промывки золота...»

Некоторые историки утверждают, что Иоганн Суттер, купивший форт «Росс» вместе с землями, обязался под поручительство Мексиканского правительства (тогда Калифорния ещё не принадлежала САСШ) довыплачивать Российско-Американской компании определённую сумму в течение четырёх лет, но так и остался должником перед русскими. Золото сыграло страшную шутку со всей семьёй отставного полковника мексиканской армии.

В один из дней, бросив богатое хозяйство, доставшееся ему от русских, поддавшись общему безумию, Иоганн Суттер удалился на одну из своих уединённых ферм в горах. Но его старательские усердия были тщетны. Подождав некоторое время главу семьи,

¹ Цит. по кн.: Скарбек, И. За тридцать земель / И. Скарбек. — М.: Молодая гвардия, 1989. — С. 202.

к нему в горы отправились жена и дети. Оставшись без присмотра хозяев, гасиенда «Новая Гельвеция» (именно так Суттер назвал бывший форт «Росс») была разграблена. Судебный процесс, затеянный в 1850 году Суттером против семнадцати тысяч с лишним юридических лиц (тогда Калифорния уже стала одним из десяти штатов САСШ), так и не закончился. Суттер вскоре потерял жену и всех сыновей. Старший сын покончил с собой, окружённый бандитами, средний был убит теми, к которым был адресован иск за разграбление имения, младший сын утонул на корабле «Золотые ворота».

Полупомешанный от горя отставной полковник долгое время обивал пороги сенаторов США, предъявляя им документы, подтверждающие его права на владение землёй, буквально напичканной золотом, но вникать в его дело никто не хотел. Российской казне надеяться тоже было не на что: 17 июня 1880 года у лестницы Капитолия в Вашингтоне полиция подобрала труп безвестного бродяги в истрёпанном офицерском мундире. Так закончил свой земной путь Иоганн Август Суттер, владелец одного из самых больших состояний в истории человечества, несостоятельный должник российской короны.

* * *

Но вернёмся к северным колониям России в Америке, к моменту передачи российских земель представителям США. Как свидетельствует «Летопись Аляски»¹:

«...18 октября 1867 года в Новоархангельске, на площади против дома главного правителя Русской Америки выстроились отряд солдат армии Соединённых Штатов и рота сибирских пехотинцев. На рейде дымили корабли. Андреевский и звёздный флаги развевались на мачтах. Сотни индейских лодок сновали вдоль побережья острова Баранова; алеуты и индейцы, собравшись на берегу, глазели на невиданное зрелище. Индейские тоионы в сюртуках, в фуражках с цветными околышами стояли на отведённых им местах.

Всё население Новоархангельска собралось на этот плац у подножия Камня-Кекура, где стояла батарея и возвышалась мачта с русским флагом. Служащие Российско-Американской компании, рабочие адмиралтейства, промышленники, креолы

¹ Марков, С.Н. Летопись Аляски / С.Н. Марков. — Тула: Пересвет-II, 1993. — С. 335–336.

Передача Русской
Америки Соединен-
ным Штатам,
6 (18) октября 1867 г.

и фельдшеры, наблюдатели обсерватории, мореходы, начальники редутов, шахтёры, бывшие поселенцы калифорнийского форта «Росс» стояли невдалеке от мачты с флагом. Представители двух великих стран — России и Соединённых Штатов Америки — обменялись короткими речами... И вот командующий отрядом русских кораблей Пещуров (капитан 2-го ранга Алексей Алексеевич Пещуров, уроженец Калужской губернии, подписавший протокол о передаче Америке владений Российско-Американской компании на Аляске и Алеутских островах. — Ю. Х.), встав напротив генерала Руссо, произнёс громко, словно рапорт, заранее выученные слова:

— По велению его Величества Императора Всероссийского Александра II передаю Вам, уполномоченным Северо-Американских Соединённых Штатов, всю территорию, которою владеет Его Величество на Американском материке и на прилегающих островах, в собственность Штатов, согласно заключённому между державами договору.

Русский флаг стал медленно спускаться вдоль высокой мачты...»

Россиянам был представлен выбор: кто хочет — пусть остаётся, кто не хочет, может уехать, вернее сказать, уплыть в Россию на стоящих здесь же, на рейде кораблях. Всего в американских колониях русских на этот момент было 823 человека. Из них пожелаало остаться около 90 человек. «Но когда состоявший из вся-

кого сбродо гарнизон американских солдат, — пишет в своей книге всё тот же Василий Песков, — начал бесчинствовать, некоторые из пожелавших поначалу остаться поспешили на последний корабль. Столица русской колонии Новоархангельск, переименованная в Ситку, через некоторое время превратилась в город-призрак... В нижних штатах об Аляске скоро забыли. И тридцать лет её как будто не было. Заговорили, и громко, на всех языках об Аляске, когда началась новая «золотая лихорадка».

Вслед за регулярными частями Северо-Американских Соединённых Штатов на Аляску хлынули разного рода предприниматели и политики, авантюристы и проститутки, карточные шулера и спекулянты всех мастей. Некоторым удалось недурно пожить с самого начала. Так, некто Х. М. Хутчинсон из Новой Англии (Новая Англия — северо-восточные штаты США) ухитрился скупить у РАК за совершеннейший бесценник бесчисленное количество того, что было слишком дорого вывозить в Россию, как то: овчинные тулупы, медь, олово, чай, ром... Но эти русские богатства, сделавшие американца Хутчинсона богатым человеком в течение нескольких дней, выглядят просто смешно в сравнении с тем, что подарила российская корона США.

17 июля 1897 года с парохода «Портленд», причалившего в порту Сан-Франциско, сошли на берег шестьдесят восемь рудокопов, прибывших из Аляски. Они привезли с собой полторы тонны золота, добытого ими на легендарном Клондайке. И здесь повторилась история Калифорнии. Многотысячные толпы старателей ринулись на Аляску. Уже к 1920 году там было добыто золота на 320 миллионов американских долларов! Однако так же, как и в Калифорнии, открытие золота на земле бывшей Русской Америки не было первооткрытием: ещё в 1842 году землепроходцы Российско-

Памятник первому
золотоискателю
Аляски в Ситке

Американской компании доносили в Адмиралтейств-коллегию, что «на Кенайском берегу положительно доказано присутствие золота»; в 1851 году на корабле «Ахта» в Россию с Аляски было доставлено два пуда золота с сообщением, что «у горы Святого Ильи найдены золотые самородки»; в 1860 году золото было обнаружено русскими на реке Фрезер; а в 1862 году — на юго-востоке Аляски, у истоков реки Стикин... Но дело дальнейшего развития не получило, поскольку эта информация держалась в тайне.

Кто из нас не читал северных повестей великого калифорнийца, американского писателя Джека Лондона? В «Северной Одиссее», между прочим, упоминается Михайловский редут, бухта Головнина, острова Прибылова — места, обжитые и освоенные русскими землепроходцами. Американские герои автора «Сына волка» и «Белого Клыка» стали символом мужества, отваги и физической выносливости, проявленных в местах «Великого Безмолвия». Восторгаясь делами героев Джека Лондона (в общем-то, изрядно романтизированных), российские юноши и девушки зачастую просто не знали, что по тем суровым местам, сталкиваясь с воинственными индейцами, первыми прошли их предки, русские землепроходцы, что многие из них сложили свои головы на этой далёкой земле. Они-то, россияне, научившиеся «мьть золотишко» ещё в сибирских таёжных речках, давно открыли золотоносные жилы в этом промороженном крае, который американцы в шутку называли Моржероссией. Но главные правители Русской Америки и руководство Российско-Американской компании предпочитали помалкивать о золоте, видя, что стало твориться в Калифорнии после обнаружения в прессе результатов геологических изысканий.

Глава 2 САМАЯ НЕУДАЧНАЯ СДЕЛКА РОССИИ

Один из авторитетнейших советских исследователей истории российских колоний на Аляске, доктор исторических наук Александр Иванович Алексеев в своей книге «Судьба Русской Америки» писал следующее¹:

«...Уже в 20 годах (автор имел в виду XIX век. — Ю. Х.) завязывался узел противоречий между Россией, США и Англией.

¹ Алексеев, А.И. Судьба Русской Америки / А.И. Алексеев. — Магадан, 1975. — С. 290, 291, 301, 302.

Последние претендовали на всё Тихоокеанское побережье Северной Америки, и конвенции 1824 и 1825 годов показали, что они сумели добиться значительных уступок со стороны России...

Царское правительство боялось захвата Русской Америки Англией. Оборона же американских владений требовала немедленно самых энергичных мер и немалых затрат, а казна была опустошена Крымской войной. ...К мысли о продаже Аляски Соединённым Штатам царское правительство пришло в 1857 году после Крымской войны...

Судьба Русской Америки была предрешена. Вопрос состоял в том, как бы выгоднее завершить эту позорную сделку. И в этом вопросе царь отдавал предпочтение США перед Англией, потому что надеялся, что американцы поддержат Россию в её борьбе за ликвидацию Парижского мирного договора 1856 года, закрепившего большие уступки России западным державам в результате Крымской войны... Сиюминутные заботы и интересы постепенно возобладали. Близорукостью, недалёковидностью и какой-то удивительной беспечностью, граничащей с легкомыслием, веет от документов той поры, когда решался вопрос, оставаться или нет России на берегах Северной Америки...»

Главное правление Российско-Американской компании узнало о сделке, лишившей её всей Русской Америки, буквально на следующий же день из санкт-петербургского издания «Дипломатического ежегодника», где была опубликована конвенция. Таким образом, была решена судьба и самой Российско-Американской компании, упразднённой в том же 1867 году.

Но самое печальное состоит в том, что Россия за свои колонии на Аляске практически ничего не получила. Международная сделка обратилась самым неожиданным образом в бесценный подарок, какой только может сделать одна держава другой. Но в этом не было вины правительства США. Здесь вмешались в дело «рыцари плаща и кинжала» Англии и профессиональный диверсант, ставший международным террористом. Долго над этим событием господствовала тайна. Но вот что об этом сегодня рассказывает в «Русском портале» статья «Кто и как продавал Аляску» с подзаголовком «Деньги от продажи Аляски Россия так и не получила»¹.

¹[http:// www.opoccuu.com/alyaska.htm](http://www.opoccuu.com/alyaska.htm)

Чек на 7,2 млн
долларов, использо-
вавшийся для покуп-
ки Аляски

«...Русский посол в САСШ (Северо-Американских Соединённых Штатах) Эдуард Стёкль получил чек на сумму 7 миллионов 035 тысяч долларов — из первоначальных 7,2 миллионов 21 тысячу он оставил себе, а 144 тысячи раздал в качестве взяток сенаторам, голосовавшим за ратификацию договора. Эти 7 миллионов он перевёл в Лондон банковским переводом, а уже из Лондона в Петербург морским путём повезли купленные на эту сумму золотые слитки. При конвертации сначала в фунты, а потом и в золото было потеряно ещё 1,5 миллиона, но это было не последней потерей.

Барк «Оркни» (Orkney), на борту которого был драгоценный груз, 16 июля 1868 года затонул на подходе к Петербургу. Было ли в нём на тот момент золото или оно вообще не покидало пределов Туманного Альбиона, неизвестно. Страховая компания, застраховавшая судно и груз, объявила себя банкротом, и ущерб был возмещён лишь частично.

Тайна гибели «Оркни» была раскрыта уже через семь лет: 11 декабря 1875 года при погрузке багажа на пароход «Мозель», отправлявшийся из Бремена в Нью-Йорк, произошёл мощный взрыв. 80 человек погибли, а ещё 120 были ранены. Сопровождавшие груз документы уцелели, и уже к пяти часам вечера того же дня следствию стало известно имя владельца взорвавшегося багажа. Им оказался американский подданный Вильям Томсон.

Судя по документам, он плыл до Саутгемптона, а его багаж должен был отправиться в США. Когда Томпсона попытались арестовать, он успел выстрелить в себя, но умер он лишь спустя не-

сколько дней от заражения крови. За это время он успел дать признательные показания. Однако признался он не только в попытке отправить на дно пароход «Мозель» с целью получения страховой выплаты за утраченный багаж.

Таким способом он уже отправил на дно почти десятков кораблей.

Выяснилось, что технологии изготовления бомб с часовым механизмом Томсон научился ещё во время Гражданской войны в США, в которой в чине капитана воевал на стороне южан. Но, будучи капитаном, Томсон не командовал ни ротой, ни эскадром, ни батареей. Служил он в SSC — Sekret Service Corps. SSC было первым в мире диверсионным подразделением. Его агенты взрывали склады, поезда и корабли северян, нарушая снабжение армии противника.

Однако война кончилась, и капитан разбитой армии оказался не у дел. В поисках счастья он отплыл в Англию, где на него быстро обратили внимание тогдашние британские спецслужбы — его навыки не являлись для них секретом. Однажды Томсон был арестован за пьяную драку, а в камере к нему посадили человека, который пообещал ему тысячу фунтов за выполнение одного деликатного поручения. Эти тысяча фунтов стоили тогда 4 866 долларов, или 6 293 рубля. На эти деньги в России можно было купить имение размером в сто десятин земли, а в Америке — огромное ранчо на тысячу голов скота. В нынешних же деньгах, по состоянию на 8 декабря 2010 года, это 326 тысяч 338 долларов.

Выйдя через несколько дней на свободу, Томсон устроился портовым грузчиком и под видом мешка с углём протасил на борт «Оркни» мину с часовым механизмом. Когда до входа в Петербургскую гавань оставалось несколько часов, в угольном трюме прогремел взрыв, и «Оркни» пошёл ко дну.

Когда задание было выполнено, Томсон получил от этого же человека тысячу фунтов стерлингов и предписание немедленно покинуть Англию, подписанное самим премьер-министром Беджамином Дизраэли.

Томсон переехал в Дрезден — столицу тогда ещё независимой Саксонии. Там он купил дом, женился, завёл детей и мирно жил под именем Вильгельма Томаса, пока остатки тех самых тысячи фунтов не начали подходить к концу. Там-то Томсон и решил отправлять застрахованный багаж за океан и пускать на дно пароходы. В среднем он отправлял на дно по одному пароходу в год, и все

они исчезали в Бермудском треугольнике, и хотя в прессе впервые о «таинственных исчезновениях» в Бермудском треугольнике упомянул корреспондент Associated Press Джонс лишь 16 сентября 1950 года, байки моряков о заколдованном участке моря начали ходить именно с того времени.

P.S. Сейчас место затопления «Оркни» находится в территориальных водах Финляндии. В 1975 году совместная советско-финская экспедиция обследовала район его затопления и нашла обломки корабля. Исследование оных подтвердило, что на корабле был мощный взрыв и пожар. Однако золота обнаружить не удалось — скорее всего, оно так и осталось в Англии.

P.P.S. Была, правда, от продажи Аляски всё-таки одна выгода — в качестве бонуса американцы передали России чертежи и технологию производства винтовки Бердана. Это вывело Россию из состояния перманентного перевооружения и позволило в ходе Русско-турецкой войны взять частичный реванш за поражение в Крымской кампании».

Как старый акционер-пайщик Российско-Американской компании калужский дворянин Семён Иванович Яновский не мог равнодушно относиться к вопросу продажи русских колоний на Аляске. Известно, что он выступал против их продажи, утверждая, что Россия от этого только потеряет и ничего не приобретёт. Семён Иванович, повторяю, даже напечатал свою статью в защиту Русской Америки в одном из номеров «Северной пчелы» ещё в 1861 году. Как в воду глядел старый мореплаватель.

Часть девятая

Долгое эхо
Русской Америки

Глава 1

ДЕЛО ПОДВИЖНИКОВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

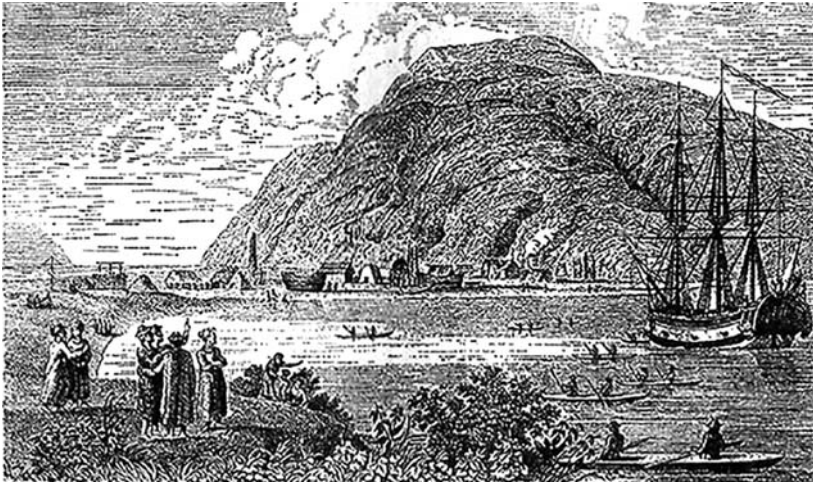
*К*о времени ликвидации Российско-Американской компании в 45 поселениях Русской Америки проживало уже более двенадцати тысяч российских подданных, не считая пятидесяти тысяч индейцев. Конвенция оговаривала право российских поселенцев «на сохранение религии и выбор гражданства». Из российских официальных учреждений на Американском континенте после 1867 года осталась лишь Русская Православная Церковь: продолжали существовать три миссии — Юконская, Нушагакская и Кенайская (сегодня на Аляске более восьмидесяти православных приходов).

В 1994 году отмечалось 200-летие Православия в Америке. Ещё в 1793 году сибирские купцы Шелихов и Голиков, чьи промысловые отряды первыми обосновались на островах Аляски, обратились к митрополиту Санкт-Петербургскому Гавриилу с прошением предоставить священника для российских поселений. Прошение вскоре было рассмотрено, и 4 мая 1793 года Екатерина II указала Святейшему Синоду исполнить просьбу купцов. Вместо одного священника было решено отослать в Америку целую духовную миссию — всего 8 священнослужителей (из них 6 были насельниками Валаамской обители), которые, прибыв в Русскую Америку в 1794 году, сразу начали свою миссионерскую деятельность. Из отчётов Американской духовной миссии известно, что алеуты крестились охотно, чего нельзя сказать про индейские племена, хотя и среди них тоже были желающие креститься.

Архимандрит Августин (Никитин), кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской духовной академии, в своей статье «Первая миссия» так пишет о православном миссионерстве на самых отдалённых землях России в XVIII—XIX веках¹:

«Сегодня, когда повсеместно возрождается вера и религиозная жизнь в России, самое время вспомнить тех подвижников, кото-

¹ *Архимандрит Августин. Первая миссия / Архимандрит Августин // Русская Америка. — 1994. — № 1. — С. 5–7.*

Старинная гравюра
«Поселение Григория
Шелихова на Кадьяке»

рые несли слово Божие в далёкую и суровую Русскую Америку. И особо надо сказать о первой православной миссии, отправившейся двести лет назад к американским берегам.

13 августа 1794 года из Охотска вышли на Аляску два корабля — «Три святителя» и «Святая Екатерина». На первом корабле разместились миссия, сопровождаемая особой инструкцией и наставлениями Святейшего Синода. Предписывалось утверждаться в примерах и добродетелях христианской жизни, внушать религиозно-нравственные понятия из Евангелия, Деяний и Посланий Апостольских.

Миссии предстоял трудный, временами трагический, но поистине одухотворённый путь. Некоторые из её участников приняли на этом пути мученическую смерть, но совершили великое дело, неся коренному населению свет Православия. Разумеется, это были не первые христиане в тех далёких землях. Православие пришло на острова и побережье северо-западной Америки вместе с первыми русскими землепроходцами раньше...

Митрополит Гавриил предписал Валаамскому игумену Назарию подобрать миссионеров. В состав миссии вошли: архимандрит Иосаф (Болотов), он же глава миссии, с ним иеромонахи Ювеналий, Афанасий, Макарий, иеродиакон Нектарий, монахи Стефан, он же впоследствии иеродиакон, далее Герман и Иосаф. Все члены миссии, кроме Макария и Стефана, были насельниками Валаамской обители. Иеромонах Макарий и монах Стефан прибыли из Коневского монастыря...

Макет галиота
«Три святителя»,
доставившего
первую русскую
миссию на Аляску

Икона блаженного
Германа
Аляскинского

Иеромонах Ювеналий совершал миссионерские поездки по материковой Аляске, проповедовал слово Божие, убеждал отдавать детей в кадьякскую школу, терпел нужды холода и голода... Но аборигены, прежде всего индейские племена с берегов Аляски, принимали миссионера враждебно...

Судьба священнослужителей Первой Кадьякской миссии сложилась по-разному: только двое из них — монах Герман и Иоасаф — до конца дней своих не покидали американской земли. Удалились в Россию иеродиакон Нектарий и иеромонах Афанасий. Иные из иноков и священников, не принявших монашества, были высланы в Иркутск главным правителем Барановым,

иные, подобно иеромонаху Макарию, покинули Русскую Америку, не выдержав трудностей.

Монах Ювеналий, подвизавшийся нести свет Православия материковым индейцам — кенайцам — и осуждавший многожёнство, обыкновенное среди индейцев, погиб от рук туземцев. В ходе мирных переговоров с кенайцами последние выдвигали условия: если русские хотят с ними торговать, то пусть не присылают священников, ибо «убьют первого, приехавшего к ним».

Спустя много лет после прибытия православной миссии на Аляску российские землепроходцы, проходившие по рекам Аляски — Аннанык, Тогцак, Анчагуктули и Кускоквим, видели у старика-индейца медную табакерку с монограммой императора Александра I да переломленный медный крест, «что одна девка на лбу носит», — вещи, ранее принадлежавшие монаху Ювеналию.

Но не напрасна была подвижническая деятельность миссионеров. Было принято решение об учреждении на Кадьяке особой епархии. Синод постановил возвести архимандрита Иоаса-

фа в сан епископа Кадыякского и прочих прилегающих островов, викария Иркутской епархии... Наречение нового епископа было совершено в Иркутске 3 апреля 1799 года, а 10 апреля он был посвящён во епископа Кадыякского. Этот случай хиротонии во епископа одним архиереем был едва ли не единственным в истории Русской Церкви.

Судьба епископа Иоасафа оказалась трагической. На обратном пути в Русскую Америку он погиб во время крушения корабля «Феникс» летом того же 1799 года... Иеромонахи Стефан и Макарий, входившие в состав миссии, также трагически погибли на корабле «Феникс». В 1806 году иеродиакон Нектарий, тоже один из членов Кадыякской миссии, выехал из неё и скончался по дороге в Вятской епархии. Иеромонах Афанасий и монах Иоасаф дольше других исполняли свой долг; первый прослужил в сане священника в кадыякской церкви до 1825 года, второй заведовал церковным имуществом вплоть до своей смерти в 1823 году.

В составе миссии, как было уже сказано, находился валаамский монах Герман, который в последние годы удалился от мира и до кончины в 1837 году жил на острове Еловом близ Кадыяка, названном им «Новым Валаамом». Там он построил небольшую часовню и школу для алеутских сирот, число которых сильно увеличилось после эпидемии испанки в 1819 году. Живя на острове Еловом, Герман помогал жителям Кадыяка во время эпидемий и стихийных бедствий, после чего стал настоящим духовным другом и наставником для кадыякцев. Память о нём почитается местными жителями до наших дней.

К о. Герману и приезжал на о. Еловый осенью 1819 года во время длительной поездки по владениям Русской Америки главный правитель Русской Америки Семён Иванович Яновский с молодой женой Ириной Александровной и первенцем Александром, названным в честь Александра Баранова.

Главный правитель Яновский тогда решал не только административные дела русских колоний. Встречаясь с о. Германом в октябре—ноябре 1819 года на о. Кадыяк (во время эпидемии испанки), он стал одним из первых, кто со слов монаха-миссионера записал историю первой православной экспедиции на Аляске. Эти записи Семёна Ивановича Яновского и его воспоминания (наряду с другими свидетельствами) затем легли в основу жизнеописания основателя «Нового Валаама» — ныне преподобного Германа Аляскинского.

Памятник на месте
кельи прп. Германа.
1930-е гг. XX в.

Благодаря стараниям Яновского (вероятно, по наброскам Семёна Ивановича, который делал зарисовки во время своего длительного вояжа в 1819 году на остров Кадьяк и на другие острова), много лет спустя его дочь Елизавета Яновская, ставшая монахиней Калужского женского монастыря, под руководством отца выполнила небольшой портрет о. Германа. На основе этого портрета была написана икона преподобного

Германа, после того как в августе 1970 года православный миссионер был причислен к лику святых и стал первым американским святым в православном календаре.

Но почему Семён Иванович (прекрасный рисовальщик в молодости) не смог сам выполнить портрет о. Германа по своим наброскам? Ответить на этот вопрос может только тот, кто видел архивные документы с личными записями и комментариями Семёна Ивановича: почерк престарелого Семёна Ивановича Яновского таков, что прочесть его почти невозможно, — так пишет человек, которого плохо слушается правая рука. Поэтому и пришлось прибегнуть к помощи дочери Елизаветы, которая унаследовала от отца способности к рисованию.

* * *

В сентябре 1993 года посетил Соединённые Штаты Америки и официально открыл празднества по случаю 200-летия Православия в Америке Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Визит начался 16 сентября с Анкориджа (штат Аляска), где в аэропорту Алексия II встретили архиепископ Вашингтонский, митрополит всея Америки и Канады Феодосий, иерархи, клирики и миряне Русской Православной Церкви. Официальные сообщения того времени дают следующую информацию¹:

¹ Визит патриарха / по сообщениям ИТАР ТАСС и Информационного бюллетеня ОВЦС Московского Патриархата // Русская Америка. — 1994. — № 1. — С. 4.

«...19 сентября перед Божественной литургией в кафедральном соборе Анкориджа в честь святителя Иннокентия Московского Святейший Патриарх окропил святой водой новый соборный иконостас. После службы состоялся обмен приветственными речами и награждение священнослужителей, потрудившихся в деле церковного строительства и просвещения. Затем был приём, организованный приходом Иннокентиевского собора, на котором, в частности, присутствовал губернатор Аляски, главы местных общин и епархий. Предстоятель Русской Православной Церкви был удостоен звания доктора богословия Университета Аляски... В своём выступлении на приёме Святейший Патриарх напомнил основные этапы христианского просвещения Аляски и отметил, что деятельность миссионеров не носила в себе элементов русификации.

В тот же день Патриарх прибыл на остров Кадьяк, на котором в 1794 году высадились первые русские миссионеры...»

Имена многих славных представителей Русской Православной Церкви связаны с Америкой: первоиерарх Америки Иоасаф, преподобный Герман Аляскинский, святитель Иннокентий Московский, архиепископ Анатолий Иркутский, патриарх Тихон, архимандрит Севостиан Дабович, священномученик Серафим Угличский... Американская земля явилась свидетелем их подвижничества.

Глава 2 АВТОР АЛЕУТСКОЙ ГРАММАТИКИ

Говоря о влиянии Русской Православной Церкви на жизнь коренного населения Аляски в первой половине XIX века, необходимо остановиться на такой уникальной личности, какой был православный миссионер, учёный этнограф и лингвист, священник Иркутской губернии Иоанн Вениаминов (Иннокентий). Научный сборник «Русская Америка» даёт следующие сведения о жизни этого удивительного человека¹.

Сын пономаря из села Анга Иркутской губернии Евсея Попова, Иван Попов, родился в 1797 году в том же селе. После окончания

¹ Письма И. Вениаминова К. Т. Хлебникову // Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. — М.: Мысль, 1994. — С. 151–154.

Иоанн Вениаминов
(Иннокентий)
(1797–1879)

Иркутской семинарии за особые успехи в обучении он в память умершего епископа Иркутского получил фамилию Вениаминов и стал настоятелем Благовещенской церкви в Иркутске. Честно служил, имел жену, сына... Всё круто изменилось в судьбе Иоанна Вениаминова в 1823 году, когда по указу Синода из Иркутска на остров Уналашка Алеутских островов должен был быть направлен священник. Ехать в Русскую Америку просвещать язычников желающих не нашлось. Даже тот молодой священник, которому выпал жребий ехать на Уналашку, предпочёл пойти в солдаты.

Сначала отказался и Иоанн Вениаминов, но затем дал своё согласие. Это было началом его трудного, но славного миссионерского пути на американской земле.

Православный миссионер из Иркутска прибыл в Русскую Америку в 1824 году, уже после того, как Семён Иванович Яновский отбыл с семьёй в Россию. Десять лет прожил священник Вениаминов среди алеутов на о. Уналашка, посещая селения своих прихожан на Алеутских островах и на полуострове Аляска, вплоть до поселений эскимосов. Вместе с ним на американской земле находилась его семья. С 1834 года Иоанн Вениаминов становится протоиереем церкви Св. Михаила в Новоархангельске и в течение шести лет близко общается с индейцами-колошами. Это общение приводит многих бывших врагов русских переселенцев в лоно Православия.

В 1840 году Иоанн Вениаминов возвращается в Россию и становится первым епископом учреждённой в том же году Камчатской, Курильской и Алеутской епархии. Новое имя (Иннокентий) он получил уже после смерти жены, когда принял монашеский постриг. С 1850 по 1868 год был архиепископом Камчатским и Якутским, возглавлял миссионерскую деятельность на всём северо-востоке Сибири, а с 1868 года до своей кончины в 1879 году Иннокентий Вениаминов находился в сане митрополита Московского и Коломенского.

В Государственном архиве Пермской области хранится 12 писем священника Вениаминова другу Семёна Ивановича Яновского — Кириллу Тимофеевичу Хлебникову, который в 1833 году становится правителем канцелярии Главного правления компании в Петербурге, а в 1835 году — одним из его директоров. Судя по содержанию одного письма Вениаминова, отправленного летом 1827 года Хлебникову, будущий митрополит знал Семёна Ивановича Яновского. Вот небольшой отрывок из этого письма¹:

«Ваше благородие, почтеннейший Кирилл Тимофеевич!

Два письма Ваши, а с ними и книжку от Семёна Ивановича я имел честь получить: 1-е — 10 июня, второе — 27 июня. И приношу мою сердечную благодарность за Ваше непрерываемое благорасположение...»

Известно, что после своего отъезда с семьёй из Новоархангельска в Петербург через Сибирь Семён Иванович не прерывал своих связей с Русской Америкой, в частности с о. Германом. В 1822 году с оказией, уже находясь на территории материковой России, Яновский послал старцу-наставнику о. Герману две книги богословско-философского содержания. Специалисты, занимающиеся историей Русской Америки, считают, что как раз об одной из этих книг и упоминает священник Вениаминов.

Но есть и другая версия: Иоанн Вениаминов получил в руки книгу, которая была прислана Кириллу Тимофеевичу Хлебникову Яновским уже после возвращения последнего в Петербург. Ведь не секрет, что Яновский и Хлебников переписывались до возвра-

Ситка, бывший Новоархангельск. На переднем плане больница. На заднем — дом русского просветителя Аляски епископа Иннокентия

¹Письма И. Вениаминова К. Т. Хлебникову // Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. — М.: Мысль, 1994. — С. 160.

*Классная комната
в доме епископа
Иннокентия*

щения Кирилла Тимофеевича в столицу, где тот получил должность правителя канцелярии Российско-Американской компании в 1833 году. Известно также, что Яновский каждый год посылал с кораблями кругосветного плавания на остров Кадьяк денежные средства и посылки своей теще — последней супруге Александра Баранова — Анне Григорьевне Рассказчиковой, матери своей первой жены Ирины.

С именем Вениаминова связывают широкое распространение среди аборигенов Аляски православной религии, которая является сейчас наиболее характерной и почитаемой традицией их национальной культуры. Русским священником была составлена первая научная алеутская грамматика с алеутско-русским словарём, обогатившая лингвистику сведениями о неизвестном ранее языке. Грамматика Вениаминова была переведена и издана на английском языке в США в 1944 году, в годы Второй мировой войны. Вениаминов также создал алеутскую письменность, разработал алфавит и составил первый алеутский букварь. Он же перевёл на алеутский язык книги религиозного содержания: Евангелие, Катехизис и другие.

Вениаминов также является автором книги «Замечания о колошенском и кадьякском языках и отчасти о прочих российско-американских с присовокуплением российско-колошенского словаря» (издана в Петербурге в 1846 году). Это позволило священникам вести службу на языке воинственных колошей, чем те чрезвычайно гордились.

Портрет и русско-алеутский словарь святителя Иннокентия

Слава Вениаминова как миссионера и просветителя, «добротого отца», «апостола» Аляски оказалась настолько значительной в памяти коренного населения Аляски, что в 1977 году по прошению Священного Синода Православной Церкви в Америке он был канонизирован Священным Синодом Русской Православной Церкви.

Как тут не вспомнить слова коммерсанта Российско-Американской компании Кирилла Хлебникова в записках, составленных им в Русской Америке ещё до приезда в Новоархангельск Иннокентия Вениаминова:

«...Но всего более должно полагать надежду, что когда-нибудь озарятся они светом Евангелия. Благодать, изливающаяся на одного, сильнее действует, нежели все усилия ума человеческого. Умный и способный к познанию их языка священник был бы весьма полезен. Многие из них, любопытствуя о Боге, соглашались в бытии Его, почитают справедливым бессмертие души, награду за добро, содеянное в жизни, и наказание за зло...»

Именно таким священником и оказался Иннокентий Вениаминов, ставший близким другом Кириллу Хлебникову, будущему начальнику канцелярии Российско-Американской компании. Научная работа россиян по созданию букваря и грамматики для коренных народов Аляски нерасторжимо связана с миссионерской работой православных священников на американской земле.

Стоит добавить, что много лет спустя просветитель Америки святитель Иннокентий (тогда уже митрополит Московский) приехал

именно туда, куда часто с семьёй наезжал к своему духовному отцу, старцу Антонию, директор калужских училищ Семён Иванович Яновский — в Оптину пустынь¹. В 1871 году Святитель Иннокентий посетил в Предтеченском скиту старца Амвросия и имел с ним беседу. Известно, что Амвросий Оптинский почитал первоиерарха и держал в своей келье его портрет. Семён Иванович Яновский в это время был уже иноком калужского монастыря Тихонова пустынь. Посетил ли в этот же приезд митрополит Московский Иннокентий эту калужскую обитель и встречался ли с бывшим главным правителем Русской Америки, от которого он получал книги через комиссанта Хлебникова, будучи ещё простым священником на одном из островов Аляскинского архипелага, нам пока не известно.

Глава 3 ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ ПОСЛЕ 1867 ГОДА

Исторические связи Калужской земли с Русской Америкой и Аляской раскрываются не только через жизнь и деяния выдающихся российских мореплавателей XIX века, калужан Семёна Ивановича Яновского, Семёна Яковлевича Унковского и Алексея Алексеевича Пещурова.

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин) с 1982 года более семи лет служил Управляющим патриаршими приходами в Канаде и США.

После визита Святейшего Патриарха Пимена в июне 1982 года в Нью-Йорк встал вопрос о направлении туда нового управляющего Патриаршими приходами в Канаде и США, так как прежний возвращался на родину². 16 июля 1982 года решением Священного Синода на эту должность был избран епископ Серпуховской Климент (ныне митрополит Калужский и Боровский). В Канаде в то время было 24 прихода в двух провинциях, в США — 29 в 11 штатах. Канадскими приходами владыка управлял до назначе-

¹ Св. Иннокентий, просветитель Америки // Русский паломникъ. — 1997. — № 16. — С. 98.

² Слово и вера: книга размышлений митрополита Климента, председателя Издательского Совета Русской Православной Церкви / сост. А.В. Велько. — Минск: Издательство Белорусского Экзархата Русской Православной Церкви, 2012. — С. 9–11.

ния туда в 1986 году самостоятельного епископа.

Своё служение епископ Серпуховской Климент начал с развития связей между приходами, духовенством и прихожанами. Приехав в США, он увидел, что все приходы разрознены, что американское духовенство относится к Свято-Никольскому приходу как к представительству Патриарха, а не как к своему духовному центру. Поэтому владыка ввёл регулярные совместные богослужения с участием клира собора и приходов, стал проводить

*Часть девятая
ДОЛГОЕ ЭХО
РУССКОЙ АМЕРИКИ*

*Митрополит
Калужский и Боровский
Климент*

съезды духовенства и мирян приходов, участвовал в работе Федерации Русских православных клубов, куда входили почти все Патриаршие приходы. Владыка в течение первого года выучил английский язык и свободно мог не только произносить возгласы на английском языке, но проповедовать и беседовать с народом.

Благодаря трудам владыки на Северо-Американском континенте были сформированы две полноценные епархии. Особой его заботой в то время было налаживание братских отношений с представителями Русской Православной Церкви за рубежом (РПЦЗ), проживающих на вверенных его управлению территориях. По инициативе владыки состоялись многочисленные паломнические поездки представителей РПЦЗ на свою историческую родину, что помогло в лучшую сторону изменить представление наших соотечественников за рубежом о жизни Православной Церкви в Советском Союзе конца 80-х годов прошлого века.

В Северной Америке епископу Серпуховскому приходилось также встречаться с ответственными работниками правительства США и ООН, губернаторами штатов, представителями деловых кругов. Опыт этой работы очень пригодился владыке потом в России, после того как решением Священного Синода от 20 июля 1990 года уже архиепископ Климент был назначен на калужскую кафедру и стал заместителем Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата.

Но, помимо своей основной работы в Америке, будущий митрополит Калужский и Боровский внимательно изучал историю

Православной Церкви на Американском континенте, знакомился со многими людьми, занимающимися этим вопросом, долгое время собирал материалы. В результате трудов владыки в 2009 году в свет вышла его замечательная книга «Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года».

Позволим себе воспользоваться её страницами для освещения жизни коренного населения Аляски и православных священнослужителей, которые продолжали службу на американской земле уже после продажи в 1867 году русской Аляски США¹:

«...Православная миссия не прекратила своё существование на Аляске после продажи этой русской территории Соединённым Штатам, как можно было ожидать, но, напротив, адаптировавшись к новым условиям, стала расширять свою деятельность. Православные миссионеры в этот период не только учили и духовно окормляли местных жителей, но и помогли им выжить в новых условиях, сохранить свою самобытность, и выступили в их защиту перед новой властью.

Одним из главных итогов миссионерской деятельности Русской Церкви на Аляске стало то, что не только русские, оставшиеся там после её продажи Америке, и их потомки, но и большинство коренных жителей пребывали в достаточно крепкой связи с православной культурой и верой. Многие десятилетия православная вера продолжала сохраняться в семьях местных народов и руководить жизнью многих людей. Во многих домах традиционные лампы Русской Церкви теплились в святых углах...

Сравнение численности православных туземцев на Аляске показывает, что она мало изменилась в разные периоды пребывания там русских. Да и само число просвещённых было невелико по сравнению с общей численностью туземного населения края.

Первые миссионеры говорили о крещении примерно 10 000 местных жителей, а через 70 лет после этого, на момент продажи Аляски, православных там было 12 000. Но, при малом количественном росте, за это время существенно изменилось внутреннее состояние аляскинской паствы. У значительной части крещёных туземцев православная вера стала осознанной, она закрепилась в самосознании местных народов, прежде всего алеу-

¹ Митрополит Климент (Капалин). Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года / Митрополит Климент (Капалин). — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. — С. 480—482.

тов, во многом благодаря тому, что на туземные языки были переведены тексты Священного Писания, молитвы и поучения...

Всё это способствовало сохранению православной веры и традиций у народов Аляски даже при активной деятельности протестантских миссионеров. Наглядным образцом верности алеутов Православию является сел. Никольское на Алеутских островах, где 35 лет они не только не имели постоянного настоятеля, но за этот период к ним не приезжал ни один православный священник. Каждый воскресный и праздничный день они все собирались в храме и самостоятельно совершали молитвы. В середине 50-х годов XX века на остров прибыла группа протестантских миссионеров, и когда собравшиеся сельчане узнали о цели их визита, то они сказали миссионерам, что «Христос прибыл на их остров 150 лет назад, что они были православными и будут продолжать сохранять Православие», и были против их пребывания на острове.

В 1917 году численность православной паствы на Аляске составляла более 11000. Несмотря на все трудности, вызванные как изменением политической и экономической ситуации, так и активной деятельностью католических и протестантских миссионеров, Православие оставалось основной верой местных жителей.

И сегодня во многих селениях местные жители Аляски с гордостью говорят, что они — православные и что они с благодарностью хранят в памяти имена русских миссионеров, которые трудились на их земле...».

Митрополит Калужский и Боровский Климент, отдавший немало времени изучению жизни и духовных подвигов святителя Иннокентия, в книге «Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года» ясно обозначает ведущую роль святителя в деле укрепления Православной Церкви на Американском континенте после 1867 года¹:

«...Святитель Иннокентий, прослуживший на Аляске в общей сложности 37 лет, в её продаже видел промысленный путь, которым Православная Церковь может распространиться по всему Северо-Американскому континенту. Он поддержал мнение Комитета при Министерстве финансов о необходимости учредить отдельную епархию для управления православными

¹ Митрополит Климент (Капалин). Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года / Митрополит Климент (Капалин). — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. — С. 274.

приходами на Аляске и Алеутских островах. При этом он предложил не ограничивать эту епархию лишь бывшими российскими владениями в Америке, а включить в неё и те населённые пункты в Соединённых Штатах, где также проживали православные.

Став митрополитом Московским и постоянным членом Святейшего Синода, он много сделал для реализации высказанных им предложений по устройству Православной епархии в Америке, включая разработку штата её духовенства и подбор кандидатов в епископы.

Сообщая о поступивших от него предложениях об открытии епархии в Америке, директор канцелярии обер-прокурора писал, что митрополит Иннокентий рекомендовал переместить кафедру епископа из Новоархангельска не в Кадьяк, а в Сан-Франциско, так как «это удобнее место для пребывания преосвященного в Америке... как по климатическим условиям и по удобству сообщения с бывшими колониями, так и ввиду распространения Православия в Соединенных Штатах».

Со временем определились и кандидаты, согласившиеся поехать в Америку для епископского служения. В своём письме обер-прокурору графу Толстому от 10 мая 1870 года святитель Иннокентий писал¹:

«Слава Богу! Наконец, вопрос о занятии архиерейской кафедры в С. Франциско может быть решён ныне же. Из 6 лиц, спрошенных мною чрез посредничество людей благонадежнейших, трое изъявили согласие: 1-й — Архимандрит Симеон, бывший Инспектор Московской, а ныне Ректор Пензенской семинарии, магистр, 34 лет. 2-й — Архимандрит Иоанн, помощник Инспектора Московской Духовной Академии, магистр, 34 лет. 3-й — Соборный Иеромонах Никифор, Смотритель Духовного Донского Училища, студент, 35 лет...

И осмеливаюсь заключить сие моё письмо всепокорнейшею просьбою — Ваше Сиятельство! Примите на себя труд покончить это дело ныне же, иначе оно может затянуться надолго».

Все три рекомендованных кандидата были вскоре представлены на рассмотрение Александру II, и 10 июля 1870 года император утвердил кандидатуру архимандрита Иоанна (Митропольского). Таким образом, с 1870 года православная миссия на Аляске управлялась своими архипастырями, прибывшими в Сан-Франциско.

¹Цит. по кн.: Митрополит Климент (Капалин). Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года / Митрополит Климент (Капалин). — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. — С. 284.

* * *

С приходом на земли русских колоний новой власти жизнь туземцев и тех россиян, которые пожелали остаться на прежнем месте, стала круто меняться. И не в лучшую сторону. Этот значительный период (с 1867 по 1917 год) имеет немало драматических и трагических страниц, которые для нас не канули в Лету только благодаря свидетельствам русских православных священников, продолжавших службу на Аляске. Эти свидетельства так же вошли в книгу Митрополита Калужского и Боровского Климента¹:

«...В то время как административная власть на Аляске формально перешла в руки военного министерства, а экономические дела — в ведение департамента казначейства, фактически её полноправными хозяевами стали компании, занимавшиеся добычей и переработкой природных ресурсов этого края и эксплуатировавшие местное население.

Первоначально на приобретённых США землях обосновался пушной бизнес. Организованная в 1870 году в Сан-Франциско Аляскинская торговая компания (Alaska Commercial Company) получила от Вашингтонского правительства эксклюзивное право на добычу пушнины в районе о-вов Прибылова сроком на 20 лет. Но она не ограничилась только этой территорией, и вскоре в сферу её экономических интересов вошла вся Западная, или Дальняя Аляска — Алеутские острова, Кадьякский архипелаг, долина р. Юкон на материке. Её административным центром на Аляске было село Уналашка (прежнее название — Иллюлок) на острове Уналашка, откуда в период навигации отправлялись принадлежавшие ей торговые суда.

Однако скоро принцип “прибыль прежде всего” стал отрицательно сказываться на состоянии промысла. Количество пушного зверя резко сократилось, и компания вынуждена была оставить этот промысел и заняться добычей и переработкой местных ресурсов.

К концу XIX века на Аляске почти полностью были истреблены каланы, и правительство запретило их промысел. Торговые компании во многих местах ликвидировали свои торговые точки, и населению стало негде приобретать необходимые продукты, товары и медикаменты, а в тех местах, где лавки ещё действо-

¹ Митрополит Климент (Капалин). Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года / Митрополит Климент (Капалин). — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. — С. 254–257.

Священник
Тихон Шаламов
(1868–1933)

вали, туземцы не могли получить их в долг. В своём походном журнале священник Тихон Шаламов (Тихон Николаевич Шаламов, выпускник Вологодской духовной семинарии — отец выдающегося русского писателя Варлама Тихоновича Шаламова, автора «Колымских рассказов». — Ю. Х.) писал: «Некогда — лет пять назад — богатое селение (Аякталик) без бедных и немущих, ныне, с разгоном бобров, с хищничеством торговцев — сплошная яркая бедность...»

Через 10 лет после продажи Аляски там начал развиваться рыбный промысел. В 1878 году в г. Ситка был построен первый консервный завод. Но с рыбным промыслом происходило то же самое, что и с пушным. Компании вели нерегулируемый отлов рыбы. В сел. Ахиок, где располагалась одна из рыбных фабрик, промысловики с мая до осени устанавливали сети поднятыми «на столбах до сажени над уровнем воды в речке, чтобы рыба не могла даже по воздуху проникнуть в озеро» для метания икры. В результате реки беднели рыбой, лес и тундра — дичью, и местное население лишалось не только привозимых на Аляску, но и своих традиционных продуктов питания.

Наиболее интенсивно экономика Аляски развивалась после 1880 года, когда на её территории были открыты и начали разрабатываться месторождения золота. В эти годы на Аляску прибывали тысячи людей. Численность американского населения Аляски за время «золотой лихорадки» подпрыгнула в 1880 году от 500 человек до 8 тысяч, большинство из которых были старателями. Многие из них оставались в этом крае на постоянное жительство. Каждый участок земли в районах золотодобычи стал привлекательным для предприимчивых американцев, и тот факт, что земля принадлежала Церкви, не останавливал ни частных лиц, ни крупные компании...

В 1890-е годы на Аляске во множестве появились промышленные предприятия по обслуживанию горнодобычи. В местах

крупных разработок золотоносных месторождений возникли крупные города. Эти процессы привлекли к экономике края внимание Вашингтонского правительства. В конце 90-х годов оно начало развивать земледелие, а также проводить поиски полезных ископаемых, в результате которых были обнаружены месторождения каменного угля. С наступлением XX века началось строительство автомобильных дорог, а в 1914 году был проложен первый железнодорожный путь...»

Падение уровня жизни коренных аляскинцев было обусловлено различным характером освоения территории Аляски: русские, число которых было небольшим, испытывали недостаток в рабочей силе и особенно в квалифицированных рабочих, а поэтому они обучали местных жителей различным ремёслам и создавали для них школы. Американцы, ехавшие в большом количестве на Аляску, привлекаемые богатыми природными ресурсами, не нуждались в их помощи. Они не были заинтересованы в приёме их на работу даже в качестве подёнщиков.

«Хозяева фабрик неохотно берут алеутов на работу, предпочитая им шведов, финляндцев и даже китайцев, хотя, несомненно, что алеуты могут работать не хуже последних», — отмечал кадьякский священник Тихон Шаламов.

Те из туземцев и креолов, которые помнили жизнь при русских, говорили: «При русском владычестве каждый рабочий человек получал в 10 раз меньше, чем теперь, но зато имел в 10 раз более, чем теперь, — ибо теперь всё, что дают, сейчас же и отбирают разными путями». Это приводило к гибели целых селений туземцев.

Митрополит Калужский и Боровский Климент пишет в своей книге: «...На Аляске стали открываться новые школы, медицинские и другие учреждения, суды. В 1884 году из федерального бюджета США было выделено 25 000 долларов на развитие образования этого края. Но, создавая системы социального обеспечения населения и правового регулирования, местные власти проявляли разное отношение к американцам и туземцам, последние для них были дикарями. Игнорирование представителями власти того факта, что они имеют дело с христианами, многие из которых были грамотны, а некоторые имели хорошее по тем временам образование, было повсеместным...»

Воинственные индейцы колоши-глинкиты, долго пребывавшие с русскими в состоянии «холодной войны», убедились, что с исчезновением Русской Америки их взаимоотношения с новыми хозяе-

вами территорий отнюдь не изменились в лучшую сторону. И если русские промышленники когда-то содержали их дочерей и в подавляющем большинстве случаев не отказывались от детей-креолов, то с уходом русских положение изменилось. В одном из своих обращений к президенту США индейцы-глинкиты писали¹:

«...Бродяги и бездельники, вроде солдат и матросов... спаивают наших жён и дочерей и нередко в таком состоянии оболъщают их. Мы таковые сведения доводили до местных властей, но всегда с одним результатом, что белый человек остаётся на свободе и не наказан, а туземец подвергается штрафам, тюремному заключению и проч.

...в 1893 году группа алеутов обратилась к епископу Аляскинскому с просьбой ходатайствовать перед русским правительством о разрешении им переселиться на Командорские острова...

Прибывшие на Аляску государственные служащие не считались не только с местным населением, но и с православным духовенством, и при всякой возможности вмешивались в церковные дела. Ситкинские индейцы направили петицию президенту США Уильяму Мак-Кинли, в которой говорилось о невозможности получения от местных представителей Вашингтона удовлетворения... справедливых и законных требований.

“Нам известно, — писали они, — что русское правительство, передавая Аляску Соединённым Штатам, не продало нас как невольников, а выговорило нам некоторые права и преимущества, которые впоследствии были утверждены и узаконены Конгрессом...”

Даже официальный орган Аляски — газета «The Alaskan» — 7/19 ноября 1898 года опубликовала обращение к Конгрессу США с просьбой обратить внимание на положение дел на Аляске и позаботиться об улучшении условий жизни местного населения.

“...По какой причине нас игнорируют? — писалось на её страницах. — Едва ли когда-либо в истории мира затраченный

¹Цит. по кн.: Митрополит Климент (Капалин). Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года / Митрополит Климент (Капалин). — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. — С. 235.

капитал был возвращён с такими процентами, как капитал, затраченный на покупку Аляски. Эти семь миллионов уплачены не один, а много раз, и всё из средств самой территории. Аляска у правительства никогда не просила ни денежного подспорья, ни субсидии; единственное, о чём мы просили, — это распространения на наш край законов “о приобретении прав оседлости”; да ещё о допущении в Конгресс одного делегата нашим представителем...”»

В газете также указывалось на несоблюдение 3-й статьи Договора об уступке Аляски Соединённым Штатам, которая гарантировала всем её цивилизованным жителям полноправное гражданство США. Требование о присутствии в Конгрессе делегата от Аляски было удовлетворено только после ходатайства епископа Аляскинского Иннокентия (Пустынского) во время его личной встречи 27 мая 1906 года с президентом США Теодором Рузвельтом. В этом же году жители Аляски получили право избирать своего представителя в Вашингтон, и уже осенью 1906 года в первый раз были вызваны в Конгресс два делегата для представительства её интересов.

Коренные жители Аляски (и здесь помощь русских священников очевидна) постепенно учились, используя демократическое законодательство США, отстаивать свои личные права и права на свою землю. После 1917 года положение Русской Православной Церкви резко изменилось, в том числе и на американской земле. Но это отдельная история.

Глава 4 АЛЯСКА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В сороковые годы XX века Аляска снова увидела русских. Но на этот раз не коммерсантов и моряков, а военных лётчиков и авиационных специалистов. Их присутствие на американской земле было связано со Второй мировой войной.

Ещё задолго до мая 1944 года, когда союзники высадили свои войска в Нормандии, конгресс США принял решение помогать любой стране, чья оборона против вермахта признавалась жизненно важной для Америки. Такой страной, разумеется, стал Со-

ветский Союз, принявший на себя главный удар военной машины Третьего рейха 22 июня 1941 года.

Как известно, до декабря 1941 года правительство США не объявляло войну Германии и её основным союзникам — Японии, Финляндии, Италии. Придерживаясь политики нейтралитета (в то время как в Европе разворачивалась самая кровопролитная бойня за всю историю человечества), американцы не торопились переводить свою экономику на военные рельсы. И дорого заплатили за это!

7 декабря 1941 года японская военная авиация совершила массовый налёт на американскую базу Перл-Харбор, где в то время под американским флагом находилось 93 корабля. В том числе — 8 линкоров, 8 крейсеров, 29 эсминцев, а также 394 самолёта береговой охраны. На этот раз американская разведка показала свою полную беспомощность, и японцы застали американский флот врасплох. В результате массированной бомбардировки Перл-Харбора за два часа крошечного ада были потоплены или значительно повреждены все американские линкоры, 6 крейсеров, эсминец, на аэродромах было уничтожено 188 самолётов и ещё 159 выведено из строя. Погибло более 2400 американцев, более 1000 человек было ранено. Японцы потеряли в этот день всего 29 самолётов и одну подводную лодку. После этой национальной трагедии президент США Франклин Рузвельт обратился с посланием к конгрессу и заявил о готовности страны присоединиться к тем народам, «которые полны решимости оставаться свободными и объединёнными усилиями добиться победы над силами дикости и варварства».

Для воюющей Советской России пришло время американского ленд-лиза — особая страница Второй мировой войны. Напомним: программа ленд-лиза (от lend — «давать займы» и leas — «сдавать в аренду, внаём») — это система, по которой США, частично на безвозмездной основе, передавали союзникам военную технику, боеприпасы, продовольствие и стратегическое сырьё.

После прочтения романа Валентина Пикуля «Реквием по каравану PQ-17» у многих граждан России составилось представление, что основные поставки американского оружия осуществлялись в виде Северных конвоев через Атлантику. На самом же деле львиная доля американского ленд-лиза (более 47%) шла через сравнительно безопасный Тихоокеанский маршрут, 24% поставок велись через Иран... Красная армия получала американские самолёты раз-

личных типов, танки, зенитные и противотанковые орудия, автомашины, трактора, мотоциклы... Поскольку немецкая авиация в начале войны господствовала в воздухе, одной из важнейших статей ленд-лиза были американские самолёты: истребители «Аэрокобра», «Кингкобра», «Киттихаук», штурмовик «Митчелл», средний бомбардировщик «Бостон», транспортный самолёт «Дуглас» и др.

Согласно директиве штаба ВВС Красной армии от 21 августа 1942 года о формировании перегонных авиаполков и авиабаз Красноярской воздушной трассы, советские авиаполки дислоцировались в пунктах: Фэрбенкс, Уэлькаль, Сеймчан (США), Якутск, Киренск (СССР) — и подчинялись начальнику воздушной трассы.

Калужский краевед И. Ф. Гунченков в книге «Засекреченный генерал» об уроженце Тарусы, генерал-полковнике авиации Романе Петровиче Покровском, посвятил немало страниц работе советских специалистов и лётчиков на американской Аляске. Он даёт такие сведения¹:

Бомбардировщики B-25, A-20 «Бостон» и истребители P-39, подготовленные к поставке в Советский Союз по ленд-лизу, выстроены вдоль взлетно-посадочной базы ВВС США Ladd Field на Аляске перед приездом приёмной комиссии из СССР

¹ Гунченков, И. Ф. Засекреченный генерал. Факты. События. Люди / И. Ф. Гунченков. — Калуга: Издательство «Фридрихс», 2009. — С. 48, 51.

Фото на память:
советский экипаж
бомбардировщика
А-20 «Бостон»
и американские
специалисты

«...В первой декаде октября 1942 года по воздушной трассе Аляска — Красноярск советские лётчики стали перегонять истребители и лёгкие бомбардировщики на советский фронт...»

Как сообщает автор, отправной точкой советских перегонщиков стал аэродром Ладд Филд, находившийся в семи километрах от города Фэрбенкса, названного в честь американского сенатора Чарльза Фэрбенкса из штата Индиана.

Пережив золотую лихорадку в конце XIX века, впоследствии этот город привлёк к себе внимание богатых фирм Моргана и Гарримана. Именно здесь получила затем развитие авиационная промышленность. Американцы прекрасно понимали, что необозримые просторы Аляски немислимо осваивать без авиации. Вторая мировая война вдохнула новую жизнь в Фэрбенкс. В городе был построен огромный ремонтный ангар, оснащённый современным оборудованием. В нём-то и готовились американские самолёты к дальним перегонам.

На аэродром Ладд Филд пригонялись американские самолёты из различных авиационных заводов нижних штатов. Их доставляли опытные пилоты из перегоночной группы по трассе Грейт — Фолс — Фэрбенкс. После тщательного осмотра боевые машины передавались в руки советских специалистов. Подобно русским промышленникам и коммерсантам Русской Америки, советские лётчики, штурманы и радисты терпеливо изучали англий-

ский язык, а также перевод в метрическую систему мер единиц измерений, принятых на Западе: галлоны — в литры, мили — в километры, дюймы — в сантиметры...

У русских и американских лётчиков была очень похожая служба, но вот условия перегона были разные. Расстояние в 3000 км американские лётчики преодолевали (зачастую в довольно сложных метеорологических условиях) в четыре этапа. А советские лётчики-перегонщики вынуждены были преодолевать расстояние в 6500 км за пять (!) перегоночных этапов. Каждый этап — 1300 км. На все истребители приходилось ставить дополнительные баки горючего. Риск был вдвое больший, чем у американцев.

Война ежедневно пожирала не только огромное количество человеческих жизней, но и колоссальные объёмы военной техники. Особенно большие потери несла авиация Красной Армии: воздушные асы Третьего рейха имели к началу войны лучшие в Европе самолёты и большой боевой опыт. От перегонки американских самолётов по маршруту Аляска — Сибирь в определённой мере зависела судьба фронтов, исходы генеральных сражений. Сталин сумел настоять перед президентом США Рузвельтом, чтобы не американские, а советские лётчики занимались перегоном самолётов над территорией СССР. Особая группа, в которую входили как советские, так и американские специалисты, готовила самолёты и самих лётчиков к перелёту. Советским пилотам надлежало в совершенстве освоить новые машины, которые отличались по конструкции от отечественных. За ленд-лиз лётчики и техники несли ответственность, в прямом смысле, собственной головой. Сталин лично контролировал поставки союзников и потери самолётов во время перегонов.

Справедливости ради необходимо сказать, что американские истребители отлично зарекомендовали себя в боях. Одна из опе-

Монумент
«Аляска–Сибирь».
27 августа 2006 г.
в Фэрбенксе, штат
Аляска, состоялось
торжественное от-
крытие памятника
авиаторам ленд-лиза

ративных справок штаба 8-й Воздушной армии, принимавшей участие в самых ожесточённых сражениях с немецкими асами, свидетельствует¹:

«...Из лучших современных скоростных истребителей: Як-1, Як-76, Ла-5 и “Аэрокобра” — наименьшие потери несёт “Аэрокобра”, которая имеет 52 с/вылета (самолёта-вылета) и 50 часов налёта на одну боевую потерю, Як-1 и Як-76 имеют примерно одинаковые потери: 45 с/вылетов и 38 часов налёта у первого и 44 с/вылета и 42 часа налёта у второго. Малые потери самолёта “Аэрокобра” являются следствием хорошего бронирования, мощного вооружения и лучшего, чем у Як-1 и Як-76, обзора при одинаковых лётно-технических данных».

Общая работа и ответственность сдружила русских и американских авиаторов, которые приближали нашу общую победу, находясь за тысячи километров от линии фронта.

Опасная и тяжёлая работа сближала, появлялось то, что принято называть «боевым братством». Ведь пилоты, в том числе и американские, перегонявшие боевые самолёты из нижних штатов на Аляску, как и русские, вынуждены были работать в любых погодных условиях. Были случаи, что перегонщики гибли, пересекая огромные расстояния, пропадали без вести. Но на смену погибшим, прямо с фронта, прилетали те, кто ещё вчера участвовал в воздушных боях, ленд-лиз продолжал действовать.

Нам сейчас трудно понять, что стоит за словами «боевое братство». Но именно оно сыграло злую шутку с премьер-министром Англии У. Черчиллем и теми генералами-союзниками, которые разрабатывали в начале 1945 года секретную операцию «Немыслимое». Речь шла о том, чтобы после разгрома нацистов сразу повернуть войска британцев и американцев, а также вооружённых немцев-военнопленных против «иванов». Цель такого вероломства — оттеснить советские войска на восток. Но не получилось. Встреча на Эльбе показала, что американские и британские солдаты, а также офицеры настроены слишком дружелюбно по отношению к русским и совершенно невыносимо заставить их воевать с союзниками. По крайней мере, сразу после окончания войны.

¹ Цит. из кн. Гунченков, И.Ф. Засекреченный генерал. Факты. События. Люди / И.Ф. Гунченков. — Калуга: Издательство «Фридрихсбург», 2009. — С. 39.

Часть десятая

**Остаётся
только вера**

Глава 1 ПОСЛЕ ТРЁХ «ЛИХОРАДОК»

Выдающийся российский журналист Василий Песков, совершивший в 1993 году путешествие по Аляске, автор замечательной книги «Аляска больше, чем вы думаете», пишет¹:

«...Три вспышки страстей пережила Аляска, три лихорадки: пушную, китовую, золотую. Пришлые люди брали, что можно было взять, увезти. Аборигены продолжали жить тем, что давала живая природа. Только к этому они были приспособлены.

Но вот уже в наше время появились признаки ещё одной лихорадки, самой значительной и серьёзной — на Аляске обнаружили нефть. Уже не кучки искателей счастья — всё громадное государство нацелилось брать на Аляске очередное богатство. Всем было ясно: на этот раз будут затронуты основы жизни коренных обитателей края. И затронуты очень серьёзно.

Как поступить? С аборигенами всех остальных районов Америки не церемонились. Землю у них покупали сначала за безделушки, потом их стали с земли прогонять. Сопротивлявшихся истребили. Дело кончилось резервациями, где дети природы, получая от государства подачки, “живут подобно бизонам, загнанным за ограду”.

Сегодня, когда жизнь “наработала” этический, нравственный капитал, когда много говорят о правах человека, американцы ощущают комплекс вины за всё, что сделано было с индейцами. Поступить так же и на Аляске? Не те времена. На защиту интересов индейцев, эскимосов и алеутов поднялась вся совестливая Америка. Да и аборигены Аляски уже не были такими тёмными, чтобы сложа руки ждать решения своей судьбы. Объединившись, они потребовали оформить законом их право на землю, где они обитали. До этого им разрешали лишь жить, охотиться и ловить рыбу на этой земле.

¹ Песков, В. Аляска больше, чем вы думаете / В. Песков. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2006. — С. 97–100.

В результате длительных споров и размышлений (это было при Никсоне) впервые в истории Соединённых Штатов был принят закон, закрепивший за коренными жителями шесть миллионов гектаров земли...

В. М. Песков
(1930–2013)

Кроме того, за уже развёрнутую хозяйственную деятельность аборигенам Аляски была назначена компенсация — без малого миллиард долларов. Эта сумма, а также доходы от сданной в аренду земли под нефтедобычу обрушила на индейцев, эскимосов и алеутов испытание, какого они не знали за всю их аляскинскую историю, — они стали богаты...

Шагнуть из натурального хозяйства в мир электричества, телевизоров, телефонов, банковских счетов, снегоходов, компьютеров, привозных фруктов — явление не такое простое, как кажется.

Ружьё и патроны к нему были главной ценностью лесного охотника и прибрежного китобоя. И вот стали покупать сразу много ружей и гору патронов. Покупал эскимос десяток ручных часов, пять-шесть моторов для лодок, несколько радиоприёмников. Не знали в посёлке, как лучше потратить деньги на общие нужды. Из нижних штатов хлынули на Аляску советчики, как тратить деньги. Были советы разумные, были глупые и корыстные. Переход от “натуральной жизни” в денежный мир потребовал и серьёзной продуманной помощи. Она шла далее бытовых и житейских советов. Созданы были школы предпринимательства, образованы корпорации аборигенов по эксплуатации природных ресурсов и в первую очередь по участию в добыче нефти и эксплуатации нефтепровода...

Эскимосы, алеуты, индейцы стали участниками нефтяной лихорадки, совершенно изменившей их прежнюю жизнь. Только ли к лучшему? Вначале казалось, да. Сегодня так уже не считают.

В дельте Юкона есть деревушка Алаканук. Равнинное эскимосское поселение — пятьсот пятьдесят жителей. Название деревушки известно сейчас всей Аляске. И известность

печальная. За один только год в Алакануке четверо утонуло, двоих убили, двенадцать человек покушались на самоубийство, восемь человек покончили с собой. Передо мной газета с фотографиями добровольно ушедших из жизни. Все — молодые мужчины. Возраст двадцать—двадцать пять лет. На снимках красивые, здоровые, вроде бы жизнерадостные ребята. Двое повесились, шестеро застрелились. В оставленных записках: “Жизнь не имеет смысла”... Обратились к статистике. Замелькали названия деревень: Минто, Селавик, Токсун, Шишмарево, Форт Юкон, Слимут, Гуслея. Кажется, нет на Аляске деревни, обойдённой этой бедой...

Для жизни среди природы было сделано много тонких изобретений, приспособлений, приносивших успех на охоте и рыбной ловле. Науку их применения человек постигал с детского возраста и стремился передать своим детям. В системе житейских ценностей были свои критерии. Обладание одним ружьём и бережное расходование патронов, оказалось, давало ощущение большего счастья, чем владение пятью ружьями и горюю боеприпасов. Это был не просто образ жизни, это была сама жизнь.

С точки зрения пришлых людей, всё это было тёмным, убогим, безрадостным. И они с хорошими побуждениями, с похвальной щедростью принесли в этот край свои ценности. И вот результат.

Эскимос из деревни Фиш Вилл вздыхает: “Спрашиваю у сына, какое время года тебе больше нравится, отвечает: зима — можно сидеть и смотреть телевизор”. В четырнадцать лет это занятие увлекает, доставляет радость и катание на вездеходе, пальба из ружья. Но в двадцать лет, когда человек задумывается о смысле существования, этого уже мало. Нужна цель в жизни, серьёзное приложение сил. Но этого у большинства нет. То, чем жили отцы и деды, молодому человеку, “обученному телевизором”, кажется жалким, ничтожным, каменным веком, к тому же порушенным. А в нынешней жизни место есть, увы, не для всех, вписаться в неё непросто. Учитель: “Я говорю: дети, вы должны окончить школу”. Они её оканчивают. И что? Какой выбор? Лишь немногие могут участвовать в жизненной гонке новой цивилизации. Большинству она непосильна, законы её непонятны или противны. И они сходят с круга, едва перешагнув двадцатилетний рубеж, — “жизнь не имеет смысла”. А тем,

кто остался сидеть у телевизора, хочется забыться, и это неизбежно ведёт к бутылке...

Алкоголизм сейчас — главная проблема аборигенов Аляски. Раньше бутылку купить было не на что и негде. Сегодня есть деньги, и бутылка прилетает в деревню на самолёте. Есть деревни, где пьют поголовно. Советник по проблемам алкоголизма пишет в газете: «В течение недели в деревне, которую я посетил, из взрослых людей трезвыми были двое — я и учитель...»»

Но первыми с проблемой неизбежных мирных жертв, хрупкости духовного мира туземцев и их потомков столкнулись, конечно же, русские в XIX веке, а не сегодняшние американцы. И не всегда тут дело в алкоголизме, он скорее следствие, чем причина. Причины глубже, их-то и предчувствовал о. Герман, хорошо знавший жизнь туземцев, снискавший славу их заступника. А как не вспомнить покаянный вопль души капитана Яновского, потерявшего в Санкт-Петербурге свою жену-креолку Ирину и узнавшего о смерти её брата-креола Антипатра?

«...Любезная, предчувствовала ли ты, что навсегда оставяешь твою родину... Многие из креолов были вывезены отсюда (более 12 человек) в Петербург для обучения разным наукам, особенно мореплаванию и кораблестроению. Их содержали прекрасно, они ни в чём не имели недостатка, но возвратились только двое, прочие все умерли с тоски и от климата получили чахотку.

Такой жребий ожидал и тебя, моя бесценная подруга жизни... Мог ли я вообразить, что столица России будет твоим гробом во цвете лет твоих! Если бы я это знал, то никогда, никогда не повёз бы тебя в Россию, не разлучил бы с родиною, лучше сам остался в этих диких пустынных странах Америки!..»

Разница лишь в том, что в XX веке цивилизация белого человека со всеми её атрибутами и ускоренным ритмом жизни, с совершенно другой языковой стихией сама нагрянула на Аляску, а тогда, во времена Русской Америки, коренные жители Аляски увозились русскими в Россию для образования и воспитания по своему российскому, европейскому, укладу. Намерения были, конечно, благие, но последствия для многих оказались трагичными.

Великая прозорливость святителя Иннокентия, а также его сподвижников-священнослужителей состояла в том, что они, не лишая алеутов и индейцев главного их корня (родного языка, фольклора), создавали щадящие условия для вхождения аборигенов в христианскую цивилизацию — постепенно знакомили их

с новыми моральными нормами, новым укладом жизни и многим другим через стихию их родного языка, без торопливости сближая православные духовные ценности с сознанием туземцев. И те прекрасно понимали этот шаг навстречу. Алеуты до сего дня гордятся своей родной письменностью и православной верой. Ведь им никто их не навязывал, их прадеды в первой половине XIX века сами охотно принимали участие в создании русско-алеутского словаря, диктовали под запись русским священникам свои сказки и легенды.

С приходом на Аляску других конфессий, с пропагандой американского образа жизни и яркой её демонстрацией перед туземцами эта русская православная неторопливость была на Аляске грубо нарушена. И всё же судьба туземцев Аляски несравнима с более трагической судьбой индейцев «нижних штатов» США конца XIX века.

* * *

Но вернёмся к путевым записям журналиста и путешественника Василия Пескова, которые он поместил в своей книге «Аляска больше, чем вы думаете»¹.

«...В Кадьяке мы беседовали с епископом. Живёт он в Ситке, но много времени проводит здесь, в маленькой семинарии — читает курс богословия и историю Православия на Аляске, — пишет в своей книге Василий Песков. — Когда эту землю продали, американские миссионеры попытались отлучить алеутов и эскимосов от Православия, но они воспротивились: “Наша вера!”

Москвою здешняя церковь не была брошена — сюда отправляли деньги, иконы, посылали священников. Но в 17-м году всё оборвалось. И церковь многие годы пребывала в бедности, разделяя судьбу самих верующих. Недавно, с появлением на Аляске “нефтяных денег”, стало возможным как-то поправить “одежды веры”. Штатные власти, развивая туризм, сочли разумным отнестись к церквушкам как к историческим ценностям. Более щедрую лепту в “церковную кружку” стали приносить прихожане. “И всё-таки мы бедняки, — говорит епископ, — переедаемся с хлеба на квас. Не во всех приходах священники получают жалованье, многие служат, зарабатывая на жизнь охотой и рыболовством”.

¹ Песков, В. Аляска больше, чем вы думаете / В. Песков. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2006. — С. 203, 204.

“Заступив на Аляску” в 1973 году, энергичный епископ много сделал для укрепления тут Православия. Неустанно плавает и летает. Прибытие епископа для любого прихода — событие. “Встречают сердечно. Как в давние времена, палят из ружей, идут крестным ходом...”

Епископ прав, когда говорит: “Православная церковь — живой, не исчезающий след Русской Америки. Впечатляющий облик церквей, литургия на старославянском языке, обряды и песнопения корнями уходят в прошлое. Представьте Аляску без наших небогатых церквей и часовен, и сразу как бы сотрутся важные краски истории”.

Уже после встречи с епископом, посещая аляскинские деревни, я убедился: да, церквушка ставит особую мету на всём, что видишь, без неё трудно представить: жили и остались лежать на здешних поросших шиповником, ромашками кладбищах русских людей — Чуркины, Молокановы, Алексеевы, Расторгуевы...

Все аляскинские города молоды. Их породила “золотая лихорадка” или транспортные пути. Но есть одно исключение — городок Ситка. Возраст его около 200 лет. Но это патриарх на Аляске. Главный капитал Ситки — история. Первое, что видишь под крышей аэропорта, — двуглавый орёл на стене, знакомый портрет Александра Баранова, силуэты кораблей, сторожевых башен, купол собора. Всё это символы Русской Америки. Ситка (от названия острова Ситха) называлась

Ситка.
Фото начала XX в.

Новоархангельском. Увеличенная до громадных размеров гравюра на стене показывает, как выглядел этот единственный на западном побережье Аляски город в годы, когда Сан-Франциско был испанской деревенькой, состоявшей из горстки глинобитных домов. Сегодня из Сан-Франциско (и многих других городов “нижних штатов”) туристы прилетают и приплывают взглянуть: а что же такое Ситка, что осталось в ней от прежних времён?..

Но не щегольская, зазывающая туристов обновка заставляет почувствовать глубину времени, а рубленая серая от дождей часовня с чешуйчатой осиновою кровлей и голубой маковой, вроде той, что стоит на берегу океана в Кенае. Знаешь: построена “не в те времена”, позже. Но в облике знакомых по нашему Северу срубов “те времена” чувствуешь...»

А что же потомки воинственных колошей? Многие из них стали морскими рыбаками, правда, ходят они теперь на современных судах, некоторые освоили сферу бизнеса, а есть такие, кто работает в сфере обслуживания туристов, есть среди индейцев даже гиды, которые на отличном английском расскажут о делах и сражениях главного правителя Александра Баранова. Потомки индейцев-колошей стали хранителями памяти о Русской Америке. Кто бы мог подумать...

Глава 2 РОССИЙСКО-ТЛИНКИТСКОЕ ЗАМИРЕНИЕ

Сегодня каждый школьник, щёлкнув пару раз «мышкой» своего компьютера, может в Интернете (портал «Аляска — Русская Америка»)¹ почерпнуть общие сведения о Русской Америке, её истории, об американском городе Ситка, который является центром международного туризма.

Интересны демографические данные бывшего русского Новоархангельска на самое начало нового тысячелетия: по данным переписи 2000 года, население Ситки составляет 8835 жителей (2219 семей). Они проживают в 3278 домах. Плотность населения на острове — 1,2 чел./ кв. км, 68,5 % населения составляют белые, 18,57 — потомки коренных жителей (индейцы), 3,79 — азиаты,

¹<http://Alaska-heritage.clan.su/index/0-5>

0,35 — выходцы с тихоокеанских островов, 0,32 — афроамериканцы, 0,94 — представители иных рас, 7,53 — дети смешанных браков. На 100 женщин приходится 104,8 мужчин. Медианный ежегодный доход одной семьи составляет 62 361 доллар, доход на душу населения — 23 622 доллара в год. 7,8 % населения находится за чертой бедности.

О том, что американцы серьёзно относятся не только к статистике, но и к родной истории, говорит хотя бы такой факт: 2—3 октября 2004 года в Национальном историческом парке Ситки отмечался юбилей — 200 лет со дня большого сражения русских с воинами-глинкитами (колошами), которыми тогда руководил вождь Котлеан. Как известно, сражение тогда закончилось победой русско-алеутского десанта, а поддержал воинов Александра Баранова военный корабль «Нева» под командованием капитана Юрия Лисянского. После победы русских был основан на острове Ситха форт, которому затем суждено было стать Новоархангельском (в будущем — американской Ситкой). В памятной церемонии, которая началась на окраине города, приняли участие потомки участников того сражения. Благодаря сотрудничеству Службы Национальных парков, работников библиотеки Конгресса США, культурного Центра индейцев Аляски и российских историков на торжественную церемонию приехала (по настоятельной просьбе индейцев) потомок Александра Баранова — россиянка Ирина Афросина.

На большой поляне, недалеко от моря, где был вкопан большой деревянный столб — тотем тойона Котлеана, собралось большое количество местных жителей и туристов. В центре внимания — молодой вождь в праздничном одеянии предков, его воины, чьи лица покрывала чёрная боевая раскраска. Именно на этом месте 200 лет назад и произошло сражение, на взгляд местных жителей, очень крупное. Женщины индейского клана в своих народных одеяниях оплакали павших предков, а воины воздали должное их мужеству. После индейские женщины стёрли с лиц воинов чёрную боевую раскраску, и торжественно был закопан боевой топор войны.

На следующий день события были перенесены в город, где уже давно стоит памятник первому губернатору Ситки — Александру Андреевичу Баранову, тестю Семёна Ивановича Яновского. Там, в Столетнем зале Ситки, и была проведена официальная церемония примирения между русскими и воинственными индейцами Аляски. Представитель рода Баранова — Ирина Афросина и молодой вождь пожали друг другу руки и сфотографировались на па-

мять. Были торжественные речи, награждения знаками и значками, выступления фольклорных коллективов... Всё, как положено в подобных мероприятиях. Так что россиян можно поздравить с заключением ещё одного мирного договора. Наконец-то... И слава Богу.

* * *

Более мирными стали на Аляске и взаимоотношения человека с природой. Известный американский учёный-натуралист минувшего XX века Ивэн Сандерсон в одной из своих книг о флоре и фауне Северной Америки посвятил бывшему главному богатству Российско-Американской компании следующие строки¹:

«Хотя Берингово море и Северный Ледовитый океан отличаются огромным разнообразием млекопитающих, птиц и беспозвоночных животных, в этом районе есть два животных, которые привлекают к себе особое внимание. Этими животными являются морской котик и калан (морская выдра). Морской котик — родич морского льва — представляет собой вид тюленя с ушами в отличие от обычного, или безухого, тюленя. Для одного вида котика родиной является район северной части Тихого океана, и здесь когда-то насчитывались миллионы котиков. Однако европейцы вскоре после своего прихода сюда с востока и запада узнали, что эти животные раз в год собираются только в нескольких определённых местах (особенно на островах, в частности, на островах Прибылова), чтобы принести потомство и выкормить детёнышей. С небывалой алчностью пришельцы занялись заботом этих животных, нисколько не задумываясь о необходимости их воспроизводства.

В результате такой отвратительной жестокой бойни число этих великолепных животных, дающих красивый мягкий мех, сократилось к 1910 году приблизительно до 150 000. К счастью, впоследствии котики были взяты под охрану...

История калана в недавнем прошлом несколько напоминает историю котика тем, что, поскольку у этого животного очень красивый и ценный мех, его безжалостно преследовали с того момента, как люди узнали о его существовании среди зарослей водорослей на побережье северной части Тихого океана. Погловье калана было быстро доведено почти до полного исчезно-

¹ Сандерсон, И. Северная Америка / И. Сандерсон. — М.: Прогресс. — 1964. — С. 59, 62.

вения. Спасли этих животных от гибели весьма своевременно принятые правильные меры по их сохранению, и теперь их поголовье так сильно возросло, что в последние годы каланы встречаются на южных широтах вплоть до берегов Калифорнии...»

Эти строки были написаны в конце минувшего века. Не секрет, что теперь главной опасностью для дорогого и уникального морского зверя является не охотник-промысловик с оружием, а загрязнение мирового океана — экологическая проблема, которая беспокоит не только руководство штата Аляска, а всю мировую общественность. Аляскинская нефть не только поддерживает экономическую мощь США, но и таит в себе серьёзную экологическую опасность для уникальной и хрупкой природы этого удивительного огромного полуострова.

Глава 3 БЛАЖЕННЫЙ СЕРГИЙ

Но вернёмся в Россию. Старые провинциальные газеты XIX века содержат немало интересной информации не только светского характера. Так, 24 сентября 1896 года в «Калужских губернских ведомостях» под рубрикой «Местные известия» была опубликована небольшая статья «Новая настоятельница Калужского монастыря игуменья Ангелина». Вот её текст с небольшими сокращениями:

«12 августа сего 1896 года, на место почившей игуменьи Евгении, сёстрами Калужского женского монастыря единогласно избрана в настоятельницы сей обители монахиня Ангелина — в мире девица Александра Семёновна Яновская... 22 сентября Преосвященный Макарий (Епископ Калужский и Боровский) совершил в монастырском храме Божественную литургию и возвёл новую настоятельницу в сан игуменьи, вручил ей игуменский посох...»

Игуменья Ангелина по происхождению своему принадлежит к той знатной дворянской благочестивой семье Яновских, которая издавна несёт верную службу Государству и Церкви. Отец её — статский советник С.И. Яновский — долгое время служил моряком и за время службы совершил несколько кругосветных плаваний. По выходе из военной службы он трудился на педагогическом поприще в должности директора Калужской

гимназии. На закате дней своих, оставив море житейское, поселился на жительство в Тихоновой пустыни, где и скончался с именем схимонаха Сергия.

Братья его — тайный советник Николай Семёнович уже несколько трёхлетий самоотверженно служит Калужскому дворянству в должности губернского предводителя дворянства. Другие два брата, подобно отцу, служили также моряками, из коих один и жизнь свою положил за Отечество на поле брани во время Севастопольской кампании, а другой успешную службу земному царю переменял на усердное служение Небесному Царю, для чего вступил в число иноков Оптиной пустыни. Отсюда высшею духовною властью самоотверженный иннок назначен был в составе Иерусалимской миссии, в коей трудился около 6 лет. По возвращении из миссии подвизался в обители Преподобного Тихона вместе со своим родителем, которого пережил лишь несколькими месяцами: скончался иеросхимонахом 25 апреля того же 1876 года.

В стремлении к высшей духовной жизни не отставала от своих братьев и сестра их Александра. В цветущих летах она оставила мир и вместе с двумя своими сёстрами поступила в число инокинь Калужского женского монастыря, в котором 33 года подвизалась в иноческих подвигах и таким образом незримо для самой себя приготовлялась к предназначенной ей Богом деятельности — руководительницы инокинь той обители, которая её воспитала».

Эта газетная информация о возведении младшей дочери Яновского в сан игуменьи одного из старейших женских монастырей губернии вышла в свет уже спустя 20 лет после смерти Семёна Ивановича. Однако в материале, написанном с большим пиететом в адрес благочестивой семьи Яновских, есть неточность: Семён Иванович Яновский совершил только одно кругосветное плавание. Давно не было на свете человека, который навсегда оставил мирскую жизнь, но благодарные земляки продолжали о нём помнить, гордиться им. Сделаем ещё одно уточнение: Семён Иванович Яновский закончил свои земные дни в Калужской Тихоновой пустыни 19 января 1876 года с именем схимонаха Сергия. Он был похоронен в Сретенском скиту, где в молитвах прошли его последние годы жизни. Рядом с ним, спустя полтора месяца, был похоронен и его старший сын Александр, также бывший флотский капитан, внук Александра Андреевича Баранова — схимонах Христофор,

некогда находившийся в составе Духовной Миссии на Святой Земле. Последние дни его жизни полны необъяснимого: 17 апреля о. Христофор во время поминальной службы по родителю нечаянно столкнулся на пол керосиновую лампу. Пытаясь погасить огонь, он получил сильные ожоги и вскоре скончался в возрасте 58 лет. Был похоронен рядом с отцом как схимник. К могилам о. Сергия и о. Христофора было паломничество со всей России. Фамилия дворян Яновских до 1917 года была хорошо известна калужанам. После наступили другие времена — беспамятства и полного забвения имён тех, кто ревностно служил царскому престолу и Русской Православной Церкви.

Что же представляла собой до 1917 года Калужская Тихонова пустынь, куда пожелали удалиться на закате своих дней отец и сын Яновские?

Калужский краевед Дмитрий Малинин в книге «Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии» даёт такое описание этого крупнейшего православного монастыря Калужской губернии¹:

«Обитель преп. Тихона Калужского чудотворца находится в 17 в. от Калуги и в 8 в. от станции “Тихонова пустынь” М. — К. ж.д. и в 8 в. от ст. “Пятовская” Сыз. — Вяз. ж.д. Монастырь уже издали привлекает невольное внимание своей высокой колокольней, видимой за 15—20 в. в окружности. Основателем обители был пр. Тихон. Но кто он был по происхождению, где он родился и когда именно жил, неизвестно. Своё служение он начал в Москве, где в Чудовом монастыре поступил в монахи; оттуда потом он удалился на дикие берега речки Вепрейки, впадающей в Угру, и подвизался там среди дремучих лесов, входивших в состав владений кн. Ярослава, сына Владимира Андреевича Храброго. Жилищем ему служило дупло одного исполинского дуба, остатки которого сохраняются ещё и поныне; питался он дикорастущими травами и плодами, а воду брал из колодца, который он выкопал своими руками. По-видимому, не подлежит сомнению, что он скончался в 1492 году, как это видно из одного рукописного указания. Но когда он основал монастырь, также неизвестно, хотя имеются сведения, что он построил храм во имя Успения Богородицы, в котором он

¹ Малинин, Д.И. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии / Д.И. Малинин. — Калуга: Золотая аллея, 1992. — С. 161–162.

Тихонова пустынь.
Открытка
нач. XX в.

и был погребён. Спустя 50 лет после преставления Тихон именуется уже преподобным. На соборе 1551 года он был причислен к лику святых (по другим сведениям, канонизация последовала в 1580 году), и память его установлено праздновать 16 июня. До 1610 года мощи преп. Тихона, полагают, почивали открыто, но вследствие бывших разорений от поляков и казаков они были сокрыты и в настоящее время почивают под спудом...

Недалеко от монастыря в особой часовне, выстроенной в 1838 году, находится дуб, в котором подвизался преп. Тихон. Дуб был в 1830 году поломан бурей. А в трёх верстах от обители находится колодезь с чудодейственной водой. Над колодезем в 1887 году построена церковь во имя Живоносного источника. К храму примыкают купальни.

При монастыре лежит бывшая монастырская Тихонова слобода с приходской церковью. В слободе много старообрядцев.

В 8 в. от монастыря, рядом со ст. "Тихонова Пустынь", среди лесной зелени, обсаженной прекрасными плодовыми деревьями, спрятался Сретенский скит. Он обнесён каменной оградой и имеет два храма. Главный Сретенский храм заложен в 1867 году и окончен в 1871 году. В нижнем его этаже погребаются умершие. Богослужение совершается по субботам, но зато днём и ночью неусыпно читается псалтирь».

Именно в Сретенском храме, который строился ещё при жизни схимонаха Сергия (Семёна Ивановича Яновского), и упокоились

останки бывшего моряка-путешественника, главного правителя Русской Америки, директора Калужских училищ. Там же, в нижнем этаже Сретенского храма, рядом, был похоронен и его старший сын — схимонах Христофор, в миру капитан российского флота Александр Семёнович Яновский, внук Александра Андреевича Баранова, родившийся на Аляске.

Стоит добавить, что благодаря своему чудодейственному источнику Тихонова пустынь снискала широкую известность. В монастырь постоянно прибывали люди из Москвы и других губерний. И все находили здесь приют. Обитель была богатой. В её сокровищнице хранились на престольное Евангелие, пожертвованное Иваном Грозным в 1580 году; древняя икона Успения Богородицы в драгоценном окладе; Икона Страшного Суда (1672 год); крест сребровызолоченный, украшенный драгоценными камнями, и многое другое.

Паломники, приезжавшие издалека, выходили на железнодорожной станции «Тихонова пустынь» и шли пешком в монастырь. По дороге они, как правило, заходили в Сретенский скит, после 1917 года разорённый и осквернённый.

Глава 4

ВРЕМЕНА БЕЗУМИЯ И БЕСПАМЯТСТВА

В одном из писем к своей духовной дочери, восторгавшейся тем, что калужские православные храмы богато украшаются, оптинский старец Амвросий писал, что его лично это не радует и что богатство церкви может со временем стать причиной её разорения. К сожалению, так и случилось.

После революции 1917 года знаменитый калужский монастырь Оптина пустынь пережил трагические дни: хозяйство обители было разорено, храмы опустошены, захоронения монахов осквернены, а сами иноки были подвергнуты репрессиям. Пережила период террора, разорения и долгого запустения также Калужская Тихонова пустынь. Однако Тихонова пустынь испытала на себе гнев революционной власти раньше Оптиной. Видимо, сказалась близость к Калуге, где обосновалась власть большевиков, сразу озаботившаяся экспроприацией.

О том, как в 1918 году трясли калужское купечество, сажая именитых граждан города в тюрьму, как вымогали средства

у «местной буржуазии», — надо вести речь отдельно. Но в разряд врагов новой власти сразу попало и духовенство.

Немногим позже, в апреле 1918 года, в калужский монастырь Тихонова пустынь на имя игумена пришла официальная бумага от Калужского Совета народных комиссаров, который требовал, чтобы было перечислено «из капиталов Тихонова монастыря» десять тысяч рублей (разумеется, царскими червонцами, а не презренными «керенками») на текущий счёт Врачебно-санитарного комиссариата Калужской Советской Республики... «В противном случае всё имущество и дома монастыря будут конфискованы».

В документе нет ошибки — послание, пришедшее в монастырь, исходило именно от руководства «республики» — ни больше ни меньше... Калужские большевики-республиканцы первым делом начали «формировать» бюджет своего «государства», а вторым — вышли на международную арену: официально объявили войну Турции. Позже московская власть провинциальных «робеспьеров» поправила, и Калужская республика превратилась снова в губернию, но местная «самодеятельность» успела развернуться с небывалым размахом...

О том, как позже «экспроприировали» Тихонову пустынь и расправлялись с монахами, документальных свидетельств почти не осталось. Но сохранился доклад председателя уездного совнаркома товарища Копылова, который он, глава уезда, делал на экстренном заседании Калужского уездного совнаркома 25 апреля 1918 года. Тогда большевики ещё не успели приобрести чиновный лоск и прятаться за стандартные фразы, скрывающие настоящее положение дел, поэтому доклад товарища Копылова читается как дневниковая запись (текст не отредактирован)¹:

«В ночь с 22 на 23 апреля с.г. приехали на двух автомобилях грузовых и одном легковом вооружённый двумя пулемётами отряд и конная команда. Мне о приезде сообщено не было. Тогда я сам сходил к ним и увидел тов. Витолина² и Образцова³. По-

¹ Цит. по ст.: Афанасьев, К. Из подполья — к власти / К. Афанасьев // Калужские Губернские ведомости, 1998. — 2—8 июля. — С. 4.

² П. Я. Витолин — один из создателей большевистской организации в Калуге в 1917 году. В декабре 1917 года — комиссар, а затем председатель Губернского Военно-революционного комитета, в январе 1918 — председатель исполкома Совета солдатских депутатов и председатель губкома РКП (б).

³ Н. В. Образцов — один из активнейших работников Калужской большевистской организации, в 1918 году — член Калужского Губисполкома.

дойдя к Витолину, я отрекомендовался комиссаром монастыря и спросил, какие предпримут они действия. На что тов. Витолин ответил, что это решит совет, и попросил моего содействия в расстановке часовых, что я и сделал. Автомобили и конный отряд были введены во двор монастыря...

Потом они потребовали обед как для солдат, так и для комиссаров, что и было исполнено. После обеда всем были отведены номера в гостинице монастыря для ночлега, а утром тов. комиссары изволили спать до 9 часов, и я крайне был удивлён таким поблажкам передовых работников. Когда они встали, я решил войти к ним в номер, где увидел тов. Образцова, сидящего с бумажкой в руке, а перед ним стоящего повара и слушающего приказания тов. Образцова о заказе генеральского обеда.

“Есть ли мясо?” — спросил тов. Образцов. “Такового не имеется,” — ответил я. Кто-то из комиссаров сказал: “Надо зарезать поросёнка”. “Поросят нет”, — ответил я, а скот весь взят на учёт Волостным Земельным комитетом». Тогда тов. Образцов приказал повару зарезать кур, что и было им исполнено, несмотря на то, что я сказал: “Куры тоже взяты на учёт”. После этого я спросил у Витолина, что будете предпринимать, Витолин ответил, что “совет решит, и скоро приступим”.

Часов в 11 неожиданно я оказался под домашним арестом, и в это время начался обыск. Что происходило во время обыска, я знать не мог, но войдя в номер, куда принимались отобранные вещи и где происходила опись таковых и подсчёт, я заметил роспись монахов, у которых отбирались вещи, а также туда стали приносить красное вино четвертями.

В 2 часа были принесены два ящика церковного вина. В 4 часа обыск закончился. После обыска все разместились по номерам, и тов. Ассен-Аймер¹ попросил у начальника конного отряда хороших лошадей, и поехали по слободе. Через некоторое время были слышны выстрелы, после чего комиссары вернулись. Когда я сидел в номере фельдшерицы вместе с землемером Меньшовым, в номер вошёл тов. Витолин и сказал, что архимандрит и казначей приговорены к смертной казни. На вопрос землемера Меньшова, когда приведут в исполнение приговор, тов. Ви-

¹ Ф.В. Ассен-Аймер — председатель губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (1918—1919).

толин ответил: “Приговор Военно-полевой суд постановил привести в исполнение в 11 часов, но по просьбе архимандрита отсрочить, просьба была удовлетворена до 6-ти часов утра”. На вопрос землемера Меньшова, как чувствуют себя монахи, тов. Витолин ответил: “Ничего, но просят священника причастить их, что и было исполнено”.

В это же время на мой вопрос, почему игнорируют меня как избранного от стотысячного населения, ответил, что “мы вам не доверяемся”. Когда я сказал, что, не доверяя мне, вы не доверяете Уездному совету, он ответил: “Губернский совет есть высшая власть, с которой вы должны считаться”.

24-го также изволили спать до 8-ми часов, что меня крайне удивило. Когда же тов. Витолин встал, я спросил: “Скоро ли вы закончите?” Он ответил: “Сегодня будет всё закончено”. Между прочим, были спрошены у начальника команды тов. Ассен-Аймера лошади, на которых куда-то выехали, а тов. Образцов выехал после на автомобиле с отрядом. Часа в два вернулись. По приезде я спросил у тов. Витолина: “Будет ли дана мне опись всего того, что увозится?” Он сказал, что перед отъездом мы вас позовём и описи вам дадим. Перед отъездом я был приглашён, и, входя в номер, увидел тов. Образцова, сидящего в кресле и держащего в коленях четверть церковного вина. На мой вопрос, дадут ли мне сейчас опись, он ответил, что описи сейчас дать не могут, а переишлют её в уездный совнарком. После чего взяли все отобранные вещи, они уехали...».

Надо добавить, что смертный приговор архимандриту и казнено в тот день большевикам из Калуги привести в исполнение не пришлось. За священников вступилось местное население. Но это не спасло от полного разорения монастырь, а монахов от жестоких репрессий, которым они подверглись позже.

* * *

У Оптиной пустыни в те лихие времена на первое время нашлись заступники. В том числе и в самой Москве. Ведь не случайно среди посетителей обители были известные писатели, художники, артисты, врачи... Многие из них были вхожи к наркому просвещения А.В. Луначарскому. Однако и Оптину не миновала горькая чаша. После революции монастырь был преобразован в сельскохозяйственную артель. Монахи продолжали вести монастырское хозяйство, и, несмотря на то, что у обители «для нужд революци-

онного пролетариата» забрали лошадей, скот и многое другое, на-сельники монастыря жили за счёт своего труда, ничего не выпрашивая у новой власти, и... продолжали служить Богу. Последние оптинские старцы продолжали принимать страждущих. Люди приезжали в монастырь, обитель продолжала духовно окормлять народ. Это и приводило в бешенство безбожников, дорвавшихся до власти, которые буквально заболели подозрением, что монахи где-то прячут золото.

Эти последние годы старой Оптиной прекрасно описаны православным писателем Анной Ильинской в её публицистической работе «Страницы жизни шамординской схимонахини Серафимы»¹:

«...Атмосфера сгущалась. Находиться в Оптиной было всё труднее... Между тем до внутренней гибели было ещё далеко, в Оптиной не угасала подспудная молитвенная жизнь, которая могла быть выкорчевана только физическим истреблением её носителей. И когда предержавшие власти поняли это, над пустынью пронеслась первая гроза: гонение на старца Анатолия... 29 июля 1922 года к старцу явились с ордером на арест. Отец Анатолий попросил отсрочку на сутки. Чекисты приказали келейнику помочь собрать вещи к утру. На рассвете отец Варнава зашёл в келью к батюшке, нашёл его очень ослабевшим и побежал за монастырским фельдшером... Когда они вернулись, отец Анатолий стоял на коленях, уронив голову на постель. Он был бездыханен. В полдень явились чекисты: “Ну что, готов твой старец?” — “Готов”, — перекрестился келейник. А тот уж на столе, прибранный, и свеча в руке...

Хотя Иоанно-Предтеченский скит давно не существовал, отец Нектарий по-прежнему принимал народ в знаменитой хибарке, где в своё время жили отец Амвросий и отец Иосиф...

После ликвидации сельскохозяйственной артели на месте монастыря образовался музей “Оптина пустынь”, к которому отошли храмы, трапезная и скит. Первым директором этого заведения стала Лидия Васильевна Защук, преданный отцу Нектарию человек, которая многое сделала, чтобы спасти хотя бы то, что осталось...

По городам и весям российской земли уже вовсю лилась православная кровь, а здесь по-прежнему возносились молитвы

¹Ильинская, А. Страницы жизни шамординской схимонахини Серафимы / А. Ильинская // Литературная учёба. — № 5. — 1990. — С. 14–19.

о мире всего мира, о плавающих, путешествующих, страждущих и плененных, и совершалась бескровная жертва Господа нашего Иисуса Христа за неразумный род человеческий...

Минуло чуть меньше года — новая буря пронеслась над старческим гнездом. На Вербное воскресенье 1923 года приехала говеть матушка Нектария (монахиня Шамординского женского монастыря. — Ю. Х.). Входит в ворота, а там чекист с винтовкой:

— Зачем сюда?

— Молиться Богу.

— Узнала, что монастырь закрывают, и скорей за своим золотом? — засмеялся тот, но тут же стал пугающе вежливым: — Следуйте за мной.

Он отвёл её в келью хлебного корпуса, переоборудованного под острог. Как выяснилось, в ту ночь там томились многие из старшей братии...

В качестве музейных рабочих и сторожей в монастыре оставили 15 братьев, а остальным приказали убираться куда глаза глядят... Отцы видели из окон своих камер, как триста монахов вышли за ворота и уныло побрели в сторону Козельска... Арестованных препроводили туда же. Через несколько дней, правда, отпустили, кроме отца Нектария, а Л.В. Защук поместили в городскую тюрьму.

Когда пришли арестовывать старца, он встретил красноармейцев, забавляясь детским фонариком, то включая, то убавляя свет. Первым делом чекисты отыскивали вино, гогоча, чокнулись церковным кагором, а потом принялись за работу.

При обыске обнаружилось много любопытного: детские игрушки, куклы, мячики, паровозики. “Ты что, дед, маленький, что ли?” — смеялись чекисты. “Да, я ребёнок”, — задумчиво ответил старец...

Не обнаружив ничего недозволенного, батюшку вырвали из рук женщин и поволокли через бор в тюремный корпус...

В Козельске отца Нектария приказали везти в милицию, где он до утра сидел в накуренном помещении среди гама и матерщины. Всю ночь его обвиняли в сокрытии ценностей и в том, что к нему приезжали посетители. Утром сжалились, препроводили в больницу, а в дверях палаты поставили караул.

Не брезгуя ни мольбами, ни взятками, женщины, как могли, задабривали вчерашних крестьянских парней в военной фор-

ме без погон. Получившие задание сторожить старца, одного из тех, к кому ходили благословляться их бабки и матери, солдатики ещё не преуспели в жестокости. Этих революционных мальчиков ещё не постигло то окамененное бесчувствие, которое несколько десятилетий спустя станет нашим национальным бедствием...»

Но безумие и зло не могут долго торжествовать. Сегодня возрождаются православные храмы и знаменитые российские монастыри, возвращается к ним былая слава, а к народу — его историческая память. Бывший советский народ, почти поголовно безбожный и отлучённый от Православной Церкви, посещает русские национальные святыни, выправляет перед святыми иконами свои души. Благодаря кропотливой работе историков и краеведов восстанавливается историческая правда, без которой не понять ни прошлого, ни настоящего.

Давно завершился земной путь Семёна Ивановича Яновского, некогда смелого лейтенанта российского флота, волею случая ставшего главным правителем Русской Америки, там, в Новом Свете, встретившего свою любовь, создавшего семью, воспитавшего детей, прожившего долгую и нелёгкую жизнь... Казалось бы, время и людское безумие сделали всё, чтобы память о Семёне Ивановиче Яновском, о его православной семье, его духовных наставниках и друзьях была уничтожена, развеяна во времени и пространстве. Но всё вышло иначе...

Семён Иванович сумел преодолеть «темницу времени», то есть вышел за пределы жизни, означенные обыкновенному мирскому человеку. В журнале «Русский паломник» за 1994 год, посвящённом 200-летию Православия в Америке, в статье «Святые Америки», именем схимонаха Сергия (Семёна Ивановича Яновского) открывается список выдающихся подвижников Православия, официально признанных автокефальной Американской Православной церковью. В статье помещено изображение иконы «Собор Американских святых». На ней вокруг образа Пресвятой Богородицы святые: святой Тихон (первый патриарх Русской Православной Церкви минувшего века); преподобный Герман Аляскинский; православный мученик алеут Пётр, принявший от испанцев мученическую смерть, но не пожелавший изменить вере; святой мученик Ювеналий, принявший смерть от американских индейцев; святой Иннокентий, митрополит Московский, просветитель Аляски и Сибири.

В одном из разделов статьи «Святые Америки», посвящённом бывшему главному правителю Русской Америки, морскому офицеру Семёну Ивановичу Яновскому (там же представлен и его портрет), можно прочесть следующие строки¹:

«В кругосветном путешествии молодой русский офицер Семён Яновский нашёл святость на Аляске, встретив в 1819 году преп. Германа, начальника Кадьякской Духовной Миссии. Обращённый им к святой жизни, Яновский вернулся в Россию, где стал учеником Оптинского старца Антония и принял постриг в соседнем Тихоно-Калужском монастыре, выходящем из этого монастыря был о. Герасим, возобновитель Нового Валаама преп. Германа. На сведениях, доставленных Яновским, основано, главным образом, жизнеописание преп. Германа, а также его первый и единственный портрет инока, послуживший прототипом для всех других его многочисленных изображений...»

Напомним: в августе 1970 года Валаамский монах Герман был причислен к лику святых, став первым американским святым в православном календаре. Кончается же раздел статьи «Святые Америки», посвящённый схимонаху Сергию (Яновскому), такими словами:

«...Блаженный Сергей является покровителем и помощником всех бывших отступников от Христа, вернувшихся к церковному сознанию. Он помогает укреплять им новообретённую христианскую веру в страхе Божьем».

Не про нас ли это? Про тех, которые отрунули Бога, а после ужаснулись, увидев собственное лицо? Прошлое заходит вперёд и ждёт нас, когда мы нравственно дорастём до него.

Глава 5 БЛАГОЧЕСТИВАЯ СЕМЬЯ

Семён Иванович Яновский не только сам вёл христианскую жизнь, но также сумел воспитать в благочестии своих детей.

«Формулярный список о службе и достоинстве директора Калужских училищ, коллежского асессора Семёна Яновского» от 1835 года даёт такие сведения о его детях²:

¹Святые Америки / Русский паломник. — 1994. — № 9. — С. 2.

²ГАКО, оп. 1, ф. 165, д. 1058, л. 2.

«Женат вторым браком. Дети от первого супружества: сын Александр 16 лет, в Морском кадетском корпусе; дочь Мария 12 лет находится при нём. От второго супружества: сын Николай 5 лет, Иван 4 года, дочери — Елизавета 2-х лет, Елена 1 год находятся при нём. Жена и дети греко-российского исповедания».

В формулярном списке не указан самый младший ребёнок Семёна Ивановича — дочь Александра, родившаяся в Калуге в 1837 году. Как уже было сказано, три дочери Семёна Ивановича (Елена, Елизавета и Александра) в юные годы стали монахинями Калужского женского монастыря, позже к ним присоединилась старшая — Мария. Обратимся к делам самой младшей дочери Семёна Ивановича — Александре Яновской (1837–1915), которая была избрана в 1896 году игуменьей этой женской обители.

Мать Ангелина (Яновская) показала себя заботливой наставницей и рачительной хозяйкой монастыря. Именно по её просьбе был приглашён в Калугу архитектор Михаил Феофанович Грановский, которому было предложено построить на территории обители новый каменный храм в честь иконы Казанской Божьей Матери¹. Выбор пал на Грановского неслучайно. Он считался хорошим архитектором, мастером так называемого нововизантийского стиля. Храмы, над которыми трудился архитектор, украшали Святую Землю (Иерусалим), его стараниями была воздвигнута прекрасная церковь в мужском монастыре Нового Афона и другие храмы.

Строительство храма в честь Казанской иконы Божией Матери велось с 1898 года по 1903 год. Церковь, где взывали к ми-

Игуменья Ангелина
(Александра Яновская) (1837–1915),
настоятельница
Калужского
Казанского женского
монастыря

¹ Белов И. Д. Казанский Богородичный девичий монастырь г. Калуги в судьбе ГАКО / И. Д. Белов // Материалы научной конференции, посвящённой 90-летию ГАКО. — Калуга: ГУ «ГАКО», 2010. — С. 14–21.

*Храм в честь Казанской иконы Божией Матери (ныне Государственный архив Калужской области).
Фото 2013 г.*

лости Господа калужские монахини, стала одним из любимых храмов калужанок. А после смерти игуменьи Ангелины в 1915 году церковь стала местом её упокоения. Прах игуменьи Ангелины и по сей день хранится под спудом, у самого входа в храм. Так завещала сама игуменья.

Прекрасная церковь, построенная стараниями младшей дочери Семёна Ивановича Яновского, спустя всего 4 года после её смерти стала главным местом сохранения сведений о семье Яновских. После 1917 года монастырь был разорён, монахини разогнаны. В храме с 1919 года обосновались советские архивы. Директор Муниципального архива г. Калуги Майя Добычина, немало потрудившаяся над историей архивного дела Калужской области, хорошо изучила судьбу ГАКО (Государственного архива Калужской области) и кадрового состава учреждения¹. Согласно её сведениям основные фонды архива создавались вполне профессионально подготовленными людьми. Образовательный их уровень был достаточно высоким. Среди первых работников калужского архива — выпускники столичных духовных академий, Петербургского и Московского археологических институтов, которые готовили специалистов-архивистов, и других высших учебных заведений дореволюционной России.

¹ Добычина М.А. Кадровый состав архивных учреждений Калужской области (1919–1990) / М.А. Добычина // Материалы научной конференции, посвящённой 90-летию ГАКО. — Калуга: ГУ «ГАКО», 2010. — С. 123–137.

Но потом кадровый состав архивистов стал быстро меняться. С середины 1920-х годов политизация архивного дела шла полным ходом. Опытные работники увольнялись, а приходили новые, зачастую полуграмотные.

В 1938 году включение архивов в систему НКВД и последовавшее затем повсеместное, необоснованное засекречивание большей части документов превратило кадровый состав архивов в технических сотрудников, работа которых была сведена к «выявлению контрреволюционных элементов» в до- и послереволюционный период. Власти добились превращения архивистов в технических работников. Архивы (не только в Калуге, но и во всей России) на долгие годы превратились в закрытые учреждения. Наука и богатейшие российские архивные фонды в это время не соприкасались. Да и сама история из науки превратилась в служанку государственной идеологии. Это время полного затмения длилось довольно долго.

Время Великой Отечественной войны — особый период калужских архивов. 11 июля 1941 года согласно приказу руководства в течение 48 часов был разработан план вывоза ценного архивного материала в глубинные области СССР. Было организовано круглосуточное дежурство, охрана. И всё же работники архива не ожидали, что в середине октября немцы уже войдут в Калугу. Эвакуация документов проходила в спешном порядке, из-за нехватки времени и рабочих рук спасали главным образом архивы советского периода. Погрузка фондов для эвакуации происходила перед самой оккупацией города. Многие документы дореволюционного периода (они, видимо, тогда казались архивистам-дилетантам менее важными, чем советские) пришлось оставить на месте, в бывшем храме иконы Казанской Божьей Матери.

Более двух месяцев хозяйничали оккупанты в Калуге. На месте бывшего женского монастыря они устроили еврейское гетто, где творили свои злодеяния. Во время упорных и кровопролитных боёв за Калугу (она была освобождена в ночь на новый 1942 год) почти все постройки вокруг храма были разрушены и сожжены. Но когда в городе восстановилась советская власть и на своё старое место вернулись работники архива, они увидели, что храм и исторические документы, оставленные в нём, остались целыми. Словно неведомая сила сохранила для потомков калужские дореволюционные фонды, среди которых хранится немало документов, рассказывающих о жизни Семёна Ивановича Яновского — необыкновенного человека, судьба которого так прочно связана с судьбой России и Америки.

Пострадала во время боёв за Калугу и городская усадьба Яновских (ныне ул. Воскресенская, 9.). После войны дом Яновских был отремонтирован, и его долгое время занимали различные госучреждения, в том числе и учебные.

Что касается самого хозяина городского особняка — Николая Семёновича Яновского, то ему тоже следует уделить особое внимание. Средний сын бывшего главного правителя Русской Америки успешно закончил Калужскую мужскую гимназию, а затем поступил в Московский университет на юридический факультет. Однако полного курса наук не прошёл, а начал службу писцом 1-го разряда в калужском уездном суде, затем продолжил службу в Калужской казённой палате.

С 1851 года он уже помощник уездного казначея, а с 1853 года — чиновник особых поручений казённой палаты. В 1856 году Николай Яновский впервые избирается секретарём губернского дворянства, в 1863 году он снова занимает эту должность. В 1875 году он впервые избирается предводителем калужского уездного дворянства и неоднократно затем избирается на эту должность.

В 1881 году он уже статский советник и почётный мировой судья Калужского уезда, а с 1883 года по 1905 год несколько раз избирается губернским предводителем дворянства. Дослужившись в 1893 году до тайного советника, он имеет немало наград и высочайших благодарностей. Добавим, что много лет Николай Семёнович Яновский был одним из членов правления Калужского православного Палестинского общества.

Недавно вышедшая в свет редкая книга («Воспоминания» М.М. Осоргина) содержит в себе немало свидетельств о том, как калужское дворянство высоко ценило своего губернского предводителя¹. Автор книги — выпускник Пажеского корпуса, бывший офицер Кавалергардского полка, в то время уже секретарь Земского собрания, так описывает проходившие в здании Дворянского собрания в 1899 году очередные выборы губернского предводителя дворянства:

«...По совершению всех обрядностей Яновский объявил, что он более не губернский предводитель, что Собранию надлежит выбрать двух кандидатов на эту должность для представления государю на предмет утверждения одного из них по выбору его величества на должность губернского предводителя, и для сего предаются полномочия и обязанности губернского предво-

¹ Осоргин, М.М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни 1861–1920 / М.М. Осоргин. — М.: Российский фонд культуры, 2009. — С. 465–466.

дителя калужскому уездному предводителю, то есть нашему Сухотину, который и занял председательское место...

По предложению Сухотина Яновскому выбираться, тот, хотя решил уже идти на это, по обычаю, отказался, раздались крики: «Просим, просим», и лишь два уезда как-то стояли в стороне и демонстративно молчали. Несмотря на протесты Яновского, его поволокли под руки вон из залы и началась баллотировка, которая по многочисленности участвовавших в ней томительно тянулась; ещё томительнее был счёт шаров, звонко отчеканиваемый падением шара на серебряное блюдо; когда счёт перевалил за половину и окружающие баллотировочный ящик увидели, что ещё много есть шаров «за», поднялись аплодисменты, подхваченные публикой на хорах; аплодисменты эти длились вплоть до окончания счёта, после чего все ринулись за Яновским и торжественно внесли его на золочёном кресле в залу, а Сухотин поднёс ему на серебряном блюде избирательные шары; поздравления, обнимания длились долго...»

Стоит добавить, что позже, благодаря личной поддержке Николая Семёновича Яновского, автор «Воспоминаний» Михаил Михайлович Осоргин, как помещик Ферзиковского уезда, стал предводителем уездного дворянства и проявил себя с положительной стороны. Энергичного и честного Осоргина предводитель губернского дворянства Яновский и другие калужские дворяне позже выдвинули в новые вице-губернаторы, но случилось то, чего никто не ожидал. По ходатайству великого князя Константина Константиновича Романова этот пост занял не Осоргин, а бывший однокашник Осоргина — Д. Б. Нейгардт.

Так Калуга лишилась толкового вице-губернатора, а занял этот пост бывший командир гвардейской роты, «начинённый петербургской фанаберией и военными гвардейскими понятиями», совершенно не знающий новой работы. Калужский губернатор Александр Александрович Офросимов и губернский предводитель дворянства Николай Семёнович Яновский были весьма удивлены и сконфужены, но что они могли поделать против высочайшей воли.

* * *

С того времени прошло много лет. С большим трудом мы сегодня восстанавливаем то, что, казалось, было безвозвратно потеряно. Но тем неожиданнее появление новой информации, которая приходит оттуда, откуда её никто не ждал.

В марте 2000 года работники калужского городского радио после передачи о дворянах Яновских получили письмо от калужанина Владимира Чернова. Вот его текст:

«В субботу 11 марта я слушал передачу о С. Яновском по книге Ю. Холопова (речь идёт о книге «Одиссея лейтенанта Яновского», изданной в 1998 году калужским издательством «Золотая аллея». — Ю. Х.).

Лет двадцать тому назад я работал на Малинниках почтальоном по доставке телеграмм. Однажды, когда я шёл через территорию городской свалки, то обратил внимание на старый портфель в куче мусора и бытовых отходов. Я с любопытством взял портфель и открыл его. Я понял, что в нём чей-то домашний архив. Потом у себя в общежитии я долго рассматривал бумаги.

По памяти перечислю основное: несколько религиозных книг, очень старую «Псалтырь», «Жизнь Христа» в переводе с английского, учебник географии XIX века, карту Палестины, вырезки и выписки по кулинарии. Наконец — фотографии и письма.

Запомнилось вот это: кто-то (из Яновских!), молодой офицер прибыл в Калугу из Тулы (кажется, 1918 год) с полком. Я запомнил такую деталь, он буквально пишет: «В офицерском собрании грызут семечки. Держать себя не умеют! Прапора! Прапора!»

На нескольких групповых фотографиях — типичных для того времени — в основном военные и дамы дворянского вида. Фамилия «Яновские» там фигурировала точно. В то время она мне ни о чём не говорила, лишь потом я узнал о доме Яновских по улице С. Перовской (так называлась эта улица до девяностых годов прошлого века. — Ю. Х.).

Какова судьба клада? Обращаться с ним в официальные инстанции было бессмысленно. Книжки раздал, что-то даже было неплохо продано.

Но! Письма и фото я всё же попытался донести хотя бы до коллекционеров (филателистов). Я отдал их мужчине-продавцу (марок и открыток) в магазине (ул. Ленина) — у стадиона...»

Самое главное отличие историко-краеведческой книги от беллетристической состоит в том, что первую никогда не следует считать дописанной до конца. Придёт время — и кто-то найдёт новую информацию о главных героях книги и снова дополнит текст. Иногда приходится ждать долго, целые десятилетия. Надо только бережно относиться к своей истории, к минувшим её дням, если мы не хотим, чтобы всё, нами любимое и ценимое сегодня, не очутилось со временем на свалке.

Послесловие

Как уже было сказано, митрополит Калужский и Боровский Климент в 80-х годах прошлого века более семи лет служил Управляющим патриаршими приходами в Канаде и США. Особой его заботой в то время было налаживание братских отношений с представителями Русской Православной Церкви за рубежом (РПЦЗ), проживающими на вверенных его управлению территориях. По инициативе владыки проходили многочисленные паломнические поездки представителей РПЦЗ на свою историческую родину, что помогло в лучшую сторону изменить представление наших соотечественников за рубежом о жизни Православной Церкви в Советском Союзе конца 80-х годов.

Но были и ответные визиты. В августе 2011 года в Калугу приехала делегация из штата Аляска. Православная газета опубликовала об этом знаменательном событии материал протодиакона Сергея Комарова¹:

«10–11 августа в Калужской епархии приняли делегацию из Северо-американского штата Аляска. Гостями Калужской земли стали заместитель губернатора Аляски, ведущий археолог департамента природных ресурсов Дэвид Мак Мэхан и профессор Морской Академии штата Массачусетс, археолог Тимати Диллиплэйн. Американских гостей в России сопровождали российские учёные: профессор РАН Александр Юрьевич Петров и учёный из Иркутска Юрий Петрович Лыхин.

В Калугу учёные приехали после посещения Рязанской области. Там, на родине одного из первопроходцев Русской Америки Лаврентия Загоскина, гости провели несколько рабочих встреч, посетили памятные места, связанные с российскими путешественниками, изучавшими в XIX веке Аляску.

10 августа в Калуге делегация посетила Калужское Епархиальное управление, где состоялась встреча с митрополитом

¹Комаров, С. В Калужской епархии приняли делегацию из США из штата Аляски / С. Комаров // Наша вера. — 2011. — № 12 (132). — С. 8.

Калужским и Боровским и губернатором Калужской области А.Д. Артамоновым.

После приветственных слов митрополит Климент рассказал о научных интересах по изучению истории Аляски периода XVIII—XIX веков, указав на большое значение для современных аляскинцев трудов русских путешественников и миссионеров. По словам митрополита, жители Аляски до настоящего времени сохраняют многие исконно русские традиции, в том числе и религиозные, и эта тема требует нового тщательного изучения.

Американские историки и археологи поддержали мысль владыки, что, действительно, русское присутствие оказало неизгладимое и положительное влияние на местное население и что по праву длительный период, даже после продажи Аляски, она называлась Русской Америкой...

Дэвид Мак Мэхан выразил глубокое удовлетворение тем, что в России так много людей, интересующихся Аляской, её историей и культурой. Представитель руководства штата предложил наладить контакты между учёными наших стран, а также предложил обмениваться студентами для взаимного изучения наших культур и традиций».

Как известно, и поныне православная вера составляет важнейшую часть русского наследия в культуре коренных народов Аляски. Верность Православной Церкви и сегодня сохраняют большое число коренных жителей, особенно алеуты и эскимосы, многие из них носят русские имена и фамилии.

Есть ещё одна историческая нить, связывающая калужскую землю с Аляской. В 1915 году прибыл в Америку (где и был пострижен в монахи) послушник Калужской Свято-Тихоновской пустыни отец Герасим (Шмальц)¹. Он, проживая на о. Еловом, построил на месте бывшей кельи о. Германа часовню, а в 1936 году поместил мощи праведника в усыпальницу. Он же первым начал сбор средств для строительства на острове будущего православного монастыря. Обитатели, увы, до сего дня на о. Еловом нет, поскольку заявка государству на 160 акров земли так и не была подписана. Но зато в 1963 году в Сан-Франциско было основано Братство

¹Корсун, С. Преподобный Герман Аляскинский. Жизнеописание / С. Корсун. — М.: Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, 2005. — С. 124—125.

преподобного Германа. Когда престарелый о. Герасим (Шмальц) узнал об этом, он одним из первых послал братству пожертвование и старинную медную икону Богородицы, найденную им на берегу лагуны о. Елового.

Культурное наследие русского периода и по сей день живёт в самосознании коренных жителей Америки как неотъемлемая часть их собственной культуры. Они им очень дорожат. Бережно сохраняются и реставрируются архитектурные памятники — церкви, часовни, крепости, другие постройки. Коренные жители Аляски очень гордятся тем, что ещё в первой половине позапрошлого века стали обладателями родной азбуки и собственной грамматики.

И хотя святое Православие не цвело на Американском континенте пышным цветом, как в России, но всё же развивалось и «украсило духовный небосвод земли Американской».

Рядом с подвижниками Русской Православной Церкви, потрудившимися на американской земле в XIX веке, упоминается также имя Семёна Ивановича Яновского, выдающегося мореплавателя России, главного правителя Русской Америки, директора Калужских училищ с 1834 по 1851 год. Его мирские подвиги во славу Родины нашли своё продолжение в духовных подвигах во славу Православия.

* * *

Прошло много лет со дня продажи российских американских колоний США. Многое изменилось в этой великой стране, ныне самой могучей, далеко обогнавшей не только свою старую соперницу Англию. Но следы более чем векового пребывания русских на Северо-Американском материке сохранились до сегодняшнего дня. Они остались в памяти американцев и во многих географических названиях, и в языковом словаре местных жителей. На землях бывшей Русской Калифорнии донныне находится село Кусково (названное когда-то в честь начальника форта «Росс» Ивана Кускова), есть нынче ранчо Хлебникова, Костромитинова, Чёрных... Есть в тех краях Русское ущелье, речка Славянка, Русский ключ, Русская горка, гора Счастья — Шаста, гора Святой Елены. Если внимательно посмотреть на подробную карту штата Калифорния, то можно найти несколько городков, носящих очень знакомые нам названия: Новгород, Севастополь, Москва...

Индейцы окрестных селений и резерваций и поныне употребляют в повседневном обиходе такие слова, как ложка, кош-

ка, вино, яблоко, табак, нос, хмель, молоко, порох, пшеница, чулки... Есть в их словарном запасе также немного искажённые слова: карашо — хорошо, ого — огонь, чайо — чай, ицо — яйцо, водки — водка, супо — суп, тополо — топор, паладок — платок... Среди индейцев можно встретить потомков тех, кто ведёт свою родословную от русских промышленников.

Ещё больше следов бывшего российского присутствия сохранилось на Аляске. Там находятся Русская Миссия — Рашен Мишен, Русские горы, Русская река, селения: Узенькое, Низина, Никиша... Аляска — единственное место в США, где есть деревни и сёла, а не только фермерские усадьбы.

Около половины селений, городов, рек и озёр носят на Аляске русские названия. В Ситке (бывшем Новоархангельске) построен замок, носящий имя знаменитого русского купца Александра Андреевича Баранова, бывшего первого главного правителя Русской Америки, тестя Семёна Ивановича Яновского. Именем Баранова названа также одна из улиц города. В меню местной ресторации можно найти коктейль «а-ля Баранов». Это, конечно, для туристов, которые жаждут экзотики.

Однако российский след поныне живёт и в местных традициях. Каждый год в Ситке 18 октября отмечается День Аляски — обязательный праздник штата, к которому готовятся основательно и сами жители города, и местная власть. На костюмированном представлении обязательно присутствуют «русский губернатор с губернаторшей», идёт стрельба холостыми зарядами из старых пушек, на глазах многочисленных туристов, под гимн штата с флагштока спускается старый российский флаг и поднимается американский.

Многое пришлось пережить России со дня продажи своих аляскинских колоний. Гораздо больше, чем Америке. Две мировые войны огненным валом прошли по её просторам, совершилась революция, ввергнувшая страну в пучину жестокой братоубийственной войны. И, как когда-то в Америке, попирая все нравственные устои, началось в России ужасное золотоискательство. Но не в земных недрах, а в православных храмах. Золотые иконостасы, оклады древних икон, церковная утварь — всё отбиралось государством рабочих и крестьян. Безумие овладело почти всем народом. Священнослужители и простые люди, пытавшиеся бороться с этим, безжалостно уничтожались. Есть единственное утешение: на это церковное золото закупалось то же калифорнийское зерно

чтобы спасти умирающих от голода россиян. Стремление добиться лучшей жизни любой ценой вело американских золотоискателей. Та же жажда лучшей доли слепила разум народа, сменившего Евангелие на «Капитал».

Не стремление к обогащению, а счастье открытий, познания великого мира вело по жизни Христофора Колумба, Семёна Дежнёва, Витуса Беринга и других великих землепроходцев и мореплавателей. Именно это чувство доносят до нас дневники и путевые заметки лейтенанта российского флота Семёна Ивановича Яновского. Странствия человечества, вышедшего за пределы Земли в космос, сопровождаются тем же чувством радости и счастья первооткрывателя. Недаром люди планеты Земля навсегда запомнили обаятельную улыбку первого космонавта Юрия Алексеевича Гагарина, посетившего в июне 1961 года Калугу, чтобы отдать должное памяти К. Э. Циолковского и заложить первый камень в фундамент будущего музея истории космонавтики.

Как известно, есть люди верующие и среди космонавтов. Без нравственных основ, которые несёт в себе христианство, невозможно вести мирную и созидательную жизнь на новых освоенных территориях. Будь то неведомые ранее острова в океане или новые планеты. То же чувство радости испытывает человек, путешествующий не в пространстве, а во времени. Долгие годы работы в архивах, музеях и библиотеках старицей окупаются радостью открытия. И таким открытием становятся забытые имена лучших людей России, когда-то самоотверженно заботившихся не только о материальном благополучии Отечества, но и о духовном здоровье нации. Здесь речь идёт о религиозно-нравственном мировоззрении русского народа, которое в минувшем веке подвергалось серьёзным испытаниям. Имя Семёна Ивановича Яновского по праву должно занять своё достойное место в ряду выдающихся людей России XIX века.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ, УПОМЯНУТЫЕ В КНИГЕ

(свободная хронология)

- 1781 г. — создание сибирскими купцами по инициативе Григория Шелихова Северо-Восточной компании для совместного промысла берегового и морского зверя в Северной Америке.
- 1790 г. — назначение купца Александра Андреевича Баранова правителем поселений Северо-Восточной компании на Аляске.
- 1798 г. — учреждение в Петербурге Российско-Американской компании, принявшей владения и имущество Северо-Восточной компании.
- 1803 г. — начало Первого российского кругосветного плавания на шлюпах «Надежда» (командир флагмана И.Ф. Крузенштерн) и «Нева» (капитан парусника Ю.Ф. Лисянский). Александр I назначил дипломатом и главным руководителем Первой кругосветной экспедиции России действительного статского советника, камергера, одного из директоров Российско-Американской компании Н.П. Резанова.
- 1804 г. — сражение на о. Ситха (Аляска) промысловиков Александра Баранова (при поддержке матросов со шлюпа «Нева») с индейцами-колошами, которые в 1802 году вырезали гарнизон крепости Михайловское. Взятие индейской крепости и основание на о. Ситха нового укрепленного села — форпоста Новоархангельск.
- 1806 г. — прибытие Н.П. Резанова на корабле «Юнона» в Верхнюю Калифорнию. Помолвка его с дочерью коменданта форта Сан-Франциско Кончитой (Консепсией), начало подготовки русскими земледельческой базы в Калифорнии. Завершение Первого российского кругосветного плавания.
- 1812—1815 гг. — война с наполеоновской Францией, в которой принимали участие русские моряки.

- 1816 г. — начало Четвёртой российской кругосветной экспедиции на кораблях «Кутузов» и «Суворов». Руководитель экспедиции и капитан флагмана «Кутузов» — Л. А. Гагемейстер. Капитан «Суворова» З. И. Панафидин. Старший офицер «Суворова» — лейтенант российского флота Семён Иванович Яновский.
- 1817 г. — прибытие кораблей «Суворов» и «Кутузов» в столицу Русской Америки — Новоархангельск. Вступление Л. А. Гагемейстера в должность главного правителя Русской Америки. Знакомство лейтенанта С. И. Яновского с А. А. Барановым и его дочерью Ириной.
- 1818 г. — женитьба С. И. Яновского на Ирине Барановой. Отказ Л. А. Гагемейстера от должности главного правителя в пользу С. И. Яновского. Отплытие на «Кутузове» из Новоархангельска в Кронштадт Л. А. Гагемейстера и А. А. Баранова. Смерть последнего в пути в районе Принцевых островов 16 апреля 1819 года.
- 1819 г.
(октябрь—
декабрь)
- плавание главного правителя Русской Америки С. И. Яновского с женой и малолетним сыном к о. Кадьяк, Лисьим островам Алеутской гряды и к островам Прибылова с целью уточнения карт и проведения административных преобразований в хозяйстве русских колоний в Северной Америке.
- 1819—1821 гг.
- проведение С. И. Яновским значительных строительных работ в Новоархангельске по укреплению форта и пристани, улучшению жилищных условий русских переселенцев, проведение реформы, улучшившей снабжение товарами и продуктами питания промысловиков компании. Расширение торговых связей Российско-Американской компании с испанской Калифорнией.
- 1821 г.
- окончание срока службы С. И. Яновского на посту главного правителя Русской Америки. Отплытие его с семьёй на галете «Румянцев» из Новоархангельска в Охотск.
- 1821—1822 гг.
- завершение С. И. Яновским полного кругосветного путешествия. Сухопутный переезд с семьёй через Сибирь из Охотска в Петербург.
- 1823 г.
- возвращение С. И. Яновского на Балтийский флот. Дальнейшая служба на российских военных кораблях. Представление им директорату Российско-Американской компании своего проекта о перенесении столицы Русской Америки с о. Ситха на о. Кадьяк и о других преобразованиях.
- 1824 г.
- смерть от чахотки в Петербурге Ирины Александровны Яновской (Барановой).

- 1825 г.
(август) — предварительное одобрение проекта Яновского (о перенесении столицы Русской Америки на о. Кадьяк) на общем собрании акционеров Российско-Американской компании.
- 1825 г.
(14 декабря) — восстание гвардейских полков и матросов Морского гвардейского экипажа на Сенатской площади против Николая I, разгром восстания. На следствии имя Российско-Американской компании упоминалось неоднократно.
- 1826 г. — уход С. И. Яновского в отставку по болезни.
- 1830 г. — переезд С. И. Яновского из Петербурга в Калужскую губернию с семьёй — в Тарусский уезд (сельцо Заворово).
- 1832 г. — окончательное закрытие проекта С. И. Яновского руководством Российско-Американской компании.
- 1834 г. — назначение С. И. Яновского на пост директора Калужских училищ по рекомендации капитан-лейтенанта в отставке С. Я. Унковского. Переезд семьи С. И. Яновского в Калугу.
- 1834–1851 гг. — официальное пребывание С. И. Яновского на посту директора Калужских училищ.
- 1853 г. — начало военных действий между Турцией и Россией. Эскадра Черноморского флота России под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова наносит поражение турецкой эскадре при Синопе.
- 1854 г.
(25 сентября) — Севастополь объявляется на осадном положении. Начало 349-дневной обороны города.
- 1855 г.
(2 марта) — смерть императора Николая I. Российским императором становится его сын — Александр II.
- 1855 г.
(30 июля по ст. стилю) — в госпитале от тяжёлого ранения умирает герой обороны Севастополя лейтенант Черноморского флота Иван Семёнович Яновский — младший сын С. И. Яновского.
- 1858 г. — начало подготовки земельной реформы и освобождения крестьян от крепостного права. Образование во всех губерниях России специальных комитетов по улучшению быта помещичьих крестьян. Подготовка и публикация С. И. Яновским статистических отчётов по Калужскому и Тарусскому уездам согласно поручению губернского комитета по крестьянскому делу.
- 1861 г. — проведение правительством Александра II земельной реформы с освобождением российских помещичьих крестьян от крепостной зависимости.
- 1866 г. — подписание Александром II документа о продаже русских земель на Аляске Соединённым Штатам Америки.

- 1867 г. — официальная передача русских владений на Аляске представителям США. Выезд русских поселенцев из Новоархангельска и из других населённых пунктов Русской Америки в Россию.
- 1871 г. — выход в Калуге брошюры духовного содержания «Наставления моему крестнику Николаю К...». Автор — С. И. Яновский.
- 1872 г. — уход С. И. Яновского в калужский монастырь — Тихонову пустынь.
- 1876 г. — смерть схимонаха Сергия (С. И. Яновского) в Сретенском скиту Тихоновой пустыни.
- 1953 г. — выход в свет книги «Русские мореплаватели» (Военное издательство Министерства обороны СССР, Москва), где указано с краткой биографической справкой, без дат рождения и смерти, имя русского мореплавателя С. И. Яновского.
- 1998 г. — выход в свет книги калужского писателя-краеведа Ю. В. Холопова «Одиссея лейтенанта Яновского» (Калужское издательство «Золотая аллея»).
- 2005 г. — выход в свет книги С. Корсуна «Преподобный Герман Аляскинский» (издательство: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет), в которой цитируются письма С. И. Яновского о его встречах в 1819 году на о. Кадьяк с монахом Первой Российской Православной миссии на Аляске о. Германом.
- 2009 г. — выход в свет книги митрополита Калужского и Боровского Климента (Капалина) «Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года» (М.: ОЛМА Медиа Групп).

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Абадиа (дон Абадиа), главный директор Филиппинской компании в Лиме, проживал в Перу до вступления туда войск Симона Боливара и занятия Лимы в июле 1821 года.

Ассен-Аймер Фёдор Владимирович (?–1936), председатель Калужской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (1918–1919). После Гражданской войны дослужился в РККА до командира полка. Репрессирован в 1936 году.

Александр I, Благословенный (1777–1825), российский император в 1801–1825 годах, старший сын императора Павла I. В начале царствования провёл реформы, подготовленные Негласным комитетом и М. М. Сперанским. Под его руководством Россия участвовала в антифранцузских коалициях; велись успешные войны с Турцией (1806–1812) и Швецией (1808–1809). При Александре I к России были присоединены Восточная Грузия, Финляндия (1809), Бессарабия (1812), Северный Азербайджан (1813), часть территории бывшего герцогства Варшавского (1815). После Отечественной войны 1812 возглавил в 1813–1814 антифранцузскую коалицию. Был одним из руководителей Венского конгресса (1814–1815) и организаторов Священного союза. В 1810-х годах ввёл в России военные поселения. После его внезапной смерти получила широкое распространение легенда о том, что император не умер, а скрывается под именем старца Фёдора Кузьмича.

Александр II, Освободитель (1818–1881), российский император в 1855–1881 годах, старший сын императора Николая I. Осуществил крестьянскую реформу 1861 года и другие реформы 1860–1870 гг. Подавил польское восстание 1863–1864 годов. В его царствование завершилось присоединение к России Кавказа (1864), Казахстана (1865), большей части Средней Азии (1865–1881). При нём в 1867 году были проданы США российские колонии в Северной Америке. После покушений на его жизнь (1866, 1867, 1879) с конца 1870-х годов усилил преследование народолюбцев. Убит народолюбцами-террористами в Санкт-Петербурге 1 марта 1881 года.

Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси, в миру Алексей Михайлович Ридигер (1929–2008), выдающийся церковный деятель и про-

светитель. Родился в Таллине 23 февраля. С малых лет прислуживал в храмах. Рукоположен в священники (1950). Закончил Ленинградскую духовную семинарию и Духовную академию. Был настоятелем храмов в Йыхви и Тарту (Эстония). Благочинный Тарту-Вильяндинского округа Таллинской епархии (с 1959), принял монашеский постриг в Троице-Сергиевой Лавре (1961). С того же года епископ Таллинский и Эстонский. В 1964 году возведён в сан архиепископа, в 1968 — в сан митрополита. Управляющий делами Московской патриархии в 1964—1986 годах. В 1986 году был назначен на Ленинградскую и Новгородскую кафедру с оставлением за ним управления Таллинской епархии. Избран Патриархом Московским и всея Руси в 1990 году.

Патриаршество Алексия II совпало с переменой во взаимоотношениях Церкви и государства. Ещё до возведения на патриарший престол способствовал этим переменам: обновлял церковную жизнь в Ленинградской епархии, учредил новые отделы Московского патриархата, прежде всего отделы религиозного образования и катехизации, а также церковной благотворительности и социального служения. Принял активное участие в разработке нового Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 год).

При Алексии II были открыты, заново построены и освящены тысячи православных храмов, во многих обителях возобновилась монашеская жизнь, в святцы вошло много новых святых, в том числе новомучеников, ставших жертвами революционного террора и гонений в XX веке.

Скончался 5 декабря в своей резиденции в Переделкино.

Антоний (Путилов-младший) (1795—1865), старец Оптиной пустыни. Из купеческого сословия. Основатель Предтеченского скита, а затем его начальник. Четырнадцать лет (с 1839 по 1853) по назначению епископа Калужского Николая был настоятелем Малоярославецкого Николаевского монастыря. Долго страдал из-за болезни ног. После заступничества митрополита Московского Филарета вернулся в Оптину пустынь. У преп. Антония было много духовных чад среди мирян. День преставления — 7 августа.

Арцимович Виктор Антонович (1820—1893), государственный деятель, действительный тайный советник (1883), сенатор (1862). Из дворян Витебской губернии, сын действительного тайного советника и доктора философии. Закончил Гродненскую гимназию, а позже — Императорское училище правоведения. Службу начал в канцелярии IV (апелляционного) департамента Сената (1841). Служил на разных должностях в Сенате, где и выполнял важные поручения.

Занимал последовательно посты тобольского (1854—1858) и калужского (1858—1862) губернаторов. Служба в должности калужского губернатора совпала с подготовкой и проведением реформы 1861 года. После Калуги Арцимович несколько лет служил в VIII департаменте Сената, затем был назначен членом Совета управления и вице-председателем Государственного Совета Царства Польского (1863). В Польше участвовал в проведении аграрной реформы. С апреля 1866 — сенатор уголовного кассационного де-

партамента Сената. С декабря 1892 — в отставке. Скончался в Петербурге, где и был похоронен.

Баранов Александр Андреевич (1746—1819), первый главный правитель и исследователь Русской Америки. В 1780 году переехал в Восточную Сибирь, завёл в Иркутске два завода, организовал промысловые экспедиции на северо-востоке Азии. С 1787 года почётный член Вольного экономического общества. Разорившись в 1790 году, принял приглашение Г. И. Шелихова управлять делами его торговой компании (в 1798 году реорганизованной в Российско-Американскую компанию). На компанейском галиоте «Три святителя» перешёл из Охотска к о. Уналашка (Алеутские острова), у которого во время шторма потерпел крушение; люди спаслись. Перезимовав на острове, построил к 1791 году байдары и перешёл на о. Кадьяк, в то время центр русско-американских поселений. В 1791—1793 годах на байдарках обошёл весь остров, перешёл в залив Кенайский; затем прошёл на северо-восток вдоль берега полуострова Кенай и описал Чуацккий залив (залив Принца Вильяма) с прилегающими островами. Приступил к организации новых русских поселений и к разработкам месторождений угля в этом районе.

В 1795 году, командуя куттером «Ольга», обследовал северный и восточный берега залива Аляска до о. Ситха (Ситка) включительно. В 1803 году отправил с Кадьяка в Калифорнию первую русскую промысловую партию. Ввиду того, что посёлок на о. Ситха был сожжён в 1802 году индейцами-колошами, среди которых действовали переодетые матросы американского пирата Барбера, а большинство русских было перебито, в 1804 году снова перешёл от Кадьяка к Ситхе во главе отряда судов, восстановил там с помощью командира военного корабля «Нева» Ю. Ф. Лисянского русскую власть, построил крепость Новоархангельск и перенёс туда центр русских поселений в Америке. Рассылал торговые и исследовательские экспедиции вдоль западного берега Америки до Верхней Калифорнии.

В начале 1818 года официально смещён по распоряжению дирекции компании, осенью того же года увезён из Русской Америки Л. А. Гагемейстером, возвращавшимся в Кронштадт на корабле «Кутузов». Умер в пути недалеко от о. Ява 16 апреля 1819 года. Похоронен в море.

Баранов Антипатр (1795—1822), сын А. А. Баранова от его второго брака на Аляске, креол, рождённый дочерью вождя чугачей, названной при крещении Анной Рассказчиковой. В 1818 году был морским путём отправлен из Русской Америки в Санкт-Петербург. Служил в Российско-Американской компании. Скончался от чахотки (туберкулёза лёгких) в Санкт-Петербурге через год после женитьбы. Его именем названо озеро на о-ве Баранова.

Баранова Ирина Александровна (1804—1824), в замужестве Яновская, креолка: дочь А. А. Баранова и индейки, дочери вождя чугачей, названной при крещении Анной Рассказчиковой. В 1819 году вместе с мужем, главным правителем Русской Америки С. И. Яновским, предприняла морское путешествие по островам Аляски, длившееся несколько месяцев.

В 1822 году с С.И. Яновским и двумя детьми — Александром (г.р. 1819) и Марией (г.р. 1821) — прибыла из Новоархангельска в Санкт-Петербург через Сибирь. Скончалась от чахотки в 1824 году. Похоронена на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга. Её именем названо озеро на о. Баранова — озеро Ирина.

Беринг Витус Ионассен (1681—1741), выходец из Дании, капитан-командор русского флота. В юности на голландском корабле плавал в Индию, оттуда вернулся в 1703 году. В том же году приглашён Петром I в Балтийский флот подпоручиком. В 1707 году произведён в поручики. В 1710 году переведён в Азовский флот и произведён в капитан-лейтенанты. В 1711 году участвовал в Русско-турецкой войне (в Прутском походе Петра I). В 1712—1721 годах командовал на Балтийском море различными кораблями, принимал участие в боевых действиях против шведов.

В 1725—1730 годах был начальником Первой Камчатской экспедиции, организованной Петром I для разрешения вопроса, соединятся ли Азия с Америкой. В 1728 году, командуя ботом «Св. Гавриил», перешёл из устья р. Камчатки в Анадырский залив и у его северного берега открыл залив Креста и бухту Преображения; затем прошёл через пролив (позднее названный его именем) в Северный Ледовитый океан до 67 градуса 18 минут сев. широты, открыв о. Лаврентия, а на обратном пути два других острова. В 1730 году вернулся в Петербург, где произведён в капитан-командоры.

В 1733 году назначен начальником Второй Камчатской экспедиции. Получил задание достигнуть американского берега, расположенного напротив Камчатки. В 1740 году, командуя пакетботом «Св. Павел», вышел из Охотска в Большерецк, затем обогнул Камчатку и пришёл в Авачинскую губу (на восточном берегу полуострова), заложил здесь Петропавловскую гавань (названную им так в честь двух судов экспедиции) и зимовал в ней. Позже, 5 июня 1741 года, «Св. Пётр» и «Св. Павел» вышли из этой гавани в юго-восточном направлении, 21 июня суда разлучились. 17 июля Беринг на 58-м градусе 14 минутах сев. широты увидел американский берег, открыл о. Св. Илии (Каяк), 29 августа — острова Шумагина (все у берегов Аляски), где русские впервые встретились с алеутами.

4 ноября был открыт остров, названный впоследствии о. Беринга, здесь же 6 ноября «Св. Пётр» потерпел аварию. В пути от цинги умерло 12 человек. Экипаж перешёл на остров, где и провёл зиму 1741—1742 годов. Во время зимовки от цинги умерло ещё 19 человек, в том числе и сам Беринг (8 декабря 1741 года). Командиром остался Свен Ваксель. Уцелевшие люди разобрали полуразрушенный пакетбот и к лету 1742 года под руководством С. Стародубцева построили небольшое судно, на котором достигли Авачинской губы (27 августа 1742 года). На Камчатку вернулись всего 40 человек (из 71).

Боливар (Bolivar) Симон (1783—1830), руководитель борьбы за независимость испанских колоний в Южной Америке. Освободил от испанского господства Венесуэлу, Новую Гранаду (Северная Колумбия и Панама),

провинцию Кито (современный Эквадор), в 1819–1830 президент Великой Колумбии, созданной на территории этих стран. После освобождения Перу стал во главе образованной на территории Верхнего Перу Республики Боливии (1825), названной в его честь. Провозглашён Национальным конгрессом Венесуэлы в 1913 году Освободителем.

Будаков Михаил Матвеевич (1766–1830), великоустюжский купец, зять Г.И. Шелихова, один из основателей, крупнейший акционер и директор Российско-Американской компании (1799–1827), член-корреспондент Петербургской академии наук.

Витолин Пётр Яковлевич (1892–1938), родился в д. Лепинан Курляндской губ. После Февральской революции прибыл в Калугу, где при его участии была создана большевистская организация. В декабре 1917 года стал комиссаром, а затем председателем губернского Военного комитета, в январе 1918 года — председателем исполкома губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В 1919 году по партийной мобилизации выехал на Южный фронт. В 1935–1937 годах — начальник плододоющего управления Наркомзема. Репрессирован в 1938 году.

Врангель Фердинанд Петрович (1796–1870), адмирал, кругосветный мореплаватель и путешественник, трижды обогнувший земной шар, исследователь Арктики, географ, писатель. В 1817–1819 годах мичманом на шлюпе «Камчатка» (под командой В.М. Головнина) совершил кругосветное плавание с заходом на Камчатку и в Русскую Америку. В 1820–1824 годах был начальником экспедиции, описавшей берега Сибири от устья р. Колымы до м. Большого Баранова; перешёл на Медвежьих острова и описал их, прошёл по льду от м. Шелагского на север до 70 градусов 51 минуты сев. широты и 175 градусов 27 минут вост. долготы. Затем через Нижнеколымск и Сибирь вернулся в Петербург, произведён в капитан-лейтенанты. Участниками этой экспедиции были Ф. Матюшкин и П. Козьмин. В 1825–1827 годах, командуя шлюпом «Кроткий», совершил второе кругосветное плавание с заходом на Камчатку и в Русскую Америку; произведён в капитаны 2 ранга; избран членом-корреспондентом Академии наук.

В 1828 году поступил на службу Российско-Американской компании, через Сибирь приехал в Охотск, а оттуда прибыл в Новоархангельск и с 1829 по 1835 год в чине капитана 1 ранга был главным правителем Русской Америки.

Во время управления обошёл берега Русской Америки от Берингова пролива до Калифорнии, собрал большие географические и этнографические материалы и у зал. Нортон построил редут св. Михаила. Возвращаясь из Новоархангельска на родину, подошёл к мексиканскому берегу, пересёк Мексику, перешёл морем в Нью-Йорк и через Атлантический океан и Балтийское море вернулся в Петербург, завершив таким образом своё третье кругосветное путешествие.

В 1845 году был одним из учредителей Русского Географического общества. В 1849 году вышел в отставку в чине вице-адмирала. В 1857 году вновь поступил на службу и назначен директором Гидрографического Департамента Морского министерства. В 1855—1857 годах был морским министром, в 1856 году произведён в полные адмиралы. В 1864 году окончательно вышел в отставку.

Гагемейстер Леонтий Андрианович (1780—1834), капитан 1 ранга, кругосветный мореплаватель, дважды обогнувший земной шар, исследователь Тихого океана. В 1798—1800 годах мичманом совершил переход из Архангельска к Англии и плавал в Северном море. В 1803—1804 годах проходил стажировку волонтером на английских кораблях, плавал к Антильским островам, у берегов Африки и в Средиземном море; произведён в лейтенанты. В 1806—1807 годах, командуя шлюпом «Нева», совершил плавание из Кронштадта вокруг м. Доброй Надежды и Тасмании в Русскую Америку, к острову Ситка. Посетил о. Кадьяк. В 1808—1809 годах искал несуществующие острова (по поручению А.А. Баранова) к югу от Аляски, затем плавал к Гавайским островам и между Камчаткой и Русской Америкой. В 1810 году через Охотск и Сибирь вернулся в Петербург. В 1812—1815 годах в чине капитан-лейтенанта был начальником Иркутского Адмиралтейства; первый начал строить суда для плавания по Байкалу. В 1816—1819 годах, командуя кораблём Российско-Американской компании «Кутузов», совершил кругосветное плавание с заходом в Русскую Америку. Около 10 месяцев официально был главным правителем русских колоний в Америке, сменив на этом посту Баранова. В это время дважды посещал на корабле «Кутузов» Верхнюю Калифорнию (район Сан-Франциско). В 1821 году ушёл в отставку, жил 7 лет в своём имении в Латвии. В 1828—1830 годах вернулся на флот и, командуя военным транспортом (шлюпом) «Кроткий», совершил ещё одно кругосветное плавание с заходом в Русскую Америку, причём открыл в Тихом океане в цепи Маршалловых островов атолл Меньшикова и уточнил положение ряда других островов; во время плавания произведён в капитаны 2 ранга, по возвращении — в капитаны 1 ранга.

Гедеон (Федотов Гаврил) (около 1770—1843), иеромонах, участник Первой русской кругосветной экспедиции (1803—1806), прибыл в Русскую Америку на корабле «Нева» в июне 1804 года. Являлся миссионером на о. Кадьяк и других островах (1804—1807). Основал на острове Кадьяк школу для детей, где сам и учительствовал. Автор этнографических записок о жителях Аляски, имеющих научную ценность, которые были впервые опубликованы только в 1990-е годы.

Вернулся в Петербург в 1809 году. В конце жизни пребывал в Коневском монастыре. Скончался в св. Николаевской Андрусовской пустыни Олонецкой епархии.

Герасим (Шмальц Михаил Александрович) (1888—1969), монах, послушник Калужской Свято-Тихоновой пустыни (1906), на Афоне (1911—1912), рукоположен во иеромонаха в монастыре Тихона Задонского в Саут-

Кейнан (1915), назначен на Аляску (1916), настоятель храма Рождества Богородицы на о. Афогнак (1917–1935), в 1935 уединился на о. Еловом, где закончил свои дни преподобный о. Герман. В 1936 о. Герасим вскрыл могилу святого старца, останки преподобного Германа были помещены в усыпальнице, а позже доставлены в храм Воскресения Христова на о. Кадьяк. Первым начал сбор средств для строительства на острове Еловом будущего православного монастыря.

Герман преподобный (1756–1836), монах, член Первой духовной миссии на Аляске. Родился в Серпухове, в купеческой семье. Мирское имя предположительно — Герасим Иванович Зырянов.

В 1777 году — послушник Троицко-Сергиевской пустыни под Санкт-Петербургом, где прожил 6 лет и принял иноческий постриг. В 1782 году переведён на Валаам, где настоятелем Назарием был отпущен на жительство в пустынь. В декабре 1793 года по решению Синода в составе специальной миссии из 10 человек отправился в Русскую Америку.

Осенью 1794 года на корабле «Три святителя» миссия прибыла на американскую землю — остров Кадьяк. С этого времени начинается постоянное распространение Православия среди коренного населения Аляски.

О. Герман пользовался у туземцев и простых русских переселенцев большим авторитетом как благочестивый священнослужитель, имеющий дар прозорливости, и заступник обиженных. С 1807 года о. Герман стал возглавлять Кадьякскую миссию, руководил в Павловской гавани приходской школой. После 1811 года уединился на небольшом острове Еловом, находящемся в двух верстах от о. Кадьяк, где построил себе келью. Позже, ещё при жизни о. Германа, на острове были построены часовня, дом для посетителей, разбиты огороды. В 1819 году, после знакомства с главным правителем Русской Америки С.И. Яновским, возобновил переписку с иноками Валаамского монастыря и прекратил её в 1823 году из-за резкого ухудшения зрения. Пользовался вниманием и уважением у руководства русских американских колоний, которое прислушивалось к его советам и просьбам за простых людей.

Скончался на о. Еловом 13 декабря 1836 года, где и был похоронен. В 1970 году о. Герман был причислен к лику святых Русской Православной Церкви.

Голиков Михаил Сергеевич (ок. 1747–1788), сибирский купец, владелец кораблей «Св. Семеон», «Анна Пророчица» и др., участник экспедиции Г.И. Шелихова, его компаньон.

Головнин Василий Михайлович (1776–1831), вице-адмирал, кругосветный мореплаватель, исследователь Тихого океана и Курильских островов, член-корреспондент Академии наук, писатель. В 1790 году гардемаринном на корабле «Не тронь меня» участвовал в двух сражениях против шведов. В 1795–1800 годах мичманом и (последние два года) лейтенантом плавал в Северном море и у берегов Англии и Голландии. В 1802–1806 годах в качестве волонтера плавал на английских военных судах в Средиземном море,

Атлантическом океане и у Антильских островов. Тогда же разработал новые морские сигналы. В 1807 году, командуя шлюпом «Диана», отправился из Кронштадта к берегам Камчатки. Дойдя до мыса Горн, был вынужден из-за встречных ветров изменить маршрут и 29 февраля 1808 году повернуть к мысу Доброй Надежды, в апреле 1808 года прибыл в Саймонстаун. Здесь шлюп был задержан англичанами из-за начавшейся англо-русской войны и пробыл в Саймонстауне более года.

В мае 1809 года тёмной ночью, воспользовавшись попутным штормовым ветром, Головнин, несмотря на то, что на рейде стояла большая английская эскадра, вывел шлюп из гавани и совершил безостановочный переход до о. Тана (Новые Гебриды), обогнув с юга Тасманию; перешёл в Петропавловск-Камчатский, куда прибыл осенью 1809 года.

В 1810 году в чине капитан-лейтенанта совершил переход от Камчатки к о. Баранова (о. Ситха) и обратно. В 1811 году, производя опись центральной и южной группы Курильских островов, высадился на о. Кунашир, к которому подошёл для пополнения запасов пресной воды и провианта, и был вместе с двумя офицерами и четырьмя матросами взят в плен японцами. Пробыл в плену на о. Хоккайдо два года и три месяца. В 1813 году освобождён матросами «Дианы», которой командовал в отсутствие Головнина старший офицер шлюпа П. И. Рикорд; на «Диане» Головнин вернулся в Петропавловск, а в 1814 году, через Сибирь в Петербург.

В 1817—1819 годах в чине капитана 2 ранга, командуя шлюпом «Камчатка», совершил кругосветное плавание с заходом на Камчатку и в Русскую Америку; произведён в капитаны 1 ранга. В 1823 году в чине капитан-командора назначен генерал-интендантом флота; в 1825 году произведён в генерал-майоры, а в 1830 — в вице-адмиралы. Умер в Петербурге от холеры 29 июня 1831 года.

Давыдов Гавриил Иванович (1784—1809), морской офицер и путешественник. В 1802 году поступил на службу в Российско-Американскую компанию и совершил плавание из Охотска на Кадьяк на шхуне «Елизавета». В 1805 году на судне «Св. Мария» ходил из Петропавловска в Новоархангельск. В 1806 году произведён в лейтенанты и командовал тендером «Авось» в Охотском море. В 1807 году вместе с Хвостовым разрушил селения японских контрабандистов на Сахалине. Свои плаванья к берегам Аляски описал в книге «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова». Позднее командовал канонерскими лодками в Финском заливе. Утонул в Неве осенью 1809 года вместе с лейтенантом Хвостовым при попытке перепрыгнуть проём между пролётами разводящегося моста.

Дамаскин (Кононов), игумен Валаамского монастыря (вторая половина XIX века), состоявший в переписке с С. И. Яновским.

Дежнёв Семён Иванович (ок. 1605—1673), якутский казачий атаман, землепроходец, полярный мореход, открывший вместе с Федотом Поповым северо-восточный мыс Азии (м. Дежнёва), впервые прошедший через про-

лив (Беренгов) из Северного Ледовитого океана в Тихий и открывший Анадырское (т.е. Берингово) море.

Родом из Великого Устюга (Вологодская губ.). Служил казаком сначала в Тобольске, затем послан в Енисейск, а оттуда в Якутск, куда прибыл в 1638 году. В 1640—1641 годах побывал на р. Яне, в 1642 году перебрался на Верхнюю Индигирку. Летом 1643 года спустился по Индигирке до её устья и морем на коче перешёл в устье реки Алазен. Около 1644 года сухим путём прошёл в низовье р. Колымы, только что открытой со стороны моря М. В. Стадухиным.

В 1647 году участвовал в неудачной попытке Фёдора Попова перейти морем из устья Колымы в устье р. Анадырь. В 1648 году возглавлял вместе с Поповым отряд в 90 человек, который вторично попытался перейти из устья Колымы в устье р. Анадырь. В конце июня 1648 году, командуя одним из шести кочей отряда, Дежнёв вышел в море. До пролива у северо-восточного мыса Азии дошли только три коча, из которых один разбился в проливе, напротив мыса; часть людей перешла с него на коч Дежнёва, остальные — на коч Попова. Обогнув мыс в конце августа, оба коча около месяца находились в проливе, причём Дежнёв высаживался на острова, где видел «зубатых людей» (эскимосов). В начале октября, уже по выходе из пролива, коч Попова пропал без вести. Буря выбросила коч Дежнёва, на котором находилось 25 человек, на берег, к югу от Анадырского лимана. В 1662 году сухим путём вернулся в Якутск. Видимо, в 1664 году прибыл в Москву с богатой казённой добычей. В 1665 году произведён в казачьи атаманы с назначением в Якутск. Находился там в 1666—1670 годах. В конце 1671 года снова прибыл в Москву, где и умер в 1672 или 1673 году.

Завалишин Дмитрий Иринархович (1804—1892), лейтенант, декабрист, мореплаватель и исследователь Восточной Сибири. В 1822—1824 годах в чине мичмана перешёл на фрегате «Крейсер» под командой М. П. Лазарева из Кронштадта в Русскую Америку. Во время плавания был произведён в лейтенанты. С о. Ситха (о. Баранова) был вызван в Петербург, куда вернулся через Сибирь. В 1824 году был привлечён К. Ф. Рылеевым в тайное Северное общество и послан в Казань. После разгрома декабрьского восстания был арестован в Казани, доставлен в Петербург и приговорён к смертной казни, заменённой вечной каторгой, которую отбывал в течение 13 лет в Нерчинских рудниках. В 1839 году водворён на поселение в Читу. В 1856 году отказался воспользоваться амнистией и добровольно остался в Чите для изучения Восточной Сибири. За обличительные статьи против местной администрации был в 1863 году удалён из Сибири, переехал в Москву, где и оставался до конца своей жизни.

Загоскин Лаврентий Алексеевич (1808—1890), выпускник Морского кадетского корпуса, на службе Российско-Американской компании, исследователь материковой Аляски, писатель-этнограф.

Колумб Христофор (1451—1506), мореплаватель, первооткрыватель Америки.

Корсаковский Пётр (род. XVIII в.), служащий Российско-Американской компании, исследователь Русской Америки. Зимой 1817—1818 годов переправился от о. Кадьяк к юго-западному берегу Кенайского залива, оттуда — на озеро Илиамна и вниз по р. Квинчак вышел к заливу Бристоль. Обследовал затем весь северный берег этого залива с мореходом П. Устюговым и лично в 1819 году залив Кусковим и восточное побережье Берингова моря до устья Юкона.

Крузенштерн Иван Фёдорович (1770—1846), адмирал, начальник кораблей Первой русской кругосветной экспедиции, исследователь Тихого океана, учёный-гидрограф, один из основоположников русской океанографии. В 1788 году участвовал в Голландском сражении. В 1789—1790 годах в чине мичмана участвовал в трёх сражениях против шведов; произведён в лейтенанты. В 1793 году командирован в Англию волонтёром для службы на английских судах.

Перешёл на английском фрегате к берегам Северной Америки, где участвовал в сражении с французскими судами. В 1795 году плывал от Северной Америки к Малым Антильским островам, в Нидерландскую Гвиану и на Бермудские острова.

Летом 1796 года вернулся в Англию. В 1797 году перешёл к м. Добрая Надежды, оттуда в Индию — в Мадрас и Калькутту, крейсировал в Бенгальском заливе, перешёл из Калькутты в Пенанг (у северного входа в Малаккский пролив). Отсюда на купеческих судах перешёл в Малакку и в 1798 году в Кантон; произведён в капитан-лейтенанты. Пробыл в Кантоне год, в 1799 году вернулся вокруг м. Добрая Надежды через Англию в Кронштадт.

В 1799 и 1802 годах представлял проекты кругосветных плаваний для наиболее выгодного прямого морского торгового сообщения между русскими портами на Балтике и Русской Америкой. В 1803 году избран членом-корреспондентом Академии наук. Летом 1803 года вышел из Кронштадта, командуя шлюпом «Надежда» (на корабле находилась русская дипломатическая миссия в Японию во главе с Н. П. Резановым), в сопровождении корабля «Нева» (под командой Ю. Ф. Лисянского). Обогнув м. Горн и разлучившись в Тихом океане (март 1804 года) с «Невой», направился к о. Нука-Хива (Маркизские острова), где, по условию, соединился с «Невой». Оттуда перешёл к Гавайям, где снова разлучился с «Невой», повернувшей к Русской Америке, а сам перешёл в Петропавловск-Камчатский. В 1804 года перешёл из Петропавловска вокруг о. Кюсю (Япония) в Нагасаки. Весной 1805 года на обратном пути к Камчатке прошёл через Цусимский пролив в Японское море, обследовал западный вход в Сангарский пролив, западный берег о. Хоккайдо, пролив Лаперуза и южный берег о. Сахалина. Пройдя через Курильские острова (проливом Креницына), вернулся в Петропавловск, где расстался с Н. П. Резановым. Летом 1805 года перешёл из Петропавловска через пролив Надежды в Охотское море к мысу Терпения, впервые описал и обозначил на карте весь восточный берег Сахалина и его северо-западный берег. На обратном пути к Петропавловску уточнил положение в Охотском море о. Ионы. Осенью 1805 года перешёл из Петропавловска в Макао

(Китай), где соединился с «Невой», а оттуда в Кантон. В конце лета 1806 года вернулся в Кронштадт, не имея больных и потеряв только одного человека — лейтенанта Головачёва. По возвращении произведён в капитаны 2-го ранга, в 1809 году — в капитаны 1-го ранга. В 1809—1812 годах издал трёхтомное «Путешествие вокруг света в 1803—1806 годах на кораблях “Надежда” и “Нева”», а в 1803 году — «Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна». В 1815—1836 годах составил и издал двухтомный «Атлас Южного моря» с обширными гидрографическими записками в трёх частях. В 1827—1842 годах был директором Морского кадетского корпуса.

Кусков Иван Александрович (1765—1823), мореход, служащий Российско-Американской компании, исследователь Русской Америки. В 1787 году переехал в Восточную Сибирь; в 1790 году поступил на службу формирующейся Российско-Американской компании. Стал близким помощником А.А. Баранова в организации русских поселений на берегах и островах Аляски, а также в исследовании всей Русской Америки. В 1808—1812 годах несколько раз плавал в Калифорнию, где мореходом Швецовым был открыт залив Румянцева (залив Бодега) и устье р. Колумбии. В 1812 году основал крепость и землевладельческое поселение «Росс» в 30 км севернее залива Румянцева; организовал русские промыслы на калифорнийском берегу до залива Сан-Франциско включительно. Управлял поселением «Росс» до 1821 года. В 1822 году вернулся к себе на родину в г. Тотьму, где и умер.

Лангсдорф Григорий (Георг) Иванович (1774—1852), выходец из Германии, член Петербургской Академии наук, натуралист, кругосветный путешественник, исследователь Русской Америки и Бразилии. По образованию — доктор медицины. В 1803—1805 годах совершил переход на шлюпе «Надежда» под командой И. Ф. Крузенштерна, из Копенгагена (Дания) вокруг м. Горн в Петропавловск-Камчатский, перешёл летом 1805 года на компанейском корабле «Мария» в Русскую Америку для её исследования. В 1807 году через Охотск и Сибирь приехал в Петербург, завершив таким образом кругосветное путешествие.

Был избран адъюнктом Академии наук, затем академиком. В 1812 году в Германии вышло на немецком языке его двухтомное описание кругосветного путешествия под названием «Заметки о кругосветном путешествии в 1803—1807 гг.». Кроме того, издал другую работу по ботанике — по материалам, собранным во время кругосветного путешествия. В 1812 году был назначен русским генеральным консулом в Рио-де-Жанейро (Бразилия). В 1821—1828 годах исследовал различные районы Бразилии, собрал ценные материалы и коллекции, переданные Российской Академии наук. Его исследовательская работа была прервана неизлечимой психической болезнью в 1829 году. В 1830 году вернулся из Бразилии в Западную Европу.

Лесовский (Лесовской) Степан Степанович (1817—1884), наблюдающий в США за постройкой судов для России (1861—1862), контр-адмирал, командующий эскадрой в Северной Америке (1863—1864), главный

командир Кронштадтского порта и исполняющий обязанности военного губернатора Кронштадта (1864), командующий эскадрой в Средиземном море (1864—1865), главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта (1866—1871), генерал-адъютант (1869), вице-адмирал (1876—1880), управляющий Морским министерством (1876—1880), член Государственного совета (1880), главный начальник морских сил на Тихом океане (1880—1884), адмирал (1881).

Лисянский Юрий Фёдорович (1773—1837), капитан 2-го ранга, первый русский кругосветный мореплаватель, исследователь Океании. В 1786—1788 годах гардемаринном плавал на Балтийском море и участвовал в Гогландском сражении против шведов. В 1793 году в чине лейтенанта командирован в Англию «волонтером» для службы в английском флоте. В 1794 году перешёл на английском фрегате через Атлантический океан к берегам Северной Америки, где участвовал в сражениях с французскими судами. В 1795 году плавал от Канады к Малым Антильским островам и обратно; затем до весны 1796 года путешествовал по Северной Америке. Летом 1796 года вернулся в Англию. Весной 1797 года перешёл из Англии к м. Доброй Надежды, где провёл несколько месяцев. Оттуда плавал к о. Св. Елены. В 1798 году в чине капитан-лейтенанта от м. Доброй Надежды перешёл в г. Мадрас (Индия), куда прибыл в начале 1799 года; затем посетил г. Бомбей. В 1800 году командовал фрегатом в Балтийском море. В 1802 году приглашён И. Ф. Крузенштерном участвовать в Первой русской кругосветной экспедиции; ездил в Англию для покупки двух кораблей. 7 августа 1803 года, командуя шлюпом «Нева», под началом И. Ф. Крузенштерна, который командовал шлюпом «Надежда», вышел из Кронштадта. В марте 1804 года, разлучившись в Тихом океане с «Надеждой», направился к о. Пасхи, а затем к о. Нука-Хива (Южная Полинезия, Маркизские острова), где, по условию, соединился с Крузенштерном. Вторично разлучась у Гавайских островов, перешёл к о. Кадьяк (у полуострова Аляска), а оттуда в залив Ситка (у острова Баранова), где оказал военную помощь главному правителю Русской Америки А. А. Баранову против индейцев-колошей, когда они, подстрекаемые переодетыми агентами пирата Барбера, разрушили русский форт в 1802 году, вырезав его жителей.

В конце 1804 и 1805 годов вместе со штурманом «Невы» Д. Калининым описал несколько островов у западного и восточного берегов залива Аляска. Осенью 1805 года с грузом мехов, принадлежащих Российско-Американской компании, перешёл от архипелага Александра в Макао (Южный Китай), на пути (в Северной Полинезии) открыл необитаемый остров, впоследствии названный о. Лисянского, и рифы (впоследствии Нева и Крузенштерна). Соединившись в Макао с «Надеждой», перешёл в Кантон, где продал груз компании. Из Кантона совершил в течение 142 дней безостановочный переход вокруг м. Доброй Надежды в Портсмут (Англия), причём в Индийском океане в туманную погоду в третий раз разлучился с «Надеждой». Из Портсмута перешёл в Кронштадт, завершив 3 августа 1806 года кругосветное плавание. По возвращении произведён в капитаны 2-го ранга.

Литке Фёдор Петрович (1797–1882), адмирал, кругосветный мореплаватель, дважды обогнувший земной шар, исследователь Арктики, географ, президент Академии наук, писатель. В 1813 году поступил на флот «волонтёром». Гардемарином трижды участвовал в сражениях против французов на Балтийском море; произведён в мичманы. В 1817–1819 годах на шлюпе «Камчатка» (под командой В. М. Головнина) совершил кругосветное плавание с заходом на Камчатку и в Русскую Америку; во время плавания произведён в лейтенанты. В 1821–1824 годах, командуя бригам «Новая Земля», описал Мурманский берег Баренцева моря, западный и южный берег Новой Земли; во время экспедиции произведён в капитан-лейтенанты. В 1826–1829 годах, командуя шлюпом «Сенявин», совершил Второе кругосветное путешествие с заходом в Русскую Америку и на Камчатку. Во время этого плавания в 1827 году в центральной части Берингова моря подробно описал о. Св. Матвея. Зимой 1827–1828 годов в Микронезии (Каролинские острова) описал ряд атоллов и открыл в январе 1828 года в восточной части архипелага обитаемые острова, впоследствии названные островами Сенявина, в том числе Понапе, крупнейший из Каролинских островов, и два атолла — Пакин и Ант. Летом 1828 года астрономически определены важнейшие пункты восточного берега Камчатки (к северу от Петропавловска), подробно описаны о. Каргинский, пролив, отделяющий его от материка (пролив Литке), и о. Верхотурский, впервые посещённый русскими. Затем в верхней части Берингова моря им были описаны берега Чукотского полуострова от залива Креста включительно, открыт и описан пролив, названный впоследствии проливом Сенявина, отделяющий от материка острова Аракамчен и Иттыгран. Зимой 1828–1829 годов описаны в центральной части Каролинской цепи обитаемые острова Холл (группа атоллов) и ряд атоллов западной части цепи. По возвращении на родину Ф. П. Литке произведён за отличие в капитаны 1 ранга. В 1845 году в чине вице-адмирала был одним из учредителей Русского Географического общества и его вице-председателем в 1845–1850 и 1856–1873 годах. В 1855 году произведён в адмиралы. В 1864 году назначен президентом Академии наук.

Максутов Дмитрий Петрович (1832–1889), князь, участник героической обороны Петропавловска (1854), главный правитель российских владений в Северной Америке (1864–1867), российский консул в Ситке (1868–1869), его имя носит одна из улиц г. Ситки (США, штат Аляска).

Матюшкин Фёдор Фёдорович (1799–1872), адмирал, исследователь Арктики, кругосветный мореплаватель, дважды обогнувший земной шар. Окончил в 1817 году Царскосельский лицей (лицейское прозвище «Пльть-пльть») вместе с А. С. Пушкиным, другом которого он был. В 1817–1819 годах волонтёром на шлюпе «Камчатка» (под командой В. М. Головнина) совершил кругосветное плавание с заходом на Камчатку и в Русскую Америку, произведён в мичманы. В 1820–1823 годах участвовал в арктической экспедиции Ф. П. Врангеля; организовал экспедиционную базу в Нижнеколымске

(1820 год); совершил вместе с Врангелем переход по льду на Медвежьи острова, описав о. Четырёхстолбовый (март—май 1821 года); исследовал бассейн Большого Анюя, правого нижнего притока Колымы (лето 1821 года); произвёл опись тундры к востоку от устья Колымы, исследовал Малый Анюй (лето 1822 года); произвёл опись северного берега Чукотского полуострова (март—апрель 1823 года) от Чаунской губы до Северного мыса (теперь м. Шмидта). В 1825—1827 годах в чине лейтенанта совершил на военном транспорте «Кроткий» (под командой Ф. П. Врангеля) своё второе кругосветное путешествие с заходом на Камчатку и в Русскую Америку. В 1829—1838 годах участвовал на Чёрном море в военных действиях против турок. В 1837—1838 годах в чине капитан-лейтенанта участвовал в военных действиях против кавказских горцев на Чёрном море.

Муравьёв Матвей Иванович (? — 1832), генерал-майор, мореплаватель, дважды обогнул м. Горн, исследователь Русской Америки. В 1802—1813 годах мичманом и лейтенантом плавал на Балтийском море, доходя до Каттегата, участвовал в сражении со шведами (1808 год) и против французов в 1813 году. В 1817—1819 годах на шлюпе «Камчатка» (под командой В. М. Головнина) плавал вокруг м. Горн на Камчатку и в Русскую Америку. Назначен правителем Российско-Американской компании (сменил С. И. Яновского) и оставался в Русской Америке до 1824 года; произведён в капитаны 2-го ранга. В 1825 году, командуя корветом «Елена», вернулся, обойдя вокруг м. Горн, в Кронштадт.

Нельсон Горацио (1758—1805), английский флотоводец, вице-адмирал, барон Нильский, виконт. Родился в многодетной семье священника Эдмунда Нельсона. В 12 лет поступил юнгой на корабль своего дяди капитана Мориса Саклинга. С первых дней службы на флоте отличался смелостью и находчивостью.

В 1777 году сдал экзамен на чин лейтенанта. Служил на различных кораблях у берегов Вест-Индии, Латинской Америки, Ямайки... В 1779 году, в возрасте 20 лет, становится полным капитаном и периодически назначается командиром кораблей, командуя которыми успешно выполняет различные задания.

В 1793 году с началом войны против Франции получает должность командира линейного корабля, в составе Средиземноморской эскадры адмирала Сэмюэля Худа. Участвовал в боевых действиях под Тулоном в 1794 году, командовал десантом на Корсике, где получил ранение.

14 февраля 1797 года отличился в морском сражении у мыса Сент-Винсент (Португалия). В июле 1797 года при неудачной попытке захватить порт Санта-Крус-де-Тенерифе потерял правую руку.

В 1798 году — командующий английской эскадрой в Средиземном море. Под его руководством при Абукире был разгромлен французский флот. В награду король Георг III сделал Нельсона пэром-бароном Нила. 12 февраля 1799 года произведён в чин контр-адмирала.

В 1803—1805 годах — командующий эскадрой Средиземного моря, действовавшей против Франции и Испании. В октябре 1805 года под его руководством английская эскадра разгромила в Трафальгарском сражении объединенные силы французского и испанского флотов. Сам командир английской эскадры был смертельно ранен. Тело славного адмирала было доставлено в Англию в бочке с бренди и 9 января 1806 года торжественно похоронено в соборе Святого Павла.

Нектарий (Панов Фёдор Дмитриевич) (1769—1814), пострижник Балаамского монастыря, иеродиакон, член первой духовной миссии на Аляске.

Николай I (1796—1855), российский император (с 1825), третий сын императора Павла I. Вступил на престол после внезапной смерти императора Александра I и отречения своего старшего брата Константина. Подавил восстание декабристов. При Николае I были составлены Свод законов Российской империи и Полное собрание законов, введены новые цензурные уставы (1826, 1828). Получила распространение теория официальной народности (в основе которой лежала формула: «Православие, самодержавие, народность»). Начал железнодорожное строительство. Были подавлены Польское восстание 1830—1831, революция в Венгрии 1848—1849. Возврат к принципам Священного союза. В период царствования Николая I Россия участвовала в войнах: Кавказской (1817—1864), русско-персидской (1826—1828), Крымской (1853—1856).

Образцов Николай Васильевич, один из активнейших деятелей калужской большевистской партии, в январе 1918 года был избран Первым губернским съездом Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (от солдатских депутатов г. Калуги) членом губисполкома, член Совета народных комиссаров (комиссар военно-санитарного отдела).

Осоргин Михаил Михайлович (1861—1939), российский государственный деятель, автор книги «Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни 1861—1920».

Родился в Москве 16 апреля 1861 года. В 1878 году поступил в младший специальный класс Пажеского корпуса. В 1880 году из камер-пажей произведён в Кавалергардский полк корнетом.

В 1886 году обвенчался в Калуге с княжной Елизаветой Николаевной Трубецкой (1865—1935). В 1887 году уволен из гвардии в запас. В 1888 году назначен помощником Калужского уездного предводителя дворянства по учебной части. В 1890 году назначен земским начальником Калужского уезда. С 1897 по 1898 год — калужский уездный предводитель дворянства. В 1898 году назначен харьковским вице-губернатором. В 1903 — гродненским. С 1905 по 1907 год — тульский губернатор. Камергер Двора его Величества.

С 1923 по 1931 год жил под Москвой, занимался репетиторством — давал уроки математики.

В 1931 году эмигрировал с семьёй во Францию, жил в Клараме (под Парижем), где принял сан священника и был назначен настоятелем право-

славного храма. В 1937 году возведён в сан протоиерея. Скончался 15 декабря 1939 года.

Панафидин (Понафидин) Захар Иванович (1786–1830), капитан 2-го ранга, кругосветный мореплаватель. В 1806–1808 годах мичманом служил на военных кораблях под началом адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземном и Эгейском морях и участвовал в трёх сражениях с турками. В 1812–1814 годах, лейтенантом был в плавании у берегов Англии и Франции. В 1816–1818 годах на службе Российско-Американской компании, командуя кораблём «Суворов», совершил переход из Кронштадта вокруг м. Горн в Русскую Америку и обратно тем же путём. В 1819–1821 годах, командуя кораблём компании «Бородино», совершил кругосветное плавание с заходом в Русскую Америку, причём на пути туда открыл в Тихом океане, к югу от Японии, два небольших острова — сейчас Бородино (Оагари) и Понафидин (японское название Торисима); во время плавания произведён в капитан-лейтенанты.

Песков Василий Михайлович (1930–2013), советский писатель, журналист, путешественник, ведущий программы «В мире животных» на центральном телевидении (1975–1990), лауреат Ленинской премии.

Родился в с. Орлово Воронежской области в семье машиниста и крестьянки. Работал в воронежской газете «Молодой коммунар», с 1956 года — обозреватель газеты «Комсомольская правда». Являлся постоянным автором рубрики «Окно в природу». Автор многих статей в центральной прессе и книг: «Шаги по росе», «В гостях у Шолохова», «Край света», «Отечество», «Таёжный тупик», «Аляска больше, чем вы думаете», «Война и люди» и др. Книги, как правило, являлись результатом путешествий автора, его личных впечатлений и воспоминаний.

Скончался 12 августа 2013 года в Москве.

Резанов Николай Петрович (1764–1807), действительный статский советник, камергер двора Александра I, один из директоров-учредителей Российско-Американской компании, участник первого русского плавания из Кронштадта вокруг м. Горн на Дальний Восток. В 1803 году назначен посланником в Японию для заключения торгового соглашения. Во главе русской миссии на шлюпе «Надежда» (под командованием И. Ф. Крузенштерна) в 1803–1804 годах перешёл из Кронштадта, обогнув м. Горн, в Петропавловск-Камчатский, а оттуда в Нагасаки (Япония). После бесплодных переговоров с японским правительством вернулся на «Надежде» в Петропавловск летом 1805 года, а оттуда на компанейском корабле «Св. Мария» перешёл через Берингово море и залив Аляска к о. Баранова (о. Ситха). В 1806 году впервые в истории русского мореходства пришёл к Верхней Калифорнии, в залив Сан-Франциско, чтобы подготовить там организацию собственной русско-американской земледельческой базы. Вернувшись на о. Баранова, вскоре перешёл в Охотск. Среди историков (особенно японских) бытует мнение, что он, чтобы закрепить права русских на о. Сахалин и на южные Курильские острова,

дал лично распоряжение лейтенанту Н. А. Хвостову уничтожить склады и жилые постройки, возведённые там японцами. Торопясь из Охотска в Петербург, чтобы от царя и Синода получить разрешение на брак с католичкой (дочерью коменданта форта Сан-Франциско Кончитой), заболел и умер на пути в Красноярск в марте 1807 года.

Рикорд Пётр Иванович (1776—1855), адмирал, академик, исследователь северной части Тихого океана.

В 1799—1800 годах лейтенантом ходил в Северном море и участвовал в десантных операциях на берегах Голландии против французов. В 1803—1805 годах служил на английских военных судах «волонтёром». В 1807—1809 годах старшим офицером на шлюпе «Диана» (под командой В. М. Головнина) перешёл из Кронштадта к м. Горн, а оттуда — к м. Доброй Надежды, где шлюп был задержан англичанами. Участвовал в побеге «Дианы»; перешёл через Индийский и Тихий океаны вокруг Тасмании к Камчатке. В 1811 году участвовал в описи южных Курильских островов. После захвата В. М. Головнина, двух офицеров и четырёх матросов в плен японцами, принял на себя командование шлюпом и перешёл в Охотск. В 1812 году продолжал опись южных Курильских островов и перешёл к Петропавловску. В 1813 году перешёл в Хакодате (японский порт), способствовал освобождению из плена В. М. Головнина и его спутников и вернулся в Петропавловск. В 1814 году перешёл из Петропавловска в Охотск и с командой шлюпа «Диана» через Сибирь вернулся в Петербург; произведён в капитаны 2-го ранга. В 1817—1822 годах в чине капитана 1 ранга был начальником Камчатской области. В 1830 году в чине вице-адмирала был начальником отряда судов, блокировавших Дарданеллы. В 1830 году в чине вице-адмирала командовал эскадрой в Эгейском море и содействовал освобождению Греции от турок.

Рылеев Кондратий Фёдорович (1795—1826), русский поэт, декабрист, состоявший в Северном обществе. Отставной поручик, правитель Канцелярии Российско-Американской компании. Один из самых активных руководителей восстания 14 декабря 1825 года на Сенатской площади. Непосредственно участвовал во всех планах по подготовке восстания, его квартира была местом совещания будущих декабристов. По мнению следствия, являлся одним из главных организаторов восстания, уговаривал Каховского убить Николая I.

По приговору Верховного уголовного суда 11 июля 1826 года повешен 13 июля 1826 года вместе с Пестелем, Каховским, Бестужевым-Рюминым, Муравьёвым-Апостолом.

Святитель Иннокентий (1797—1879), в миру Иван Евсеевич Вениаминов, выдающийся деятель Русской Православной Церкви XIX века и этнограф. Сын пономаря Иркутской епархии, с 1823 по 1838 год священник на Алеутских островах и Аляске. Будучи человеком гуманным и широко образованным, много сил отдал просвещению алеутов и распространению среди них различных ремёсел. Составил грамматику алеутского языка.

Автор трехтомных «Записок об островах Уналашкинского отдела» (1840), являющихся одним из лучших произведений русской географической и этнографической литературы XIX века. Миссионерский подвиг святителя Иннокентия принёс большие плоды: уже к 1850 году на Аляске было 9 церквей, 36 молитвенных домов и около 15 тыс. православных христиан.

С 1840 по 1867 год — епископ Камчатский, Курильский и Алеутский. В 1868 году был избран на вдовствующую после смерти митрополита Филарета (Дроздова) Московскую кафедру. В 1977 году был причислен к лику святых Русской Православной Церкви.

Сомов Орест Михайлович (1793—1833), писатель, служащий Канцелярии Российско-Американской компании. В 1825 году жил в одном доме с Рылеевым и Александром Бестужевым. Был взят под арест, посажен в крепость и привлечён к следствию по подозрению в участии восстания декабристов. Однако за неимением улик по Высочайшему повелению был 7 января 1826 года освобождён.

Стебль (Стёбль) Эдуард Андреевич (1804—1892), тайный советник, сначала исполняющий должность поверенного в делах (1854—1855), а затем российский императорский чрезвычайный посланник и полномочный министр при Северо-Американских Соединённых Штатах (1855—1869).

Суттер Джон (Иоганн Август Зуттер) (1803—1880), швейцарец, в 1834 году переселился в США, а затем в Мексику, где принял подданство и дослужился в армии до звания полковника. После отставки стал хозяином земель бывшей русского форта «Росс» в Калифорнии и основал колонию на р. Сакраменто, которая была разграблена золотоискателями во время «золотой лихорадки». Скончался в нищете, так и не дождавшись решения суда по его иску к грабителям.

Сьюарт (Стюарт) Уильям (1801—1872), государственный секретарь США (1861—1869) при президентах Аврааме Линкольне и Эндрю Джонсоне.

Тихменёв Пётр Александрович (1820—1888), капитан 1-го ранга, путешественник, состоял на службе в Российско-Американской компании (1857—1864), автор многих трудов по морской истории и по истории Российско-Американской компании. Лауреат Демидовской премии (1861). В 1882 году произведён в ранг надворного советника и назначен начальником Кронштадтского архива. На этом посту пребывал до самой смерти.

Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889), граф, обер-прокурор Святейшего Синода (1865—1880), министр народного просвещения (1866), член Государственного Совета (1880—1889), президент Петербургской Академии наук (1882—1889).

Унковский Семён Яковлевич (1788—1882), капитан-лейтенант, кругосветный мореплаватель, отец знаменитого Ивана Семёновича Унковского, адмирала, совершившего в 1852—1854 годах в чине капитана 2-го ранга кру-

госветное путешествие на фрегате «Паллада». В 1803 году гардемаринном был послан в Англию для службы волонтером на английских военных кораблях и в 1804—1806 годах плавал в Северном море, Атлантическом океане и Средиземном море. В 1806 году, находясь на испанском призовом судне, был взят в плен французами; вернулся на родину в 1808 году, произведён в мичманы. В 1809 году плавал в Ботническом заливе, участвовал в сражении со шведами. В 1812—1813 годах лейтенантом плавал к Англии. В 1813—1816 годах старшим офицером на корабле Российско-Американской компании «Суворов» (под командой М.П. Лазарева) совершил кругосветное плавание с заходом в Русскую Америку. Вернувшись на родину, вышел в отставку в чине капитан-лейтенанта.

Хвостов Николай Александрович (1776—1809), лейтенант российского флота, исследователь Русской Америки, Курильских островов и Сахалина. В 1802 году вместе с Г.А. Давыдовым поступил на службу Российско-Американской компании, командовал компанейской шхуной «Св. Елизавета», судном «Юнона», тендером «Авось» и другими судами.

В 1807 году вместе с Давыдовым разрушил селения японских контрабандистов на Сахалине. Утонул в Неве осенью 1809 году вместе с Давыдовым при попытке перепрыгнуть проём между пролётами разводящегося моста.

Хлебников Кирилл Тимофеевич (1784—1838), уроженец приуральского г. Кунгура (Пермской губ.). 20 ноября 1817 году прибыл в Новоархангельск в должности комиссионера Российско-Американской компании на борту корабля «Кутузов» под командованием капитан-лейтенанта Л.А. Гагемейстера. В 1820 году (4 июня—20 ноября) на бриге «Ильмень» под командованием англичанина Стивенса ходил из Новоархангельска в Калифорнию. У мыса Барро де Арена бриг потерпел крушение. Команда спаслась. 3 июля на байдаре К.Т. Хлебников пришёл морем в российский форт «Росс». Из залива Бодега (Румянцева) 29 июля продолжил своё плавание на бриге «Булдаков» по следующему маршруту: Монтерей, Санта-Крус, возвращение в залив Бодега, Санта-Барбара, Новоархангельск.

В последние свои годы, вплоть до своего убийства с Американского континента в 1832 году, почти ежегодно на разных кораблях посещал Калифорнию, берега Мексики и Чили, расширяя торговые связи Российско-Американской компании. В течение 38 лет вёл путевые дневники. В 1833 году на корабле «Америка» прибыл в Кронштадт, в том же году опубликовал свою статью «Первоначальное поселение русских в Америке», в 1834 году опубликовал «Статистические сведения о колониях Российско-Американской компании», а в 1836 году — мемуары «Взгляд на полвека моей жизни». В 1837 году избран Петербургской Академией наук членом-корреспондентом по разряду политических наук Отделения исторических и политических наук. Скоропостижно скончался в Петербурге в 1838 году.

Шаламов Тихон, священник, выпускник Вологодской духовной семинарии, служил священником на территории бывших русских колоний

в Северной Америке — в селе Кадьяк (1893—1904), отец выдающегося русского писателя Варлама Шаламова, автора «Колымских рассказов».

Шелихов Григорий Иванович (1747—1795), купец-предприниматель, основатель и исследователь Русской Америки. В 1773 году переехал из г. Рьльска (Курской губернии), где имел небольшое торговое дело, в Иркутск. В 1773—1775 годах состоял на службе у богатого сибирского купца И. Голикова. В 1775 году переехал в Охотск и в компании с другими купцами организовал на широких началах пушной и зверобойный промысел в северо-восточной Азии, на островах северной части Тихого океана и на Аляске. Свою промысловую деятельность связывал с разносторонней исследовательской работой и организацией постоянных русских поселений. В 1783 году, имея два построенных им галиота, перешёл от Охотска к о. Беринга, где перезимовал. В 1784 году перешёл от о. Беринга к о. Унаашка (Лисьи Алеутские острова), а оттуда к о. Кадьяк, где и основал поселение, бывшее в течение двадцати лет центром Русской Америки.

В 1785—1786 годах основал ещё несколько поселений на северо-западных берегах зал. Аляска и посылал на байдарках отряды исследовать северный берег залива и прилегающие к нему районы. Летом 1786 года перешёл от Кадьяка в Большерецк (на юго-западе Камчатки), откуда по берегу на собаках переехал в Охотск, куда прибыл в конце января 1787 года, а затем проехал в Иркутск. В том же 1787 году составил отчёт о своём плавании: «Записки Шелихова странствования его в Восточном море». В переработанном виде этот отчёт был издан в Петербурге в 1791 году под заглавием «Русского купца именитого Рьльского гражданина Григория Шелихова первое странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному океану к Американским берегам». Умер в июле 1795 года. На основе созданной им купеческой компании в 1798 году была организована Российско-Американская компания.

Ювеналий (?—1800), иеромонах, пострижник Валаамского монастыря, член Первой духовной миссии на острове Кадьяк, а затем на континентальной Аляске. В миру — Говорухин Яков Фёдорович, бывший горный инженер. Помимо миссионерской деятельности помогал А. А. Баранову в разведывании и добывании каменного угля и железных руд.

В 1800 году был убит индейцами во время своей миссионерской деятельности на материковой земле Аляски.

Яновский Александр Семёнович (1819—1876), сын С. И. Яновского и И. А. Яновской (Барановой). Родился в Новоархангельске (Аляска), закончил Морской кадетский корпус, служил на Балтийском флоте. Дослужился до звания капитана 2-го ранга. В начале 1850-х стал монахом Оптиной пустыни. Находился в составе Иерусалимской миссии, которую возглавлял архимандрит Леонид (Кавелин). Вернувшись в Россию, под именем схимонаха Христофора провёл свои последние годы в Калужской Тихоновой пустыни, где находился его отец С. И. Яновский (о. Сергий). Весной 1876 года, отмечая 40 дней памяти отца, нечаянно опрокинул на себя

керосиновую лампу и через несколько дней скончался от ожогов. Похоронен в Сергиевском скиту Тихоновой пустыни рядом с отцом — о. Сергием (С.И. Яновским).

Яновская Александра Семёновна (1837—1915), младшая дочь С.И. Яновского от второго брака. Родилась в Калуге. В юности стала монахиней Калужского женского монастыря. В 1896 году избрана игуменьей этой обители (мать Ангелина). В начале XX века её стараниями был построен в монастыре храм в честь иконы Казанской Божьей матери, где по сей день находится Государственный архив Калужской области. Скончалась в монастыре в 1915 году.

Яновский Иван Семёнович (1831—1855), младший сын С.И. Яновского от второго брака. Родился в Калуге. В 1849 году закончил Морской кадетский корпус и был направлен служить на Чёрное море. Службу проходил на линейном 84-пушечном корабле «Варна». Во время осады Севастополя союзными войсками линкор «Варна» наряду с другими парусниками был затоплен у входа в Севастопольскую бухту, чтобы преградить путь кораблям противника. Команды кораблей сошли с орудиями на берег.

Мичман И.С. Яновский командовал батареей № 21, которая и была названа «батареей Яновского». В ходе военных действий показал себя находчивым и смелым офицером. Был награждён орденами св. Владимира 4-й степени с бантом, св. Анны 3-й степени с бантом и Золотой саблей с надписью «За храбрость» (с 1913 года «Георгиевское оружие»).

Скончался от тяжёлого ранения 30 июля 1855 года. Незадолго до смерти был произведён в чин лейтенанта.

Яновский Николай Семёнович (1831—1913), старший сын С.И. Яновского от второго брака. Родился в Калуге. Окончил Калужскую гимназию и несколько курсов юридического факультета Московского университета, посвятил себя штатской службе. Имел множество наград за усердную службу. Дослужился до тайного советника. Несколько раз избирался губернским предводителем калужского дворянства. Ему принадлежал особняк в центре Калуги, ныне памятник архитектуры «Дом Яновского».

Яновский Семён Иванович (1789—1876), капитан второго ранга, участник Четвёртого российского кругосветного плавания (1816—1817) под руководством Л.А. Гагемейстера, главный правитель российских колоний в Америке (официально: 24 октября 1818—15 сентября 1820).

Родился 15 апреля 1789 года в Глухове (Черниговская губерния) в семье отставного армейского капитана, который служил чиновником по выборам дворянства (подсудком) в земском уездном суде. В 1804 году поступил в Морской кадетский корпус. В январе 1808 года получил звание мичмана (первое офицерское звание на флоте) и в том же году закончил корпус. Первые морские походы принадлежат Балтике. В 1815 году участвовал в военных действиях против войск Наполеона в составе российской флотилии на побережье Голландии.

7 сентября 1816 года на паруснике «Суворов», исполняя должность старшего офицера, в составе Четвёртой российской кругосветной экспедиции отправился из Кронштадта в Русскую Америку (экспедицией и флагманом «Кутузов» командовал капитан 1-го ранга Леонтий Андриянович Гагемейстер).

Во время своего пребывания в Новоархангельске (Аляска) познакомился с главным правителем колоний А. А. Барановым, а затем женился на его дочери — Ирине Барановой. 24 октября 1818 года по рекомендации Гагемейстера (который к тому времени уже сменил Баранова) занял пост главного правителя Русской Америки.

Осенью 1819 года предпринял обозрение колоний и посетил о. Кадык, о. Уналашку и острова Прибылова. Вникая в управление колониями, старался улучшить положение алеутов и русских переселенцев. В мае 1820 года вместе с женой и малолетним сыном отправился из Новоархангельска на галете «Румянцев» в Охотск. Оттуда — через Сибирь в Петербург, куда и прибыл в начале 1822 года.

Является автором проекта реформирования американских колоний, который рассматривался дирекцией Российско-Американской компании, но был отвергнут. Прослужил в Российско-Американской компании до 30 августа 1824 года. В этом же году семью постигают несчастья: наводнение 1824 года принесло большой материальный ущерб, и в том же году от чахотки умирает Ирина Яновская (Баранова). После болезни в 1825—1826 годах уходит в отставку в звании капитана 2-го ранга. Чтобы спасти сына и дочь, в 1832 году по приглашению калужанина мореплавателя С. Я. Унковского (1788—1882) переезжает в Калужскую губернию.

В 1834 году становится директором училищ Калужской губернии, который также являлся главой Калужской Николаевской мужской гимназии. Находясь на этом посту 18 лет, проявил себя опытным педагогом, собрал в гимназии талантливых преподавателей, вёл активную общественную жизнь.

В 1861 году во время реформ Александра II возглавил статистическую работу по Тарусскому и Калужскому уездам. В это же время нередко приезжал в Козельскую Оптину пустынь, где стал духовным сыном известного старца о. Антония (Путилова-младшего).

В 1864 году пострижен в монахи Калужской Свято-Тихоновой пустыни, приняв иноческое имя Сергей. Скончался схимонахом этой обители в 1876 году, похоронен в Сретенском скиту.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Государственный архив Калужской области

Яновский, С.И. Записки Семёна Ивановича Яновского / С.И. Яновский // Известия Калужской учёной архивной комиссии. Выпуск 11–12 / под редакцией И.Д. Четыркина, В.М. Кашкарова. — Калуга, 1898. — С. 35–81.

Яновский, С.И. Записки о путешествии, совершённом в 1821 и 1822 годах из Америки в Петербург / С.И. Яновский // Известия Калужской учёной архивной комиссии. Выпуск 21 / под редакцией В.И. Асонова. Приложение. — Калуга, 1911. — С. 1–30.

ГАКО, ф. 37, оп. 1, д. 962, л. 1–2.

ГАКО, ф. 77, оп. 1, д. 203, л. 1–2.

ГАКО, ф. 77, оп. 1, д. 214, л. 1.

ГАКО, ф. 77, оп. 1, д. 218, л. 5–6.

ГАКО, ф. 77, оп. 1, д. 288, л. 8–18.

ГАКО, ф. 77, оп. 1, д. 328, л. 1–2.

ГАКО, ф. 77, оп. 1, д. 360, л. 3–22.

ГАКО, ф. 66, оп. 2, д. 1582, л. 1–3.

ГАКО, ф. 66, оп. 3, д. 95, л. 1–2.

ГАКО, ф. 77, оп. 1, д. 369, л. 1.

ГАКО, ф. 77, оп. 1, д. 369, л. 2.

ГАКО, ф. 77, оп. 1, д. 410, л. 2.

ГАКО, ф. 77, оп. 2, д. 49, л. 1–2.

ГАКО, ф. 77, оп. 2, д. 49, л. 13.

ГАКО, ф. 77, оп. 2, д. 49, л. 15.

ГАКО, ф. 77, оп. 2, д. 288, л. 4–5.

ГАКО, ф. 77, оп. 2, д. 288, л. 6.

ГАКО, ф. 165, оп. 1, д. 1, л. 1–2.

ГАКО, ф. 165, оп. 1, д. 1058, л. 1.

ГАКО, ф. 165, оп. 1, д. 1058, л. 2–3.

ГАКО, ф. 165, оп. 1, д. 1081, л. 7–8.

ГАКО, ф. 165, оп. 1, д. 1088, л. 11, 12.

ГАКО, ф. 165, оп. 2, д. 161, л. 1–3.

Памятная книжка Калужской губернии на 1861 г. Изд-во Калужского губернского статистического кабинета. Под ред. П. Щепетова-Самгина, 1861.

Калужская губерния. Список дворян, внесённых в дворянскую книгу по 1 октября 1908 года, и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1795 года / Н. Булычёв. — Калуга: Типо-литография губернского правления, 1908.

Журнал секретного и главного комитетов по крестьянскому делу. — 1 том. — Петроград, 1915.

Калужская старина. — Том 5. — Калуга, 1910.

Библиографический список

Аксаков, И. С. Письма к родным 1844–1849 / И. Аксаков. — М.: Наука, 1988.

Алексеев, А. И. Судьба Русской Америки / А. И. Алексеев. — Магадан, 1975.

Архимандрит Августин. Первая миссия / Архимандрит Августин // Русская Америка. — 1994. — № 1.

Афанасьев, К. Из подполья — к власти / К. Афанасьев // Калужские Губернские ведомости. — 1998. — 2–8 июля.

Белов, И. Д. Казанский Богородичный девичий монастырь г. Калуги в судьбе ГАКО / И. Д. Белов // Материалы научной конференции, посвящённой 90-летию ГАКО. — Калуга: ГУ «ГАКО», 2010.

Булычёв, Н. Список дворян, внесённых в дворянскую родословную книгу на 1 октября 1908 года, и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 года / Н. Булычёв. — Калуга: Губернское правление, 1908.

Визит патриарха / по сообщениям ИТАР ТАСС и Информационного бюллетеня ОВЦС Московского патриарха // Русская Америка. — 1994. — № 1.

Высочков, Л. В. Николай I. ЖЗЛ / Л. В. Высочков. — М.: Молодая гвардия, 2003.

Гунченков, И. Ф. Засекреченный генерал. Факты. События. Люди. / И. Ф. Гунченков. — Калуга: Фридрих, 2009.

Декабристы. Биографический справочник / под ред. академика М. В. Нечкиной. — М.: Наука, 1988.

Долгополов, А. Эскадра адмирала Попова в Сан-Франциско / А. Долгополов // Столетняя годовщина прихода Русских эскадр в Америку 1863–1963 / под ред. профессора В. П. Петрова. — Washington: Viktor Kamkin, 1963.

Добычина, М. А. Кадровый состав архивных учреждений Калужской области (1919–1990) / М. А. Добычина // Материалы научной конференции, посвящённой 90-летию ГАКО. — Калуга: ГУ «ГАКО», 2010.

Дрязгунов, К.В. Великие люди земли Калужской / К.В. Дрязгунов. — Калуга: Институт повышения квалификации работников образования, 2002.

Жандр, А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова / А. Жандр. — СПб., 1859.

Звонарев, Б.А. Петропавловский бой / Б.А. Звонарев // Русское военно-морское искусство. Сборник статей / под ред. Р.Н. Мордвинова. — М.: Военно-морское министерство Союза ССР, 1951.

Иеромонах Гедеон. Записки иеромонаха Гедеона о Первом русском кругосветном путешествии и Русской Америке, 1803—1808 гг. / Иеромонах Гедеон // Русская Америка. — М.: Мысль, 1994.

Ильинская, А. Страницы жизни шамординской схимонахини Серафимы / А. Ильинская // Литературная учёба. — № 5. — 1990.

Истомин, В.К. Адмирал Унковский. Рассказы из его жизни / В.К. Истомин. — Калуга: Издательство «Фридрихсбург», 2005.

Калужские губернаторы / под ред. Н.В. Зиновкиной, Н.В. Калашниковой, О.М. Петровой и др. — Калуга: Золотая аллея, 1997.

Калужская классическая гимназия (1804—1918). — Калуга: Издательство Н. Бочкарёвой. — 2005.

Калужская старина. — Т. 5. — Калуга: Калужское церковное историко-археологическое общество. — 1910.

Карнович, Е.П. Родовые прозвания и титулы в России / Е.П. Карнович. — СПб.: Издательство Международного фонда истории науки, 1991.

Корнилов, А.А. Крестьянская реформа в Калужской губернии при В.А. Арцимовиче / А.А. Корнилов // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. — СПб., 1904.

Комаров, С. В Калужской епархии приняли делегацию из США из штата Аляски / С. Комаров // Наша вера. — 2011. — № 12 (132).

Корсун, С. Преподобный Герман Аляскинский. Жизнеописание / С. Корсун. — М.: Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, 2005.

Крупская, А. Воспоминания Крымской войны / А. Крупская. — СПб., 1861.

Ксенофонтов, И.В. Литературное краеведение: калужские страницы / И.В. Ксенофонтов. — Калуга: Калужский государственный институт модернизации образования, 2012.

Лопатников, В.А. Пьедестал. Время и служение канцлера Горчакова. ЖЗЛ / В.А. Лопатников. — М.: Молодая гвардия, 2003.

Малинин, Д.И. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии / Д.И. Малинин. — Калуга: Золотая аллея, 1992.

Марков, С.Н. Летопись Аляски / С.Н. Марков. — Тула: Пересвет-II, 1993.

Митрополит Климент (Капалин). Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года / Митрополит Климент (Капалин). — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009.

Морозова, Г.М. Калуга. Прогулки по старой Калуге / Г.М. Морозова. — Калуга: Золотая аллея, 1993.

Осоргин, М.М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни 1861—1920 / М.М. Осоргин. — М.: Российский фонд культуры, РГБ, Российский архив, студия «Тритэ» Н. Михалкова. — 2009.

Очерк народного образования Калужской губернии / Памятная книжка Калужской губернии на 1861 год / под ред. П. Щепетова-Самгина. — Калуга: Губернская типография, 1861.

Песков, В. Аляска больше, чем вы думаете / В. Песков. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2006.

Преподобные старцы Оптиной пустыни. Жития. Чудеса. Поучения (репринтное издание). Калуга: Калужская типография стандартов, 1992.

Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. / под ред. М.Б. Черненко, Г.А. Агранат, Е.Э. Бломквист. — М.: Государственное издательство географической литературы, 1956.

Рерберг, П.А. Севастопольцы. Сборник портретов участников обороны Севастополя в 1854—1855 годах / П.А. Рерберг. — СПб., 1903.

Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев / под ред. А.Д. Дридзо, Р.В. Кинжалова. — М.: Мысль, 1994.

Сандерсон, И. Северная Америка / И. Сандерсон. — М.: Прогресс, 1964.

Сафонов, М. Американский след в деле декабристов / М. Сафонов // Аргументы и факты. — 1994. — № 31 (720), август.

Сафронов, Ф.Г. Тихоокеанские окна России. Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил / Ф.Г. Сафронов. — Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1988.

Слово и вера: книга размышлений митрополита Климента, председателя Издательского Совета Русской Православной Церкви / сост. А.В. Велько. — Минск: Издательство Белорусского Экзархата Русской Православной Церкви, 2012.

Скарбек, И. За тридевять земель / И. Скарбек. — М.: Наука, 1989.

Смирнова-Россет, А.О. Дневники. Воспоминания / А.О. Смирнова-Россет. — М.: Наука, 1989.

150 лет Русской Духовной миссии в Иерусалиме. Паломничество во Святую Землю / под ред. Архиепископа Калужского и Боровского Климента — М.: ЭКОМ-ПРЕСС, 1997.

Столетняя годовщина прихода Русских эскадр в Америку 1863—1963 / под ред. профессора В.П. Петрова. — Washington: Victor Kamkin, 1963.

Тихменёв, П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действия её до нашего времени / П.А. Тихменёв. — СПб., 1861. — Ч. 1, 2.

Трофимов, В. Руководитель экспедиции и первый посланник в Японии Н.П. Резанов / В. Трофимов // Сибирские огни. — 2007. — № 4.

Туберовский, А.М. Религиозные мотивы в жизни Н.В. Гоголя / А.М. Туберовский // Калужская старина. — Т. 5. — Калуга: Историко-археологическое общество, 1910.

Хлебников, К.Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, главного правителя Российских колоний в Америке / К.Т. Хлебников. — СПб., 1835.

Холопов, Ю.В. Иван Яновский — герой Крымской войны / Ю.В. Холопов // Весть. — 2005. — 2 декабря.

Холопов, Ю.В. Одиссея лейтенанта Яновского / Ю.В. Холопов. — Калуга: Золотая аллея, 1998.

Холопов, Ю.В. Калужане — герои Крымской войны / Ю.В. Холопов. — Калуга: Калужский областной институт повышения квалификации работников образования, 2008.

Хроника основных событий Восточной (Крымской) войны 1853—1856 гг. // Крымский архив. — Симферополь: Крымский центр гуманитарных исследований, 2003.

Яновский, С.И. Наставления моему крестнику Николаю К. / С.И. Яновский. — Калуга, 1871.

Электронные источники

<http://www.opocuu.com/alyaska.htm>

<http://Alaska-heritage.clan.su/index/0-5>

ВОКАБУЛЯРИЙ

(объяснение иноязычных, специальных и устаревших слов)

Аббат — настоятель католического монастыря, подчиняется епископу, иногда непосредственно римскому папе.

Абордаж — тактический приём времён гребного и парусного флота, предусматривающий сцепление судов для рукопашного боя.

Автономность — длительное плавание без захода судна в порт и пополнения запасов питания, питьевой воды и др.

Автокефальная Церковь — самоглавенствующая, самоуправляемая, административно не зависящая от других Церквей; иначе — поместная Церковь. Такие Церкви составляют части вселенской Церкви и по единству веры и основным началам устройства и управления, пребывают между собой в общении. Во главе управления поместных Церквей может стоять единоличная (патриарх, митрополит, архиепископ) или коллегиальная (синод) власть.

В настоящее время автокефальными являются Константинопольская, Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская, Русская, Грузинская, Сербская, Румынская, Болгарская, Кипрская, Элладская (Греческая), Албанская, Польская, Чешских земель и Словакии Православные Церкви и Православная Церковь в Америке.

Агнец Божий — символическое имя, данное Господу Иисусу Христу Священным Писанием и Преданием, указывающее в Нём невинную жертву за грехи мира сего.

Ад — или гиена огненная, в Православии противопоставлен Царству Небесному, место вечного мучения, уготованное диаволу, демонам и нераскаявшимся грешникам. Ад является посмертным состоянием нераскаявшейся грешной души, после того, как она была судима на частном суде (состояние временное), и постоянным состоянием нераскаявшегося человека и падших духов после всеобщего Страшного суда.

Адмиралтейство — район территории порта, где расположены эллинги, верфи, мастерские и склады для постройки, ремонта и снабжения военных кораблей. В России были созданы в конце XVII—начале XVIII веков в Воронеже, Архангельске, Санкт-Петербурге, Кронштадте, Херсоне, Севастополе и т.д.

Адмиралтейств-коллегия — учреждённое Петром I ведомство, которому был поручен надзор за флотом; при Александре I заменён морским министерством.

Азимут — (астронавигация) угол между северной частью плоскости истинного меридиана наблюдателя и вертикалом светила.

Акватория — участок водной поверхности в установленных границах.

Аллилуйя — песнь в честь Троицкого Бога, поющаяся или читаемая на богослужении трижды с присоединением славословия: «Слава Тебе, Боже!».

Алтарь — восточная возвышенная часть храма, в которой находится престол, отделенная от остальной части храма иконостасом. Алтарь, являясь областью особенного присутствия Божия, символизирует небо и потому есть место священное. Согласно канонам Православной Церкви в алтарь разрешается входить только священно- и церковнослужителям, но на практике делается исключение для помогающих в алтаре мужчин — пономарей и алтарников; в женских монастырях их заменяют, согласно канонам, немолодые монахини.

Аманат — у туземцев Аляски заложник («разменяться аманатами» — произвести обмен пленными).

Ангел — святой бесплотный дух, возвещающий и исполняющий волю Божию.

Ангел Хранитель — ангел, приставляемый Богом к человеку при крещении для охранения и помощи в добрых делах.

Анкерок — бочонок без крана для пресной воды. Внутри к пробке подвешен стакан.

Архиерей — епископ (архиепископ, митрополит), управляющий епархией. Архиерей имеет благодать совершать все таинства (в том числе рукоположение) и руководить церковной жизнью. Каждый архиерей (кроме викариев) управляет епархией. Согласно учению Церкви, апостольская благодать, принятая от Иисуса Христа, передается через рукоположение архиереев от самых апостольских времен и таким образом в Церкви осуществляется благодатная преемственность. Архиерей должен быть безбрачен, в современной церковной практике архиереев принято поставлять из монашеского духовенства.

Архипастырь — почтительный титул высших духовных лиц.

Аршин — мера длины, русский аршин равнялся 0,711 м.

Атлатль — копьеметалка (приспособление для метания копья), имевшая широкое распространение среди туземных племён Северной Америки до изобретения лука со стрелами.

Байдара — многovesельная открытая лодка, деревянный каркас которой обшит шкурами морских животных, скреплённых полосками из китового уса.

Байдарка — длинная и узкая алеутская плоскодонка, обтянутая со всех сторон кожей; сверху имеет люки для гребцов.

Байдарщик — предводитель байдарочных промысловых партий; в Русской Америке староста небольшого селения.

Барабора — хижина из жердей, в которой жили алеуты и индейцы Аляски.

Барк — трёх- или пятимачтовое коммерческое судно.

Бизань — последняя мачта на парусном судне с тремя или более мачтами.

Бот — небольшое одномачтовое парусное плоскодонное судно, предназначенное для речного или каботажного плавания.

Бриг — двухмачтовое судно с прямыми парусами.

Бриз — ветер в прибрежных районах, который в течение суток меняет своё направление под влиянием разностей температур поверхностей суши и воды (днём — с моря на сушу, ночью — с суши на море).

Ванты — смолёные пеньковые канаты, которыми производилось боковое крепление мачт.

Верста — старая русская мера длины (путевая), верста равнялась 1,0668 км.

Вершок — мера длины; 4,44 см.

Вечеря — ужин.

Вечерня — ежедневная служба, совершаемая вечером и относящаяся к следующему дню, т.к. по церковному исчислению сутки начинаются с вечера. По значимости празднуемого события вечерня бывает трёх видов: малая, которая иногда служитя перед всенощной, вседневная, совершаемая в обычные дни, и великая, которая служитя накануне воскресных и праздничных дней в составе всенощного бдения.

Взять рифы — уменьшить площадь парусов.

Викариат — наместничество; территория, которая пока не возведена в достоинство епархии.

Вице-рой — вице-король.

Галион — большое трехмачтовое судно особо прочной постройки, снабжённое тяжёлой артиллерией. Подобные суда служили для перевозки товаров и драгоценных металлов из испанских и португальских колоний в Европу.

Галиот — небольшое, водоизмещением до трехсот тонн, двухмачтовое судно с прямыми (на передней мачте) и косыми (на кормовой мачте) парусами.

Галс — курс судна относительно ветра.

Гласы — особые напевы или тоны в церковной голосовой музыке, заимствованные из греческого духовного песнопения. Всех гласов восемь, и каждый из них имеет свой оттенок в переливах голоса и «направлен по выражению и пробуждению в христианах достойных чувствований к Богу».

Грот — самый нижний прямой парус на второй от носа, самой высокой грот-мачте на двух- и трехмачтовых судах. На четырёхмачтовых судах грот-мачт две (передняя и задняя). Если на судне всего одна мачта, то она также именуется гротом.

Диакон, дякон — священнослужитель первой степени церковной иерархии, должность которого состоит в том, чтобы сослужить священникам и епископам при совершении ими таинств и других священнодействий. Во время богослужения диакон приготавливает священные сосуды и возглашает молитвенные прошения (ектеньи) и др.

Доминиканцы — нищенствующий монашеский орден, основанный папой Иннокентием II в последние годы своего понтификата (1198—1216) по имени основателя инквизиции, уроженца Старой Кастилии Доминика (1170—1215). Орден, учреждённый для борьбы с ересями, вскоре после своего появления захватил все европейские университетские кафедры. Доминиканцы провозгласили своими главными целями: следить за чистотою веры и проповедовать повсеместно Слово Божие.

Дрейф — снос корабля с курса ветром или течением. Дрейфовать по ветру — перемещаться под действием ветра, не имея собственного хода вперёд. Лечь в дрейф — расположить паруса таким образом, чтобы судно не двигалось ни вперёд, ни назад.

Епархия — церковно-административный округ, управляемый епископом. Обычно именуется по месту, где находится кафедральный собор.

Епископ — высший духовный сан, высшая (третья) степень священства; управляющий епархией (правлящий епископ).

Епитимия — духовное наказание.

Епитрахиль, или епитрахиль — часть священнического облачения, надеваемая при всяком богослужении; род передника, одеваемого на шею под ризами и стирающегося донизу. Епитрахиль символизирует особую (двойную) сходящую свыше благодать Святого Духа. Без епитрахили нельзя священнодействовать, ее заменой в случае необходимости может служить любой длинный кусок материи и даже веревки, благословленный как епитрахиль.

Ересь — христианское учение, уклоняющееся и противящееся ясно выраженным и сформулированным Вселенской Церковью догматам веры.

Еретики — проповедники и последователи еретических учений.

Жило — старорусское слово, обозначающее любое жильё или населённое место.

Заказчик — в Русской Америке староста селения.

Заполоскать (обветрить) паруса — поставить шкоты косых парусов так, чтобы они, перестав наполняться ветром, обдувались с обеих сторон, или привести судно носом против ветра.

Игрушки — так называли русские обрядовые или увеселительные праздники туземцев Аляски.

Игумен (игуменя) — настоятель (настоятельница) монастыря Русской Православной Церкви.

Иезуиты — католический религиозный орден, основанный в 1534 году Игнатием Лойолой. Основные принципы организации ордена: строгая централизация власти, беспрекословное повиновение младших старшим по положению. В своей деятельности иезуиты руководствуются принципом «цель оправдывает средства».

Иерарх — архипастырь, святитель — общие названия для священнослужителей высшей (третьей) степени церковной иерархии — епископов, архиепископов, митрополитов, экзархов и патриархов. Иерарх обязательно является монахом.

Иеромонах — посвящённый в священный сан монах, который может совершать богослужение и исполнять требы.

Инок — в широком смысле это название применяется к монахам вообще; в узком значении — рясофорный монах.

Инсургенты — повстанцы, мятежники.

Кажим — особый общественный «мужской дом», существовавший в селениях алеутов и эскимосов, где решались важные вопросы племени.

Казарма — жилое помеще́ние, которое строили русские переселенцы для промысловых партий на Аляске, главным образом, из дерева.

Калга — на языке туземцев Аляски — раб (рабыня).

Камлея, камлейка — алеутская одежда, нечто вроде рубахи с капюшоном вместо воротника. Делается из кишок сивуча, кита, моржа, а иногда и медведя.

Капер — частное судно, вооружённое для действия на морских коммуникациях противника с целью нарушения его торговли и судоходства.

Каронада — чугунное орудие большого калибра, стреляющее бомбами и картечью.

Катехизис — книга, содержащая краткое и доступное изложение основных истин веры и норм христианской нравственности, предназначенная для начального обучения верующих.

Кафедра — епископский престол; епархия.

Кафедральный собор — главный собор епархии.

Кацавейка — женская короткая кофта, подбитая или отороченная мехом.

Каюры — работники, находящиеся в полном подчинении Российско-Американской компании, как правило, из числа туземцев.

Квадрант — угломерный прибор, служащий для измерения высот небесных светил, помогающий ориентироваться в море.

Киот — застеклённый ящик или шкафчик для хранения икон.

Китайка — простая хлопчатобумажная ткань различной окраски.

Клобук — головной убор монаха.

Клотик — приплюснутый деревянный шар, который насаживался на верхний конец мачты, чтобы сохранить её от дождя.

Ковчежец — специальный ящик (ковчег), где хранятся мощи святого.

Корвет — трехмачтовое военное судно с прямыми парусами и открытой батареей палубой с 20—30 пушками. Следует по силе вооружения за фрегатом, являясь самым малым из военных кораблей, предназначенных главным образом для разведывательной и посыльной служб.

Корольки — бусы розового или светло-красного цвета, весьма высоко ценившиеся туземными жителями Русской Америки.

Коч — старинное одномачтовое парусно-гребное судно поморов, предназначавшееся для плавания вдоль побережья.

Кошт — иждивение, содержание (расход).

Крейсирование — охрана береговой зоны от неприятеля, пресечение контрабанды и др.

Крепостца — небольшой форт в Русской Америке.

Крейт-камера — помеще́ние на корабле для хранения пороха.

Ктитор — церковный староста. Помимо церковных старост ктиторами также называются люди, на средства которых построены, отреставрированы или расписаны храмы или монастыри.

Купор — мастер по изготовлению бочек.

Куюк — составная часть воинских доспехов тлинкитов-колошей (панцирь из деревянных или костяных пластин, нашитых на одежды).

Лавра — название крупнейших мужских православных монастырей, подчинённых непосредственно патриарху.

Ландкарты — географические карты.

Лафтаки — выделанные шкуры морских животных.

Литания — молитва, состоящая из коротких молитвословий, обращённых к различным святым.

Лития — часть праздничной великой вечерни, для совершения которой священнослужители исходят из алтаря в притвор (в западную часть храма), где читают молитвы. Или краткая заупокойная служба, совершаемая обычно по окончании литургии, а также при выносе усопшего.

Лог — балка, широкий овраг.

Лот — приспособление для измерения глубины, состоящее из свинцовой гири и тонкого, но прочного троса — лотляня.

Марсы — площадки на мачтах, служащие для выполнения матросами различных работ по управлению парусами, а также для наблюдения за горизонтом. Марсовый — матрос, работающий на марсе.

Матёрая земля — земля материка.

Миля — мера расстояния во время плавания. Морская миля равна 1852 м.

Митра — драгоценный головной убор, который надевают священнослужители во время богослужения. Митра имеет сферическую форму. В центре и по бокам помещаются 4 миниатюрные иконы Иисуса Христа, Богородицы, Иоанна Крестителя, а также какого-либо святого или праздника, а наверху малая икона Святой Троицы, образ Серафима или миниатюрный крест. Митра священника увенчивается иконой, митра архиерея крестом. Право ношения митры имеют архиереи, архимандриты, а также священники, которым оно дается в качестве вознаграждения.

Митрополит — высший духовный сан в Православной Церкви, управляющий митрополией — провинцией, в которую входят одна или несколько епархий. Формально сан митрополита не всегда является высшим духовным саном, так как в ряде поместных Православных Церквей (Константинопольская, Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская, Русская, Сербская, Болгарская, Грузинская) высшим духовным лицом является Патриарх Церкви.

Мягкая рухлядь — меха, пушной товар.

Наперсный крест — крест, который священнослужители носят на груди.

Нарядчик — служащий, который отвечает за назначение на ежедневные хозяйственные работы.

Настоятель — управитель прихода или монастыря.

Неофит — новообращённый, принявший недавно веру.

Ноки — оконечности всякого горизонтального или наклонного рангоутного дерева, оконечности поперечной мачты.

Огни святого Эльма — электрическое свечение, которое окружает высокие заострённые объекты (например, мачты кораблей); появляется в ненастную погоду, при приближении грозы.

Орден — духовное, монашеское объединение, основанное с определённой целью, имеющее свой устав и соответствующее одеяние.

Пажить — нива, луг.

Пакетбот — почтово-пассажирское судно в XIX веке.

Парка — алеутская одежда, имеющая стоячий воротник, сшивается из птичьих или нерпичьих шкур.

Партовщик — начальник над несколькими партиями охотников-алеутов.

Передовщик — начальник промыслового отряда.

Партовые люди — охотники, входящие в партию, промысляющую морского зверя.

Перемётная сума — два уравновешенных мешка, связанные воедино для перекидки через плечо или через седло.

Полубаркас — небольшая парусно-гребная шлюпка, служащая для перевозки команды и грузов.

Пончо — плащ-накидка из куска шерстяной материи с отверстием посередине для надевания через голову.

Прелат — высший титул священника, даваемый римским папой за особые заслуги перед Церковью. Прелатами называют высокопоставленных духовных лиц Римской католической церкви (кардиналов, епископов, легатов, нунциев, настоятелей монастырей, а также ряд иных должностных лиц Римской Курии).

Престол — четверугольный стол, утверждённый посреди алтаря, особым чином освящённый и облачённый в священные одежды (срачица и индития). Престол является самым священным местом в храме.

Рангоут — всё деревянное оборудование судна (стоячий такелаж): мачты, стеньги, реи и прочее.

Ранчо — скотоводческая или другая ферма, которая располагается, как правило, рядом с обрабатываемыми полями.

Расторжка — взаимная распродажа или натуральный обмен товарами между промышленниками Российско-Американской компании и туземцами.

Ревендук — толстый парусный холст.

Редут — небольшое укрепление. В Русской Америке — несколько изб, окружённых валом и высоким тыном.

Рига — сарай для молотбы хлеба.

Рики — спирт, выгнанный из сахарного тростника, применяется для приготовления рома.

Сажень — старая русская мера длины — 213,36 см.

Сивуч — морской лев.

Сиеста — послеобеденный традиционный отдых у испанцев и других южно-европейских народов, а также у ряда народов Латинской Америки, испытавших культурное влияние последних.

Скорбут — цинга.

Снизка — русское название бус или ожерелья наряду с бисером.

Стапель — наклонный помост, на котором строится корабль и по которому затем спускается на воду.

Стеньга — второе колено мачты, рангоутное дерево, продолжающее мачту вверх.

Суперкарго — помощник капитана судна по грузовой части (на русских судах Российско-Американской компании назывался приказчиком).

Такелаж — снасти корабля, служащие для укрепления рангоута и управления парусами.

Тойон — родовой старейшина, индейский вождь.

Топ — верхний конец мачты.

Торбасы — высокие сапоги из меха или замши.

Тур — часть крепостного укрепления, служившая для укрытия от ружейного огня.

Фальконет — старинное артиллерийское орудие небольшого калибра, стреляющее свинцовыми ядрами.

Флагшток — вертикальный шест, предназначенный для подъёма и несения флага.

Фок-мачта — передняя от носа мачта.

Форштевень — крайний носовой брус корпуса судна.

Фрегат — трехмачтовое быстроходное военное судно с 40—60 орудиями между палубами, по силе вооружения следует за линейными кораблями.

Фут — английская мера длины — 12 дюймов, или 30,5 см.

Хиротония — Таинство Священства (Рукоположение), в котором через возложение рук архиерея христианину сообщается особая благодать для учения и священнодействий.

Таинство Священства совершается только над лицом мужского пола, принадлежащим к клиру, православным верующим, состоящим в первом браке, освященном Церковью, или принявшим монашеские обеты.

Таинство Священства возводит в одну из трех степеней церковной иерархии: диакона, пресвитера и епископа.

Ходовые огни — фонари на мачтах и корпусе корабля, зажигаются в ночное время при выходе корабля из порта.

Цукли — узкие длинные трубчатые раковины улиткообразного моллюска, почитались у туземных народов Аляски за драгоценное украшение.

Шандал — подсвечник.

Шканцы — часть верхней палубы, между грот- и бизань-мачтами, или помост на корме, где находились капитан и офицеры судна.

Шкипер — капитан — владелец коммерческого судна.

Шкот — снасть (трос) для управления парусами.

Шлюп — трехмачтовый военный корабль с артиллерией на верхней палубе.

Шнява — двухмачтовое судно, похожее на шхуну.

Штурман — кораблевожатый, в его обязанности входит ведение судового журнала, слежение за курсом корабля, работой рулевых и т. д.

Ют — кормовая часть верхней палубы корабля, палуба над капитанской каютой.

Ярд — английская мера длины, равна трём футам — 91,44 см.

Ясак — выплата дани натурой (дорогими мехами).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

А

Абадиа П. (дон Абадиа) 44, 51, 316
Августин (Никитин), архим. 254
Ассен-Аймер Ф.В. 295, 296, 316
Аксаков И.С. 153, 174
Александр I 6, 7, 10–12, 27, 61, 87, 140–147, 179, 232, 316, 330, 331
Александр II 164, 175, 180, 181, 197, 198, 202, 204, 205, 209, 210, 232, 234, 235, 246, 268, 314, 316, 337
Алексеев А.И. 248
Алексий II, патр. 258, 316
Амвросий, стар. 264, 293, 297
Ангелина (Яновская А.С.), игум. 289, 301, 302, 336
Анатолий Иркутский, архиеп. 259
Анатолий, стар. 297
Антоний, стар. 216, 223–230, 317, 337
Арсеньев 159
Артохов 192
Афросина И. 287
Артамонов А.Д., губ. 308
Арцимович В.А. 198, 199, 203, 206, 234, 235, 317
Афанасий, иером. 255, 257

Б

Бальзак 178
Байрон 177
Баранов А.А. 31, 40, 41, 55–63, 65–77, 81, 83, 91, 94, 101, 111, 112, 118, 136, 196, 237, 257, 285–287, 292, 312, 313, 321, 326, 335, 337
Баранов Антипатр 67, 73, 76, 81, 149, 283, 318

Баранов А.И. 56
Баранова (Яновская) И.А. 52, 67, 68, 73, 74, 76, 78, 80, 85, 116, 283, 313, 318, 335, 337
Бартоли 45
Батеньков Г.С. 144, 198
Билевич Н. 213
Белоусов 194
Березовский А. 235
Бенкендорф А.Х. 142
Беринг В.И. 5, 308, 319
Бестужев А. 143, 144
Бестужев Н.А. 144
Бибиков И.М. 152
Бирд Ч. 244
Бодиско В. 237
Боковиков П.В. 139
Боливар С. 144, 316, 319
Борноволоков 68
Бородин, восп. б. пан. 169, 170
Бортнянский, комп. 23
Бриллиантов А. 161
Броневский 178
Булдаков М.М. 114, 320
Бульчев Н. 155
Буссе 159
Быков, восп. б. пан. 169

В

Валуев П.А. 202, 205, 206, 210
Вашингтон Дж., през. 144
Варнава, монах 297
Ведемейер И. 69
Валенила, вождь индейцев 80
Величковский Н.И. 168

Виноградов В. 166
Витолин П.Я. 294–296, 320
Владимир Андреевич Храбрый, кн. 291
Владимир (Соколовский), еп.
Воеводский С.В. 196
Воейков Н.В. 199
Врангель Ф.П. 31, 132, 320, 328, 329

Г

Гавриил, митр. 254, 255
Гагарин Ю.А. 311
Гегемейстер Л.А. 13, 14, 19, 21, 25,
38, 49, 50, 54, 68, 69, 71, 72, 75–78,
84, 87, 93, 313, 318, 321, 324, 337
Гакке 159
Гарриман 276
Гедеон (Федотов Г.), монах 30, 31,
32, 39, 96, 104, 321
Геккер 159
Георгиевский, восп. б. пан. 169
Герман Аляскинский, преп. 102, 103,
105–111, 148, 256–259, 261, 283,
300, 305, 315, 322
Герасим (Шмальц М.А.), монах 308,
309, 321
Герцен А. 234
Гоголь Н.В. 169, 177, 213–215,
Головачёв, лейтенант 33, 326
Головнин В.М., кап. 40, 64, 79, 80,
87, 93, 118, 133, 155, 178, 320, 322,
323, 328, 329
Голиков М.С., купец 254, 322, 335
Гончаров, восп. б. пан. 169, 170
Грановский Т.Н. 163
Грановский М.Ф. 301
Греч 159
Григорий, вождь чугачей 67
Грибанов 119
Гунченков И.Ф. 275
Гюго В. 177

Д

Дабович С., архим. 259
Давыдов Г.И. 61, 323
Давыдов Д. 178, 333
Даль В. 177

Дамаскин (Кононов), игум. 109, 323
Данилевский, восп. б. пан. 169
Джонс, корреспондент 252
Джонсон Э., през. 236
Дежнёв С.И. 96, 308, 323
Депуант, адм. 195, 196
Державин Г.Р. 82, 108, 115, 174
Дефо Д. 177
Джонс, корреспондент 252
Дизраэли Б. 251
Диккенс Ч. 153
Диллиплэйн Т. 307
Дмитриев, восп. б. пан. 170
Добычина М.А. 302
Достоевский Ф.М. 215
Дружинин Я. 69
Дюков, восп. б. пан. 170

Е

Евгения, игум. 289
Екатерина II 5, 254
Ермак 82

Ж

Жандр А. 192
Жуковский В.А. 174, 180, 215
Жуковский Н.В., губ. 174
Жюно, мар. 24

З

Завалишин Д.И. 143, 146, 324
Завойко В.С. 195, 196
Загоскин Л.А. 65, 82, 111, 324
Закревский А.А. 185
Защук Л.В. 297, 298
Зеленский И. 69
Знаменский, кв. надз. 169

И

Иван IV Грозный, русский царь 292,
301
Ильинская А. 297
Ильин, восп. б. пан. 169
Иннокентий (Пустынский), еп. 273

Иннокентий (Вениаминов), свят. 32, 197, 258–268, 283, 332
 Иоанн (Митропольский), архим. 268
 Иоанн IV, кор. 25
 Иоанафан, игум. 110
 Иосаф (Болотов), архим. 255, 257, 259
 Иосаф, монах 255–257
 Иосиф, стар. 297
 Иркин, лейтенант 42

К

Кавелин, восп. б. пан. 170
 Калакузский, шт.-кап. 171
 Каумаули, кор. 55, 74
 Кангер В.А. 206
 Каталани, пев. 23
 Карамзин Н.М. 83, 178
 Каратаев, восп. б. пан. 169
 Карнович Е.Н. 160, 212, 214
 Каракозов Д. 235
 Карпинский, восп. б. пан. 169, 170
 Карышев А.Ф. 199
 Кашкаров В.М. 52
 Кашкин Н.С. 198, 204
 Квинт Курций 160
 Кееплий И. 110
 Киреевские И.В. и П.В. 215
 Кирилл, патр. Иерусалимский 189
 Кичин Е.В. 112
 Кишкин Г.Т. 229
 Климент (Капалин), митр. 264, 265, 267, 269, 271, 304, 305, 315
 Ключевский В.Д. 188
 Климент, иерод. 217
 Колумб Х. 311, 324
 Комаровский 194
 Комаров С., протод. 307
 Кондаков, свящ. 129
 Кондратович, восп. б. пан. 170
 Константин Николаевич (Романов), в. кн. 235
 Константин Павлович (Романов), в. кн. 62, 330

Кончита (Контенсия) 113–116, 312
 Копылов, председатель уездного комитета 294
 Корнилов А.А. 234
 Корнилов В.А., адм. 191, 192
 Коробова, пом. 229
 Корсаковский П. 95, 325
 Костромитинов 306
 Котлеан, вождь колошей 81, 287
 Кох 68
 Кошелев И., ген. 32, 33
 Кошелев И. 3, 8
 Кохран, кап. 130, 131, 132
 Краббе, адм. 241
 Крамер В. 69
 Кронштадтский Иоанн, преп. 212
 Крупская А. 194
 Крузенштерн И.Ф. 6, 8, 13, 29, 33, 34, 70, 312, 325–327, 331
 Крылов И.А. 83
 Купер Ф. 177
 Купфер А.Я. 160
 Курций К. 160
 Кусков И.А. 54, 76, 112, 306, 326

Л

Лажечников И.И. 178
 Лазарев М., адм. 13, 70, 143, 152, 324
 Лангсдорф Г.И. 23, 115, 326
 Лебедев-Ласточкин, куп. 58
 Левандовский А.А. 163
 Лейтце Н., художник 237
 Леонид (Кавелин), архиеп. 188, 301, 335
 Лесовский С.С. 240, 326
 Леонтьев К. 215
 Линкольн А. 239
 Лисянский Ю.Ф. 6, 29, 30, 32, 60, 287, 312, 318, 325, 327
 Литке Ф.П. 139, 328
 Лондон Дж. 248
 Луначарский А.В. 296
 Лыхин Ю.П. 304
 Людовик XVI 39

М

- Макарий, еп. 289
Макарий, стар. 225
Макарий, иером. 225, 257
Мак-Кинли У., през. 272
Мак Мэхан Д. 304, 305
Максимов, восп. б. пан. 170
Максутов Д.П. 196, 238, 328
Мальцов С.И. 205, 206
Малинин Д.И. 291
Марков А.И. 125
Мартен С. 17
Матюшкин Ф.Ф. 79, 320, 328
Меньшов, землемер 295
Мигуэль, принц 25
Мик Т. 105
Миллер 96
Минин К. 82
Михайлова, пом. 229
Моисей (Путилов), игум.
Молво Г.Н. 71
Моннерот-дю-Мэн К.К. 52
Морган 276
Морозова Г.М. 52
Муромцев А.А. 160
Муравьев М.И. 92, 118, 119, 123, 329

Н

- Назарий, игум. 255
Назимов В.И. 185
Наплавков, штур. 41, 64
Наполеон I 7, 10, 33, 34, 42, 76, 78
Наполеон III 189
Нахимова М.М. 189
Нахимов П.С. 143, 190, 191, 314
Нейгардт Д.В. 305
Некрасов Н.А. 207
Нектарий, иерод. 255, 257, 330
Нектария, монахиня 297
Нектарий (Панов Ф.Д.), стар. 297, 298
Нельсон Г., адм. 10, 329
Никифор, иером. 268
Никсон, през. 281

- Николай I 128, 143, 146, 147, 152,
153, 164, 167, 169, 174, 179, 181, 187,
188, 197, 242, 314, 316, 330, 332
Николай, еп. 223, 317
Ницше Ф. 215
Новосильский Ф.М., адм. 190

О

- Оболенский А.В. 204
Оболенский Е.П. 198, 199, 204
Образцов Н.В. 294, 295, 330
Огарев Н. 234
Омельченко 177
Орлов А.Ф. 185
Осман-паша 190
Осоргин М.М. 304, 305, 330

П

- Пабло дель Сола 81
Павел I 6, 58, 87, 142, 316, 330
Панафидин Э.И. 14, 55, 68, 72, 313,
331
Петров Ю. 304
Перовская С. 220, 235
Песков В. 232, 233, 246, 280, 281, 284,
331
Пещуров А.А. 245, 264
Песталоцци И. 180
Петр I 5, 11, 36, 319
Петр Алеутский, св. мч. 109
Пикуль В. 274
Пимен, патр. 264
Плеве В.К. 167
Плеве К.Г. 166
Погодин М.П. 161
Погорельский 159
Подушкин Я. 55, 79
Покровский Р.П. 275
Полевой Н. 177
Полежаев А. 178
Поль де Кок 177
Половцев 159
Полтнев, восп. б. пан. 170
Пожарский Д. 82
Попов А.А., адм. 240
Попов, штур. 41, 64

Попов Е. 254
 Попов И.Е. (свт. Иннокентий) 259
 Прайс, адм. 195
 Прончищев В. 3, 8
 Прокофьев И. 143, 145
 Прянишников И.М. 193
 Пушкин А.С. 79, 142, 147, 149, 155,
 174, 177, 178, 328

Р

Рассказчикова А.Г. 67, 75, 262, 318
 Резанов Н.П. 6, 7, 28–30, 32–34,
 62, 70, 82, 112–115, 312, 325, 331
 Рейниш 193
 Рикорд П.И. 93, 133, 134, 323, 332
 Рихтер 166
 Робинзон 40
 Рождественский 159
 Рокефиль, лейтенант 78
 Романов К.Н., вел. кн. 235
 Ротшильды 234, 235
 Рузвельт Т., 273
 Рузвельт Ф., 274, 277
 Румянцев Н.П. 27, 93
 Руссо, ген. 246
 Рыбников А. 112
 Рылеев К.Ф. 143, 144, 150, 152, 324,
 332

С

Самнер У. 237
 Сандерсон И. 288
 Сарычев Г. 69
 Сафонов М. 141, 146
 Сафронов Ф.Г. 122, 124
 Свистунов П.Н. 198, 204
 Селифонтов, губ. 33
 Сениявин Д.Н., адм. 3, 8, 10, 55, 331
 Серафим Угличский, св. мч. 259
 Сергей (Яновский), схм. 290, 292,
 299, 300, 315, 335–337
 Серафима, схимонахиня 297
 Симеон, архим. 268
 Скарбек И. 243
 Скотт В. 177

Сокольников А. 129
 Скорбач П.Д. 302
 Смирнова-Россет А.О. 147, 153, 154,
 213
 Сперанский М.М. 85, 316
 Спиридоний, св. 34
 Сомов О.М. 143, 144
 Сталин И.В. 277
 Стекль (Стёкль) Э.А. 235, 236, 250, 333
 Стефан, монах 255, 257
 Супериор (Кончита), игуменья 116
 Сутгер Дж. (Зутгер И.А.) 242, 244,
 245, 333
 Сухотин 305
 Сьюарт (Стюарт) У. 236, 237
 Сьюарт (Стюарт) Ф. 237, 333

Т

Танега К. 29
 Тарновский, восп. б. пан. 170
 Терентьев 72
 Терновский П. 164
 Титова (Яновская) В.Е. 220, 221
 Титова В.Х. 223
 Тихменёв П.А. 78, 95, 103, 333
 Тихон Калужский, преп. 291, 292
 Тихон, свящ. 74
 Тихон, патр. 259
 Травесте И.И., маркиз 10
 Толстой А.К. 215
 Толстой Д.А. 268, 333
 Толстой Л.Н. 34, 215
 Толстой-Американец Ф. 29–34, 77
 Томсон В. 250, 251
 Тургенев И.С. 163

У

Уваров С.С. 163, 167
 Унковский Д.С. 223
 Унковский И.С., адм. 3, 8, 198, 333
 Унковский С.Я. 8, 70, 152–154, 174,
 181, 198, 199, 204, 264, 314, 333, 337
 Устрялов 159
 Ушаков Ф.Ф., адм. 10
 Ушинский В.Г. 121, 130, 133

Ф

Феодосий, митр. 258
Филарет, митр. 217, 224, 317
Фиш В. 282

Х

Хантер У. 237
Хвостов Н.А. 61, 323, 332, 334
Хлебников К.Т. 334
Храбрый В.А., кн. 291
Христофор (Яновский), схим. 290,
291, 293, 301, 335
Хутчинсон Х.М. 247

Ц

Цицерон 160
Циолковский К.Э. 311

Ч

Челюскин С. 3, 8
Чернов В. 306
Черных 306
Черчилль У. 278
Чириков А. 5
Чу Роберт 237

Ш

Шаламов В.Т. 269, 335
Шаламов Т.Н., свящ. 269, 271, 334
Шамаева Е.М. 167
Шамиль 172, 235
Шварц 179
Шевырев 159
Шелихов Г.И. 5, 6, 56, 57, 82, 254,
312, 320, 322, 335
Шишков А.С. 167
Шрейнберг Е.Е. 168
Штраух Ф.Я. 160
Шубин, матрос 40
Шумовский В.А. 199

Щ

Щепетов-Самгин П.С. 161, 203, 204
Щукин Ф.С. 203

Э

Эзоп 177
Эльфентон, адм. 134
Эйдельман Н.Я. 134

Ю

Ювеналий, иером. 255, 256, 335

Я

Языков Н. 178
Яновский А.Н. 222
Яновская А.С. (игум. Ангелина) 156,
229, 289, 290, 301, 336
Яновская (Титова) В.Е. 222
Яновская Елена С. 156, 229, 300
Яновская Елиз. С. 156, 229, 257,
258, 300
Яновская (Баранова) И.А. 52, 67,
104, 105, 106, 110, 127, 148, 157, 257,
313
Яновская М.Н. 222
Яновская М.С. 127–129, 137, 156,
229, 230, 301
Яновская (Семёнова) М.С. 156, 230
Яновский А.С. (схим. Христофор)
85, 156, 181, 188, 195, 257, 291, 300, 335
Яновский И.С. 156, 174, 175, 191–
195, 300, 314, 336
Яновский Н.Н. 222
Яновский Н.С. 15, 156, 174, 175, 195,
220, 221–222, 230, 290, 336
Яновский С.И. (схим. Сергий) 3, 7,
8, 11, 14, 15, 27, 35, 51, 64, 68, 73,
76, 78–80, 84–89, 91–95, 101–115,
119–130, 134, 136–141, 144–160,
163–167, 171, 174–176, 180–186,
191, 195, 200–202, 207–223,
228–230, 237, 242, 252, 257–264,
283, 287–303, 306–308, 313–315,
318, 322, 323, 329, 335, 336
Яновский С.Н. 222
Ярослав, кн. 291

СЛОВАРЬ СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В КНИГЕ

адм.	— адмирал
архим.	— архимандрит
архиеп.	— архиепископ
вмч.	— великомученик
в. кн.	— великий князь
восп. б. пан.	— воспитанник благородного пансиона
ген.	— генерал
губ.	— губернатор
еп.	— епископ
игум.	— игумен
иерод.	— иеродиакон
иером.	— иеромонах
имп.	— император
кап.	— капитан
кв. надз.	— кварталный надзиратель
кн.	— князь
комп.	— композитор
кор.	— король
мч.	— мученик
мар.	— маршал
митр.	— митрополит
патр.	— патриарх
пев.	— певица
прав.	— праведник
преп.	— преподобный
през.	— президент
пом.	— помещик (ца)
протод.	— протодьякон
св.	— святой
св. мч.	— святой мученик
свят.	— святитель
свящ.	— священник
стар.	— старец
схим.	— схимонах
шт. - кап.	— штабс-капитан
штур.	— штурман
чуд.	— чудотворец

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
От автора	5

Часть первая

ВОКРУГ СВЕТА ПОД ПАРУСОМ

Глава 1. На службе у Российско-Американской компании	10
Глава 2. От Кронштадта до Рио-де-Жанейро	16
Глава 3. Уроки первой российской кругосветки	27
Глава 4. Вдоль берегов Латинской Америки	35

Часть вторая

НА РУССКОЙ АЛЯСКЕ

Глава 1. Закат правления Александра Баранова	54
Глава 2. Кто станет новым правителем Аляски?	68
Глава 3. Американская невеста	74
Глава 4. Удачный компромисс капитана Гагемейстера	77
Глава 5. На посту правителя Русской Америки.	84
Глава 6. Главные охотники компании	96
Глава 7. Судьбоносная встреча на острове Кадьяк	102
Глава 8. Сердечная смута камергера Резанова	111

Часть третья

ТРУДНЫЙ ПУТЬ В РОССИЮ

Глава 1. Прощай, Америка!	118
Глава 2. Сквозь сибирские дебри	124
Глава 3. Незаконченная пешая кругосветка.	130

Часть четвёртая

ОБМАНЧИВЫЕ НАДЕЖДЫ ПЕТЕРБУРГА

Глава 1. Проект капитана Яновского	136
Глава 2. Американская мечта русских декабристов.	141
Глава 3. Забытое предупреждение	147

Часть пятая

КАЛУЖСКИЙ ДВОРЯНИН СЕМЁН ЯНОВСКИЙ

Глава 1. Помощь флотского друга.	152
Глава 2. Калужская гимназия	157
Глава 3. Беспкойная должность	163
Глава 4. Традиции благородного пансиона	167
Глава 5. Праздники и будни гимназии	172
Глава 6. Встреча с цесаревичем	179

Часть шестая**ПРОВЕРКА НА ПАТРИОТИЗМ**

<i>Глава 1.</i> Министерский аттестат и забытые заслуги	184
<i>Глава 2.</i> Боль и слава Севастополя	187
<i>Глава 3.</i> На восточных границах империи.	195
<i>Глава 4.</i> Время царских реформ	197
<i>Глава 5.</i> Особенный помещик	207

Часть седьмая**ПО МОЛИТВАМ СТАРЦА АНТОНИЯ**

<i>Глава 1.</i> Родственные души....	212
<i>Глава 2.</i> Наставления крестнику	215
<i>Глава 3.</i> Неизвестный автор известной книги.	221

Часть восьмая**ДУША И ЗОЛОТО**

<i>Глава 1.</i> Как продавали Русскую Америку	232
<i>Глава 2.</i> Самая неудачная сделка России	248

Часть девятая**ДОЛГОЕ ЭХО РУССКОЙ АМЕРИКИ**

<i>Глава 1.</i> Дело подвижников продолжается	254
<i>Глава 2.</i> Автор алеутской грамматики.	259
<i>Глава 3.</i> Православная миссия после 1867 года.	264
<i>Глава 4.</i> Аляска в годы Второй мировой войны.	273

Часть десятая**ОСТАЁТСЯ ТОЛЬКО ВЕРА**

<i>Глава 1.</i> После трёх «лихорадок»	280
<i>Глава 2.</i> Российско-тлинкитское замирение	286
<i>Глава 3.</i> Блаженный Сергей.	289
<i>Глава 4.</i> Времена безумия и беспамятства	293
<i>Глава 5.</i> Благочестивая семья	300
Послесловие.	307
Основные события, упомянутые в книге	312
Биографический словарь	316
Библиографический список	338
Вокабулярий	343
Указатель имён	351
Словарь сокращений, принятых в книге	357

Н а у ч н о е и з д а н и е

Юрий Васильевич Холопов

ЗЕМНЫЕ И ДУХОВНЫЕ ПУТИ КАПИТАНА ЯНОВСКОГО

Историческое документальное повествование

На обложке использована репродукция картины художника
В.Н. Латынцева «Пакетбот “Святой Павел” у берегов Аляски»

Редакторы *Т.С. Кирина, Н.В. Солнцева, Н.Г. Любомудрова*
Корректоры *Д.Я. Леонтьева, Н.В. Солнцева*
Верстка, дизайн *С.И. Захаров*

Подписано в печать 06.06.2016. Формат 70×90¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 22,5 печ. л. Тираж 1000 экз.

Государственное образовательное автономное учреждение
дополнительного профессионального образования Калужской области
«Калужский государственный институт развития образования»
248000, Калуга, ул. Гагарина, 1

Отпечатано ИП Стрельцов И.А.
г. Калуга, Грабцевское шоссе, 126
Лиц. ПЛД № 42-29 от 23.12.99